

АРЗАМАС

И

АРЗАМАСКИЕ ПРОТОКОЛЫ

ВВОДНАЯ СТАТЬЯ,
РЕДАКЦИЯ ПРОТОКОЛОВ
И ПРИМЕЧАНИЯ К НИМ
М. С. Боровковой-Майковой
ПРЕДИСЛОВИЕ Д. Благого

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
В ЛЕНИНГРАДЕ

№ 256

Отпечатано для Издательства писателей в Ленинграде 2-ой тип. «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига, Ленинград, Гатчинская, 26, в колич. 3.500 экз. 20³/₄ п. л. Заказ № 193. Ленгорлит № 34385. Рисунков перепл. и супер-обложки М. Курнарского. Формат бум. 82 × 110. Тип. зн. в 1 печ. л. 38.504. Бум. л. 5¹/₄. Сдано в набор 5/X 1932. Подписано к печати 25/VI 1933. Порядковый № 31. Ответственный редактор А. Горелов. Технический редактор Д. Бабкин.

1933

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИЦО АРЗАМАСА

Старые историки литературы расценивали литературную и общественную значимость знаменитого дружеского кружка пушкинской эпохи со странным и интригующим названием «Арзамас» прямо противоположным образом.

Одни полагали, что Арзамас сыграл очень важную роль не только в современном ему литературном движении («колыбель Пушкина» и т. п.), но и в развитии русской общественности (Анненков, Галахов, Якушкин). Другие, наоборот, отказывали Арзамасу в каком бы то ни было серьезном значении, видели в деятельности арзамасцев проявление затейливой шутки, пустого балагурства, невинных «проказ» нескльких беззаботных молодых баричей (Майков, Пыпин). С особенной резкостью эту вторую точку зрения выдвинул талантливый антагонист всей пушкинской эпохи вообще — Писарев, усматривавший в «игрушечных интересах разных Арзамасов» «возведенное в принцип и обставленное торжественными обрядами» «навязывание бумажки на Зюсюшкин хвост».

Уничтожающий приговор Писарева, надо признать, опирается на свидетельства некоторых из самих же арзамасцев (сюда относятся, прежде всего, известные «Записки» Вигеля), которые после разгрома декабристов всячески старались подчеркнуть полную политическую «невинность» Арзамаса, всеми способами отмежеваться от некоторых из его сочленов, «после прославивших себя (по словам того же Вигеля) преступными заблуждениями», т. е. оказавшихся в той или иной степени связанными с декабрьским «бунтом».

Однако никто из всех писавших об Арзамасе не задался всерьез вопросом о социальной природе последнего. А между тем только путем социологического анализа, путем выявления социального лица как арзамасцев, так и их противников, установки места и роли тех и других в классовой борьбе их времени, можно, наконец, прийти к правильному решению

вопроса об Арзамасе, к уяснению его исторического значения, его литературной и общественно-политической функции.

Публикуемые ныне протоколы не только позволяют нарисовать подлинную, не искаженную, не фальсифицированную «благонамеренными» мемуаристами историю Арзамаса, но и дают для такого социологического анализа почти исчерпывающий материал.

«Страшная война на Парнасе», ожесточенная борьба «шишковистов» и «карамзинистов», заполнившая первые два десятилетия XIX века, борьба, одним из наиболее красочных эпизодов которой и явилась деятельность Арзамаса, была литературным выражением двух социальных группировок, двух противоположных общественно-политических идеологий.

Адмирал Шишков и его приверженцы были идеологами «правительствующих» крупнопоместных, феодально-дворянских слоев — «вельможества». Положение этих слоев обладало по тому времени среди всей массы остального дворянства максимумом классовой устойчивости. Всякое развитие экономических форм и общественных отношений несло с собой перемены. Всякие перемены были для них нежелательны.

Карамзинисты, в большинстве своем, наоборот, были представителями среднего дворянства, непосредственно политическому управлению страной, зато более тесно связанного с «землей», с поместным хозяйством.

Все углубляющийся кризис «средневековья», барщинной системы, растущее в силу его дворянское оскудение, просачивание в старую крепостную толщу новых капиталистических элементов, новых буржуазных отношений, представителями этих слоев ощущались куда острее и болезненнее. Для них стоял вопрос не о сохранении своего настоящего, а об изменении его к лучшему, о том, чтобы примениться, приспособиться к новым требованиям, новым историческим условиям.

Борьба за «старый» и «новый» язык, «славенский», «высокий слог» и карамзинский, европеизированный «французский штиль» была одним из наиболее выпуклых проявлений общей борьбы двух идеологий — идеологии застоя, «средневековья», феодально-церковной идеологии, и «светской» идеологии европеизма, «просвещения», т. е. буржуазного движения, буржуазного развития. Это сознавали и обе борющиеся стороны. Под старым и новым слогом, поясняет Шишков, «разумеется язык духовных и светских книг. На что ж чуждаться нам первых из оных и стараться приводить его в забвение и пре-

зрение? Для того ли, чтоб ум и сердце каждого отвлечь от нравоучительных духовных книг, отвлечь от слова, от языка, от разума оных и привязать к одним светским писаниям?». «Неужели», спрашивал, в свою очередь один из карамзинистов, полемизируя с пресловутым шишковским «Рассуждением о старом и новом слоге российского языка», вышедшим в 1803 г. и открывшим борьбу за и против Карамзина, — «неужели сочинитель для удобнейшего восстановления старинного языка хочет возвратить нас и к обычаям, и к понятиям старинным?» Шишков нисколько не скрывал, что дело заключается именно в этом. Новый, «французский», язык влечет за собой и новые, «французские», идеи и «понятия»: «наклонность к безверию, к своевольству, к повсеместному гражданству, к новой и пагубной философии». Результатом всего этого было «тоlikое пролитие крови», т. е. Великая французская революция. Борьба за «старый слог» — борьба против европейского буржуазного развития и одного из самых «страшных» порождений последнего — революции.

Нам сейчас смешным покажется, что гнездо «французской заразы», исходе революции Шишков и его приверженцы готовы были видеть в Карамзине. Хорош революционер! Однако в то время наличие новых буржуазных элементов в литературной деятельности Карамзина ощущалось с такой резкостью, а вместе с тем феодальная идеология «шишковистов» отличалась такой густотой, что политический консерватор и крепостник, автор «Записки о древней и новой России», бывший однако идеологом европеизма и просвещения, совсем всерьез воспринимался ими не более, не менее, как... якобинцем. Один из наиболее деятельных сторонников Шишкова, сенатор Голеннищев-Кутузов, в арзамасских сатирах и пародиях фигурирующий под именем Картузова, обратился в 1810 г. к министру с доносом на Карамзина, доказывая, что сочинения последнего «исполнены вольнодумческого и якобинского яда» и посему все их «надобно сжечь».

Будучи тесно связаны с реакционными правительственными кругами, шишковисты находили себе естественный оплот в таких официальных местах, как «Российская Академия», как «Императорская Публичная Библиотека», «Императорская Академия Художеств».

Тем же целям пропаганды старого и борьбы с карамзинской «новизной» должно было служить и специально литературное общество «Беседа любителей русского слова», основан-

ное в 1811 г. Шишковым вместе с знаменитым поэтом Державиным, к тому времени тоже одним из наиболее ярких реакционеров Александровской эпохи.

Уже самый состав «Беседы» дает полное представление о ее социальном лице. Среди деятелей Беседы имеем двух митрополитов, четырех министров, многочисленных представителей титулованной знати, сановников. Сконструирована была Беседа по точному образцу высшего государственного учреждения того времени — Государственного Совета. Строгая официальность, иерархия, парадность были отличительными признаками Беседы, члены которой являлись на заседания в мундирах и при всех орденах.

Литературный кружок Арзамас, созданный карамзинистами в 1815 г. (раньше возникнуть он не мог в силу весьма благоприятствующих «беседчикам» резко противofранцузских настроений русского общества эпохи 12-го года), уже по самой своей конструкции явился полной и совершенно сознательно проведенной противоположностью литературному обществу шишковистов, своего рода «Анти-Беседой».

Линия антитезы, противопоставления шла по основной социальной меже, отделяющей «вельможество» от среднего дворянства. Подобно тому как Карамзин в своих художественных сочинениях сочувственно противопоставлял «знатым боярам», «роскошным людям» «братское общество провинциальных дворян», — состояние дворянства среднее «между изобилием и недостатком», «между знатностью и унижением», — «вельможной» Беседе противопоставляется «благородный», «благородный» Арзамас.

Та же разграничительная черта — в самом названии кружка. «Беседа» всячески выдвигала свою столичность, центральность, государственность. Арзамасцы, наоборот, желая подчеркнуть провинциальность, периферийность, сугубую «частность» своего дружеского литературного единения, называют его по имени мало кому ведомого «медвежьего угла», нижегородского уездного городишки (иногда Арзамас принимает в сознании его членов характерные очертания дворянского поместья: название В. Л. Пушкина «старостой», адресование им своих посланий «в нашу арзамасскую отчинау» и т. д.). Эту свою «провинциальность» они находят нужным снова и снова отмечать. Выпуская, в качестве «рукописи, полученной из Арзамаса», брошюру «О греческой антологии», авторы-арзамасцы, Блудов и Батюшков (брошюра подписана их

арзамасскими именами), не без иронии вопрошают: «Безделки двух беспечных провинциалов могут ли не оскорбить невольно утонченный вкус столицы?» Образцом Арзамасу, по словам памфлета Блудова «Видение в какой-то ограде», явилось мифическое «общество друзей литературы, забытых fortunately и живущих вдали от столицы».

В противовес сановникам в мундирах и орденах, государственным мужам Беседы, арзамасцы аттестуют себя «Обществом безвестных людей», «безвестных литераторов» (ср. позднейшее аналогичное заявление Пушкина в «Моей родословной» — «Я не и з в е с т н ы й стихотворец»).

Беседчики собираются в торжественных залах державинского дворца, арзамасцы постановляют «признавать Арзамасом всякое место, на коем будет находиться несколько членов налицо, какое бы оно ни было — чертог, хижина, колесница, салазки», и в своей практике, действительно, следуют этому: одно из их заседаний происходит в дорожной карете.

Члены Беседы рассматривают свою деятельность в качестве некоего важного государственного делания. Арзамасцы во главу угла ставят шутку, «галиматью», пародию.

Однако, как уже указывалось, противоположность Арзамаса и Беседы идет по линии более глубокой, чем только внутрисловное размежевание. В деятельности арзамасцев и беседчиков сталкиваются две крупнейшие социально-исторические идеологии. Идеологии «бороды» и «ветхих предрассудков», т. е. до-петровской феодальной Руси, «староверческой», «раскольничьей» идеологии Беседы Арзамас противопоставляет свою просветительную «французскую» идеологию. Это окрашивает в определенные тона самое содержание арзамасских шуток, арзамасской «галиматьи», сообщает ей совершенно отчетливую направленность.

Как мы видели, Шишков обвинял карамзинистов в том, что новый вводимый ими язык приводит вместе с собой новые «безбожные» идеи, конечным результатом чего является «пролитие крови» — революция. Деятельность Арзамаса словно бы является полным тому подтверждением.

Жестокие насмешки арзамасцев направлены не только на «старый слог», но и на его главный источник и воплощение — «священные», «духовные книги» — церковность. Большинство издевательских арзамасских речей, посвященных отпеванию «живых покойников» Беседы, по форме своей являются прямой и весьма характерной пародией библейских текстов,

молить, проповедей и т. п. Особенно колоритна в этом ряду написанная хотя и не арзамасцем, но непосредственно прилегающая к основному арзамасскому жанру, пародия Гнедича на символ веры: «Верую во единого Шишкова, отца и вседержителя языка славяно-варяжского» и т. д. С точки зрения церковной, пародия эта должна была представляться совершенно непозволительным кощунством. Не даром она не пропускалась царской цензурой и в настоящей книге публикуется впервые. Арзамасские антицерковные пародии начинали на русской почве литературную линию, которая наивысшее свое выражение нашла в пушкинской Гаврииаде.

Если Шишков противопоставлял «слово и разум» «духовных книг» «светской мудрости» — «благочестию» вольтеровского Кандида и «благонаравию парижских переулков», — арзамасцы опирались именно на энциклопедистов, на «добродетели, установленные Вольтером». Весьма показательно в этом отношении, что как раз то самое произведение, которое послужило непосредственным толчком к организации Арзамаса (упомянутый памфлет Блудова), прямо подсказано одним французским памфлетом XVIII века, направленным в защиту энциклопедистов.

Последовательным завершением ориентировки на Вольтера и энциклопедистов является тот полушутливый, но от этого не менее характерный, культ Великой французской революции, который был введен в ритуал заседаний Арзамаса. Про наличие этого культа сами арзамасцы по понятным причинам сочили за лучшее не упоминать: о всех сюда относящихся «обрядах» мы узнаем впервые только из ныне публикуемых протоколов.

Прежде всего арзамасцы по типу новой революционной эры завели шуточное новое летоисчисление своих протоколов, считая началом последнего то «зачагие Арзамаса», то «Липецкий погон» (Комедия кн. Шаховского «Липецкие Воды», направленная против Жуковского, вызвавшая резкое обострение полемики между шишковистами и карамзинистами, приведшее к организации Арзамаса). Обращались арзамасцы друг к другу со словом «граждане».

Но особенно любопытна та весьма видная и почетная роль, которая отводилась в арзамасском ритуале «красному колпаку». В «красный колпак» — «украшение якобинцев» (как прямо раскрывается значение этого и без того слишком ясного символа в одной из арзамасских речей) — облакался вся-

кий раз очередной председатель заседаний Арзамаса. В красном же колпаке выступал с традиционной речью новопринятый член. Наоборот, на голову всякого провинившегося арзамасца в виде наказания надевался белый колпак.

К такой же достаточно прозрачной символике относится один из шуточных обрядов, сделанных над В. Л. Пушкиным при принятии его в число «арзамасских гусей». У входа в комнату, где происходило заседание Арзамаса, В. Л. Пушкин должен был «низложить» стрелой из лука некое «безобразное чучело», «халдейского урода», на котором висел стих из Тредиаковского — «Чудище обло, озорно, стозебно и лайя». Мемуары здесь, как и везде, стараются затушевать подлинный смысл этого обряда, давая ему чисто литературную расшифровку: под видом чучела Пушкин якобы поражал «дурной вкус». Из протоколов мы узнаем, что чучело обозначало нечто более конкретное, а именно «бледный иссохший лик славенофила», т. е. главного недруга арзамасцев, адмирала Шишкова. Однако самым любопытным во всем этом является упомянутый стих из Тредиаковского (мемуарист предумышленно вовсе о нем умалчивает). Если мы вспомним, что стих этот был взят Радищевым в качестве эпиграфа к его знаменитому «Путешествию из Петербурга в Москву», дающего сжатую сатирическую характеристику всей феодально-крепостнической России, смысл аллегории безусловно выйдет за только литературные пределы. Здесь кстати указать, что о Радищеве в Арзамасе вообще не забывали. Среди материалов, предназначенных для предполагавшегося арзамасского журнала, намечалась специальная статья, ему посвященная.

Конечно, все эти факты ни в малейшей мере не свидетельствуют о какой бы то ни было прямой революционной настроенности членов Арзамаса (в нереволуционности, даже больше того — в контр-революционности, первоначального основного ядра арзамасцев мы впоследствии убедимся). Но в то же время все они составляют весьма характерное проявление дворянского либерализма, получившего столь широкое распространение во второй половине десятых годов прошлого века. И не даром Пушкин впоследствии для обозначения своего юношеского «вольномыслия» употребил образ именно арзамасского «красного колпака» (в послании к Филимонову 1828 г., соответствующие строки которого — «Но старый мой колпак изношен» и т. д., — в свете Арзамасских протоколов приобретают совершенно конкретный характер).

Либералами в той или иной степени были в это время все члены Арзамаса (исключением является среди них один Карамзин), но и он сознавал себя «в душе республиканцем». Однако либерализм первоначальных арзамасцев лишен какого бы то ни было твердого политического костяка, отличается неопределенным и расплывчатым прекраснородушным «вольнo-любием». Соответственно этому и в ранней деятельности Арзамаса мы не найдем никакой собственно политической направленности. Грозное «украшение якобинцев» красный колпак» и интерпретации арзамасцев умаляются до «скромного знака литературной свободы». Даже в позднейшем доносе правительству на арзамасцев автор должен был признать, что «Арзамасское общество не имело ни малейшей политической цели».

Характеризуя общественную роль Беседы и шишковистов, арзамасцы не идут дальше весьма абстрактных противопоставлений себя и «беседчиков», в качестве света и тьмы, противопоставлений, восходящих еще ко временам борьбы между «темными людьми» и гуманистами. Все основные удары беседчикам наносятся ими по чисто-литературной линии. Так, даже один из самых рьяных «либералистов» того времени, кн. Вяземский, посвящая свою речь Голенищеву-Кутузову, обвинявшему, как уже упоминалось, Карамзина в якобинстве, при характеристике Кутузова сосредоточивается на осмеянии его бездарных литературных работ, ограничиваясь в оценке его «общественного» лица отвлеченными, «гуманистическими» фразами вроде следующего осмысления придаваемой ему арзамасцами пародической фамилии «Картузов»: «На голове рыцаря помещается к а р т у з, приосененный каплуном. Продолговатый козырек скрывает от взоров его лучи солнца, которые ему не по глазам...» и т. д.

Между тем, как раз литературная роль шишковистов к тому времени была бесповоротно сыграна. Кроме Державина, деятельность которого была вся в прошлом, да Крылова, к басням которого сами арзамасцы относились с величайшим одобрением, среди членов Беседы не было ни одного сколько-нибудь выдающегося литературного имени. Борясь с ними как с литераторами-художниками, арзамасцы, в сущности, ломались в открытые двери: в литературном отношении беседчики, действительно, были в полном смысле этого слова «живыми покойниками».

Литературная никчемность противника не могла не сказываться

и на деятельности самих арзамасцев. Крайняя скудость тематики всего первого цикла арзамасских протоколов (с октября 1815 по февраль 1817 г.) нам, для которых бесконечно повторяющиеся и, надо сознаться, достаточно плоские острооты над «седым дедом» — Шишковым и «творцом холодных шуб» — Шаховским и т. п. — утратили всякую злободневность, особенно бросается в глаза. Видимо, ощущали ее сами арзамасцы. Стремясь как-то расширить этот круг, они начинают искать новых жертв для своего неудержимого балагурства, выбирая в качестве наиболее подходящей мишени самого старшего из своей среды (и по годам, и в литературном отношении), «старосту» Арзамаса — недалекого добряка Василия Львовича Пушкина. Забавные шутки над Пушкиным дают материал для ряда арзамасских собраний. Но и они через некоторое время естественно приедаются.

Между тем, со смертью Державина в 1816 году умерла и Беседа. У Арзамаса не стало его врагов, но не стало и того, что единственно, по сознанию самих же арзамасцев, осмысляло существование их собственного литературного кружка («Что с нами будет, если не станет Беседы?» вопрошал в своей речи В. А. Пушкин еще в период существования последней и прибавлял: «Пусть сычи останутся сычами. Мы вечно будем удивляться многоплодным их произведениям, вечно отпевать их, вечно забавляться их трагедиями, плакать и зевать от их комедий, любоваться нежностью их сатир и плоскостью их мадригалов. Вот чего я желаю и чего вы, любезнейшие товарищи, должны желать непрестанно для утешения и чести Арзамаса»). Падение Беседы должно было вызвать неминуемый кризис и в деятельности Арзамаса.

Мало того, литературное поражение шишковистов совсем не означало их социально-общественного крушения. Наоборот, в связи со все усиливающейся реакцией эпохи Священного Союза, носители феодально-дворянской идеологии, деятели типа Шишкова получили возможность выйти на широкое общественно-политическое поприще. И, действительно, сослав Сперанского, что знаменовало конец его буржуазной политики, переливавшей всеми цветами либеральной фразистости, Александр немедленно приблизил к себе Шишкова. В последующие годы влияние последнего всё возрастало. Через некоторое время он стал министром народного просвещения. Естественно, что косвенные формы воздействия на общественное мнение через литературу перестали слишком интересоваться его, раз что

он мог воздействовать на него непосредственно, рукой власти. Этим несомненно и объясняется в значительной мере то, что он довольно равнодушно отнесся к самоликвидации Беседы, не попытался сохранить ее во что бы то ни стало.

С литературных позиций центр борьбы двух социальных сил, двух идеологий переходил на позиции общественно-политические. Арзамасцы оказались перед дилеммой или самораспуститься за ненадобностью в виду уничтожения своего литературного врага, или, преследуя его на той новой почве, на которой он так успешно стал укрепляться, перейти к общественно-политической деятельности. Последнее решение нашло себе особенно энергичную поддержку со стороны ряда новых членов, вошедших в состав Арзамаса с самого конца 1816—1817 года.

На ряду с усилением правительственной реакции, стремившейся сдвинуть страну назад, в лоно Священного Союза и мракобесной мистики, нарастала активность носителей буржуазной идеологии — буржуазизирующихся слоев дворянства. Начинается возникновение «тайных обществ» (в 1814 г. республиканско-аристократический «Орден русских рыцарей», в 1816 — 1817 — «Союз Спасения»). Волна нарастающей дворянской революционности дохлестывает и до Арзамаса. Начиная с февраля 1817 г. в «Арзамасское общество безвестных людей» вступают друг за другом Н. И. Тургенев, один из главарей будущего «Союза Благоденствия» и, по словам М. Н. Покровского, «самая сильная голова» позднейшего Северного общества декабристов, один из виднейших деятелей «Ордена русских рыцарей» и «Союза Благоденствия», широко-популярный генерал М. Ф. Орлов; наконец, крупнейший идеолог Северного общества, автор известной конституции, Никита Муравьев. В лице старых арзамасцев и их только что поименованных новых товарищей сталкиваются лицом к лицу представители дворянского либерализма и дворянской революционности. История этого столкновения, возникшего вслед за тем раскола среди арзамасцев и гибели их дружеского кружка составляет одну из любопытнейших страниц во всей деятельности Арзамаса, — страницу, представляющую выдающийся интерес не только для истории литературы, но и для истории нашей общественности.

Уже упоминавшиеся нами «благонамеренные» мемуаристы, всеми силами пытавшиеся затушевать следы какой бы то ни было своей близости с деятелями будущего декабрьского движения, стремились изобразить вхождение в Арзамас Н. И.

Тургенева, Орлова и Никиты Муравьева как сознательный натиск «злоумышленных» сил, поставивших своей целью превратить «светоч просвещения» в «факел зажигательства», тайком (по выражению выше цитировавшегося правительственного доноса) «приготовить порох, который впоследствии вспыхнул от буйного пламени тайного общества» — словом, отвратить арзамасцев от «невинных» литературных забав, повернуть деятельность их на «запретные» политические пути.

На самом деле все это было совсем не так. Никакого «сознательного» сговора между Н. И. Тургеневым, Орловым и Муравьевым, повидимому, не было. Необходимость перехода от замкнуто-литературных «занятий» к некоей общественно-политической деятельности сознавалась, как об этом прямо свидетельствуют протоколы, и всеми без исключения старыми арзамасцами. И причина последовавшего раскола заключалась во все не в том, что старые арзамасцы не хотели переходить от литературы к политике, а в том, что политика политике рознь, политические же взгляды и намерения Блудова, Уварова, Жуковского, Вигеля и др. оказались в резком несоответствии с политическими тенденциями трех новых членов Арзамаса.

Мало того, несоответствие это обнаружилось значительно позднее. Из дошедших до нас и ныне публикуемых арзамасских протоколов (протоколы самых последних заседаний Арзамаса, к сожалению, не сохранились: надо думать, были уничтожены) видно, что по началу совместная деятельность старых и новых арзамасцев протекала в полном единодушии. «О, дивное влияние Арзамасской атмосферы!» восторженно восклицал один из старых арзамасцев, Северин, в ответ на вступительную речь Орлова, «ей все возможно: она соединяет всех и все». Со своей стороны, Н. И. Тургенев сперва, как это видно из записей его дневника, отнесшийся к арзамасцам с немалым скептицизмом, в дальнейшем, также стал находить вполне возможной общую с ними работу.

Первое же выступление Н. И. Тургенева на одном из заседаний Арзамаса вносит в теплично-литературную атмосферу последнюю свежую общественную струю. Свою вступительную речь он направляет не по традиционному адресу покойной Беседы (оратор оговаривается, что в силу своего долгого пребывания вне России, он «мало знает о сем сословии славенофилов»), а по адресу одного из ее «отпрысков» — «Императорской Публичной Библиотеки», на годовом заседании которой он присутствовал. Жалкая просветительная деятельность би-

блиотеки — «сего (по ироническому выражению оратора) храма щедрот монарших», которая не имеет читателей, но за то имеет один «щастливый дар» — «просить и просить покорнейше», вызывает со стороны Тургенева самую резкую оценку.

С особенным негодованием обрушивается он на «патриотические рассуждения» издателя «Сына Отечества», Н. И. Греча, составившего для библиотеки отчетное «так называемое обозрение так называемой литературы российской». Защита Гречем цензуры, в качестве установления, предоставляющего писателю возможность «благоразумной свободы», вызывает со стороны Тургенева гневную тираду по поводу либеральных фраз, прикрывающих сугубо реакционную суть: «Я невольно вспомнил о том, что не только у нас, но и во всей Европе приятными наименованиями стараются прикрывать наготу деспотизма и порока. Давно уже прямодушные люди не верят словам, сопровождаемым эпитетом благоразумия, а под благоразумным человеком разумеют эгоиста, под благоразумным поведением — тонкое, часто подлое поведение, под благоразумием цензуры — благоразумие полиции».

В шуточном, как всегда, протоколе «18-го ординарного» заседания Арзамаса, на котором Тургенев произнес свою речь, выступление его описывается следующим образом: «Лицо его пылало огнем геройства и голова, казалось нам, дымилась, как Везувий. Извержение черепа воспоследовало. Пролилась река лавы». И, действительно, таких «зажигательных» речей в Арзамасе доселе еще не звучало. Заседание по протоколу значится «ординарным», но выступление Тургенева сообщило ему явно «чрезвычайный» характер. Арзамасцами, как это явствует из того же протокола, речь Тургенева была встречена вполне сочувственно.

На следующем, 19-м заседании, среди арзамасцев появляется новый «славный» член, Рейн-Орлов. В своей вступительной речи, произнесенной им на 20-ом заседании, которое, как увидим, сыграло в истории Арзамаса весьма важную роль Орлов, как и Тургенев, сразу же выходит за узкий круг традиционной арзамасской тематики — поругание беседчиков. «Нет, любезные друзья, осмелюсь при первом шаге моем перейти пределы, нами установленные, и перо мое не ополчится клеветой против сочинений, коих не читал и читать не хочу и не смею». Не по себе ему и в рамках арзамасской «галиматии»: «Я сам чувствую, что слог шуточный неприличен наклонностям моим (при-

близительно то же заносит о себе в дневник и Николай Тургенев. — Д. Б.) и ежели я решился начертить сие нескладное произведение, это было единственно для того, чтобы не противиться законам, вами учрежденным». И, действительно, заключительный аккорд речи Орлова, посвященной ироническому обзору современных журналов, звучит непривычной для Арзамаса серьезностью. Орлов призывает арзамасцев «общим согласием определить нашему обществу цель, достойнейшую ваших дарований и теплой любви к стране русской. Тогда-то Рейн («конспиративное» арзамасское имя Орлова. — Д. Б.), прямо обновленный, потечет в свободных берегах Арзамаса, гордясь нести из края в край, из рода в род не легкие увеселительные лодки, но суда, наполненные обильными плодами мудрости вашей и изделиями нравственной искусственности. Тогда-то просияет между ними луч отечественности и начнется для Арзамаса славный век, где истинное свободомыслие могущественной рукой закинет туманный кризис предрассудков за пределы Европы». Представляющая по форме довольно неуклюжую стилизацию под обычный «галиматийный» арзамасский тон (сам оратор признавал это, оправдываясь тем, что рука его «обыкла» владеть «не легким орудием Аполлона», а «тяжким булатным мечом брани»), по сути заключительная часть речи Орлова является прямым призывом к арзамасцам избрать себе «достойнейшую цель» — вывести Арзамас из замкнутого узко-литературного кружка на широкое поле общественно-политической деятельности. Именно так и была воспринята речь Орлова всеми арзамасцами.

Результатом ее было предложение о создании Арзамасом своего литературно-политического органа — издании журнала.

Об эпизоде с журналом до сих пор было известно со слов Вигеля. Мысль о журнале Вигель вкладывает в уста Орлову. Предложение о журнале встретило, якобы, решительный отпор у: старого, «основного» ядра арзамасцев, нашедший свое выражение в речи Блудова, «заранее предупрежденного» о «дурных замыслах» Орлова. С этого вечера среди арзамасцев «заметен стал совершенный раскол: неистощимая веселость скоро присучила тем, у коих голова полна была великих замыслов (ироническая шпилька по адресу декабристов! — Д. Б.), тем же, кои шутя хотели заниматься литературой, странно показалось вдруг перейти от нее к чисто-политическим вопросам» и т. д.

Публикуемые протоколы доказывают крайнюю тенденциозность рассказа Вигеля совершенно извратившего действитель-

ный характер происшедшего. На самом деле Орлов в своей речи ограничился только отрицательной оценкой существующих журналов. Автором предложения об издании арзамасцами своего органа является Александр Иванович Тургенев; высказано же оно никем иным, как самим Блудовым (Блудов написал и произнес от имени А. И. Тургенева речь о журнале, однако, судя по подписи под протоколом — Тургенева: «С подлинным верно» и Блудова: «Согласен с мнением, но прибавляя к оному сомнение» — в основу этой речи легли положения, выдвинутые именно А. И. Тургеневым, который лично на заседаниях Арзамаса за все время его существования почему-то стеснялся выступать). Только после речи Блудова — А. И. Тургенева Орлов начал с своей стороны развивать план издания (см. стихотворный протокол 20-го заседания, писанный Жуковским). Мысль о журнале встречена была арзамасцами с величайшим увлечением. Об этом свидетельствуют и только что упомянутый протокол Жуковского, и подписи под предложением об издании журнала. Свое безусловное согласие с «сонным мнением Эоловой арфы» — арзамасское прозвище Тургенева — подписали (за исключением Блудова, сопроводившего, как мы видели, свое согласие оговоркой) все присутствовавшие на заседании члены. Дал свою подпись и отсутствовавший Вигель!

Никакого раскола после «исторического» 20-го заседания среди арзамасцев также не произошло. Правда, с этого времени руководство кружком явно переходит от старых арзамасцев к Орлову и Н. И. Тургеневу. (Собрания начинают происходить не у Блудова, как это было до сих пор, а на квартире Орлова. Орловым составляется устав Арзамаса, им же и Николаем Тургеневым зачитываются программы будущих статей.) Приобретают заседания арзамасцев и менее шуточный характер. «В доме важного Рейна был Арзамас не на шутку», — записывает в одном из протоколов Жуковский. Тем не менее ряд последующих собраний (всего их было еще одиннадцать, на большинстве из них присутствовал и Блудов), посвященных детальному обсуждению программы журнала и выработке «законов», т. е. устава Арзамаса, отличается особенным оживлением и многолюдством.

Никаких возражений не вызывало со стороны арзамасцев и наличие в их будущем журнале социально-политического отдела. Больше того, во всех речах, произносившихся старыми арзамасцами в связи с предполагаемым изданием журнала, поли-

тический отдел не только признается необходимой составной частью последнего, но и прямо ставится во главу угла. Так, в первой же речи о журнале А. И. Тургенева — Блудова читаем: «Да будет он грозой гордого невежества, благодетелем скромного незнания; да будет посредником между Европой и Россией, то повествуя о новых успехах гражданственности, о творениях и открытиях искусства и ума, то представляя в верных, ясных картинах состояние нашей славной отчизны в отношениях физическом и нравственном, то очищая, определяя вкус и язык советом, рассмотрением, примером». Особенно характерно, что «очищение вкуса и языка» — основная цель деятельности Арзамаса первого периода — в набросанной здесь программе стоит на самом последнем месте. Это определяет всю значительность сдвига, намечавшегося в дальнейшей жизни кружка. В речи, произнесенной кн. Вяземским, также первое место в журнале отводится «политике, зажимающей рот цензуре». Равным образом общественно-политические задачи всё время выдвигаются на первый план и в упомянутых «Законах Арзамасского Общества», одобренных всеми наличными членами Арзамаса. («Взяв рукописное оных законов святилище, то-есть тетрадку... Рейн прочел их внятно, понятно, приманчивым гласом. Смирно слушали члены, дослушав, во всем согласился», записывает в протоколе Жуковский. Действительно, под законами стоят скрепляющие подписи четырнадцати арзамасцев: обычно под протоколами и другими документами Арзамаса имеется не больше 9—11 имен).

И всё же сомнение, выраженное в связи с проектом издания журнала Кассандрой-Блудовым, оказалось воистину «пророческим». Издание не только не состоялось, но и само «Арзамасское Общество» с начала 1818 года прекратило свое существование. В виду пропажи или сознательного уничтожения протоколов арзамасских заседаний начиная с 18 сентября 1817 г. мы лишены возможности обрисовать последние месяцы жизни кружка, равно как документально установить поводы, вызвавшие его распад и конечную гибель. (Отъезд в это время некоторых арзамасцев из Петербурга, конечно, был только внешним поводом, а не настоящей причиной распада кружка.) Однако причина преждевременного конца Арзамаса и без того достаточно ясна.

В одной из записей своего дневника Н. И. Тургенев рассказывает о заседании Арзамаса, на котором присутствовавшие «отклонились от литературы и начали говорить о политике

внутренней»: «Все согласны в необходимости уничтожить рабство», отмечает Тургенев.

В другом месте дневника Тургенев сопровождает, однако, аналогичную запись о согласии с ним старых арзамасцев — Карамзина, Блудова — следующей замечательной оговоркой: «Они говорят, что любят то же, что и я люблю» (речь шла о «положении России» и всё о той же «необходимости уничтожить рабство». — Д. Б.), но я этой любви не верю. Что Любишь, тою и желать надобно. Они же желают цели, но не желают средств. Всё отлагают — на время... Есть ли теперь удобный случай для произведения чего-нибудь в действо? — Есть.

«... Итак, из сего следует, что надобно делать — «держайте убо, держайте, люди божи»...»

В этих словах Тургенева глубоко вскрыта вся разница между первоначальным ядром Арзамаса и новыми его членами. Решительно все арзамасцы сходились на отталкивании от феодальной «словенско»-«турецкой» идеологии Шишкова и беседчиков, на признании необходимости и плодотворности «европейского» — буржуазного развития. Но по вопросу о темпах этого развития между «старыми» и «новыми» арзамасцами возникало существеннейшее разногласие. Одни, «желая цели, не боялись «средств» — знали о неизбежности более или менее коренной ломки существующего строя и «держали» на это. Другие «всё отлагали на время» — страшились каких бы то ни было резких перемен. Одни — хотели они того или не хотели — объективно становились на путь революционного «действия», другие при всей своей «вольнлюбивой» настроенности (вспомним карамзинский «республиканизм в душе») попадали в лагерь контр-революции.

Раскол арзамасского литературного содружества явился предварением других куда более значительных расхождений, раскидавших бывших арзамасских друзей по двум прямо противоположным полюсам русской общественности. Орлов, Тургенев, Муравьев пошли в тайные общества, в революционное движение декабристов. Лидер «старого» Арзамаса, Уваров, сделался одним из «столпов» николаевской реакции. Другой староарзамасец, Блудов, в 1826 г. был составителем «донесения Следственной Комиссии» по делу декабристов, приговорившей к смертной казни двух его товарищей по Арзамасу, Николая Тургенева и Никиту Муравьева.

Д. Благой

ВВОДНАЯ СТАТЬЯ К ПРОТОКОЛАМ АРЗАМАСА

Публикация Арзамасских протоколов впервые вводит в научно-исследовательский оборот основной документальный материал по истории одной из интереснейших общественно-литературных организаций начала XIX столетия, объединявшей в своих рядах всю передовую фалангу русской литературы (Батюшков, Жуковский, Пушкин, Вяземский, Д. Давыдов и др.) с деятелями будущих тайных организаций декабристов (Николай Тургенев, Михаил Орлов, Никита Муравьев). Весь этот фонд первоисточников, собранных П. А. Вяземским, представляет собою большую переплетенную тетрадь (на 123 листах) и включает в себе двадцать пять протоколов Арзамаса, из которых семь писаны Д. Н. Блудовым, а остальные — В. А. Жуковским (среди последних четыре — гексаметром), и речи, писанные членами Арзамаса, иногда переписанные набело, в большинстве случаев — черновики с поправками. Всего тридцать четыре речи, произнесенные двенадцатью членами Арзамаса.

Кроме речей и протоколов в тетради имеются «выборные листки», письма, стихи и другие материалы, связанные с деятельностью кружка за время с 1815 по 1817 год.

Печатая текст Арзамасских протоколов полностью, мы присоединили к ним из недостающих в собрании П. А. Вяземского материалов наиболее существенные документы об Арзамасе, сохранившиеся в бумагах Д. Н. Блудова и В. А. Жуковского (рукописные отделения Пушкинского дома и Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде). Точные данные о местонахождении всех печатаемых документов, равно как и необходимые справки об упоминаемых в них лицах, произведениях и событиях общественно-литературной жизни XVIII—XIX в., сосредоточены в примечаниях и в вводной статье к настоящему изданию.

Арзамасское Общество Безвестных Людей давно и неоднократно привлекало к себе внимание историков русской литературы.

Сжатая сводка немногих известных до нашей публикации материалов об этой своеобразной общественно-литературной организации дана в работе Е. А. Сидорова «Литературное Общество Арзамас»¹. Не останавливаясь на освещенных в этой монографии этапах борьбы основных литературно-политических группировок начала XIX столетия, повторим лишь вкратце то, что неоднократно отмечалось исследователями об условиях возникновения Арзамаса.

Российская Академия, еще не соединенная с Академией Наук, имела своим президентом адмирала А. С. Шишкова, реакционного крепостника (крайне отрицательно относившегося ко всему, что, с его точки зрения, являлось в литературе не национальным, не патриотическим) и членами — С. А. Ширинского-Шихматова, с жаром доказывавшего грех переводов нехристианских авторов, Д. И. Хвостова, стяжавшего себе славу бездарного графомана, и целый ряд лиц, имена которых как-то ушли от потомства.

С 1811 года вырастает общество, являющееся как бы неофициальным филиалом Академии — Беседа Любителей Русского Слова. Беседа была образована по образцу Государственного Совета, делилась на четыре разряда с председателем и пятью членами в каждом. Председателями разрядов являлись: А. С. Шишков, Г. Р. Державин, А. С. Хвостов, И. С. Захаров. К Беседе примыкал целый ряд сотрудников. Заседания, происходившие в доме Державина на Фонтанке, обставлялись очень торжественно: публика являлась в мундирах и бальных платьях. Посетители впускались по билетам. В особенных случаях бывала музыка (хоры для Беседы сочинял Бортиянский). Таким образом была основана Беседа Любителей Русского Слова, по выражению Л. Н. Майкова «главный штаб литературного староверства». В 1811 году Беседа начала издание своих тру-

¹ „Журн. Мин. нар. проsv. 1901, кн. VI и VII. Материалы и статьи, дополняющие работу Е. А. Сидорова, отмечены в книге Н. К. Пиксанова «Два века русской литературы», изд. 2-е переработанное. Гиз. М. 1924, сто. 65—66.

дов «Чтения в Беседе Любителей Русского Слова» и выпустила девятнадцать книжек.

Среди лиц, участвовавших в литературных вечерах, предшествовавших образованию Беседы, находился и Н. И. Гнедич, у которого при основании Беседы произошло столкновение с Г. Р. Державиным, вследствие чего он и не вошел в новую общественно-литературную организацию. Очевидно, отношения Гнедича к последней очень обострились, так как им был написан народнический «Символ веры», печатаемый здесь впервые, который, вероятно, ходил по рукам и, конечно, не мог нравиться осмеянным вдохновителям Беседы.

«Символ» написан рукою Н. И. Гнедича на отдельном листке синей бумаги и входит в число бумаг, принадлежащих Государственной Публичной Библиотеке. Этот «Символ» был набран (но не допущен цензурой к печатанию) в статье П. Н. Тиханова: «Николай Иванович Гнедич. Несколько данных для его биографии по неизданным источникам, СПб. 1884».

СИМВОЛ ВЕРЫ В БЕСЕДЕ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ СОТРУДНИКОВ

Верую во единого Шишкова, отца и вседержителя языка Славеноваряжского, творца своих видимых и невидимых сочинений. И во единого господина Шихматова, сына его едиnorodного, иже от Шишкова рожденного прежде всех, от галиматъи галиматъя, от чепухи чепуха, рожденная, несотворенная, единосушная, еуже вся пишется; нас ради грешных писателей и нашего ради погубления выпшедшего из морского корпуса мичманом; распятого же зане при мучителе Каченовском и страдавшего, и погребена с писаниями. И восшедшего в Беседу и седшего одесную отца Шишкова и грядущего со славою судити живых и мертвых писателей; иже с отцем Беседою покланяема и славима глаголанного пророком Василием Тредиаковским. Во единую, соборную вельможную Беседу. Исповедую едино отрицание от Карамзина во оставление грехов и галицизмов. Чаю воскресения моих мертвых стихов и погибели в будущей жизни всем растлителям языка, не поклоняющимся отцу Шишкову и едиnorodному сыну его Шихматову. Аминь.

Вся сия заповедати детищу поне трижды неотрочно на пощеденство прочитати чинно, не мяти, ниже смешивати часть с частию: но разделяти совершенными отдохновениями в

Символе член от иного члена. И везде во всем писании точками совершенными разум распределенны разделяти.

Перед самым открытием официальных заседаний Беседы (в 1810 году) Д. В. Дашков написал критическую статью¹ на примечания, которые были сделаны Шишковым к переводу двух статей Лагарпа. Несмотря на объективный тон критики Дашкова, Шишков, выражаясь языком того времени, «отвечал личностями» и напал по пути на В. А. Пушкина, упрекая последнего в том, что «благодравию» учился он якобы «в парижских переулках». В. А. Пушкин ответил брошюрою, написанною уже в резком тоне. Раздражены должны были быть представители старой школы и «Опасным Соседом»² В. А. Пушкина — его злым и ироническим стихом («Прямой талант везде защитников найдет»), направленным против Шаховского и Шихматова и бесконечно повторявшимся в московских литературных кругах.

Д. В. Дашков отвечал Шишкову статьею: «О легчайшем способе возражать на критики», после которой и разгорелась «война» между шишковистами и карамзинистами.

В 1812 году появились «Расхищенные шубы» А. А. Шаховского, где автор насмеялся над карамзинистами, на что К. Н. Батюшков ответил «Певцом в Беседе славянороссов».

Через несколько лет тот же Батюшков в письме к Н. И. Гнедичу от 28 октября 1816 года характеризовал представителей старой школы так: «Они (Шишков с партией) влюблены были в Дульдинею, которая никогда не существовала. Варвары, они исказили язык наш славянщиною. Нет, я никогда не имел такой ненависти к этому мандаринскому, рабскому, татарско-славянскому языку, как теперь».

К 1815 году полемика между карамзинистами и последователями старой школы дала целый ряд стихотворных посланий: В. А. Пушкина к Вяземскому, Вяземского, предлагавшего в «дружеском кругу своем»... «поговорить и посмеяться», и, наконец, Жуковского послание «К Вяземскому и В. А. Пушкину», где он советует поэту быть дальше от толпы судей, чтобы не испытать судьбы Озерова (намек на Шаховского, интригам

¹ «Цветник» № 11 и 12.

² «Опасный Сосед» был налитографирован в Мюнхене в 1815 г.; в печати же появился впервые в Лейпциге в 1855 г. Здесь напечатан как прибавление (корректирный лист) к «Сочинениям В. А. Пушкина» С.-Пб. 1893.

которого приписывали сумасшествие, а затем и смерть Озерова). Как известно, кн. А. А. Шаховским, деятельнейшим членом «Беседы», еще в 1805 году был написан «Новый Стерн», где осмеивался Карамзин, а в 1815 году он же выступил с комедией «Липецкие Воды или Урок кокеткам», которая была направлена против Жуковского и имела большой успех на сцене.

Ф. Ф. Вигель описывает первое представление «Липецких Вод»: «Нас сидело шестеро в третьем ряду кресел: Дашков, Тургенев (А. И.), Блудов, Жуковский, Жихарев и я... Лукавый дернул его (Шаховского) ни к селу, ни к городу вклеить в нее одно действующее лицо, которое все дело перепортило. В поэте Фиалкине, жалком вздыхателе, всеми пренебрегаемом, перед всеми согнутом, хотел он представить благородную скромность Жуковского; и дабы никто не обманулся насчет его намерения, Фиалкин твердит о своих балладах и произносит несколько известных стихов прозванного нами в шутку балладника... Можно вообразить себе положение бедного Жуковского, на которого обратилось несколько нескромных взоров. Можно себе представить удивление и гнев друзей».

В тот же вечер после спектакля Шаховской был увенчан венком, который надела на автора жена петербургского губернатора Бакунина, сестра П. И. Голенищева-Кутузова, одного из наиболее страстных врагов Карамзина. И на «Липецкие Воды» и на это венчание последовали литературные ответы друзей Жуковского: «Письмо к новейшему Аристофану», написанное Д. В. Дашковым и тогда же помещенное в «Сыне Отечества», и его же кантата,¹ которую он начинает с упоминания о венчании венком Шаховского, и в которой указывает на отношение последнего к новой московской школе:

... Он злой Карамзина гонитель,
Гроза баллад,
В Беседе добрый усыпитель,
Хвостову брат,
И враг талантов записной.
Хвала тебе, о, Шаховской.

Обе вещи наделали шума в литературных кругах. Вяземский выступил с «Письмом к Липецких Вод» и с «поэтическим венком Шутовскому», и наконец Д. Н. Блудовым было написано «Видение в какой-то огаде», что послужило внешним

¹ Напечатана в «Летописи русского театра» П. Н. Арапова и в статье Е. А. Сидорова «Литературное общество Арзамас».

поводом к основанию Арзамаса. В этом «Видении», написанном в подражание старой школе славянским языком, действующим лицом является Шаховской.

Проездом в Оренбургскую губ. Блудов остановился в г. Арзамасе Нижегородской губ., и ему показалось, что собравшиеся на постоялом дворе, где он останавливался, какие-то «безвестные люди», арзамасские жители, сидя за столом толковали о литературе. Это навело его на мысль свой памфлет на Шаховского облечь в форму «Видения», представлявшего собой отчасти подражание сочинению аббата Morellet: *Préface de la comédie des philosophes, ou la vision de Charles Palissot (1760)*.¹

Собравшиеся потолковать в глухой провинции о литературных новостях наблюдают через дыру в перегородке тучного проезжего, который во сне несколько раз что-то произносит. Это записывается провинциальными любителями литературы. Таким образом появилось «Видение». Прямым ответом Шаховскому на его «Липецкие Воды» и отношение к Жуковскому были слова, произносимые «тучным проезжим»: «омочи перо твоё в желчь твою и возненавидь кроющего юношу, дерзнувшего оскорбить тебя талантами и успехами; и разъярись на него бесплодною яростью, и лягни в него десною рукою твоею и твоею грязью природной обрызгай его и друзей его; и представь не то, что в нем есть, но чего ты желал бы ему; и, чтоб он казался глупцом, ты вложи в него ум свой, и стихи его да завянут в руках твоих как цветы от курения смрадного, и заснет он спокойно под гулом ругательств твоих».

В Москве «Видение» было принято восторженно. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу благодарил его за присылку «Видения», просил присылать все, что будет выходить в Арзамасе, и сообщал желание В. А. Пушкина «сразиться с нечестивцами». «Видение», писал Вяземский, «писано мастерски. Зачем не печатаете вы «Видения»? Если нельзя в Питере, то не хотите ли мне поручить?»

Как увидим дальше, «Липецкие Воды» и «Видение» сделались отправными пунктами критически-насмешливого тона Арзамасского Общества, которое каждый протокол своих заседаний

¹ М. А. Дмитриев, в «Мелочи из запаса моей памяти», рассказывает несколько иначе о происхождении названия «Арзамас». «Воспитаник Петербургской Академии Художеств живописец Ступин переехал в Арзамас, где основал школу живописи. Члены будущего Арзамасского Общества из Безвестных Людей называли ее Арзамасской Академией и в подражание учредили в Петербурге Арзамасское Общество.

начинало словами: «От Липецкого потопа в лето... от Видения в месяц...»

Уже с первых протоколов, с первых дошедших до нас предложений основой Арзамасское Общество видно его направление: протест против Академии и Беседы, как учреждений реакционных, резкая критика общественно-литературной работы членов Академии и Беседы, желание придать Арзамасскому Обществу вид свободных собраний, которые могли бы явиться противоположностью важным и торжественным собраниям Беседы. Вместо Уварова Дашков сочиняет: «Формулу торжественного обещания», которую члены должны произносить при своем вступлении в Арзамас. По этой формуле произносящий клятву говорит: «если же нарушу сие добровольное торжественное обещание... да буду проклят от всех благомыслящих арзамасцев... да буду членом Российской Академии и членом-сотрудником Беседы Любителей Русского Слова». Отношение с первых слов арзамасцев к обоим учреждениям вполне определенное. В предварительном заседании, состоявшемся 14 октября 1815 года у С. С. Уварова, он сам читал речь (к сожалению, не сохранившуюся), в которой, очевидно, и высказывалась мысль о создании Арзамасского Общества. Позже в ответной своей речи Кавелину Уваров вспоминал «тот незабвенный вечер, когда, приосенив голову скромным знаком литературной Свободы, я смелым голосом созывал вас, братья и друзья, и вещал вам: «воскресни Арзамас и вкус».

Вероятно, как символ направления, которое должно было принять Арзамасское Общество, в ритуал его введен был «красный колпак», служивший отличием председательствующего (или президента), избираемого на одно только заседание. Под красным колпаком вступающий член (он же оратор) произносил торжественную клятву. И наоборот, по одному из предварительных постановлений Арзамаса, провинившийся член сидел в белом колпаке.

Все члены Арзамаса принимали имена, заимствованные из баллад Жуковского, при чем каждому давался титул «превосходительства». Друг к другу арзамасцы официально обращались со словами: «граждане» и «согражданин».

Уже среди предварительных постановлений находится предложение «читать похвальную речь халдею из Академии или Беседы».

Пункт 9-й говорит, что по примеру всех других обществ нововступающий член должен был читать похвальную речь

своему предшественнику,¹ но так как члены Арзамаса бессмертны, то за неимением собственных готовых покойников и в доказательство того, что ненависть арзамасцев не простирается за пределы гроба, предлагается брать напракат покойников из Академии и Беседы и воздавать им хвалу не дожидаясь потомства. Таким образом, каждый нововступающий член читал «отходную» и очередной президент ему отвечал, хваля и избранного покойника и оратора.

На одном из первых же заседаний вырабатывается проект печати — гусь — символ Арзамаса, так как город Арзамас Нижегородской губ. славился гусями, и на этом же заседании изобретаются юмористические постановления карательных мер, налагающиеся на провинившихся членов, опаздывающих или пропускающих заседания.

Президент, или председатель, избирался по жребию на каждое заседание. По жребию же каждый должен был, вступая в общество, принимать присягу и произносить установленную речь, — отпевать покойника из «халдеев»; так, все члены, и те, которые были на предварительном совещании у Уварова 14 октября 1815 года и являлись как бы организаторами, вступали в Арзамас как и новые, и каждый из них по жребию говорил речь и по жребию председательствовал.

Бессменным секретарем назначался В. А. Жуковский, которому принадлежит большая часть протоколов.

Протоколы Арзамасского Общества обнимают время от 14 октября 1815 года до августа месяца включительно 1817 года; при чем из двадцати пяти протоколов восемнадцать писаны бессменным секретарем Светланой (Жуковским) и только семь — временным секретарем Кассандрой (Д. Н. Блудовым).² Одно из постановлений — собираться еженедельно — выполняется только первое время в течение 1815 года; с 1816 года заседания устраиваются приблизительно раз в месяц. Не сохранилось или не было протоколов, относящихся к одиннадцатому, двенадцатому и тринадцатому заседаниям, и после протокола о десятом ординарном заседании, вызванном яжелбицкими стихами В. Л. Пушкина, сразу идет протокол, говорящий о четырнадцатом заседании; или под одиннадцатым,

¹ Обычай, существующий до ныне во Французской Академии Наук.

² Следует отметить, что протоколы арзамасских заседаний не оставались погребенными в секретариате, а имели распространение; так, напр., писанный Блудовым дошел до нас в двух экземплярах: один сохранился в бумагах Вяземского, другой в архиве Жуковского.

двенадцатым и тринадцатым заседаниями следует считать экстраординарные заседания: 1) 9 декабря 1815 года, на котором был избран А. Ф. Восйков (Дымная Печурка), 2) заседание, о котором протокола нет, но которое, несомненно, было посвящено чествованию арзамасцами Карамзина и которое могло быть между концом января и концом марта 1816 года, когда Карамзин в сопровождении П. А. Вяземского и В. Л. Пушкина приезжал в Петербург; 3) заседание 20 апреля 1816 года под председательством Ивикова Журавля (Вигеля), при секретаре Кассандре (Блудове), когда читались яжелбицкие рифмы Вас. Льв. Пушкина.

Между четырнадцатым и пятнадцатым заседаниями протекает три месяца (с 10 августа по 11 ноября), при чем Жуковского нет ни на заседании 10 августа, ни на заседании 11 ноября. В 1817 году заседания собираются однажды в месяц; в июне, очевидно, было два заседания, но ни числа, ни счета июньским заседаниям не указано. Последний протокол относится к августу 1817 года, при чем Жуковский говорит, что это двадцать второе собрание, по счету же протоколов всех собраний с чрезвычайными состоялось двадцать пять.

Тон протоколов, писанных и Жуковским и Блудовым, как и вся внешняя организация Арзамаса, носит на себе печать шутки: и эмблема — гусь — печать Арзамаса, проект предложенный Уваровым и принятый арзамасцами, и имена из баллад, даваемые членам, и титул превосходительства, и формы зысканий, налагаемых на провинившихся членов, и выражения, которыми пестрят протоколы обоих секретарей, и аллегорический гроб — стеклянная чернильница — для погребения халдеев, — показывают тенденцию не только чувствовать себя свободно, но определенно противопоставить самую форму заседаний тем, что собирались в Беседе. На одном из первых же заседаний берется девизом стих «покойного арзамасца» Грессе: «Les sots sont ici bas roug nos menus plaisirs».

Название славянскими именами месяцев¹ в начале каждого протокола было злой и остроумной пародией на увлечение славянофильством Шишкова и его последователей. В то время, когда Беседа Любителей Русского Слова была официальным учреждением и входила в «Месяцеслов, с росписью чиновных

¹ Просинец — январь; Лютый и Сечень — февраль; Вресень и Сухой — март; Березовол — апрель; Травень — май; Изок — июнь; Червень — июль; Серпень и Зарев — август; Вжесень и Зорев — сентябрь; Паздерник — октябрь; Листопад и Грудень — ноябрь; Студень — декабрь.

особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1814 г. СПб», Арзамас являлся свободным собранием, частным объединением прогрессивных литераторов и общественных деятелей.

Из разбора речей, приносимых в Арзамасе и относящихся к покойникам — халдеям, видно, что арзамасцы, подготавливая свои выступления, внимательно знакомились с работами академиков и беседчиков и, облекая внешне в форму шутки свои критические замечания, очень больно уязвляли своих литературных противников.

Не уклоняясь от основной своей задачи бить халдеев при всяком удобном случае и чем ни попало, Арзамас уже 11 ноября 1815 года принимает предложение Жуковского о том, чтобы «по отпетии... покойников, не сидеть самим во время собрания покойниками». Жуковский дает мысль «читать друг другу стишки, царапать друг друга критическими колкостями». И позже в протоколе о заседании, на котором читался его «Певец в Кремле», Жуковский упоминает: «их превосходительства члены делали во время чтения различные придирки».

В протоколах имеется прямое указание о целом ряде произведений Жуковского, Вяземского, Батюшкова, которые читались и подвергались обсуждению на собраниях Арзамаса. Много позже Вяземский писал об Арзамасе: «Это было новое скрепление литературных и дружеских связей, уже существовавших прежде между приятелями. Далее это была школа взаимного литературного обучения, литературского товарищества». «Лица, составлявшие его», пишет С. С. Уваров об «Арзамасе» в «Современнике» 1851 года, «занимались строгим разбором литературных произведений, применением к языку и словесности отечественной всех источников древней и иностранных литератур, изысканием начал, служащих основанием твердой самостоятельной теории языка и проч. В то время под влиянием Арзамаса писались стихи Жуковского, Батюшкова, Пушкина; и это влияние отразилось, может быть, и на иных страницах истории Карамзина».

На одном из первых заседаний читаются эпиграммы Вяземского, приславшего их из Москвы в Арзамас, а уже на четвертом заседании Блудовым вносится предложение заняться критическим разбором вновь выходящих русских и заграничных книг. На этом же заседании предлагается членам представлять свои литературные работы на рассмотрение Арзамаса, и почти на каждом заседании таковые работы читаются:

так, например, в «Арзамасе» читал Д. В. Дашков свои оригинальные произведения и переводы Парамифий Гердера, оставшиеся не напечатанными, о которых имеется только заметка П. А. Вяземского («Есть в рукописи», пишет он, «полный русский перевод сего замысловатого творения Гердера; желательнее, чтобы переводчик, известный у нас по своей ясной и твердой прозе, хотя и редко он является на авторской сцене, напечатал свой перевод, который, без сомнения, будет подарком нашей литературе»).

Целый ряд произведений шлет в Арзамас, будучи в Дерпте, Жуковский: «Певец в Кремле», «Овсяный кисель», «Красный карбункул», «Вадим». От 21 октября 1816 года Жуковский из Дерпта пишет А. И. Тургеневу: «Я пишу усердно. Искупление (Вадим) написано более половины. Между тем написал, т. е. перевел с немецкого, пьесу под титулом «Овсяный кисель»; не думай, чтоб этот кисель был для Арзамаса; нет, но надеюсь, что он покажется вкусным для арзамасцев, хоть и не разведен на бессмыслице». Заседания же Арзамаса вызывают у Жуковского несколько протоколов, писанных гекзаметром: 1) Протокол двадцатого арзамасского заседания, имеющийся в протоколах в копии, неизвестно кем переписанной, но с поправками рукою Жуковского,¹ напечатанный в Полн. Собр. его сочинений; 2) отрывок речи в заседании «Арзамаса», в печатающихся ныне бумагах не сохранившийся, но напечатанный также в Полн. Собр. Сочин., и наконец три до сих пор нигде еще не напечатанных коротких протокола, писанных гекзаметром же, о заседаниях, состоявшихся в июне и июле 1817 года.

А. И. Тургенев отказывается читать речь на заседании и, осыпаясь за свою лень и неподвижность дружескими упреками, произносит: «*Nei giorni tuoi felici ricordati di me!*», вызывая в ответ стихотворение Жуковского: «В день счастья вспомнить о тебе».

Значительно позже Д. Н. Блудов упоминал о том, что некоторые главы «Истории» Карамзина писались не без влияния Арзамаса. Судя по печатаемым нами протоколам Карамзин не однажды бывал на заседаниях Арзамаса, где конечно мог обмениваться с присутствующими членами мнениями по вопросам своей работы. В «Старой записной книжке» Вязем-

¹ Подлинник, писанный рукою Жуковского, находится среди его бумаг, хранящихся в Государственной Публичной Библиотеке.

ский вспоминает, что «Карамзин читал молодым приятелям своим некоторые главы из «Истории госуд. российского», тогда еще не изданной». Молодые приятели были, разумеется, арзамасцы.

В Арзамасе читают «Разговор Кантемира с Монтескье» К. Н. Батюшкова, и из переписки последнего видно, что он нередко отправлял свои произведения на суд Арзамаса. Упоминается, что «читаны стихи» Вяземского и В. Л. Пушкина. «Желаю стихам моим счастья при тебе и Арзамасском Архопаге», пишет Вяземский Тургеневу. «Стишки ваши прочтены в Арзамасе в самый день получения; а сегодня в прощальном Арзамасе у Черного Врана (А. А. Плещеева) сообщу ваше последнее «поносное отношение» — читаем в письме А. И. Тургенева к Вяземскому. В протоколе девятнадцатого заседания «читаны стихи отсутствующих членов: блестящего Асмодея (Вяземского), померкшего «Вот я вас опять» (В. Л. Пушкина): Арзамасцы хвалили и смеялись». Здесь же, на заседаниях Арзамаса, на заданные Жуковским и П. А. Вяземским, рифмы В. Л. Пушкин, считавший себя, по свидетельству современников, первым дрякою на bouts-rimés и экспромты, пишет стихи. Остается внешне-шутливая форма, когда в Арзамасе разбирают присланные В. Л. Пушкиным жгелбицкие рифмы, превращая его за плохие стихи в наказание из старосты «Вот» — в «Вотрушку»; но судя по ответу, который спешит послать им из Москвы Пушкин, заканчивая свое письмо: «меня грусть одолела», видно, как серьезно отнесся он к критике арзамасцев. Протокол заседания, на котором читались присланные из Москвы ответные укоризненные стихи Василия Львовича, показывает то настроение, с которым арзамасцы относились к литературным произведениям своих сочленов. «Часто дивились», пишет Блудов в протоколе, «что могли быть строгости к такому старосте, но в то же время и радовались своей строгости: ибо она произвела новые стихи его».

Возвращается из поездки Жихарев и на заседании в Арзамасе заканчивает свою речь, говоря, что несколько bouts-rimés Пушкина и дар дружбы — сочинения Вяземского он кладет на алтарь Арзамаса. Появляется сочинение А. Ф. Воейкова (юмористические характеристики литераторов) «Парнасский Адрес-Календарь, или Роспись чиновных особ, служащих при дворе Феба и в нижних земских судах Геликона, с краткими замечаниями об их жизни и заслугах. Собрано из достоверных

Вяземскій.

*Ничего не улетит таланта его подруга
Ему никто не образец
Она счастливой остротой излагать не чертца
Еще в младых летах*

Асмодей — П. А. Вяземский.

источников для употребления в благошляхетном Арзамасском Обществе».

Такова была работа на заседаниях Арзамаса, работа, посвященная критическому разбору произведений своих сочленов, арзамасцев, и чужих — академиков и беседчиков.

Заседания иногда носили и политический характер: Н. И. Тургенев в своем «Дневнике», упоминая о заседаниях Арзамаса под 12 ноября 1816 года, пишет: «Вчера был я при заседании Арзамаса». Здесь же он отмечает свою беседу с Карамзиным, Блудовым и другими о положении России. Различные оттенки общественной психологии дворянских группировок выступают в записи Тургенева: «Они же желают цели, но не желают средств. Все отлагают на время», — поясняет Тургенев свое расхождение с собеседниками. Под 29 сентября 1817 года: «Третьего дня был у нас Арзамас. Нечаянно мы отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожить рабство».

А. И. Тургенев в письме к Вяземскому указывает еще день заседания Арзамаса, 18 сентября 1817 года (у Плещеева), о котором протокола не сохранилось. Тургенев пишет: «Прощальным он будет для Светланы, которая завтра скачет в Дерпт, а 12-го будущего Листопада обнимет Асмодея» (Жуковский переезжал в Москву). К этому же заседанию относится и письмо самого Жуковского, адресованное: «Тургеневу Николаю и Александру». «Варвик и Арфа. Арзамас у Врана. Адрес Врана: в Галерной, № 207, дом купца Риттера. Час сбора исход девятого. Быть непременно, ибо Арзамас прощальный, и Светлане больно будет, если в этом прощальном Арзамасе хотя одной милой ей рожи существовать не будет. Уведомить, будете-ли. Еще-ж можете оба приехать к Блудову: он знает, где живет Плещеев: от него поедут и Салтыков, и Вот, и Ахилл, и Журавль. Для этого надобно его уведомить, ждать ли вас или нет». По всей вероятности после этого заседания было написано в письме Жуковского к А. И. Тургеневу: «Скажи Старушке, что я на следующей почте пришлю ей донесение о последнем Арзамасе: к ней потому, что у нее теперь хранятся арзамасские бумаги».

В 1818 году Жуковский написал «Отрывок арзамасской речи». В этом отрывке более подробно определяется причина конца Арзамаса — отъезд целого ряда арзамасцев, наиболее способствовавших образованию общества:

Братья-друзья арзамасцы! Вы протокола послушать
Верно надеялись. Нет протокола! О чем протоколировать?
Все позабыл я, что было в прошедшем у нас заседаньи!
Все! Да и нечего помнить! С тех пор как за ум мы взялись,
Ум от нас отступился! Мы перестали смеяться —
Смех заступила зевота, чума окаянной «Беседы».
Даром, что эта «Беседа» давно околела, зараза
Все еще в книжках «Беседы» осталась — и нет карантинюв!
Кто-нибудь, верно, из нас, не натершись «О п а с н ы м С о с е д о м»,

Голой рукой прикоснулся к «Чтеньям» в «Беседе» иль вытер,
Должной не взяв осторожности, свой анфедрон «Рассуж-
дением»

Деда Седого о слоге седом — я не знаю! А знаю
Только, что мы ошалели, что лень как короста
Нас облепила! Дело не любим! Безделья ж стыдимся!
Мы написали законы; Зегельхен их переплел и слупил с нас
Восемь рублей и сорок копеек — и все тут! Законы
Спят в своем переплете, как мощи в окованной раке!
Мы от них ожидаем чудес, — но чудес не дождемся!
Между тем Рейн усастый, нас взбаламутив, дал тягу
В Киев и там в Днепре утопил любовь к Арзамасу!
Рейн давно замолчал, да и мы не очень воркуем!
Я, С в е т л а н а, в графах таблиц, как будто в тенетах,
Скорчась сижусь; А с м о д е й, распроставшись с халатом сво-
боды,

Лезет в польское платье, поет мазурку и учит
Польскую азбуку; Р е з в ы й К о т всех умней: мурлычит
Нежно: «люблю» и просится в церковь к налою; Кассандра,
Сочным бифштеком пленясь, коляску ставит на сани,
Скачет от русских метелей к британским туманам и гонит
Чолн Очарованный к квакерам за море; Ч у в Цареграде
Стал не Ч у, а чума, и молчит; А х и л л по привычке
Рыщет и места нигде не согреет; С в е р ч о к, закопавшись
В щелку проказы, оттуда кричит, как в стихах: «я ленюся!»
А р ф а, всегда неизменная Арфа, молча жиреет!
Только один В о т я Вас усердствует славе; к бессмертию
Скачет она на рысях: припряг в свою таратайку
Брата Кабуда к Пегасу, и сей осел Вот-я-васов
Скачет, свернувшись кольцом, как будто в «О п а с н о м
С о с е д е».

Вслед за Кабудом, друзья! Перестанем лениться. Быть худу!

Быть бычку на веревочке! Быть Арзамасу «Беседой!»
Вы же, почетный наш баснописец, вы нам доселе
Бывший прямым образцом и учителем русского слога,
Вы, впервой заседающий с нами под знаменем гуся, —
О, помолитесь за нас, погруженных бесстыдно в пакость «Бе-
седы».

Да спадет с нас «беседная» пакость, как с гуся вода! . .
Да воскреснем. . .

К этому же времени надо отнести и стихотворение Жуков-
ского «К Мих. Фед. Орлову».

О Рейн, Рейн, без волненья
К тебе дерзну-ли подступить?
Давно уж ты река забвенья
И перестал друзей поить
Благими сладкими струями,
На Арзамас тряхнул усами,
И Киев дружбу перемог,
Начальник штаба, педагог,
Ты по ланкастерской методе
Мальчишек учишь говорить
О славе, пряниках, природе,
О кубарях и о свободе,
А нас забыл. . . и т. д.

И, наконец, из переписки же Тургенева и Вяземского видно,
что состоялось заседание 7 апреля 1818 года, о котором Тур-
генов писал в Варшаву: «Сегодня мы собираемся для Кассан-
дры у Старушки арзамасской (Блудов уезжал в Лондон в
сопровождении Вигеля). Я прошусь с ними для свидания с
другими арзамасцами в Москве».

Дневник Н. И. Тургенева указывает еще одно заседание
2 октября 1817 г.

В мае того же года Батюшков писал из Петербурга Вязем-
скому: «Блудов уехал; Северин здесь; Полетика отправился
в Америку; Тургенев пляшет до упаду или, лучше сказать, от-
дыхает в Москве; брат его весь в делах; Уваров говорил речь,
которую хвалят и бранят; в ней много блистательного; Вигель
поташился с Блудовым. Вот история Арзамаса. Забыл о
Пушкине молодом: он пишет прелестную поэму и зреет».

Протоколы говорят о присутствии на заседаниях, кроме из-
бранных членов, членов «рожденных или природных»; среди
последних на заседаниях бывает Карамзин и Михаил Але-
ксандрович Салтыков, единственный из природных членов под-
писывающийся под протоколами. Его подпись «Почетный гусь

Михаил» имеется почти на всех последних протоколах. Блудов на черновом листке¹ с пометками, относящимися к журналу, называет еще, кроме Карамзина и Салтыкова, нескольких «природных» арзамасцев: кн. А. Н. Салтыкова, И. И. Дмитриева, Ю. А. Нелединского-Мелецкого (о котором в «Воспоминаниях» говорит Вигель как о лице, которое он встречал на заседаниях Арзамаса) и гр. Каподистриа.

К «природным» арзамасцам избранные причисляли всех покойных и живых всех веков и стран просвещенных деятелей. В протоколе от 24 февраля 1817 года Блудов пишет: «вкруг них блистали на возвышениях истуканы первобытного арзамасца Аполлона и других арзамасцев древнего мира, а под ногами их лежали поверженные болваны Беседы и Академии и прочих скопищ халдейских». Не однажды арзамасцы определяют: «все арзамасское, то-есть все благородное». На заседания, бывшие замкнутыми, посторонние, видимо, не допускались; только однажды присутствует на заседании, состоявшемся у Блудова, его племянник Писемский, да у Уварова — француз Гавиньи (называемый в протоколе «комическим клещуном», живший, очевидно, в доме Уварова), но подписей ни одного из них нет.

Избирались новые члены по предложению старых и иногда (напр. Варвик — Н. И. Тургенев) присутствовали на заседаниях до своего формального «вступления», т. е. до произнесения ритуальной речи, в которой хоронили «халдея» и после которой получали балладные прозвища. Вигель в «Воспоминаниях» с недоброжелательством вспоминает, что Уваров не пригласил его на организационное заседание 14 октября 1815 года, а в протоколе от 22 октября имеется предложение Жуковского (по поручению заболевшего Дашкова) — избрать Вигеля, после чего последний и вошел в «Арзамас».

В одном из писем своих к П. И. Бартеневу Вяземский отмечал: «Мы были уже арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще не было. Арзамасское Общество служило только оболочкой нашего нравственного братства». Протоколы подтверждают ту тесную связь, которая существовала между арзамасцами. В протоколе от 6 января 1817 года Блудов пишет: «Эолова Арфа был президентом и что же? К приятному удивлению всех братьев он прежде ужина разинул свои все-

жрущие, дотоле немотствующие, челюсти. Из них как источник густого млека и душистого меда излилась благодатная речь во образе рескрипта». Здесь же имеется приписка самого Тургенева о пенсии, благодаря хлопотам Тургенева назначенной Жуковскому, что давало возможность последнему спокойно заниматься литературным трудом. Это воспринимается арзамасцами как успех не только Жуковского, но и Арзамаса, так как далее Блудов описывает «шумный восторг» арзамасцев и «победу Светланы и света над Беседою и тьмою». В письме к Вяземскому Тургенев пишет «Подарок на новый год от Тургенева князю Вяземскому» и прилагает копию с указа о пенсии. «Если арзамасское твое сердце не выпрыгнет от радости из арзамасской груди твоей или не выльется из нее в прекрасных арзамасских стихах и не скажет спасибо Эоловой Арфе, которая поспешила добрячать до тебя эти арзамасские звуки, то ты — не Асмодей», — писал Александр Иванович.

Жихарев, возвратясь в Петербург, в своей речи на заседании вспоминает, с какою радостью прочел он в деревне известие об успехах арзамасцев, с радостью, выразившейся в его восклицании: «Слава Арзамасу».

«Арзамасский опекун», как называли А. И. Тургенева, заботился об участии и других арзамасцев, устранивая для Вяземского службу в Варшаве, для Батюшкова — в Италии и проч.

Письмо Александра Тургенева Вяземскому от 3 апреля 1816 г. говорит о портретах арзамасцев: «Портреты арзамасцев для тебя уже готовы», пишет он, подтверждая лишний раз ту связь, которая была между членами Арзамаса.

Таковы были взаимоотношения между арзамасцами, связывавшие события своей жизни с жизнью Арзамаса.

Прилагаемая схема заседаний «Арзамаса» дает возможность сразу охватить: состав Общества, прозвища его членов, время вступления в Арзамас, тематику речей, работу на заседаниях и переход руководства Арзамасом от Блудова и Уварова к Михаилу Орлову и Николаю Тургеневу, происшедший в особенно важный момент жизни Арзамаса: коренной реорганизации общества в 1817 году в связи с выработкой программы его журнала.

¹ Находится среди бумаг Жуковского, хранящихся в Государственной Публичной Библиотеке.

ЗАСЕДАНИЯ АРЗАМАС

Имя члена, вступающего в Арзамас	Прозвище его, взятое из баллад Жуковского	Из какой баллады взято прозвище	Которое заседание по счету протоколов	Дата
			Организац.	14 октября 1815 г.
			Первое ординарное заседание	22 октября 1815 г.
Дм. Вас. Дашков	Чу	Частица, часто повторяемая в балладах	Второе ординарное	29 октября 1815 г.
Степ. Петр. Жихарев	Громобой	Баллада „Громобой“	»	»
В. А. Жуковский	Светлана	Баллада „Светлана“	Третье ординарное	11 ноября 1815 г.
Фил. Фил. Вигель	Ивиков Журавль	Баллада „Ивиковы Журавли“	Четвертое ординарное	18 ноября 1815 г.

СКОГО ОБЩЕСТВА

Т е м а т и к а	Имя президента	Место собрания
С. С. Уваров читает речь (не сохранилась). Принимаются присутствующими имена баллад. Избираются отсутствующие: Вяземский, Батюшков, Денис Давыдов, В. Л. Пушкин. Вырабатываются предварительные постановления.	Не указано	С. С. Уварова
Читается формула присяги. Предлагается в члены Вигель. Вводятся юмористические постановления о наложении кары на пропустивших или опоздавших на заседание.	Не указано	Д. Н. Блудова
Речь о драматурге А. А. Шахвском.	Д. Н. Блудов	С. С. Уварова
О самом себе — С. П. Жихареве. — Читаются эпиграммы, присланные Вяземским.	В. А. Жуковский	»
О Дм. Ив. Хвостове. Читаются донесения Вигеля о том, что делается среди представителей старой школы. Рассуждают о способе борьбы с ними. Предлагается определить занятия Арзамаса.	Д. В. Дашков (речь не сохранилась)	»
О А. С. Хвостове (речь не сохранилась). Вносятся предложения: 1) заниматься критическим разбором русских и иностранных книг; 2) давать на рассмотрение Арзамаса литературные труды его членов. Читаются: Д. В. Дашкова — „Повесть о собаке Баркуф“; его же — „Переводы Парамифий“ Гердера.	Д. Н. Блудов (материалы Пушкинского Дома)	Д. Н. Блудова

Имя члена, вступающего в Арзамас	Прозвище его, взятое из баллад Жуковского	Из какой баллады взято прозвище	Которое заседание по счету протоколов	Дата
Серг. Сем. Уваров	Старушка	„Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди“.	Гятое ординарное	25 ноября 1815 г.
Дм. Ник. Блудов	Кассандра	Баллада „Кассандра“	Экстраординарное	9 декабря 1815 г.
Дм. Петр. Северин	Резвый Кот	Баллада „Пустынный“	Шестое ординарное	16 декабря 1815 г.
Петр Андр. Вяземский	Асмодей	Баллада „Громобой“	Седьмое ординарное	24 декабря 1815 г.
Васил. Льв. Пушкин	Вот; Вот я Вас; Вотрушка; Вот я Вас опять	Баллада „Светлана“	Восьмое ординарное	24 февраля 1816 г.
Алекс. Ив. Тургенев	Эолова Арфа	Баллада „Эолова Арфа“	Девятое ординарное	Первая половина марта 1816 г.
			Десятое ординарное	15 марта ¹ 1816 г.
				Между концом января и концом марта 18.6 г.

Т е м а т и к а	Имя президента	Место собрания
О А. П. Буниной. Предлагаются в члены П. И. Полетика и Д. Н. Северин.	Д. В. Дашков	С. С. Уварова
Предлагается в члены А. Ф. Воейков.	Не указано	Не указано
Речь о И. С. Захарове. Читаются: Жуковского „Певец в Кремле“, Дашкова—переводы „Парамифий“ Гердера.	Д. В. Дашков	Д. Н. Блудова
Речей не сохранилось. Можно предполагать, что речь относилась к сотруднику Беседы Вас. Григ. Анастасевичу.	Ф. Ф. Вигель	С. С. Уварова
О Пав. Ив. Голенищеве-Кутузове.	С. С. Уваров	Д. Н. Блудова
О С. А. Ширинском-Шихматове.	П. А. Вяземский. Ответные речи кроме Вяземского говорили: Жуковский, Северин, Дашков и Блудов.	С. С. Уварова
Речи А. И. Тургенев не читал. Несколько слов Тургенева вызывают стихотв. Жуковского „В день счастья вспомнить о тебе“. Изобретаются привилегии для В. А. Пушкина.	Д. Н. Блудов (о Беседе)	Д. Н. Блудова
Заседание в честь Карамзина. Арзамасцы подносят ему диплом. Жуковский читает речь. В. А. Пушкин пишет стихи-буриме.	Не указано	Не указано

¹ См. Примечания, стр. 273 и 278,

Имя члена вступающего в Арзамас	Провище его, взятое из баллад Жуковского	Из какой баллады взято провище	Которое заседание по счету постановлений	Дата
Дм. Алекс. Кавелин	Пустынник	Баллада „Пустынник“	Чрезвычайн.	20 апреля ¹ 1816 г. ²
			14-е ординарное	10 августа 1816 г.
			15-е ординарное	11 ноября 1816 г. (Отмечено и в Дневнике Н. И. Тургенева)
			16-е ординарное	24 декабря 1816 г.
			17-е ординарное	6 января 1817 г.
Ник. Иван. Тургенев	Варвик	Баллада „Варвик“	18-е ординарное	24 февраля 1817 г. 16 марта 1817 г.
			19-е ординарное	(Отмечено и в Дневнике Н. И. Тургенева)
Мих. Фед. Орлов	Рейн	Баллада „Адельстан“	20-е ординарное	22 апреля 1817 г.

¹ См. Примечания, стр. 273 и 278.

² В 1816 г., мая 6, состоялось заседание Арзамаса в Москве, речь произносил Д. В. Дашков, см. стр. 56 и 166.

Т е м а т и к а	Имя президента	Место собрания
<p>Читаются яжелбицкие рифмы В. Л. Пушкина и выносятся постановления о форме наказания Пушкина.</p> <p>Читается послание В. Л. Пушкина „К арзамасцам“.</p>	Ф. Ф. Вигель	С. С. Уварова
<p>Речь о Сем. Сем. Филатове. Читаются произведения Жуковского. Беседа о политике (Дн. Н. Тургенева).</p>	А. И. Тургенев	Карета Уварова, везущая арзамасцев в Царское Село.
<p>Жуковский читает донесение о себе (во время своего отсутствия) и делает обзор событий, происшедших в это время. Читаются Жуковского: „Овсяный кисель“, „Вадим“, „Красный карбункул“.</p>	С. С. Уваров	С. С. Уварова
<p>А. И. Тургенев читает рескрипт о пенсии Жуковскому. Читается сочинение К. Н. Батюшкова „Вечер у Кантамира“.</p>	Не указано	Д. Н. Блудова
<p>О годовом заседании императ. Публичной Библиотеки. Читаются: „Сборные грамоты“ Жуковского.</p>	А. И. Тургенев	„
<p>Речь Д. В. Дашкова о Беседе.</p>	Д. А. Кавелин	„
<p>Обзор публицистики. Речь Жихарева — „Обзор событий“. Читаются стихи Вяземского и В. Л. Пушкина. Прощальная речь Д. В. Дашкова. Речь Н. И. Тургенева Д. В. Дашкову. „Сонное мнение члена Эоловой Арфы“ — речь о журнале Блудова.</p>	Ф. Ф. Вигель	С. С. Уварова
	Д. П. Северин	Д. Н. Блудова

Имя члена, вступающего в Арзамас	Провище его, взятое из баллад Жуковского	Из какой баллады взято провище	Которое заседание по счету протоколов	Дата
Конст. Ник. Батюшков	Ахилл	Баллада „Ахилл“	По указанию протокола 20-е, по счету 21-е	Июнь 1817 г.
			(22-е)	Июнь 1817 г.*
			(23-е)	Время не указано*
			(24-е)	14 или 15 июля 1817 г.*
			По указанию протокола 22-е, по счету 25-е	13 августа 1817 г. (Отмечено также и в Дневнике Н. И. Тургенева).
				27 августа 1817 г.
			По Дневнику Н. И. Тургенева и Остафьевск. Архиву	18 сентября 1817 г.
			По Дневнику Н. И. Тургенева	27 сентября 1817 г.
			По Дневнику Н. И. Тургенева	2 октября 1817 г.
			По Остафьев Архиву	7 апр. 1818 г.

* Из трех стмеченных заседаний Н. И. Тургенев говорит о двух, но о которых из них — неясно.

Т е м а т и к а	Имя президента	Место собрания
Гекзаметр Жуковского (повторение речи Блудова). Журнал и его программа (Орлов и Вяземский).	Не указано	С. С. Уварова
Гекзаметр Жуковского.	Не указано	Не указано
Гекзаметр Жуковского (читали законы).	Не указано	М. Ф. Орлова
Гекзаметр Жуковского (обсуждали законы).	Не указано	„
Подписывали законы, выбирали представителей и заместителей. Н. И. Тургенев и М. Ф. Орлов читали программы. Выбран „Статный Лебедь“.	Не указано	„
Речь о П. И. Соколове (не сохранилась). А. И. Тургенев читает указ о назначении Вяземского в Варшаву.	Д. Н. Блудов (материалы Пушкин. Дома)	А. И. Тургенева
Политическая беседа об уничтожении рабства.		А. А. Плещеева
		С. С. Уварова

СПИСОК ЧЛЕНОВ АРЗАМАСА, РЕЧИ КОТОРЫХ В ПРОТОКОЛАХ НЕ СОХРАНИЛИСЬ

Имя члена, вступающего в Арзамас	Прозвище его взято из баллад Жуковского	Из какой баллады взято прозвище	Которое заседание по счету протоколов	Дата	Тематика	Имя президента	Место собрания
А. Ф. Воейков	Дымная Печурка или Две огромные руки	Баллада „Пустынный“ Баллада „Адельстан“		Выбран 9 декабря 1815 г.			
А. А. Плещеев	Черный Вран	Баллада „Светлана“					
Петр Ив. Полетика	Очарованный Челнок	Баллада „Адельстан“		Предложен в члены 25 ноября 1815 г.			
Ден. Вас. Давыдов	Армянин	Баллада „Алина и Альсим“		Предложен в члены 14 октября 1815 г.	Речь напечатана в Полн. собр. соч. Д. В. Давыдова. Когда вступил — неизвестно; в бумагах Арзамасских протоколов упоминается однажды на выборном листке.		
А. С. Пушкин	Сверчок	Баллада „Светлана“			Сохранились 4 строки, напечатанные у Бартенева (А. С. Пушкин, стр. 14). В бумагах Арзамасских протоколов упоминается однажды на выборн. листке.		
Никита Мих. Муравьев Возможно — он же	Адельстан Статный Лебедь	Баллада „Адельстан“		13 августа 1817 г.	Упоминается однажды в программе предполагаемого журнала в бумагах Жуковского, хранящихся в Госуд. Публичн. Библиотеке.		

2

ОБЗОР РЕЧЕЙ АРЗАМАСЦЕВ

Николай Иванович Тургенев в своей вступительной речи издеваясь говорил, что еще во Франкфурте, где он жил, существовало мнение, что может быть «арзамасские гуси освободят русскую словесность от варварства Беседы». Исключительно злой была и его речь 22 апреля 1817 года о «скопнице халдейском, которое на зло рассудку и справедливости неверно называют Академией и притом еще Российской».

Жуковский — бессменный секретарь и один из основателей

Арзамаса, уже в протоколе от 11 ноября 1815 года, описывая свое принятие в члены Арзамаса, глумился над своими гонителями из «Беседы»: «Произнес я роковую клятву, произнес, потом сел или паче вдвинул в гостеприимные объятия стула ту часть моего тела, которая особенно нужна для сиденья, и которая в виде головы торчит на плечах халдеев беседных». Еще ранее в протоколе от 28 октября 1815 года на одном из первых заседаний, юмористически перечисляя то, что судьба обещает членам Арзамаса, бессменный секретарь упоминает и «сладкую вражду Беседы». В протоколе от 18 ноября 1815 года Жуковским предлагается на заседаниях Арзамаса читать

литературные работы его членов, подвергая их критике, «составляя питательные снопы из того, что произрастет на ней дробного...» «Недоброе же», прибавляет автор протокола, «бросать свиньям и хрюкам беседным, да попрут его стопую или да всковыряют его рылом».

Говорит Жуковский ответную речь бывшему сотруднику Беседы — Жихареву (Громобою) и не упускает случая назвать его «Курцием, бросившимся в зловонную бездну» (Беседа). Начиная свою речь о Д. И. Хвостове, Жуковский предлагает следовать за ним воображением «в храмину, сооруженную мертвыми, обитаемую мертвецами». И в той же речи называет беседчиков «свободными полоумниками халдейскими». Возвратясь из Дерпта и на заседании Арзамаса пробегаю все то, что случилось в его отсутствие, Жуковский останавливается на закрытии Беседы: «Беседы не стало», говорит он, «опустела храмина ее, как пустые головы действительных членов ее. Стулья, к которым они прикасались благороднейшей частью своего состава, лежали кверху ногами...»

В формуле торжественного обещания, написанной Д. В. Дашковым, которая произносилась при вступлении в Арзамас, принимающий присягу говорил: «Если же нарушу сие добровольное торжественное обещание... да буду всеобщим поношением и посмешищем, подобно комику Шутозскому; да буду членом Российской Академии и членом-сотрудником Беседы... Дом мой опустеет... подобно дому Беседы во дни торжественных чтений...». «Сон, смерть, небытие», читает тот же Дашков на вратах Беседы. В речи о Буниной он пародирует слова Калона: «Если вы желаете услышать возможную глупость, она уже была сказана в Беседе; если вы хотите услышать глупость невозможную, она верно будет там сказана...». «Плюйте на врагов Арзамаса и рассудка», говорит Дашков Уварову-Старушке, «и не страшитесь грозящей нам ненависти славянофилов». Блудову на речь о Захарове он отвечает: «Оно (поле) усеяно пораженными врагами рассудка и вкуса, обломками тяжелой артиллерии Беседы и Академии».

Дашков возвращается в Петербург и на заседании Арзамаса рассказывает о своем фантастическом посещении «досуемого беса Хлыстова» (должно подразумевать Н. И. Гнедича, бывшего в хороших отношениях с Д. И. Хвостовым и не пользовавшегося любовью в Арзамасе). Дашков перечисляет «сокровища» Беседы, некогда принадлежавшие беседчикам, показанные ему колдуном-досужим бесом в его жилище, включительно

Эолова Арфа — А. И. Тургенев

до алгебраической формулы на рамке очарованного зеркала, характеризующей устройство Беседы, и по этой формуле вся Беседа равняется нулю. В этом же зеркале Дашков видит похороны Державина, сопровождаемые беседчиками, которых Дашков отправляет в соседний с Беседой на Фонтанке сумасшедший дом, заканчивая известной эпиграммой Вяземского. При отъезде в Константинополь, на прощальном заседании Дашков просит арзамасцев, если восторжествует опять Беседа и он падет под бременем славянских творений, не оставить его прах в добычу вампирам Разрядов. Он заканчивает свою речь, говоря о себе: «Он был врагом Беседы и Академии и любил нас» (арзамасцев).

Блудов произносит речь в ответ на нечитанную речь Эоловой Арфы (А. И. Тургенева), в которой говорит о Беседе, пародируя балладу Жуковского «Вадим». Тот же Блудов в одном из своих протоколов дает характеристику беседчикам: «они просвещенны и чувствительны как черные стражи гарема».

В протоколе четырнадцатого заседания секретарь Блудов пишет, что против этого заседания вооружился «весь пиитический ад Арзамаса», т. е. Беседа, Академия, а «может быть и частица некоторой Библиотеки» — конечно Публичной.

Отвечая новопринятому члену Кавелину, С. С. Уваров отдает дань Беседе, уже закрытой в это время: «Она осиротела, рассеялась и даже отдана в наймы за десять тысяч рублей; я говорю о здании: за членов, увы, ничего не дают. . .»

Даже те из членов Арзамаса, речи которых сохранились в протоколах в немногочисленном количестве, упоминают о Беседе или об Академии: С. П. Жихарев в своей вступительной речи говорил, что, вступая в Арзамас, он скинул с себя принадлежности (attributs) Беседы — ослиные уши и дурацкую шапку. Говоря об ожидании в деревне почты, Жихарев описывает свое состояние, в котором он стоял у окна, «и думал — ни о чем не думал, смотрел — ничего не видя, и слушал — ничего не слыша». «Такое положение», прибавляет он, «кажется нам невероятным, но взгляните на Сенат и Академию, и вы удостоверитесь».

Вступает в Арзамас М. Ф. Орлов и в речи сейчас же определяет свое отношение к Академии: «. . . я не член Академии и не давал подписки быть присяжным врагом истинной учености. Я признаю пользу Адрес-календаря и почитаю его за лучшее произведение наших академиков».

П. А. Вяземский, останавливаясь в своей речи на П. И. Го-

ленищеве-Кутузове, попечителе Московского университета, объясняет свой выбор «покойника» из Москвы тем, что «лакомые куски падали Беседы уже по выбору насытили ими арзамасского гуся».

И наконец Ф. Ф. Вигель — наиболее сдержанный, — говорит о Беседе: «Беседа еще дышала, еще жила своей злобой; ее уж нет».

Тенденция Шишкова руссифицировать литературный язык давала не однажды пищу и для переписки арзамасцев и для их речей. Приглашение Карамзина занять «упалое» место в Российской Академии вызвало обмен письмами Тургенева и Вяземского. Исследование Шишкова о корнях русского языка дало ему прозвище «корешкового президента».

До нас не дошло речи, специально посвященной А. С. Шишкову, но в каждом почти протоколе есть о нем несколько колких слов. Обычными прозвищами Шишкова были: Седой Дед, Мешков, Фаон. Составляя формулу торжественного обещания, Дашков вводит в нее выражение: «да буду извергнут из среды их (арзамасцев), как Дед Седой от рождения извергнут из числа хороших писателей».

Отмечая характер и направление его работ и его влияние на литературные работы писателей, тот же Дашков в ответной речи о Бунинной говорит, что «он (Шишков) был виною ее преждевременной смерти, он погубил Неопытную Музу».

С. С. Уваров, указывая на влияние Шишкова на литературные труды Бунинной, делает характеристику его самого: «Начали замечать в его речах и даже в его мнениях ту власть и тот недостаток логики и здравого рассудка, которые дотоле были только замечаемы в его творениях».

Жуковский в речи о Хвостове упоминает о работах Шишкова в следующих выражениях: «Скелет рассуждения о новом и старом слоге и горестный пепел двух статей, переведенных из господина Лагарпа». Делая определение там же ряду беседчиков, о Шишкове он говорит: «четвертый как бы старинная фляга без пробки, некогда заключавшая в себе укус, настоенный острогоном, как то свидетельствует ярлык до половины ободранный губительным Кроном».

Блудов в речи о Захарове описывает «полет» беседчиков во главе с Шишковым на берег Финского залива и реки Сестры, где происходит фантастическое погребение Захарова, при чем Дед Седой восседает на месте адского козла.

Н. И. Тургенев в речи, сказанной по случаю отъезда Даш-

кова, упоминает о Шишкове: «Президент прохрипел несколько псалмов, написанных в старом русском слоге».

И наконец Жихарев, отпевая себя и характеризуя беседчиков, говорит «о тупоумной зависти» Шишкова.

Переписка П. А. Вяземского и А. И. Тургенева показывает, как взволновало не только литературный Петербург, но и Москву появление «Липецких Вод». Вяземский, упрекая Тургенева за то, что не послан был ему экземпляр «Липецких Вод», пишет о вечере у Кокошкина, на котором происходило чтение пьесы, и о В. А. Пушкине, который «испускал яростные крики, наконец — об общем суждении при окончании чтения: «пьеса дурна...» «Подлая зависть», прибавляет Вяземский, «ничего внушить хорошего не может... Мне хочется написать на эту пьесу письмо обстоятельное к липецкому жителю». ¹ Оно было написано Вяземским и написано беспощадно. Разбирая всю пьесу, вспоминая венчание Шаховского лавровым венком у Бакуниных, Вяземский пишет: «Иногда на некоторых головах Мидасовы уши пробивают венки лавровые, сплетенные невежеством и принятые бесстыдством».

Позже, в своих письмах к Тургеневу, Вяземский, автор «Поэтического венка Шутовскому», не упускает случая вспомнить о нем: «... сам другим толкуешь о точности» пишет Вяземский Тургеневу, «которая тебе незнакома как Шаховскому ум, а Шаховской — уму». «Твой родитель был гневный Шаховской», читаем в другом письме.

Немудрено, что Д. В. Дашков, выступавший с популярной среди арзамасцев кантатой и «Письмом к новейшему Аристотелю», при вступлении своем в Арзамас, прежде других беседчиков «отпевает» именно Шаховского.

Переписка Вяземского точно характеризует все особенности восприятия арзамасцами творчества Д. И. Хвостова.

«Тебя», пишет Вяземский неподвижному Тургеневу, «ждать сюда надобно, кажется, с таким же успехом, как хорошего стиха от Хвостова». Тургенев в свою очередь в письме к Вяземскому жалуется, что Хвостов в церкви во время службы всучил ему свою «Старость», ² а за столом у Румянцева «почувствовал я какую-то тяжесть в карманах. Хвать —

¹ Напечатано в «Полн. Собр. Соч. П. А. Вяземского», т. I, стр. 10, 1878. СПб.

² Д. И. Хвостов, ода «Старость». Собр. соч., т. I, изд. 1828 — 1830 гг.

а «Рюрик»¹ моего соседа у меня под... , но туда и дорога. После обеда «Рюрик» из кармана не вокруг света поехал, а по соседству...»

Метко работы Хвостова характеризовал в своей вступительной речи М. Ф. Орлов: прощая Хвостову издание его басен («ибо сам не ведает, что делает»), Орлов говорит: «Но никогда не прошу ни тем, кто раскупили первое издание, ни тому, кто напечатал второе».

Вспоминая «литературные арзамасские шалости», кн. П. А. Вяземский писал, что «Избранные притчи» Д. И. Хвостова были «настойною и потешною книгою в Арзамасе»: «Жуковский всегда держал ее при себе и черпал в ней нередко свои арзамасские вдохновения. Она послужила ему и темой для речи при вступлении его в Арзамас. Жуковский имел особый дар отыскивать книги подобного рода и наслаждаться ими. Они служили ему врачебным пособием для возбуждения здорового смеха, для благорастворения селезенки, *roug éralouir la gate*, как говорят французы.² Дашкоз в письме к Вяземскому от 26 ноября 1815 г. пишет по поводу речи Жуковского о Хвостове: «Светлана превзошла сама себя, отпевая петого и перепетого Хлыстова. То-то была речь. То-то погребень!»³

Если Жуковский оставался в стороне во время начавшейся «войны на Парнасе» и не выступал печатно против своих противников, то в протоколах и речах его в Арзамасе звучала несвойственная литературным его произведениям едкая насмешка. Резкие замечания о А. А. Шаховском, П. Ю. Львове, И. С. Захарове, А. С. Шишкове и С. А. Ширинском-Шихматове, сделанные в нескольких словах, дают сразу образ каждого, узнаваемый без труда, и зло осмеивают слабые стороны их литературной деятельности. Жуковский в речи, посвященной «вольному каменщику бессмыслицы», «привилегированному фабриканту галиматьи», давая общую характеристику литературной деятельности Д. И. Хвостова, главным образом останавливается на его баснях. Выражения, которыми пестрят басни Хвостова: «осел, хватющийся крепко

лапами за дерево», «лягушка, влюбленная в широкие бока быка, треснувшая и породившая смех», «заяц — комолая птица», «сука — добрый человек», «голуби, имеющие зубы» и т. д. и т. д., дают богатый материал для речи Жуковского. Он удачно выбирает наиболее нелепые стихи и, комбинируя их вместе, дает картину, требуемую арзамасским ритуалом «похорон покойника, взятого напрокат из Беседы».

Несомненно, речи арзамасцев имели распространение и доходили до тех лиц, к которым относились. И едва ли эти лица не считались с неприятными для них речами. Издание басен Д. И. Хвостова 1802 года, т. е. то, которым пользовался для своей речи Жуковский, значительно рознится от издания 1816 года и последующих. Сравнивая эти издания, наблюдается крайне интересная вещь: все басни, которые приводил в своей речи Жуковский, Хвостовым переделаны так, что в них исчезли именно те выражения, которые были указаны Жуковским. Некоторые же басни совсем не вошли в новое издание, и эти басни были опять-таки те, которые особенно зло отметил Жуковский. Видимо, Хвостов с каждым новым изданием перерабатывал свои басни, но интересно то обстоятельство, что ни одна басня, ни одно выражение из басни, над которыми издевался в своей речи Жуковский, в издании 1816 года не были введены.

Мы даем таблицу басен, приводимых в речи Жуковским и переделанных или совсем выкинутых из нового издания Хвостовым.

Лягушка и Бык
Заячьи Уши
Мыши и Орехи
Хвастливая Лягушка
Собака без ушей
Два Плевые
Осел и Рябина
Лещ и Лещата
Эмпедокл и Туфли

нет
ни
одной

Разборчивая Невеста
Летучая Мышь
Орлица, Веприца и Кошка
Туча, Гора и Куча
Совет Мышей
Кривая Лисица
Табашник и Борей
Подагра и Паук

переделаны

¹ «На возвращение Рюрика», пьеса. Напеч. в «С. Отеч.» 1818 г., № 49.

² «Рус. Арх.» 1866. №3.

³ П. О. Морозов в своей статье: «Граф Д. И. Хвостов» («Рус. Старина» 1895) высказывает сожаление, что речь Жуковского о Хвостове затерялась. Печатаемая нами ниже, она действительно представляет интерес и как критический разбор басен Хвостова и как, по выражению А. И. Тургенева, «новая форма таланта» Жуковского.

Болван и Богомольцы Два Голубя	переделаны
Сука и Щенята	переделана под заглавием Собака-родильница
Две Сумы	Сокращена
Солнце и Молния	переделана и сокращена

Приводимый пример показывает, как влияла критика Арзамаса на литературные произведения даже его противников.

Одна из речей на заседании Арзамаса отнесится к Анне Петровне Буниной, поэтессе, члену Беседы Любителей Русского Слова, пользовавшейся литературным покровительством А. С. Шишкова, имя которой, по выражению ее биографа, «повторялось бабушками нашими с таким благоговением, с каким самые пламенные поклонницы Тургенева и Некрасова не произносили их имен».

С речью о Буниной выступил С. С. Уваров; председательствовал и отвечал ему Чу (Д. В. Дашков.) Обе речи относительно сдержанны; в них нет той беспощадной критики, которая свойственна всем остальным речам, произносимым в Арзамасе. Обе речи главным образом касаются влияния Шишкова на направление таланта Буниной: Уваров, останавливая свое внимание на учителе поэтессы, очень бегло упоминает о ее собственных литературных недочетах. Дашков более определенно высказывает свое мнение о Буниной: «хотя на челе трупа (Буниной) видна печать Беседы, но он не лишен совершенно жизни, и хотя одет он по обычаю Беседы мрачным саваном невежества, но в полуоткрытых глазах его блистает огонь и живость: труп покрыт беседной проказой, но духовная кожа его белее и чище телесной».

Юный Пушкин увековечил речь Д. Н. Блудова (Ксандры), относящуюся к И. С. Захарову, председателю IV разряда Беседы:

Венец желаниям И так я вижу вас
О, други смелых Муз, о дивный Арзамас.
.....
Где славил наш Тиртей кисель и Александра,
Где смерть Заха озу пророчила Кассандра.

Блудов делает то же, что Жуковский в своей речи о Хвостове; после насмешливо обрисованной картины собрания беседчиков переходит к произведениям Захарова, приводя слова и целые фразы, взятые из сочинения Захарова «Похвалы женам», конечно наиболее неудачные.

Чу (Дашков) в своей ответной речи определяет взаимоотношения Беседы и Арзамаса: «Беседа», пишет он, «сотворена на то, чтобы твердить и писать глупости. Арзамас — на то, чтоб над нею смеяться».

Мысль о привлечении в Арзамас Н. И. Тургенева, очевидно, принадлежала Жуковскому, так как в письме к А. И. Тургеневу он писал: «Обними за меня Николая. Враг ханов должен быть арзамасцем. Тащи его в Арзамас».

«Дневник» Н. И. Тургенева дает целый ряд записей, относящихся к Арзамасу. Из них видно, что свою речь, с которою Тургенев вступал в Арзамас, он писал 11 января 1817 года, и что он и до своего формального вступления посещал заседания. Блудов, заменявший секретаря Жуковского, в протоколе пишет о Николае Ивановиче Тургеневе, вступающем в Арзамасское Общество: «лице его пылало огнем героизма и голова, казалось нам, дымилась, как Везувий»... «Извержение черепа воспоследовало, пролилась река лавы».

Н. И. Тургенев несомненно прочел предыдущие речи арзамасцев, так как у него попадаются выражения, которыми ранее была характеризована Беседа другими членами Арзамаса. Тургенев говорит о торжественном годовом заседании Публичной Библиотеки, в связи с отчетом о нем, писанным Н. И. Гречем, издателем «Сына Отечества». Обращаясь к вопросу о цензуре и свободе книгопечатанья, о которых было упомянуто в годовом отчете Библиотеки, Н. И. Тургенев отмечал, что «не только у нас, но и во всей Европе, приятными наименованиями стараются покрывать наготу деспотизма и порока: «под благоразумным человеком разумеют эгоиста, под благоразумным поведением — тонкое, часто подлое поведение, под благоразумием цензуры — благолазумие полиции...»

Три речи: Жуковского, Вигеля и Жихарева касаются событий, происходящих в Арзамасе и хроники литературной жизни вне его:

Жуковский перечисляет литературные события, происшедшие в столице за время его пребывания в Дерпте: неудачные желбички рифмы В. А. Пушкина, смерть Державина, за-

крытие Беседы, по поводу членом которой Жуковский не может удержаться, чтобы не состричь («Некоторые [беседники] для пользы наук нанялись быть уродами в императорской кунсткамере»). В этой же речи Жуковский делает доклад Арзамасу о своих работах.

Вигель, в качестве председателя отвечающий Дашкову на донесение о его поездке, делая общий обзор событий, которые произошли во время отъезда Дашкова, останавливается на литературных успехах Жуковского и на закрытии Беседы. Успехам арзамасцев посвящена и речь Жихарева.

Менее интересной является речь Кавелина о С. С. Филатове, члене Беседы. В этой речи Кавелин приводит цитаты из сочинения Филатова «Известия о воинственности в России», читанного на собрании Беседы и, по словам оратора, вызвавшего крепкий сон слушателей.

Ответная речь Уварова вступающему в Арзамас Кавелину посвящена самой Беседе, прекратившей в это время свое существование.

В «Воспоминаниях» Ф. Ф. Вигеля отмечено, что в Москве функционировало отделение петербургского Арзамаса. Членами его являлись В. Л. Пушкин, П. А. Вяземский, Денис Давыдов и наезжавший в Москву К. Н. Батюшков. Новых членов они не выбирали. Жихарев же в своей речи на двадцатом заседании Арзамаса называет Вяземского и В. Л. Пушкина арзамасскими консулами в Москве. В письме в Москву к П. А. Вяземскому от 4 мая 1816 года А. И. Тургенев пишет: «Вчера проводили мы Чу до Царского Села. Он с вами пробудет 24 часа». Дашков действительно остановился в Москве и даже на заседании 6 мая в московском Арзамасе произнес речь, которая сохранилась среди печатаемых нами протоколов. В этой речи Дашков в свойственной ему остроумной форме упрекает Ахилла (Батюшкова) и Асмодея (Вяземского), что они, присутствуя на заседаниях московского Арзамаса, не очистили себя по примеру Громобоя (Жихарева) самоотпеванием, так как ранее оба были членами Московской Беседы (так называли арзамасцы Московское Общество Любителей Российской Словесности). Упрекая в нарушении обычая очищения старосту Арзамаса, живущего в Москве В. Л. Пушкина, Дашков и здесь не оставляет в покое Академию и Беседу. «Уже-ли думал ты», восклицает Дашков, «что почтенное неслыханное доселе в Арзамасе титло старосты дано тебе для суетной славы, как президенту

Российской Академии или председателям Разрядов Беседных?»

В этой же речи есть подтверждение указания Вигеля, что московский Арзамас самостоятельного значения не имел и являлся лишь отделением петербургского Арзамаса. Так, предлагая ряд мер для наказания провинившихся, Дашков говорит: «По исполнении сего и по получении милостивого разрешения от петербургских арзамасцев» и т. д.

Среди бумаг Д. Н. Блудова в Пушкинском Доме нашлись две речи Блудова, не сохранившиеся в «арзамасских протоколах».

Об одной из них упоминает протокол от 18 ноября 1815 года, где говорится о вступлении в общество Вигеля и об ответе ему Блудова. Речь Вигеля не сохранилась, но из речи Блудова видно, что «покойник», выбранный Вигелем, был А. С. Хвостов.

В речи Блудова следует отметить ту ее часть, где при восклицании «где ты, Беседа», гаснут свечи и воцаряется тьма, в которой слышатся храп и бред; рассеивает все пение петуха Людмилы (см. балладу Жуковского) и появление символического гения Арзамаса.

В письме К. Н. Батюшкова от 28 августа 1817 года из Петербурга к Вяземскому А. И. Тургенев делает приписку: «Вчера был у меня многолюдный Арзамас, в коем присутствовали два новые превосходительства: Ахилл и Плещеев, которого имя в арзамасском крещении забыл. Вместо речи читал указ о тебе и выпил за твое здоровье.¹ Громобой из самого Арзамаса пустился в Киев».

Речь Батюшкова не сохранилась: из ответной речи Блудова видно, что «покойником», избранным Батюшковым, явился непременный секретарь Российской Академии П. И. Соколов. В этой же речи Блудовым было отмечено, что Батюшков был выбран в члены Арзамаса в числе четырех на одном из первых заседаний. Здесь же Блудов указывает на приближающийся конец Арзамаса: «Вы искали Арзамаса и находите один труп его, неодушевленный, искалеченный ударами рока». Перечисляя покинувших Петербург членов Общества— Дашкова, Уварова, Вяземского, Блудов восклицает: «И где свежая веселость, украшавшая первые дни наши!.. Истощи-

¹ Тост, очевидно, относился к назначению на службу в Варшаву Вяземского, о чем хлопотал Тургенев.

лась в Светлане руда ее бесценной галиматъи», и заключает свою речь: «мы ждем от вас не мертвеца, а жизни».

Протокол восьмого заседания «Арзамаса», состоявшегося 24 февраля 1816 года, говорит о принятии в члены Общества П. А. Вяземского. Еще 26 ноября 1815 года, тотчас после основания Арзамасского Общества, Д. В. Дашков писал в Москву Вяземскому: «Секретарь наш Светлана, который как будто бы нарочно сотворен для сего звания, верно уведомил уже вас, что в самое первое собрание вы избраны, par acclamation, сочленом нашим. . . Приезжайте скорее к нам хоть недели на две. Выберите себе по сердцу покойника и похороните его с миром в стеклянном гробе нашем».

Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым дает материалы, на основании которых можно заключить о неослабевающем интересе, проявляемом Вяземским к Арзамасскому Обществу. Еще в 1813 году мысль о соединении будущих арзамасцев бродит у Вяземского, и он, указывая на единение членов Беседы, восклицает: «И отчего дуракам можно быть вместе! Когда заживем и мы по братски, и душа в душу, и рука в руку?» А 4 ноября 1815 года, когда уже начались заседания Арзамаса, Вяземский пишет: «С общего вашего позволения я буду или Асмодеем или Варвиком», и, говоря о «Видении» Блудова, желает процветать Арзамасу и «родить чаще таких дитяток, и тогда — горе Новому Вавилону».

29 октября 1815 года, на втором заседании Арзамаса, в протоколе занесено, что «читано было несколько эпиграмматических излияний отсутствующего члена Асмодея, и члены, восхищенные ими, восклицали: экой чорт!» Таким образом с самого начала Вяземский, живший в Москве, тем не менее принимает живейшее участие в жизни Арзамаса. И в последующее время он не однажды делится своими литературными трудами, посылая их в Арзамас. В свою очередь А. И. Тургенев то-и-дело пересылает ему произведения арзамасцев и сообщает о заседаниях Арзамаса, происходящих в Петербурге. Почти в каждом письме Вяземский просит «маленького Гримма» передать арзамасцам «поклон от сердца», «от души поклон Арзамасскому гусятнику», «причту Арзамасскому поклон»; почти в каждом письме осведомляется, что делается в Арзамасе и что делает тот или другой член Арзамаса. «Я на днях еду в Остафьево и со мною весь московский Арзамас», пишет он Тургеневу. 4 июня 1816 года, заботясь о

бароне Треска, Вяземский пишет, что политического кортеса он поручает арзамасцам, т. е. литературным кортесам, так как «надежда — худая кормилица, а при дворе обыкновенно ею кормят». И позже (в письме к Д. В. Дашкову) Вяземский пишет: «В декабре, может быть, приеду за запасом жизни к источнику вечно живому Арзамаса. Наш староста (В. Л. Пушкин) чудесно постарел: уговариваю и его съездить со мною омыться в Арзамасском источнике от греха старости и грехов молодости, например от дорожных эпиграмм и проч.»¹ Заключает письмо Вяземский отзывом о Беседе и тем обращением, которое было в ходу у арзамасцев: «Простите, любезнейший согражданин. Да здравствует гусь, да погибнет сова Беседы. Но, кажется, она и так приумолкла или по крайней мере поет на разноголосицу».

В конце января 1816 года Вяземский обещает Тургеневу приехать в Арзамас освежиться. «. . . Наша российская жизнь есть смерть», пишет он: «я приеду освежиться в Арзамас и отдохнуть от смерти». Вместе с Н. М. Карамзиным и с В. Л. Пушкиным Вяземский приехал в Петербург, и по обычаю на заседании Арзамаса произнес речь как вновь вступающий член; по протокольному выражению Жуковского, «член Асмодей. . . предстал не с хвостом, когтями и рогами соименного ему подземного беседчика, но с кипую эпиграмматических копий, коими он искушал и искушает терпение халдеев». Выбрал он себе покойника, «забодал некоего ядовитого москвича, злокозненного историографа клеветы и клеветника на историографов» — Павла Ивановича Голенищева-Кутузова. Для пояснения слов, запротоколенных Жуковским, надо привести здесь выдержки из письма Кутузова² к министру народного просвещения гр. А. К. Разумовскому.

«. . . Ревнуя о едином благе, стремясь к единой цели, не могу равнодушно глядеть на распространяющееся у нас уважение к сочинениям г-на Карамзина. Вы знаете, что оные исполнены вольнодумческого и якобинического яда. . . государь не знает, какой губительный яд в сочинениях Карамзина кроется. . . Карамзин явно проповедует безбожие и безначалие. Не орден ему надобно бы дать, давно бы пора его запеть, не хвалить его сочинения, а надобно бы их сжечь. . . Вы

¹ См. далее материалы, относящиеся к В. Л. Пушкину.

² Напеч. в «Чтениях Имп. Общ. Истор. и Древн. Российск.», 1858, кн. II, стр. 185.

должны быть органом... истины, вопиющим против козней лукавого и его орудий. И вы и я дадим ответ пред судом божиим, когда не ополчимся против сего яда, во тьме пресмыкающегося, и не поставим оплота сей тлетворной воде, всякое благочестие утопить угрожающей, ваше есть дело открыть государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной нагоде, яко врага божия и яко орудие тьмы. он целит не менее, как в Сиейсы или в первые консулы».

А. Ф. Воейков в своем «Доме сумасшедших» подтверждает отношение Голенищева-Кутузова к Карамзину:

Вот Кутузов: он зубами
Бюст грызет Карамзина;
Пена с уст течет ручьями,
Кровью грудь обгарена!
Но напрасно мрамор гложет,
Только время тратит в том!
Он вредить ему не может
Ни зубами, ни пером!

Таков был «покойник», выбранный П. А. Вяземским.

Близость Вяземского, еще с раннего детства, к Карамзину, его уважение к нему как к писателю, сделавшему брешь в господствовавшей до него псевдоклассической литературе, и как к человеку, подвергавшемуся гонению со стороны представителей старой школы, заставило Вяземского выбрать «покойника» не только литературно, но и политически враждебного новой школе. Темперант Вяземского дал возможность А. Ф. Воейкову в «Парнасском Адрес-Календаре» определить Вяземского как «министра полиции, главноуправляющего смиренными заведениями для завистников, вралей и бездельников». Д. В. Дашков еще в 1813 году по поводу эпиграммы, написанной Вяземским на Кутузова, с которой он и начинает свою речь в Арзамасе, писал: «нарядный картуз, вышитый трудолюбивыми руками вашими Кутузову... доставил мне ошутительное облегчение от мучившей меня лихорадки, и острые ваши шутки произвели чудо, которого не смел я ожидать от множества проглоченной хины». Правда, в своей речи Вяземский останавливается на переводах древних авторов, сделанных Кутузовым, но вместе с критикой литературной у Вяземского проявляется и резкое осуждение его как общественного деятеля.

В ответной речи Уваров не щадит предложенного Вяземским «покойника», говоря «его (Кутузова) уж нет,— он издох под твоими ударами». Даже Жуковский в протоколе не мо-

жет сдержать своего отношения к Кутузову. «Исколов», говорит он, «своими рогами, Асмодей передал лукавца его превосходительству Старушке, и она, помявши его, передала тому, кто сидел впереди, а сей жует его и поныне и будет жевать до скончания веков». По балладе же перед Старушкой сидел сам дьявол.

П. И. Бартнев в своем труде: «Александр Сергеевич Пушкин» пишет: «Протоколы заседаний Арзамаса ведены были (и нередко в стихах) секретарем общества Светланой, и если уцелели эти драгоценные образцы остроумия и веселости, то там, конечно, упомянуто о речи, которую произнес Пушкин превосходными александрийскими стихами. В памяти слушателей доселе свежо сохраняется начало ее:

Венец желаньям. Итак я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас...
Где славил наш Тиртей кисель и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра.

Бумаги Арзамасских протоколов, к сожалению, не сохранили речи Пушкина. Имя Сверчка упоминается в бумагах только однажды на выборных листках, относящихся к протоколу заседания, бывшего в августе 1817 года у М. Ф. Орлова. До этого времени ни в одном протоколе имя Сверчка не встречается, поэтому трудно предполагать, чтобы Пушкин был выбран в Арзамас ранее окончания Лицея. Переписка Тургенева и Вяземского в первые 5 октября 1817 года упоминает имя Сверчка, в 1816 же году (9 июня) Тургенев о нем пишет «поэт-Пушкин»; таким образом косвенно перепиской Остафьевского архива подтверждаются выборные листки Арзамасских протоколов. В 1818 году Вяземский уже смотрит на Пушкина как на полноправного члена Арзамаса; возмущенный Каченовским он указывает, что Сверчок должен выступить на защиту Карамзина (эпиграмма А. С. Пушкина «Бессмертной рукой раздавленный зоил» и т. д.).

Вопрос о влиянии Арзамаса на Пушкина не однажды обсуждался в литературе. Высказанные мнения крайне разнообразны: от указания Анненкова на благотворное влияние Арзамаса до заметок Незеленова о том, что, «возбуждая в начинающем поэте легкомыслие и космополитизм, Арзамас был не полезен ему, а вреден». Е. А. Сидоров, указывая, что «Арзамас был одним из многих факторов, развивавших в юноше-поэте литературный вкус и гражданское самосозна-

ние, приходит к заключению, что сам Арзамас занимал «самое скромное место в ряду факторов, имевших благотворное влияние на русскую литературу и общественную жизнь».

Материалы, печатаемые нами (неизвестные еще Е. А. Сидорову), позволяют решительно не согласиться с этими выводами. Постоянная опека над юным Пушкиным Вяземского, А. Тургенева, Жуковского, В. Л. Пушкина, живейший к нему интерес Батюшкова, сближение через арзамасцев с Карамзиным, и, наконец, влияние Н. И. Тургенева «на образование некоторых свободолюбивых взглядов и убеждений Пушкина»¹ — показывают то значение, которое имел для Пушкина весь «дивный Арзамас» в целом.

3

Пункт одиннадцатый предварительного постановления, сделанного на организационном собрании членов «Арзамаса» в квартире С. С. Уварова 14 октября 1815 года, гласит: «Проект законов Общества поручено сочинить секретарю Светлане и также представить Обществу на рассмотрение».

В протоколе следующего заседания, 22 октября, под номером шестым занесено: «Прочтено представление от его превосходительства меня, т. е. секретаря Светланы, в котором извещает почтенных друзей своих, что по причине какого-то недуга он не успел сочинить проекта законов и обещает написать на досуге хорошенькие законцы». На следующих заседаниях Арзамаса читаются Жуковским два, одно за другим, донесения о том, что он не успел сочинить законы для Арзамасского Общества: «Будут вам законы и прекрасные законы, да не теперь», обещает Жуковский.

24 декабря 1816 года, возвратясь из Дерпта и произнося речь на заседании Арзамаса, Жуковский говорит, что он не исполнил «священного поручения», законов не написал и т. д.

В июне 1817 года состоялось заседание, о котором гекзаметром пишет Жуковский. В этом заседании

... все члены от Арфы

Вплоть до Светланы священным сумбуром друг друга душили.

В это время в Арзамасе обсуждался вопрос об издании журнала и выработывались законы Общества. Очевидно, эти

¹ М. Халанский. Влияние В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина. Харьков. 1900.

два серьезных вопроса и создавали, по выражению Жуковского, «священный сумбур». О следующем заседании, состоявшемся, вероятно, в конце июня у М. Ф. Орлова, имеется короткий протокол (в четырнадцать строк), который Жуковский написал также гекзаметром:

В том Арзамасе читали законы...

Через две недели, 14 или 15 июля, на заседании у того же Орлова — «у великого Рейна в кучку сошлись поболтать о законах», которые Рейн прочел «внятно, понятно, приманчивым гласом». Члены, «дослушав, во всем согласились», и Светлане дан был приказ представить их к подписи.

«Вот Светлана представила их. Дело с концом: подпишите.

Протокол, писанный Жуковским, относящийся к заседанию, имевшему место в августе у М. Ф. Орлова, в пункте третьем сообщает: «Подписаны законы Арзамаса так же размашисто, как и все протоколы».

Позже в «Отрывке речи» Жуковский, говоря о приближающемся конце Арзамаса, писал:

«Мы написали законы. Зегельхен их переплел и слупил с нас восемь рублей и сорок копеек — и все тут. Законы спят в своем переплете, как мощи в окованной раке» и т. д.

17 июля А. И. Тургенев осведомлял Вяземского: «Арзамас без тебя два раза уже собирался. Законы написаны и пересмотрены; утверждены должны быть общим согласием». 29 июля Вяземский выражает нетерпение: «Пришлите мне скорее арзамасские новые положения, если вы только в состоянии сделать когда-нибудь порядочное дело», на что Тургенев отвечал ему 6 августа: «Должностные арзамасцы должны послать тебе проект законов и прочее».

В Историческом музее в Москве среди бумаг С. С. Уварова находится этот проект законов — «рукописное святилище», которое подписывали арзамасцы.¹ Оно представляет собою переплетенную листовую тетрадь; на прямоугольнике красного сафьяна, наклеенном на переплете, вытиснены слова: «Законы Арзамасского Общества». На последнем листе собственныхоручные подписи:

Рейн
Светлана

Почетный гусь Михаил
Ивиков Журавль

¹ «Рус. Стар.», 1899, кн. V, стр. 337—351.

Две огромные руки
Варвик
Пустынный
Эолова Арфа
Кассандра

Громобой
Ахилл
Резвый Кот
Черный Вран
Старушка

Среди подписей нет двух наиболее ревностных членов Арзамаса: Асмодея — Вяземского, бывшего в это время в Москве, и Чу — Дашкова, находившегося в Константинополе. Мы печатаем законы по сохранившемуся списку среди копий арзамасских бумаг, писанных почерком начала XIX в., т. е. современным протоколам. Законы, детально выработанные, предполагают конструкцию литературного Общества, имеющего целью издание журнала. Из старых предварительных постановлений, сделанных еще 14 октября 1815 года, некоторые оставлены и вошли в число новых арзамасских законов: 1) остаются «природные члены», которые назначаются «всеобщим уважением Арзамаса», 2) при вступлении в Арзамас нововступающий член говорит по обычаю речь (но характер речи не указан), 3) председатель избирается, как и прежде, по жребию на каждое заседание, и среди других обязанностей остается прежняя обязанность — отвечать на речь нововступающего члена, 4) секретарь, бывший бессменным (теперь с помощником) назначается навсегда, 5) устанавливаются, как были в 1815 году, при возникновении Общества, еженедельные заседания.

Вяземский по поводу той обособленности, в которой жило Арзамасское Общество, много позднее писал:

Нередко нам — кто ж не слышал — пеняли
Что мы кружком, средь арзамасских стен,
Олигархически себя держали,
Как говорят, в республике письмен.

И в новом Уставе обособленность эта до некоторой степени остается: второй пункт гласит: «избранных должно быть не более двадцати пяти». Налицо в то время, судя по выборным листкам, было двадцать; таким образом имели в виду добавить немногих. При избрании «один черный шар уничтожает выбор и предложение» — это делало фильтрацию членов Общества еще более серьезной. Для избрания новых членов (§ 57) и для отмены некоторых пунктов Устава необходимо было «единогласие всех находящихся в России наличных и отсутствующих членов».

В августе месяце у М. Ф. Орлова состоялось заседание, на

Старушка — С. С. Уваров

котором подписывали законы, и «во исполнение одной из многих статей» законов были выбраны представители и заменяющие их. Выборные листы с заголовком «Список избранным арзамасцам», идущие за августовским протоколом (почерк Жуковского), дают имена двадцати членов, с цифрами против имен. После имен сделана пометка, что «до решительного определения новых законов в Арзамасе состояло двадцать избранных членов». Отдельно написаны имена представителей (те «должностные» арзамасцы, о которых Тургенев писал Вяземскому) и их заместителей, при чем на выборном листке среди заместителей указан Рейн, но в протокол он почему-то не внесен. Выборные листы представляют собою черновик, на котором Жуковский записывал имена по несколько раз, и из этих списков имен явными являются списки: 1) всех членов, 2) представителей и 3) заместителей. В числе их нет имени Адельстана — Никиты Муравьева, которое имеется в бумагах Жуковского.

Большое внимание в Уставе отведено изданию журнала. Еще в сентябре 1816 года Вяземский в письме к А. И. Тургеневу предлагал последнему написать Жуковскому о намерении издавать журнал: «Это будет доброе дело для всех и каждого, говоря модным языком манифестов». В сентябре 1816 же года К. Н. Батюшков писал Жуковскому: «Я предлагал ему (Тургеневу) уговаривать тебя издавать журнал в Петербурге. Если мое желание сбудется, то возьми меня в сотрудники; все сделаю, что могу, что буду в силах сделать». Сравнивая теперь протоколы Арзамаса с «Записками» Вигеля (ч. III, стр. 52), где он говорит о предложении М. Ф. Орлова создать журнал и о выступлении против этого предложения Блудова, — приходится внести существенную поправку в показания мемуариста: приходится вспомнить предупреждение П. А. Вяземского, который указывал, что Вигель вообще не отличался объективностью суждений и часто писал о фактах со слов других, не будучи сам свидетелем их.

Прежде всего, заседание, на котором начались разговоры о журнале, происходило у Блудова (а не у С. С. Уварова, как отмечает Вигель); в тот же день на заседании у Блудова вступил в Арзамас М. Ф. Орлов. Это заседание состоялось 22 апреля 1817 года, и на нем Вигель не был; временный секретарь Кассандра в протоколе писал: «Затмился в сей вечер Ивиков Журавль (Вигель); и нам неизвестно донныне, какой недуг оковал его длинные ноги: увяз-ли он в халдейском

болоте, укусил ли его лягушенок, или он запнулся за какой-нибудь гекзаметр. Бедный Журавль стонал и нянчил свою ногу, а между тем созвездие Арзамаса блистало в скромной келье Кассандры. Шум вод, похожий на стук оружия, возвестил вступление Рейна. . .»

Вступительная речь М. Ф. Орлова посвящена обзору русской литературы и характеристике ее представителей. Он говорит о несуществующей уже Беседе и определяет свое отношение к ней и Академии: «Я не член Академии и не давал подписки быть присяжным врагом истинной Учености». Орлов делает критический обзор существующих журналов, останавливаясь по пути двумя-тремя словами на членах Беседы и Академии. Любопытной особенностью в этой речи Орлова является его указание, что «Северная Почта»¹ в состоянии его отвратить «от самого свободомыслия, ежели бы что-нибудь могло отклонить честного человека от полезных занятий». Как и Николай Иванович Тургенев, он останавливается на условиях цензуры: «Я исповедую, что не будет у нас словесности до тех пор, пока цензура не примирится с здравым рассудком и не перестанет вооружаться против географических лексиконов и обверточных бумаг». «Журчащий совет Рейна», который вызвал ответ Блудова, изложенный им в форме Сонного мнения Эоловой Арфы, и неправильно, за отсутствием Вигеля на некоторых заседаниях, им переданный, заканчивался так: «Общим вашим согласием определите нашему Обществу цель достойнейшую ваших дарований и теплой любви к стране Русской. Тогда-то Рейн, прямо обновленный, потечет в свободных берегах Арзамаса, гордясь нести из края в край, из рода в род, не легкие увеселительные лодки, но суда, наполненные обильными кладями мудрости вашей и издателями нравственной искусственности. Тогда-то просияет между ними луч Отчужденности и начнется для Арзамаса тот славный век, где истинное свободомыслие могущественной рукой закинет туманный кризис предрассудков за пределы Европы».

Временный секретарь в протокол заносит, что во время речи президента Д. П. Северина (Резвого Кота), отвечающего

¹ Отзыв М. Т. Каченовского о Северной Почте: «Будущий историк нашего времени в главе об успехах просвещения в России должен с благодарностью упомянуть, что сия знаменитая газета в царствование Александра первая в нашем отечестве начала сообщать публике известия и суждения о выгодах свободного книгопечатанья и о благодетельности либеральной конституции».

вступающему новому члену Рейну, Эолова Арфа заснула и спала во время и речи Громобоя и чтения стихов «блестящего Асмодея и померкшего Вот-я-вас-опять», но Чу заметил, что сон Эоловой Арфы не беседный, а магнетический и т. д., что «Эолову Арфу поразили последний журчащий совет члена Рейна», и что Арфа долго молчала, но теперь будет говорить тою частью тела, «которая в ней всех более деятельна». Протокол заканчивается словами: «поверхность брюха взволновалась» и т. д. В скобках приписка: «Продолжение впрямь». Это продолжение — «Сонное мнение члена Эоловой Арфы, провозглашенное устами пупка в исходе двадцатого Арзамаса» — писано рукою Блудова, мнение которого, как враждебное предложению Орлова, указывает Вигель.¹

В начале своего ответа Блудов объясняет «причину сна естественного», и, не забыв сказать, что «творец отличил людей от скотов и Арзамас от Беседы», определяет «журчащий совет» Рейна так: «Ныне едва-ли не первый совет благоразумия раздастся в нашей храмине». «Она (бодрствующая душа Эоловой Арфы), продолжает сказанное Рейном».

Блудов делает критический обзор литературных обществ и обращается к Арзамасу: «Отрекаясь от тьмы, ты обязался служить свету. . . Я вижу Арзамас в величественном собрании. . . единство и разнообразие — вот девиз Арзамаса и журнала его. . . Перед литератором открыто не тесное поле. . .»

Далее Блудов предсказывает судьбу Арзамаса быть «грозою гордого невежества», «посредником между Европою и Россией, между столиц и провинций. . . повествуя о новых успехах гражданственности. . .» и т. д.

Как видим, ни о какой «невозможности», по словам Вигеля, «исполнить его (Орлова) желание, не изменив весь первобытный характер Общества», в этой, по крайней мере, речи Блудова нет; наоборот, он развивал мысли, брошенные Орловым.

Фраза, о которой упоминает Вигель: «светоч в руках злонамеренных людей всегда обращается в факел зажигательства», сказанная Блудовым якобы в ответ Орлову о «распространении света наук», произнесена совсем в другом контексте, и в связи с общим тоном ответа не может быть

¹ Нам кажется, что Вигель в своих «Воспоминаниях», которые он писал, когда судьбы Блудова и Орлова уже определились, намеренно старался подчеркнуть ту лояльность Блудова, которая в молодые его годы, когда он был членом Арзамаса, еще не была устойчива.

признана, согласно указаниям Вигеля, тенденциозной, не соответствующей тому течению свободных начинаний, которое доминировало в Арзамасе. «Докажем», говорит Блудов, «что не все журналисты — поденщики, что можно трудиться для пользы и чести, не для корысти, и что в руках благоразумия никогда факел света не превратится в факел зажигателя...»

Среди подписей: «Согласен с мнением брюха» есть подписи и Рейна (Орлова) и Варвика (Н. И. Тургенева). Есть под протоколом и подпись Вигеля, из чего можно заключить, что он читал протокол заседания, на котором отсутствовал. Блудов же подписывает протокол с оговоркой: «Согласен с мнением, но прибавляя к оному сомнение».

Следующее заседание (на нем Вигель был) состоялось у Уварова на Карповке в беседе, посвященной Штейну, в июне месяце, о чем сообщает протокол, писанный Жуковским гекзамером. Это заседание он называет: «Арзамас двадесятый» (на самом деле он будет по счету двадцать первым заседанием). Содержание его повторяет «Сонное мнение», которое вещает опять та же Кассандра (Блудов) («... села Кассандра на пузе, стала с пуза Кассандра, как древле с вершины Синая вождь Моисей ко евреям, громко вещать к арзамасцам»). В этом же заседании Орлов показывает:

... нечто
Пышным вратам подобное, к светлому зданию ведущим,
Звездная надпись сияла на них: «Журнал Арзамасский» —
... носилось
В свежем гражданском венке божество: Просвещение,
дав руку
Грозной и мирной богине Свободе. И все арзамасцы,
Пламень почуя в душе, ко вратам побежали».

Далее показывает китайские тени Асмодей:

В первом явлении предстала с кипой журналов Политика,
рот зажимая цензуре...

Гекзамер заканчивается словами: «Журнал состоялся», т. е. состоялось, очевидно, постановление выработать программу журнала. Вяземский, как видно из его писем к А. И. Тургеневу, был в Петербурге во второй половине июня и мог принимать деятельное участие в составлении программы журнала, что вытекает из дальнейшего текста гекзаметра.

23 июня, отвечая на письмо Вяземского, в котором последний, видимо, сообщал о своем пребывании в Петербурге и об

арзамасских начинаниях, Батюшков писал ему: «Плана не получал. Трудиться буду, если могу быть полезен и время, и здоровье, и обстоятельства позволят». А от девятого июля из Москвы Вяземский запрашивает Тургенева: «Что журнал? Пошлите к Батюшкову речи и планы»; пятого же августа просит Тургенева: «В досужий час скажи своей пузе, чтобы она прислала мне свои арзамасские речи прозою и стихами: Ив. Ив. Дмитриеву хочется их прочесть».

Интерес Вяземского к журналу показывает и его статья, находящаяся среди Арзамасских протоколов и говорящая о создании журнала.

«Глупость и бесчестие имеют свои приюты укрепленные: Академию и присутственные места», пишет Вяземский, развивая мысль, что влияние на публику можно «похитить» изданием журнала. Из журналистов он признает только Новикова и Карамзина, при чем первого называет «бичом предрассудков», а в Карамзине особенно ценит то, что он в Московском журнале «разрушил готические башни обветшалой литературы». Вяземский предлагает сочетать в журнале примеры этих двух журналистов и создать такую программу журнала, по которой можно бы сделать в Китайской стене, отделяющей Россию от Европы, отверстие, через которое мог бы проникнуть луч солнца. Очень любопытно предложение Вяземского об устройстве общественной бесплатной типографии, чтобы «вырвать из когтей жадных книготорговцев бедные жертвы, продающие и уничтожающие свои дарования. Со временем завести типографию, безденежно открытую ишей братии».

В бумагах С. С. Уварова, опубликованных в «Рус. Старине» 1899 года, нашлось: «Донесение» «В Арзамасское Общество Безвестных Людей от члена Старушки», которого в протоколах не сохранилось. В этом донесении Уваров сообщает арзамасцам о своем путешествии в Арзамас, чтобы «поклониться трактиру, в котором наше Общество приняло начало» (см. «Видение» Блудова). С берега реки Теши, на которой лежит Арзамас, Старушка увидела стоящего в воде старца, который прожурчал ему совет перестать возиться с карликами Беседы и Академии: «Я ожидаю торжества разума и вкуса», говорит старец.

А. И. Кирпичников, сопоставляя это «Донесение» Уварова с речью Блудова, переданную гекзамером Жуковским:

Полно тебе, Арзамас, слоняться бездельником. Полно
Нам, как портным, сидеть на катке и шить на халдеев
и т. д.,

делает вывод, что мысль о журнале и о реорганизации Общества шла от Уварова. У нас налицо теперь материалы, показывающие, что мысль о создании журнала почти одновременно явилась у ряда арзамасцев: Вяземского, Батюшкова, Блудова, Орлова, Уварова, и, кажется, ранее всех заговорил Вяземский в приведенном выше письме к Тургеневу от сентября 1816 года.

В Уставе, как указано выше, главное внимание было обращено на издание журнала.

В главе III под § 12 значится: «Представители Арзамаса, выбираемые из избранных членов»; эти представители или отряд, заменяющий собою все Общество, в промежутки заседаний, должны были рассматривать статьи, которые представлялись избранными членами Арзамаса, избрать между собою главных редакторов, предлагать к выписке вновь выходящие книги и журналы (за счет всего Арзамаса), в случае нужды делать предварительные распоряжения и вместе с председателем назначать чрезвычайные собрания. Избирались и временные представители, заменяющие отсутствующих.

Но еще до августа, когда состоялось заседание у Орлова, очевидно, весной, Жуковский развивал в письме к Дашкову из Дерпта план издания журнала, посвященного русской прозе и стихам и переводам с немецкого. Указаны имена сотрудников — арзамасцы Вяземский, Батюшков, Воейков, В. А. Пушкин, А. С. Пушкин («... он обещал мне доставить свои рукописи. Твое дело послать к нему за ними и их ко мне переслать. Не замедли»). Далее идет распределение работ в журнале. О Никите Муравьеве упомянуто: «У него будут, верно, готовы отрывки исторические». Из не-арзамасцев намечаются к участию в журнале Крылов и Мещевский. Дашкову поручается обозрение литературы 1816 года. Сам Жуковский обещает дать прозу и первую половину «Ундины». Предполагались переводы из Гете, Гердера, Шиллера, Гебеля, Шлегеля и др.

В новом Уставе Арзамаса предусматривалось рассмотрение на общих собраниях программ для сочинений (каждый член обязан был предложить одну такую программу раз в месяц). На августовском заседании у М. Ф. Орлова были «читаны три программы: две членом Рейном, одна — членом Варви-

ком, по поводу коей произошел страшный арзамасский язычный бой и совершилось вторичное по сотворении мира смешение языков».¹

Представители должны были выбрать четырех редакторов, в числе которых должен был быть и секретарь Арзамаса.

Издание было предположено начать в течение 1818 года.²

В журнале намечалось участие почти всех арзамасцев.

Стихи должны были дать: В. А. Пушкин, П. А. Вяземский, Денис Давыдов, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков и А. С. Пушкин. Для «отдела прозы» предназначались произведения Карамзина, С. С. Уварова, К. Н. Батюшкова, Д. Н. Блудова, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, переводы С. П. Жихарева и Ю. А. Нелединского-Мелецкого. Н. И. Тургенев давал статью «Сравнение заслуг Франции и Англии», в которой предполагал развить характерные для умеренно-либерального дворянства десятых годов мысли о том, «почему Англия заставляла любить свободу, а Франция ее ненавидеть».³

Д. В. Дашков давал стихи «Давным давно». Без имени автора предназначалась статья: «О неприличии ссылки Радищева в Сибирь и о более приличнейшем отправлении в каторжные работы». Издателями намечались Блудов и Уваров, помощниками Вигель и Кавелин. Жуковскому, имя которого стоит против этих четырех имен, видимо, поручался общий редакционный надзор. Постоянными сотрудниками являлись: Блудов, Уваров, Вигель, Кавелин, Вяземский, Северин и Орлов. Корреспондентами названы: Д. В. Дашков, А. И. Тургенев, П. И. Полетика и Н. М. Муравьев, имя которого впервые встречается здесь и ни разу не попадает в протоколах. О статьях Орлова помечено: «Политика вообще и отрывки в прозе. Распространение идей свободы, приличных России в ее теперешнем положении, согласных со степенью ее обра-

¹ Предположение, что Вигель разумел это заседание, опровергается тем, что на этом заседании он тоже не был, так как Жуковский в начале протокола пишет, что по причине недуга не присутствовал «Ивиков Журавль», и из текста видно, что бой произошел из-за программы, предложенной не Рейном, а Варвиком — Н. И. Тургеневым.

² Бумаги В. А. Жуковского, относящиеся к организации журнала, почти полностью напечатаны в «Отчете Публ. Библиотеки» за 1884 г. СПб. 1887.

³ В «Дневнике» под 25 октября 1817 г. Тургенев записывал: «Идею об обработке некоторых статей общей политики, которую я нашел в моем журнале, можно бы привести в исполнение — хоть для Арзамаса».

зования, не разрушающих настоящего, но могущих приготовить лучшее будущее. Образцы общественного мнения».

Дошедшие до нас протоколы Арзамаса кончаются августом 1817 года — как раз тем временем, когда выработан был Устав кружка, намечалась программа его журнала и вступил в Арзамас А. С. Пушкин. Отсутствие целого ряда речей, крайне краткие записи Жуковского о заседаниях наиболее интересных, бывших у М. Ф. Орлова, и наконец утрата или уничтожение протоколов всех последних собраний — не позволяет нам установить ни точных оснований отказа вождей кружка от реализации проектированного ими журнала, ни обстоятельств, ближайшим образом вызвавших самоликвидацию Арзамаса как общественно-литературной организации. Повидимому, самые методы работы Арзамаса, вполне оправдывавшие себя в пору ожесточенной борьбы его с литературной реакцией, олицетворенной в деятелях Российской Академии и Беседы, оказались несостоятельными сразу же после того, как враг был сломлен и дискредитирован, а в порядке дня стали вопросы созидательного творчества. Литературно-теоретические разногласия, обозначившиеся между старшими и младшими карамзинистами в 1816 — 1817 годах, еще более обострились в результате социально-политической дифференциации в рядах кружка при обсуждении планов его журнала и устава. Назревавший раскол был предотвращен лишь фактическим прекращением деятельности Арзамаса в 1818 году, при чем самые темпы развала еще недавно столь деятельного кружка были ускорены массовым разездом его членов из Петербурга. Через несколько месяцев после принятия нового Устава, в течение 1817—1818 годов, один за другим покинули столицу Дашков, Блудов, Вигель, Полетика, Батюшков, Вяземский, Жихарев, Орлов,¹ Северин, Жуковский. Из оставшихся в Петербурге членов Арзамаса одни, посвятив себя административной работе, все более и более отрывались от общественно-литературных интересов (Уваров, А. И. Тургенев, Кавелин), другие же, не принадлежа к руководящей верхушке кружка (Воейков, Плещеев), еще менее могли претендовать на роль

блюстителей его традиций. В этих условиях М. Ф. Орлов, Н. И. Тургенев и Н. М. Муравьев — будущие вожди Союза Благоденствия и Северного тайного общества — попытались вдохнуть жизнь в умирающую литературную организацию и перевести ее на новые общественно-политические рельсы. Последняя страница истории Арзамаса оказалась таким образом тесно связанной с историей первых больших конспиративных начинаний деятелей революционного движения двадцатых годов.

М. С. Боровкова-Майкова

¹ Вигель упоминает о предложении М. Ф. Орлова учреждать небольшие общества на месте пребывания каждого отсутствующего члена, которые находились бы под руководством главного — Арзамаса,

AP3AMAC

1815 г.

1

*Достопочтенному Арзамасскому Обществу Безвестных
Людей*

От члена оного Общества Чу!!!

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Имею честь представить на благорассмотрение почтенных сочленов моих следующую формулу торжественного обещания для всех вступающих в Общество. По мнению моему, ужасные клятвы, в оной заключающиеся, достаточны будут к обузданию языка нечестивцев и клятвопреступников. Впрочем долгом поставляю предварить достопочтеннейшего президента и почтенных членов, что мой участок авторского самолюбия присоединился покуда к великой массе, к общему — как говорят физики — резервуару всего возможного самолюбия в Беседе Любителей Русского Слова; и что по сему всякую поправку в моей формуле, и даже всесождение оной, приму я с почтительною признательностью.

Чу!!!

Лета 1-го, месяца 1-го
в день 2-й от зачатия
Общества А. Б. Л.

ФОРМУЛА

ТОРЖЕСТВЕННОГО ОБЕЩАНИЯ

Я, нижеподписавшийся, обязуюсь и торжественно обещаю быть всегда усерднейшим и ревностнейшим членом Арзамасского Общества Безвестных Людей, столь же благосклонно меня усыновившего, как и Сын Отечества усыновляет дневники Американских Путешественников. Обязуюсь и тор-

жественно обещаю повиноваться слепо всем постановлениям Общества, содержать в ненарушимой тайне все происходящее в оном, быть непримиримым врагов его и непрестанно устремлять все мысли мои к его чести и пользе. Если же нарушу сие добровольное торжественное обещание, да буду проклят от всех благомыслящих арзамасцев; да буду извергнут из среды их как Д е д С е д о й от рождения извергнут из числа хороших писателей; да буду всеобщим поношением и посмешищем подобно комику Шутовскому; да буду членом Российской Академии и членом-сотрудником Беседы Любителей Русского Слова. Дом мой опустеет подобно дому СПб. Любителей Словесности, Наук и Художеств, или подобно дому Беседы во дни торжественных чтений. Звезда моя и слог мой да сокроются в непроницаемом тумане богини Славены. Злато и серебро мое да истощится на издание творений моих: а сии да пребудут неистощимы и неприкосновенны в родимой лавке Глазунова. Одр мой да будет виталищем всех бесов и привидений балладных. Да бегут от очей моих сон и успокоение, как бегут слушатели от чтения стихов Хлыстова и Барабанова. Гнев Господень да поразит меня вечною проказою и юродством славенофилов; да постигнет меня горькая смерть предателей. Память моя да исчезнет с лица земли без шуму; да будет забвенна на веки и с моими писаниями: и да не будет им воскресения. Аминь!

Чу!

На обороте:

Достопочтенному президенту и
почтенным членам Арзамасского Общества
Безвестных Людей

от члена оного Общества

Предложение.

Чу!!!

2

Достопочтенному Арзамасскому Обществу
Безвестных Людей

От члена оного Общества
Старушки

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Секретарь Общества Светлана сообщил мне предложение члена Чу!! вместе с формулою тоожественного обещания.

Рисунок, сделанный В. А. Жуковским.

Барвик — Н И Турченев

Хотя Общество поручило мне представить-ему на рассмотрение проект формулы, я долгом поставляю предложить Обществу принять формулу члена Чу!! . В будущем заседании Общества можно будет решить сие дело с согласия всех членов.

Старушка.

В лето первое от Видения,
в месяц 1-й, в день седмый.

На обороте:

Достопочтенному президенту и
почтенным членам Арзамасского Общества
Безвестных Людей

От члена оного Общества
Старушки.

Предложение.

5

Достопочтенному Ново-Арзамасскому Обществу
Безвестных Людей

от секретаря оного общества Светланы

ДОПЕСЕНИЕ

Со времени возобновления Арзамаса по сие число был я одержим неким неизъяснимым недугом, который недуг и воспрепятствовал мне приступить к начертанию проекта законов, по данному мне препоручению от членов Нового Арзамаса, почему и прошу почтеннейших собратий моих не посеговать на меня за неисполнение священной обязанности, ими на меня возложенной. Будут вам законы и прекрасные законы, да не теперь.

Лето 1-е от Липецкого потопа,
от Видения месяц 1-й,
по возобновлении Арзамаса день 9-й.

Св. тлана.

На обороте:

Достопочтенному Ново-Арзамасскому Обществу
Безвестных Людей

От секретаря оного Общества Светланы
Донесение.

В лето первое от Липецкого потопа, в месяц первой от Видения, по обыкновенному летосчислению 1815 года, месяца Паздерника в 14 день, было первое совещание арзамасцев, и возобновление Арзамаса совершено следующим образом:

Один из членов читал собравшимся братьям речь, в которой доказывал им необходимость соединиться, дабы в том горестном странствии между халдеями Беседы и Академии, на которое осудило их небо, сохранить во всей чистоте любовь к незабвенному Арзамасу. Члены внимали красноречивому другу своему с растроганным сердцем; слезы воспоминания блистали в глазах их, и каждый в душе своей говорил вместе с Давидом: О Арзамас! Если забуду тебя, да будет забвенна десница моя! и пр. Но все зарыдали, когда увидели драгоценную красную шапку, некогда украшавшую главы их под светлым арзамасским небом, уединенно лежащую на столе и ожидающую в смиренности, какая счастливая голова в нее водружится. Между тем оратор читал неумолимо, а сыны Арзамаса внимали умиленно. Он умолк, и молчание долго царствовало между собеседниками — молчание красноречивое. Все были воображением в Арзамасе, перед тем ветхим столом, на котором так часто появлялся вкусный потрох, в виду той перегородки, которой незабвенная дира познакомила их с миром духовным. Наконец все единогласно воскликнули: Да воскреснет Арзамас и да расточатся враги его!

За сим начиналось совершение таинства обновления: Шесть присутствовавших братьев торжественно отреклись от имен своих, дабы означить тем преобразование свое из ветхих арзамасцев, оскверненных сообществом с халдеями Беседы и Академии, в новых, очистившихся чрез потоп Липецкий. И все приняли на себя имена мученических баллад, означая тем свою готовность: 1-е, потерпеть всякое страдание за честь Арзамаса, и 2-е, быть пугалами для всех противников его по образу и по подобию тех бесов и мертвецов, которые так ужасны в балладах.

Да останутся имена ветхих арзамасцев в забвении, имена же арзамасцев преобразенных суть следующие:

Их Превосходительства

- 1 Чу!
- 2 Старушка.
- 3 Кассандра.

- 4 Громобой.
- 5 Эолова Арфа.
- 6 Светлана.

За сим последовало избрание председателя и секретаря, и по жеребью досталось быть:

Президентом: Его Превосходительству члену
Старушке

Секретарем: Его Превосходительству *Светлане*.

Потом единогласно избраны в ново-арзамасцы четыре отсутствующих ветхих арзамасца, коих имена внесутся в общий список только тогда, когда они пройдут через которую-нибудь из мученических баллад и от нее заимствуют те таинственные каракульки или буквы, из коих каждое имя должно быть составлено.

Сделаны некоторые предварительные постановления:

1. Общество принимает на себя имя *Нового Арзамаса*.
2. Находя невозможным перенести отечественный Арзамас с тех благословенных берегов, на которых утвердила его рука судьбы с помощью нескольких плотников, каменщиков и печников, положено призывать Арзамасом всякое место, на коем будет находиться несколько членов на лицо, и сие место, какое бы оно ни было — чертог, хижина, колесница, салазки — должно именоваться во все продолжение заседания *Новым Арзамасом*.
3. Принимается в члены только тот, кто оказал какую-нибудь услугу Новому Арзамасу, и он не иначе избирается как всеми членами единогласно.
4. Девизом Общества по предложению его превосходительства *Старушки* избран стих одного покойного арзамасца: *Les sots sont ici bas pour nos menus plaisirs.*
5. Все халдеи Беседы и Академии навсегда исключены из *Ново-Арзамаса*. Если же по какой-нибудь особенной причине захотят члены усыновить халдея, то он непременно должен себя очистить по особенно учрежденной форме.
6. День возобновления Арзамаса положено праздновать ежегодно.
7. Общество должно иметь каждую неделю одно заседание.
8. В конце каждого заседания избирается президент, который и назначает день заседания следующего и место, где оно быть имеет.

9. По примеру всех других обществ каждому нововступающему члену Нового Арзамаса надлежало бы читать похвальную речь своему покойному предшественнику. Но все члены Нового Арзамаса бессмертны. Итак, за неимением собственных готовых покойников, нов-о-арзамасцы (в доказательство благородного своего беспристрастия и еще более в доказательство, что ненависть их не простирается за пределы гроба) положили брать на прокат покойников между халдеями Беседы и Академии, дабы им воздавать по делу их, не дожидаясь потомства. Вследствие сего постановления каждый нововходящий читает панегирик одному из халдеев; а очередной председатель отвечает ему, хваля того же покойника и примешивая искусно к сим похвалам лестные приветствия новому своему другу.

10. Каждый член при вступлении своим произносит и подписывает присягу в верности. Формулу сей присяги поручено сочинить и представить на рассмотрение Общества его превосходительству Старушке.

11. Проект законов Общества поручено сочинить секретарю Светлане и также представить Обществу на рассмотрение.

Оратором избран его превосходительство Чу! .., а очередным председателем его превосходительство Кассандра. По окончании заседания члены приступили к трапезе и, кушая раковой суп, нежно вздыхали о потрохе арзамасском.

Президент *Старушка.*
Кассандра.
Элова Арфа.

Упившийся вина духовного *Громобой.*
Недугующий Чу!!!
Секретарь *Светлана.*

5

Месяца Паздерника в 22 день по обыкновенному летосчислению 1815-го года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц первый, в доме его превосходительства члена Кассандры, был первый ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали

Их Превосходительства:

Старушка.

Элова Арфа.

Кассандра.
Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною, то есть секретарем Светланою, читан был протокол того знаменитого заседания, в котором совершено было священное обновление Арзамаса. Их превосходительства присутствовавшие члены подписали сей протокол с некоторым трогательным жеманством; каждый смотрел на лежащую¹ ему бумагу глазами любовника. Казалось, что он подписывал контракт с судьбою, которая в Новом Арзамасе предлагала ему все лучшие блага житейские: дружбу верных товарищей на всю жизнь, жареного гуся один раз в неделю, твердость духа в изгнании, красивый колапак, сладкую вражду Беседы и прочее; но присутствовавшие члены, подписывая священный протокол, вздыхали об отсутствующих двух братьях, из коих один его превосходительство Чу! вместо того, чтобы по доставшемся ему жеребью читать очередную речь в память покойнику, заимобразно взятому из Беседы, кряхтел уединенно в конурке своей от некоего простудного недуга, не был никем внимаем, не внимал никому и лишен был гуся. А другой его превосходительство Громобой был постыдно пьян, лежал у себя дома ногами горé, а головою низу, спал нещадно и не помышлял о Новом Арзамасе.

2-е. По прочтении и подписании протокола его превосходительство член Старушка предложил Обществу проект печати, который и был одобрен.

3-е. Положено, чтобы для следующего заседания (несмотря на то, что его превосходит. членом Чу! не отпет еще избранный им покойник) назначен был очередной оратор,— по чему их превосходит. присутствующие члены и приступили к избранию. Один из них его превосходит. член Кассандра, покопав указательным перстом в красном колпаке, в коем таились священные ерлыки с именами, извлек очередного оратора отсутствующего пьяного его превосходительство Громобоя, очередного ж президента его превосходительство трезвого секретаря Светлану. Вследствие сего положено, чтобы в следующем заседании:

Прочтена была снова очередная похвальная отходная его превосходит. членом Чу!

¹ Вместо зачеркнутого: подписываемую.

Потом ответ на сию похвальную отходную его превосход. членом Кассандрой в качестве президента. Засим члену Кассандре принять на время должность секретаря, а члену Светлане вступить в должность президента. Его превосход. члену Громобую читать собственную похвальную отходную.

Наконец члену Светлане в качестве президента отвечать члену Громобую различными сладкими ласками.

При сем случае присутствовавшие члены заметили, что для избежания всякой смутности, дабы секретарю не досталось быть в то же время президентом, положено и иметь секретаря бесоменного, или очередного секретаря не балотировать в президенты. Рассуждение о сем предмете отложено до следующего заседания.

4-е. Прочтено письмо от его превосходительства Старушки, в коем он представляет членам, что читанная им формула присяги, сочинения его превосходительства члена Чу!, кажется ему совершенно удовлетворительною, и что он предлагает ее Обществу на утверждение; вследствие сего

5-е. Прочтена означенная формула присяги и всеми единогласно одобрена.

6-е. Прочтено представление от его превосходительства меня, то есть, секретаря Светланы, в которой извещает почтенных друзей своих, что по причине какого-то недуга он не успел сочинить проекта законов и обещает написать на досуге хорошенькие законы.

7-е. Его превосходительство я, то есть секретарь Светлана, от имени одержимого недугом отсутствующего его превосходительства Чу! предложил Обществу принять в число Ново-Арзамасских Безвестных Людей нового члена, которого имя напишется тогда, когда он получит имя. Причины, заставившие его превосходительство предложить сего члена, сугь следующие:

а) Предлагаемый есть истинный уроженец Арзамаса: он содрогается при имени Беседы и ездит зажмурившись мимо Академии. б) Он оказал великие услуги Арзамасу без всяких своекорыстных видов:

1-е. Партизанил и партизанит добровольно между свирепыми и прокаженными халдеями, нападая на все их магазины, отбивая у них все их припасы и затрудняя для них всякий подвоз ума и вкуса.

2-е. Презирая опасность, наблюдает он за ними зорким оком шпиона: ни один взор, ни одна ужимка халдея не скры-

ваются от его деятельной проницательности. Является ли халдей с грузным толстопузием деревенского старосты, убирается ли халдей тремя хохлами — он узнает его и прилипает к нему, как мокрый лист, оторвавшийся от влажного веника в жаркой торговой бане. Под темным сводом императорской Библиотеки, на шумном толкучем рынке Английского клуба, в тесном закреслии театра, на гладких гранитных плитах набережной — везде преследует он слухом и зрением врагов Арзамаса. Он все: старик везде и нигде, странствующий жид, богиня Немезида — он достоин вступить в Общество под именем *Ивиково Журавля* или по крайней мере *Двух огромных рук*.

Их превосходительства присутствующие члены единогласно приняли сего почтенного человека в свое Общество (говорю единогласно, потому что мнения оскотинившегося его превосходительства Громобоя — положено не спрашивать). Определено: чтобы в проекте законов как можно точнее изложена¹ была должность нововступившего. Предварительно же назначен он бессменным внешним проказником с титулом *Conservateur impartial*.

8-е. Непозволительная отлучка его превосходительства члена Громобоя, пьянственная его непристойность и невнимательность его к Новому Арзамасу, не извещенному им предварительно о причине его неприбытия к должности, побудили присутствовавших господ членов² следующее постановление, которое и внесено будет в кодекс законов Нового Арзамаса:

а) За одно неявление к должности его превосходительству члену послушнику делается жестокий выговор и на хребте его творится беззаконие,

б) За два неявления его превосходительство член послушник изгоняется из Нового Арзамаса и не иначе может в него быть опять принят как с следующим обрядом:

1-е. Он узнает стороною о назначенном дне, часе и месте заседания.

2-е. Является туда незванный без ведома членов и ожидает их прибытия в какой-нибудь отдаленной комнате так, чтобы они не могли подозревать его присутствия.

3-е. Собравшемуся Арзамасу входит он в палату заседания с смирением раскаяния, на четвереньках, показывая тем, что он своим нерадением к должности совершенно оскотинился.

4-е. Тихо, без всякого шума, поднимается он на задние

¹ Вместо: определена.

² В оригинале пропущен глагол: вынести.

ноги и таким образом мало по малу доходит до человеческого образа; садится поодаль от других, на самый край стула, и не позволяет себе глядеть ни на которого из присутствующих.

5-е. По свистку президента начинает говорить самому себе надгробную речь (признавая себя предварительно покойником из Беседы и на всякий случай заняв у одного из них для сохранения нужной благопристойности имя); он говорит негромко, дрожащим голосом робости и раскаяния; потом сам себе отвечает, хвалит самого себя с заметною недоверчивостью к похвалам своим; сам себе кланяется и сам за себя краснеет.

6-е. Члены между тем все сидят к нему задом, показывают величественную гордость оскорбленных сердец, холодное невнимание, часто кашляют и сморкаются, дабы заглушить голос оратора.

7-е. Во все время заседания виновный сидит в белом колпаке, молча, с потупленным взором; кашляет тихо в кулак, сморкается спрятав голову под стол.

8-е. За ужином лишается он своего участка гуся.

9-е. По окончании ужина президент благословляет его лапкою гуся, нарочно очищенной для сего, и дарит его сею лапкою.

10-е. Тут член возрожденный начинает свободно глядеть, говорить, кашлять и сморкаться.

11-е. Поднявши голову с гордостью гуся проходит он три раза взад и вперед по горнице, а члены между тем восклицают торжественно: экой гусь!

9-е. Заседание закончено ужином, и гусь отечественный утешил жадную утробу Нового Арзамаса.

Президент *Кассандра*.

Член *Старушка*.

Член *Эолова Арфа*.

Секретарь *Светлана*.

Член *Чу*... отсутствовал, но согласен. Член *Громобой*, пьянствую, но согласен.

6

Достопочтенному Ново-Арзамасскому Обществу
Безвестных Людей

От секретаря оного Общества *Светланы*.

ДОНЕСЕНИЕ

Избрание в президенты, возлагающее на меня обязанность быть восприемником очередного оратора и присоединить к

его красноречивым излияниям собственные мои посильные лепетания, воспрепятствовало мне удосужиться для написания постановлений нашего Нового Арзамаса. Представляя сии причины на благорассмотрение моих почтенных сочленов, прошу их не приписывать своего беззакония моей лени или чему-либо иному. При первом удобном случае представляю им важные законы.

Светлана

Лето 1-е от Липецкого потопа, от Видения месяц 1-й, по возобновлении Арзамаса день 17, месяца Паздерника день 29.

На обороте:

Достопочтенному Ново-Арзамасскому Обществу
Безвестных Людей

От секретаря оного Общества *Светланы*

Донесение.

7

Месяца Паздерника в 29 день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц первый, в доме его превосходительства члена Старушки был второй ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали

Их Превосходительства:

Старушка.

Эолова Арфа.

Кассандра.

Светлана.

Громобой.

Чу!

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Прочтен его превосходительством мною весьма замысловатый протокол и подписан всеми членами.

2-е. Введен во святилище Арзамаса новый член его превосходительство *Ивиков Журавль*. Члены были довольны его привлекательною наружностью. Вид его скромн; поступь

тихая и блапристойная; сей Журавль конечно будет с политической исправностию таскать из болота халдейского всех тех лягушек, которых кваканье будет надоедать Арзамасу. Он с величавой скромностью сел на указанное ему место; и члены во все продолжение заседания — взглядами и словами старались изобразить то нежное чувство, которым сердца их были исполнены к новому своему другу.

3-е. Его превосходительство член Чу произнес присягу под осенением красного колпака; потом похоронную похвалу некоему милому певцу Беседы; на что почтенный член Кассандра, занимавший место президента, отвечивал ему с свойственным ему остроумием.

4-е. Отрезвившийся его превосходительство член Громобой присягал в свою очередь и очистил себя от скверны беседной мастерским надгробным самохвальством, и его превосходительство я, в качестве президента, расхваливал его не на живот, а на смерть.

5-е. Читано было донесение почтенного Ивикова Журавля, и члены, внимая ему, ликовали и топорщились от умиления.

6-е. По жеребью досталось на следующее заседание быть президентом члену Чу, а очередным панегиристом беседной стервы его превосходительству Золовой Арфе. Но его превосходительство начало было ужасно кобениться — по причине известной его толщины, ему трудненько было согласиться на принятие звания, на него возлагаемого: члены позволили ему отложить на несколько заседаний произнесение речи, а быть оратором следующего собрания взялся его превосходительство я.

7-е. Читано было несколько эпиграмматических излияний отсутствующего члена Асмодея, и члены, восхищенные ими, восклицали: экой чорт!

8-е. За сим последовал ужин. Но увь! за ужином не было гуся, и желудки их превосходительств были наполнены тоскою по отчизне.

*Ивиков Журавль.
Золова Арфа.
Кассандра.
Чу!!!
Старушка.
Громобой.*

Секретарь Светла:ид.

РЕЧЬ ЧЛЕНА ЧУ

И успе Авия со отцы своими, и погребоша его и отцы его во граде Давидове.
Кн. III Царств, гл. 15, ст. 8.

Так св. писание в двух словах возвещает нам о смерти одного из царей Иудиных, потомка Давида и Соломона. Величие, слава, могущество — все нисходит во гроб с владыками мира сего: и два слова, вырезанные на тленном мраморе,¹ тщетно напоминают об них неблагодарному потомству. К бессмертию стремятся все наши усилия, ему жертвуем всеми наслаждениями краткой жизни нашей: к бессмертию равно взывают и царь с пышного трона, и скромный певец с возвышенного своего жилища, — но вместо бессмертия ничтожество приемлет их, со всеми нами, в мирное лоно, и вечное забвение поглощает усилия, жизнь и восклицания наши...²

Так учили нас мудрецы всех веков помнить о смерти и презирать суету жизни человеческой. Но кто из них собственным примером утвердил спасительное свое учение? Кто из них никогда не ослеплялся блеском величия и славы? Они показали нам истинный путь к высокой цели и ч т о ж е с т в а, нам предназначенной; а сами не умели по оному следовать, и все стремились к мечтательному бессмертию. Пагубный призрак сей владычествовал над всею землею. Нашему веку, нашему любезному Отечеству свыше назначено было явить знаменитый пример современникам, пример великодушного добровольного отречения от всякой славы, от всякой известности. В то время, когда ослепленные наши сограждане безрассудно проливали кровь свою, надеясь вечно жить в потомстве, — в то самое время великие подвижники, о коих говорить дерзаю, начали и совершили неподражаемое дело свое. Другие жертвовали своею жизнью: они принесли в жертву имена и труды свои: соорудили на основаниях незыблемых храм, единственный в летописях мира, — с в я щ е н н о м у з а б в е н и ю — и поспешили затво-

¹ Далее шесть строк зачеркнуто: но сие ничтожество, сие забвение, ожидающее нас за гробом — а часто и в самой середине нашего поприща — не суть ли благодетельные Промыслы? Они даруют нам сладкий покой на многотрудном странствии и в мрачной могиле погребают навсегда вместе с нами заботы и страдания наши... Все мудрые философы в сей истине они все велят нам помнить.

² Далее зачеркнуто: соединяли все силы для поражения врага жестокого и коварного, когда они.

ряться в оном. Там, незнанные человеками, готовят они целебный бальзам, приносящий нам отраду и успокоение. О великодушие! О редкая добродетель! Сии бескорыстные труженики оставляют восклицать Цицерона: «Римляне! Я люблю славу». Они торжественно попрали кумир сей, попрали все будущие лавры свои; и если иногда удостаивают принять венки от руки любезного клеветника, то взоры их всегда смиренно потуплены в землю, а лице подающего покрыто прелестным румянцем стыдливости. Взаимная похвала, чувство мудрого самодовольствия — вот вся награда, их ожидающая.

Кто в сем верном изображении не узнает достойных апостолов ничтожества и забвения, почтеннейших любителей русского слова? Какое сословие, кроме единой Беседы их, могло бы принести столь великие жертвы и положить жизнь свою, трудясь для успокоения нашего?.. При имени Беседы слабые чувства мои тяготеют, вежды смыкаются, глава склоняется к персям, и дивные мечты осеняют меня легкими крылами. Я вижу оный огромный храм, коего святыня редко присутствием иноплеменных оскверняется: читаю на вратах его таинственную надпись: Сон, смерть и небытие — надпись, обличающую безумие тех, кои бессмертие избрали своим девизом.¹ Вокруг печальные кипарисы простирают мрачную сень свою на мшистые кресты и камни, свидетельствующие о суете мира сего. Здесь навсегда погребены усопшие чада Беседы и сыны чад ее с усопшими их творениями, здесь, в первую стражу ночи, уныло бродят их призраки, и бледная дочь Хаоса, Славена, восседит на истлевших памятниках, насупя взоры свои, или оплакивает разврат невнимающего ей мира² и близкое свое падение. Я приближаюсь объятый священным ужасом; взоры мои пробегают кладбище. Вдруг вижу недавно взрытую землю, усеянную свежими маками, новый крест еще не водруженный и на камне надгробном мед и пшено воспоминания. Скорбь и сострадание исполняют сердце мое. Кто ты, восклицаю со вздохом, кто ты, недавний гость могилы? В нежной ли юности неумолимая смерть сразила тебя, или уже достигнул ты маститой старости, и цветущими сиди ами подобился Седому Деду вашему?.. И вот свежая могила колеблется под ногами моими, и голос гробовой и

¹ На поле приписано: Девиз французской Академии: A l'immortalité!

² Над словом «мира» написан вариант «света».

охрипый, голос, как бы исходящий из утробы Певца шуб холодных, мне отвечает:

«О пришлец из страны живущих! Небо привело тебя в «сию обитель забвения, да возвестишь о моей кончине миру, «который не знал о бытии моем. Вкуси от меда и пшена сего, «и помяни единого из усопших усыпителей ваших. Я....., «милый певец Беседы. В незрелой юности был я мало изве- «стен свету: одни ближние и друзья знали меня и не чужда- «лись мною. Но заветы Вышнего неизменны. От самого «рождения носил я на челе своем печать Беседы: наступило «роковое мгновение, и она сопричала меня к таинственному «лику своих сотрудников. Ближние и друзья меня оставили; «токмо один, один из них зывал ко мне, зывал к милому «Певцу своему... Но, ах и сей верный друг уже покоится «здесь со мною в едином Разряде Беседы! Я посвятил себя «ничтожеству; я отрекся от мира, от радостей и сует его, от «славы, коей не имел еще, и восклицал с Иовом: «Сам наг «изыдох от матери моей, наг и отиду тамо» (кн. Иова, «гл. I, ст. 21). Пример отцов и братьев наших облегчил мне «благородное сие отречение. Что еще возвестить тебе? Нару- «шить ли законы скромности, сказать ли, сколь усердно со- «действовал я выскокой цели нашей как, вопия гласом ве- «ликим, собирал коснеющих слушателей к чтениям нашим; как «и сам рукоплескал подвизающимся товарищам, преодолевая «крепкий сон, смыкавший вежды мои! Ревностно исполнял я «все святые обязанности сотрудника и был неизвестнейшим «из неизвестных — тебя призываю в свидетели, о Седый Дед «наш... Но храмина чтений от луны до луны становилась пу- «стее: редко тот или другой из клеветников наших мог завлечь «к нам богобоязненного посетителя. Враги наши торжество- «вали: но скоро прекратилось торжество их, Мы собрали над «главами их сокровища гнева нашего; мы обратили позорище «козлопения в громоносную для них тучу. Подобно дрегнему «Моисею, источившему воды ударом жезла своего из твер- «дого камня, мститель наш ударил десницею в огромное чело «свое — и хлынули потоки водные, потопившие и коней, и «всадников. Все пали; и гнев наш не различил злочестивых «от праведных. Пришлец! Я, я способствовал сему отмще- «нию!..»

Еще продолжает из глубины гроба усопший сотрудник жвалы свои, но глас его невразумителен моим чувствам: тяжкая дремота объемлет их, как бы при чтении стихов Хлы-

стова. Вдруг подземные завывания пронзают слух мой; я озираюсь вокруг с трепетом. Се час таинственных явлений! Зловещие враны и филины, сидевшие на окрестных кипарисах, с криком летят к отвергающимся гробницам. Медленно встают из них бледные, унылые тени, покрывают иссохшими главами и, сплетаясь рука с рукою, идут на меня. Хочу поднять окаменелые стопы свои и предаться бегству, но путь прегражден мне, как бы во храмине Беседы, в часы торжественного чтения. Вас ли я вижу, грозные призраки, вас ли вижу!.. Ты... оратор Беседы, житель лугов пустынных! И ты, осьмое чудо света безглагольный...! И ты, тучный... И ты, еще тучнейший друг его, родитель шуб холодных, Шутовской, враг записной талантов! И ты, бессловесный... Сеид Беседы! И вы все ревностные члены и сотрудники! И ты наконец седой славенофил, Еродий, предводительствующий ими!.. Земля трясется, гром за громом катится по мрачному небу. О ужас! Они обступают меня, влекут с собою!

Где я? Все исчезло, исчезло страшное видение; я вижу пред собою один гробовый список беседный и от грозивших мне призраков не обретаю ничто ино, токмо лоб и ноги, и длани рук, яко Иезавели, юже плоть с не доша пси в части Израеля... (IV книга Царств гл. 9, ст. 35 — 37). Вы со мною, безвестные сочлены мои! Со мною вместе отдаете вы последний долг, последнее лобзание усопшему!

«И успе Авиа со отцы своими, и погребоша его и отцы его во граде Давидове». Мир праху твоему, великий Авиа, неизвестнейший из царей Иудиных! Мир и твоему праху, о милый певец..... неизвестнейший из сотрудников Беседы! Да отпустятся тебе все твои прегрешения! Да будет тебе легка земля, покрывающая прах твой, хотя отцы и братии твои жестоко бременили землю тяжкими своими творениями! Почий мирно с ними на кладбище отечественном в награду за успокоение, которое нам приносили вы!

Спите сыны тления, еще не время!
Чу!!!

9

ОТВЕТ РАССАНДРЫ НА РЕЧЬ ЧЛЕНА ЧУ

Почтенный Витязь слова Чу!

Встречая вас в сем знаменитом сословии безвестных литераторов, я узнаю с восторгом черты ваши, черты давниш-

него товарища на поле брани: с восторгом и волнением внимал я священным истинам, вами произнесенным; но как же буду отвечать вам, как осмелюсь быть истолкователем чувств нашего Общества и с чего начну исполнение сего долга приятного и трудного? Предо мною пример одного из светил нашей юности. Вы помните, почтенный Витязь, как он во всяком торжестве являлся с торжественною речью, как он всякую речь начинал благодарным молебном. Я буду подражать ему и с жертвой благодарности обращусь к тебе, багряный колпак гармонического члена! О таинственная мудрость судьбы, все творящей во благо! Украшению якобинцев обязан я счастьем принимать не только друга, не только человека с талантом... Ах! Что таланты, М. Г., мы познали тщету их. И может ли верить талантам и славе гот, кто видел запустение Беседы, кто слышал свистки в пьесах Шутовского, пред кем холодными руками терзались в одно мгновение три Петриады? Нет! Нет! Забудем на время о ваших дарованиях! Я в вас хочу видеть, хочу прославлять одни литературные добродетели. Какое обширное поле! Чувствую дерзость моего предприятия: но что я не в силах выразить, пусть то дополнит сердце друзей наших и совесть членов Беседы.

Вольтер сказал, что в свете одна добродетель: благотворение: и сия добродетель до нас была неизвестна в словесности. Вы себя явили ее героем. Конечно воображение ваше, всегда любившее странствовать в древних странах Востока, слышало сквозь мглу веков слова царственного философа: Сердце мудрых в доме плача, сказали вы с Соломоном и сделались вторым провидением для поэтов, гонимых роком; я видел, как предстоял вам первый из них и может быть несчастнейший: бедный старец, он провел все дни свои в служении Музам и Публике неблагодарной: для нее он истощил и силы, и казну свою, и свое терпение, и терпение друзей своих; а жестокость читателей не истощилась, а имя его, обреченное славе, презратилось в ругательство бесславных сочинителей; ученики и подражатели бранят его на сельских сценах, и подобно Мольеру насилу гроб его впущен в обширное кладбище Беседы. О стыд моего Отечества! О век, недостойный мужей великих! Он погибал, сей тайный любимец всех Муз, и едва забытым стихом напоминал права свои:

Суворов мне родня, и я стихи плету!

Кого не тронет такая судьба и такая гармония? Но мы проливали бесплодные слезы, а вы одни решились спасти его. Так! Знаменитый товарищ, вы смелою рукою сорвали завесу с потомства и, предрекая свой новый титул, сказали современникам: «Чу там гремит слава Хлыстова». Я помню, как пророческая речь ваша раздавалась под темным сводом среди изумленных словесников. И вдруг адский шум последовал за громом слов ваших, огонь мятежа вспыхнул в собрании, земля заколебалась, упал чертог любви и словесности и любители убежали в страхе. Но на вершине сих развалин, подобно обломку древней колонны, еще возвышается лик Сардинского графа, и прохожий повторяет с Делилем:

La! Ces deux grands débris se consolent entre eux!

Так совершен ваш первый подвиг! О, почтенный сочлен! Исчислять ли мне прочие? Вспоминать ли о новом, живущем в памяти арзамасцев и беседников? Что говорю я! Не только в памяти: он в глазах наших, он, сей славный комик, обруганный своим ругательством, неутомимый в беспрестанных и тщетных сражениях с публикой. Он влечет за собою целые полчища комедий и водевилей, но полчища сохнут и исчезают: на парике его венки из можжевельника, а на челе печать всеобщего проклятия. Кто осмелится хвалить его? Здесь должно победить не равнодушие, а презрение. Но вы, храбрый Витязь, вы коснулись давно оставленной лиры, и хвала Шутовскому полетела со струн ее, и в отважном пении вы сказали скромному автору, что он славен и достоин своей славы. Наслаждайтесь плодами трудов добродетельных. Шутовской вам платит дань слезами, конечно слезами восторга и умиления. Мы не дерзнем своих рукоплесканий смешать с сим трогательным излиянием¹ благодарности, и вот уже новейший подвиг зовет нас к новому удивлению. Скажите, М. Г., скажите, должны ли мы верить тому, что слышали? Скажите, где взяли мы мертвеца, который для нас не рождался? Как поэтический микроскоп открыл перед вами сей неслыханный феномен словесности? Слепцы несчастные! Мы не знали своих сокровищ! Увы!

Как часто редкой перл, волнами сокровенной,
В бездонной пропасти сияет красотой!

Так и милый певец сокровенно блистал между сотрудников,

¹ Первоначально было: своими рукоплесканиями нарушить сих трогательных изъяснений.

Армянин — Д. В. Давыдов

и сколько перлов ему подобных таятся в бездонной пустоте Беседы! Ах! На вас, на вас их надежды и наши! Сжальтесь над нами для собственной славы; ныряйте чаще во глубь этой бездны, давайте весть о неведомом, и ваше имя да сияет в веках с именами Колумбов и Веспучиев!¹

10

ОТВЕТ СВЕТЛАНЫ НА РЕЧЬ ГРОМОБОЯ

Приятно для странника, скитавшегося посреди песчаной Ливийской степи, журчание источника, возвещающего благодать прохладной сени; приятен голос человеческий для пешехода, заблудившегося ночью посреди болот и не знающего, близко ли, далеко ли жилище гостеприимное²; весело иззошнику, застигнутому зимнею вьюгою, услышать лаяние собаки или крик петуха, прилетающие в слух его из ближнего селения; отрадно в дождливую осеннюю ночь³ егерю, до костей промокшему, увидеть приветственное сияние огней обительных — но стократ приятнее, утешительнее, веселее, отраднее услышать звуки возлюбленного Арзамаса из той гортани, из которой доньше исходило одно хрипение Беседы; стократ утешительнее видеть красный колпак возрождения, сияющий на той главе, которая доньше была посрамлена маковым⁴ венком Беседной пакости; стократ отраднее видеть блистание арзамасской утехы в тех взорах, которые доньше были отуманены сонливостью сотрудничества! Брат усопший, брат воскресший, приветствую тебя!⁵ Приветствую именем моих товарищей, которые, смею сказать, менее тебя рукоплесканий достойны. Уклонясь от превратностей Беседы, они безопасно совершают течение свое в чистой непорочности Арзамаса; ты же, увязший в беседной куче, ты, барахтавшись долго посреди ее помарания, ты кажешься мне Курцием, бросившимся для того в сию зловонную бездну, чтобы спасти самого себя от заразы, — и ты спасен. Смертию получил бессмертие, пакостями — невинность⁶, грязью и смрадом — чистоту и благовоние.

¹ На следующем листе помещен конец протокола, напечатанного выше на стр. 82 — 83.

² Далее зачеркнуто: сладко услышать лай собаки или крик петуха.

³ Первоначально: путешественники.

⁴ Первоначально: крапивным, репейниковым.

⁵ Далее зачеркнуто: растроганным сердцем.

⁶ Первоначально: чистоту.

Друзья, последуем за ним по дороге испытания беседного — посмотрите на сию новую чистую душу, на сего непорочного отрока, ставшего на распутии — две пред ним дороги, одна ведет к беседному растлению, другая к¹ арзамасскому величию. Грозная невидимая судьба стоит позади сего юноши беспечного в своей невинности и смиренно предающего себя власти вождя невидимого.

С грозным словом² Благо творю гонением ужасное божество толкает его на стезю Беседы. И начинается страшное испытание.

О какая перемена! Он был прекрасен, как белый гусь, воспитанный на лугах арзамасских; тело его было нежно; взор светел; власы развевались прекрасными черными кудрями по челу высокому; уста улыбались — вдруг тело его покрывается проказою Разрядов и волдыри коловратности слазьянской хребет³ его посыпают. Желтизна сотрудничества разливается по ланитам его. Но кто изочтет сии наросты, возникшие как сморчки дубравные по беззаконному хребту его? . . . Поименуем некоторые: сей тяжкий, дрожащий, ноздреватый нарост именуется Атреем; сей скромный волдырь, присядящий оному царственному наросту, есть Розовый Чорт; сия семья прыщей называется толпою уединенных Бардов. . . Но язык наш мог бы утомиться, когда бы захотел пересчитать все посрамительные волдыри, некогда пестрившие брентную скинию покойника. Лучше обратить свое внимание на самого его. О, как он ни поган по наружности, но душа его чиста и неприкосновенна! Друзья! Пакость Беседы принадлежит ей самой, и тот, кто ей причастен, виновен только тогда, когда, отворачаясь внутренно от сей пакости, все предает ей для неких посторонних видов и намерений. Брат наш усопший был не таков. Рука судьбы посадила его в Беседу⁴, а заблуждение украсило перед ним ее уродство. Сие волшебное заблуждение сделало для него привлекательною и ту поносную проказу и те отвратительные волдыри, коими опестрилась его красота, прежде столь обольстительная и чистая. Гадкий для взоров небогатенных, он казался самому себе столь же образцовым, как и Образцовые сочинения, издаваемые любителями словесно-

сти по подписке, которая принимается у титулярного советника Василия Тимофеевича Кашкина.

Скажу боле: он сам с некоторым непорочным жеманством образовал сии наросты, волдыри и волдырьки, коими после украшал тело сие! Кто мог смотреть без горестной меланхолии на сего прекрасного юношу, который, округлив безобразный вышеописанный ноздреватый нарост, наименованный Атреем, сам сзоею рукою наклеил его на привлекательное чело свое и, вообразив, что это какая-нибудь драгоценная перла, пошел с ним в люди и чистосердечно принимал смех их за приветственное изъявление похвалы и удовольствия! О! Не будем обвинять непорочного! Позторяю: сия вина его в заблуждении! Святая искренность сопутствовала ему всюду! Он был в Беседе! Он верил окружавшим его! Увы! Окрест его были обманщики или безумцы! Одни выдавали пакости за совершенства! А для других все уродливое преобращалось в прекрасное! Один предосидел по горло в снежном сугробе и восклицал: я в ш у б е. Другой, опрокинув лукошко и загнав в него несколько тощих мышей, говорил: Э т о х р а м с л а в ы ! Э т о р у с с к и е и р о и ! Третий. . . Но для чего напоминать о прошедшем!

Настала минута оправдания! В некоем таинственном сие представилось покойнику все то окаянство, в котором он был погребен заживо! И некая германская Луиза подала ему пук очарованных Гексаметров — сим опахалом смахнул он с себя комарей Беседы! Могушественное действие непорочности! В сию минуту налетел на него дух Арзамаса!¹ — Наросты и волдыри с шумом с него посыпались, как листья убитые морозом с гордого дуба, и вмиг помост беседного капища покрылся его шелухою, а сам он отлетел. Напрасно Дед Седой махал ему костяною десницею; напрасно Липецкий потопитель поднял полшубу и предлагал ему на выбор: забиться ли под нее или смиренно воссесть под гостеприимным навесом его пуза — тщетные усилия! Очи его просветлели. Отлетел он при таком взывании. Беседе осталась одна шелуха преобразования, которую заботливая рука Седого Деда, вооружившаяся помелом наследственным, подмела, дабы кто-нибудь из сотрудников грядущего времени мог получить ее в дар богатый.

И не стало его для Беседы! Уснул в пакости! Пробудился в велелепии.

Друзья! Помните ли предание древнего времени о фениксе

¹ Далее зачеркнуто: и он отшел от Беседы

¹ Далее зачеркнуто: возвышенному.

² Далее зачеркнуто: я научаю исправляя.

³ Первоначально: все тело.

⁴ Было написано: кинула его на дорогу беседную.

бессмертном? В нашем брате возобновилось чудо перерождения сей баснословной птицы! В едином токмо не сходствует он с нею — Феникс умирал Фениксом и воскресал Фениксом! Брат наш умер сердитою¹ совою Беседы и воскрес горделивым гусем Арзамаса!

И се он, сия усопшая сова, сей гусь преобразования! Брат наш! Приветствуем тебя на праге нового Арзамаса! Теки в путь свой как солнце от востока! Ты нам дороже по тем опасностям, кои тебя осаждали! Ты выдержал карантин Беседы, и грозная зараза тебя не постигла... Воссядь с нами, возлюбленный брат наш!

II

НАДГРОВНОЕ СЛОВО

ИМЕНИТОМУ СОТРУДНИКУ БЕСЕДЫ Р. С. С. П. Ж-ВУ

Ныне, отложивше ветхого человека, в нового облещемся.

Наконец именитый сотрудник Беседы Р. С., по многотрудном странствовании в безвестной юдоли Литературных Обществ — успе! Наконец, скинув бранный покров свой: ослиные уши и дурацкую шапку, известные принадлежности (attributs) беседчика, облачается в нетленный, красный колпак Арзамаса. Ныне, отложивше ветхого человека, в нового облещемся.

Успе ревностный товарищ Политковских и Галинковских! Делатель прилежный беседного винограда дурных стихов и тяжелой прозы, почил есть. Что возглаголем о том, о немже никто не глаголал, что сотворим убо тому, иже сотворил много и во множестве толикое ничтожество?² Как прославим того, егоже прославили непонятные Барды?

Исчислять ли подвиги ныне пред нами лежащего бездыханного сотрудника — и подвиги его бесчисленны! Тщетно буду описывать их, они неописанны! Да и могу ль пленить вас чуждою славою, когда собственная слава не прельщала великой души его? Так, М. Г., он трудился более для пользы, нежели для славы: Атрей, Агамемнон и прочие владыки долго томилась под пером его. Двадцать шесть раз он являлся на поприще театра, столько же раз одерживал победы над Лукниц-

¹ Первоначально: беседною.

² Первоначально: ничего не сотворил.

кими, Шеллерами и Кобяковыми. Он имел благородную смелость стязаться с Краснополским, даже с губителем Шаховским, даже в последней своей комедии Розовой Чорт (из фр. оперы переделанной) и с непобедимым Лифановым.

Милое чадо Беседы! Ты об руку шел с любезными братьями, проворным Потемкиным и маленьким Капнистом, с безмолвным Соколовым, и неумолчным Филатовым! Ими наставляем ты славился без желанья, ими охраняем — ты не страшился ни эпиграмм, ни сатир, ни пасквилей! Наконец, достигая уже вершины честей — действительного членства Беседы, ты оставил спутников своих сетующих, и гроб твой безмолвный непроницаемый предо мною! О непостоянство земного счастья!

Но к чему наше сетование? Се обновится яко орля юность его: сотрудник восстанет как Феникс из своего праха, под другим только названием, Почтенное Арзамасское Общество Безвестных Людей уже вызывает его из могилы. Прийди, гласит оно, заблудшая овца, очистишься от смысла греховного и будешь мисосудизбранней! Так, М. Г., покойник, услыша призывной ваш голос, восстанет и предстанет перед вами крепким, добльственным воином; аще ополчится на него полк безумцев не убоится: он отразит хулу и клевету Шаховского, победит тупоумную зависть Шишкова, уничтожит самохвальство Хвостова, посмеется козлогласованию Висковатова и Корсакова с братиею и будет в ваших руках яко злато в горниле искушенно, сосуд в честь, а не в бесчестие, и отложивше ветхого человека в нового облечется!

12

Месяца Листопада в первый надесять день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц второй, в доме его превосходительства члена Старушки был третий ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали Их Превосходительства:

Чу.

Старушка.

Элова Арфа.

Кассандра.
Громобой.
Ивиков Журавль.
Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочитан был протокол прошедшего заседания, краткий, но отличающийся тем необыкновенным остроумием, которым одарила меня благосклонная судьба, и члены, глядя на меня с умилением, радовались, что я им товарищ; а я не гордился ни мало; напротив, с свойственною мне скромностью принимал их похвалы за одни выражения дружбы и удостоивал друзей моих снисходительной и весьма лестной для них улыбки.

2-е. Его превосходительство я же, како новопринимаемый член, предшествующей красной шапке, был введен с церемонией в хранину заседания. Уже громозвучный Чу сидел на президентском месте: Беседа покоилась в карманном гробе, взятом займообразно, из-под домашней чернильницы; прочие члены сидели в немом ожидании. Меня ввели, и все лица просияли. Как важный гусь подступал я к месту президентскому: красная шапка надо мною растопорщилась и голосом приятным, которого звуки сладостно ковыряли сердца друзей моих, произнес я роковую клятву — произнес, потом сел или паче вдвинул в гостеприимные объятия стула ту часть моего тела, которая особенно нужна для сидения и которая в гиде головы торчит на плечах халдеев беседных. Потом отзерзлись уста мои, и начал я хвалить одного беседного покойника, одного графа, одного скотолоуба, Дмитрия, но не Донского, а Кубрского, сего лирического затейника, сего вольного каменщика бессмыслицы, привилегированного фабриканта галиматыйи и заслуженного парикмахера фурий. Члены отдала справедливость моему красноречию смехом и шумными плесками. А почтенный президент Чу весьма удачно похвалил мои различные достоинства в краткой речи, в которой не позабыл упомянуть и о моем друге месяце, за что я ему вечно останусь благодарен.

3-е. Читано было краткое донесение соглядатая его превосходительства Ивикова Журавля. Его превосходительство начинает порядочно промышлять своим длинным носом в бологах халдейских. Он почти склевал одного воинствующего лягушенка, который своим кваканьем вздумал было оскорбить арзамасские уши: сей лягушенок уже копышется в клещах его

неизбежного носа; и скоро вверженный в кастрюлю примирения будет стоять на столе арзамасского пиршества; скоро престанет он быть жеманным волокитой, а сделается самым скромным, уездным проказником.

4-е. Рассуждаемо было о том, как поступить арзамасцам с халдеями, положено предварительно:

1-е. Заключить перемирие, а смотря по обстоятельствам и мир, с водяными скоморохами Липецкого закоулка.

2-е. Оставить себе свободу делать набеги на халдейскую синагогу; вести войну партизанов, без всякого плана, а положив себе за правило бить халдеев при всяком удобном случае и чем ни попоало.

3-е. Определить з а н я т и я Арзамаса, дабы, по отпении известного числа покойников, не сидеть самим во время соборачия покойниками а заниматься различными приятностями, читая друг другу стишки, царапать друг друга критическими колкостями и прочее.

5-е. Все это было заключено ужином. Гуся опять не было, и каждый член, погруженный в меланхолию, шептал про себя: Где гусь? — Он там! — Где там? — Не знаю!

6-е. Очередным оратором избран его превосходительство Ивиков Журавль, а президентом его превосход. Старушка

*Ивиков Журавль.
Старушка.
Громобой.
Кассандра.
Председатель Чу!!!!
Элова Арфа.
Светлана.*

15

РЕЧЬ СВЕТАНЫ

Если бы в сию торжественную минуту, слушатели, в которую под благословенное хоругвие дружества¹, ополченные духом и телом, красным колпаком и гусиным пером против сопостатов беседных, веселились мы о преславном возрождении Арзамаса, возможно было нам радостию восхищенным вознестись до высоты небесной, чтобы, перешед мысленно через Обухов мост и миновав желтый дом сумасшествия, заглянуть в знаменитую Беседу безумства и ниспуститься под темные своды сей пирамиды, сооруженной не веками, не тысящами израиль-

¹ Первоначально: Арзамаса.

тян невольных, но четырьмя Разрядами свободных полоумников халдейских, — какое чудное поразительное, скажу просто, — бесовское зрелище бы нам открылось.¹ Уже вы слышали, арзамасцы, в прошедший раз от почтенного Чу о дивном самоотвержении беседных героев ничтожества. Что же скажу вам после сего знаменитого оратора! Красноречие мое бессильно, и на что красноречие? Последуйте за мною воображением в сию храмину, сооруженную мертвыми, обитаемую мертвецами. При входе в нее не поражает ли вас ужасом то молчание, которое в ней царствует, молчание страшное² ни разу еще не нарушенное веселым звуком здравого смысла! Сырость, покрывающая сии стены, не напоминает [ли] о той нравственной сырости, которая покрывает плеснею запустевшие головы Беседы! Вы чувствуете запах тления, и воображению вашему не представляется ли невольно истлевшее поколение чтений в Беседе³ и жалкий скелет Рассуждения о старом и новсм слоге, и горестный пепел двух статей, переведенных из господина Лагарпа. Но вот они сии покойники⁴. О сколь различные образы дала им смерть произвольная. Один лежит в виде огромного великана, одеянного чудесною кирейкою, сшитую из снежного меха; тело его плотно составлено из тука освистанных комедий; вместо головы мешок туго набитый свищами, в коих под видом червячков таится план водевилей и опер! Другой предстоит величественным мухомором, осеняющим на подобие некоего храма славы мириады сморчков и опенков; третий во образе славной жены Яги Бабы, одеянной в фижмы, возлежит на груди чепцов, сарафанов, кошеников, древних салопов с капишонами; четвертый как бы старинная фляга без пробки, некогда заключавшая в себе уксус настоянный острогоном, как то свидетельствует ярлык до половины ободранный губительным Кроном⁵; пятый, огромный волот, разверзая страшную пасть, высовывает из нее комарий язык; в заостренолой шуйце лира, десница, некогда по ней ударявшая, без пальцев, глава его лежит на огромной подушке, набитой презренными им глаголами и между ими ошибкою закопался и здравой смысл; он мертв, но живот его страшно надут

Вот что такое это множество...
 Далее зачеркнуто: которого никогда не прерывало веселое слово здравого смысла...
 Далее зачеркнуто: горестный жалкий прах.
 Далее зачеркнуты две строки: я вижу их лежащих рядком составив мистический круг из гробов своих.
 Первоначально: рукою губительного времени,

еще теми речениями, которые давно уже он из себя извергнул, но которых хвосты еще тянутся из утробы его.¹

Но кто сей, сохранивший природный свой образ, сей не имеющий нужды ни в каком заимствованном уродстве? Это он трудолюбивый батрак смерти, неутомимый поденщик ничтожества.² Каждый день, сограждане, изобретает он себе новый род кончины. Сочетаются ли два нежных любозника законным браком³ в храме божием, и он спешит сочетаться со смертью в готической эпиталяме; разрушается ли трон Наполеонов на берегах Сены, и он разрушается в торжественной оде на скромном стуле своем перед запачканным налосем. Река Кубра катится ли по песку, и он ложится там, где ее песок. Он один! А все книжные лавки наполнены разнообразными гробами его! И недавно, арзамасцы, я сам купил один такой гроб за восемь рублей шесть гривен и получил сорок копеек сдачи медью. Ежеминутно таскают его на сие кладбище беседных покойников, но только успеют по нем совершить тризну, как он опять подымается⁴, опять бежит на ловлю смерти, и смотришь, опять⁵ волокут его в могилу, опять отпевают, и тщетны сии отпевания. . . , не скоро угомонится⁶ кашей бессмертный.

Но вот он, скончавшийся недавно в торжественном гимне, переведенном каким-то камчадалом на язык немецкой. Друзья и сродники сошлись на поминки, и важный оратор готовится говорить перед ним похвальное слово.⁷ Друзья мои, что лепетание мое перед сим красноречивым говоруном Беседы. Послушаем и умилимся.

Водрузив перед самым гробом развесистую рябину, важный осел, зацепивший за ветку ее длинными ушами, висит и сидит и крепко лапами за дерево хватает и перед ним безмолвное собрание всех скотов, в первый раз исторгшихся на волю из нераскупленного издания избранных притчей. Все безмолвны, оратор начинает:

«Что делаем, скоты? Кого погребаем?»

¹ На поле против этого листа приписано: Шихм. Львов. Шаховск. Шишк. Захар А. С. Хв. Хвост.

² Далее зачеркнуто: Ежедневно кончает он на.

³ Далее зачеркнуто: он умирает в эпиталяме.

⁴ Далее зачеркнуто: снова умирает.

⁵ Далее зачеркнуто: его тащат.

⁶ Далее зачеркнуто: ем, он, почтеннейшие друзья мои, и недавно окончил он.

⁷ Вместо: ему речь похвальную.

О друзья мои, более сего оратор сказать не мог. Сильное слово его как молния поразило всех предстоящих. Все всколебалось, он сам от ¹ жестокой скорби прынул с рябины, *ослицею нашел раз и не разгрыз ореха*. Каждый из окружавших гроб сделался сам оратором. ² Как сумасшедшая летучая мышь захлопала крылами и закричала: душа его была красива!

Увы, его епанча не была накинута на оба плеча, для меня же при жизни его, *езде были окошки; и воздух и земля все было мне погост*. ³

А я разве менее несчастна, стонала горестная недавно овдовевшая свинья! Пока он жил, я сживала на гнезде.

Друг мой свинья, воскликнула *сука — доброй человек*, ⁴ я разделяю твою горесть... но посмотри на этого *зайца — комолюю птицу*, как он страдает; с горя повесил он себе на грудь звонок и *лупит им в набат*, а меланхолическая ⁵ *Туфля* внимает ему с умилением, забыв своего *Эмпедокла* ⁶. — Увы, вздыхало уединенное лукошко, когда бы видело свет и я бы видела в себе орехи.

Ах! что говорю, уже почтенный друг мой начинал меня учить логике и морали. ., но он скончался, оставив мне одно золотое правило

Кому противно что
Тому конечно то
Не надо ни на что,

и с тех пор мне стали не надобны орехи.

Между тем все теснились к гробу — *Лягушка*, влюбленная в широкие бычачьи бока, с умильным кваканьем, приползла к нему, дулась, лезла вон из кожи и наконец *треснув породила смех*; *Разборчивая Невеста*, заглянув на него с отчаянием воскликнула: *у него не тут где должно нос*; в отдалении стояли *Туча*, *Горы* и *Куча* и перешептывались с *Кривою Лицицею*, *Борей* заливался слезами, обнимаясь с *табашником*! *Лещ*, истинной *родитель*, лежал в обмороке, и его оттирала *Хвастли-*

¹ Далее зачеркнуто: от сильного внутреннего движения оборвался с рябины и в горести

² Далее зачеркнуто: посмотрите: вот порхает унылал.

³ Далее зачеркнуто: мне что делать.

⁴ Далее зачеркнуто: сравнить ли тебя горесть с мосю.

⁵ Зачеркнуто: горестная.

⁶ Далее зачеркнуто: во мне были орехи, и я начало было учиться философии.

вая Лягушка; *Две отчаянные сумы* надувались от вздохов, безутешная *Подагра* мучилась спазмами, и *Паук* обмахивал ее паутиною; *Болван*, помешавшись от горя, молился *Богомольцам*, которые, ухвативши за хвост *Собаку без ушей*, ¹ говорили кобенясь: ты в случаях таких останешься как конь век права без улик.

Между тем *Голубь-путешественник* сидел в угрюмом молчании, *стиснув зубы*, на плечи у одного из двух *лызгачей*, который, смотря на гробенку, восклицал ² в сумасшедствии: какой интересный *цыпленок*! Но всех несчастнее и горестнее были мыши. Они лишились своего *благодетеля*! Столпившись стояли они неподвижно и без внимания, в окаменелой печали смотрели на солнце и молнию, которые неподалеку от них лежали в конвульсиях. . . ³

О друзья мои, хотя я и не принадлежу к героям избранных притчей, но в эту минуту я почти сам сделался притчею и вместе с другими приступил к священному гробу покойного. Сердце мое сжалось, когда я увидел его неподвижного в сем гробе, и уста мои сами собою заговорили, и я умолк ⁴.

14

Месяца Листопада в осьмнадцатый день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц второй, в доме его превосходительства *Кассандры* был четвертый ординарный *Новый Арзамас*.

¹ Далее зачеркнуто: и думали, что этот хвост есть уши.

² Далее зачеркнуто: в судорогах как бы в отчаянном бешенстве.

³ Далее зачеркнуто: О друзья мои, и я был зрителем (свидетелем) этой картины, раздирающей мою душу! Воспоминание об этом зрелище так сильно проникает душу мою, что я должен умолкнуть.

⁴ Далее зачеркнуто: Ты ли это, граф Дмитрий Иванович? вопросили мои уста... Так, точно ты — отвечали мои уста. О, для чего покинул нас! Кто принуждал тебя вступать в сию *Беседу*, где смерть дарствует, где мыши, упитанные трудами *Александра Семеновича* и твоими и прочих, кажутся не мышами, а большими шафками! Зачем вступил ты в сию *Беседу*! Но что напрасно сетовать! Его нет! Приступите, скоты, приступите, звери вельможные! Бросьте окрест себя вворы... Вот все его великолепие и слава сделали для воздаяния надлежащей почести вашему герою! Притчи, послания, лирические стихотворения, горестные знаки небытия! Трагедия *Андромаха*, в которой надобно плакать от горести и в которой плачешь от смеха! Колонны составлены из нераскупленных изданий, печатные связки, которые как будто к небесам возносят великолепное свидетельство ничтожности, и посреди сих почестей невидим только тот, кому они воздаются.

Присутствовали Их Превосходительства:

Чу.
Старушка.
Элова Арфа.
Ивиков Журавль.
Громобой.
Светлана.

и еще один волонтерный любитель арзамасских веселостей, его превосходительство гвардии прапорщик господин Писемский, родной племянник его превосходительства Кассандры, следовательно родной племянник и всего Арзамаса.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочитан был протокол прошедшего заседания, очень умный, по обыкновению, и члены восхищались по обыкновению.

2-е. Его превосходительство Громобой явился уже по прочтении протокола. Все члены, вообразившие, что он опять оскотинился, весьма обрадовались, увидя его вступающего в храмину заседания, во всей чистоте арзамасского гуся; обрадовались тем более, что это позднее появление почтенного Громобоя доставило им удовольствие слышать во второй раз чтение моего прекрасного протокола. И я читал его с особенным удовольствием: ибо моему воображению представлялся уже его превосходительство, грядущее на четвереньках, смиренно читающий самому себе отходную и гордо внимаемый одними безмолвствующими задницами их превосходительств прочих собратий моих, обратившихся к нему гордо хребтами. Сия ужасная мечта как вран Промифеев клезала утробу моего воображения: но при виде вступавшего в Общество нашего члена Громобоя жестокий вран сей обратился в дружественного гуся, и воображение отдохнуло.

3-е. Его превосходительство Ивиков Журавль введен был торжественно в храмину; прочитал клятвенное обещание; сел; потом, окунув затейливый нос свой в беседную лужу, вытащил оттуда очень порядочного покойника и принялся долбить его себе в честь, а нам в утешение, а его превосходительство Кассандра отвечал нововступившему другу своему разными сладостями и очень удачно сравнил его с тем интересным Журкою, которого так превосходно описывает его сиятельство граф Бюффон.

4-е. По жеребью выбран оратором следующего заседания его превосходительство Старушка, а его превосходительству Чу досталось быть очередным президентом. При сем выборе случилось нечто весьма неприятное: его превосходительство Элова Арфа издал некоторые непристойные звуки отрицания и начал весьма пакостным образом корчиться против законного избрания в ораторы. Члены с сердечным прискорбием заметили сие неблагоприятство его превосходительства, уже уволенного один раз от чтения, но уволенного с условием исполнить без всяких отговорок священную свою обязанность. И положено, в случае решительного его возмущения, поступить с ним следующим образом:

1-е. Признать его покойником.

2-е. Переименовать его из Эоловой Арфы Убийцею или Лешим, или Плешивым месяцем.

3-е. Вместо очередной речи велеть ему вытвердить наизусть Похвалу женам, которую прочитать вслух за ужином, без ошибки, несмотря на то, что члены не будут его слушать.

4-е. За ужином не есть ничего, а довольствоваться одною ободранною гускою гуся, которая будет лежать перед ним на первой странице Рассуждения о старом и новом слоге как эмблема того утраченного величия, которое он уничтожил своим упрямством, и наконец

5-е. Он лишается титула превосходительства, а получает прозвание Ободранной Гуски, которое и сохраняется до тех пор, пока не отпоет надлежащим образом узаконенного покойника и тем самым не воскресит себя.

5-е. Было рассуждаемо о том, какое бы иметь постоянное занятие Новому Арзамасу. Его превосходительство Кассандра предложил было заниматься критическим разбором лучших вновь выходящих книг русских и иностранных — но кажется, что сие предложение не разлакомило членов и не произвело в умах их никакой приветственной похоти. Положено предварительно, чтобы члены предлагали на рассмотрение Арзамаса всякое литературное прозябение своей пошвы: Арзамасу же обрабатывать сию пошву, взрывая ее критическим плугом, составляя питательные снопы из того, что произрастет на ней доброго, недоброе же бросать свиньям и хрюкам беседным, да попрут его стопую или да всковыряют его рылом.

6-е. Первый опыт сего литературного удобрения сделан был

над двумя приятными произрастениями, заимствованными из теплицы его превосходительства Чу.

Из юных первое: Повесть о том, как некоторая собака, по имени Баркуф, царствовала в некотором государстве с великою мудростию и как все подданные были ею довольны. Сочинитель сам изволил читать сию повесть, и члены, слушая его, говорили друг другу на ухо: он съел собаку.

Второе: Перевод некоторых затейливых Парамифий, сочиненных одним германским арзамасцем. Члены выслушали два или три отрывка сего богоугодного перевода; почти все в нем принято было с одобрением, кроме одной почтенной Немециды, которая с сим прозванием казалась их превосходительством не богинею мщения, а почтенною ректоршею Дерптского университета или почтенною купчихою в богатом кокошнике. Чтение прочих Парамифий отложено до следующего заседания.

7-е. Ужин, заключивший сие заседание, был освящен присутствием гуся. Члены приняли с восхищением своего жареного соотечественника; но увы, сие восхищение смешано было с горестным предчувствием: священный гусь стоял на столе, обращенный тучною своею гускою к тучному его превосходительству Эоловой Арфе, и члены невольно мыслили про себя: не миновать ему ободранной гуски.

*Президент Кассандра.
Громобой.
Ивиков Журавль.
Чу!!!*

Будущая ободранная гуска, что ныне Эолова Арфа.

*Старушка,
Светлана.*

48

[РЕЧЬ КАССАНДРЫ]

Г. Ивиков Журавль!

Мне известна ваша живая почтенная ненависть ко всем похитителям¹: и к дерзким воинам, сидевшим на престолах царей своих, и к невинным драматургам,² взявшим на откуп ру-

*Вот, Вотрушка, Вот я вас опять —
В. Л. Пушкин.*

¹ Далее зачеркнуто: всякого рода.

² Далее зачеркнуто: которые похищали или покупали.

кофлескания партера. Знаю, что вы¹ и на меня взираете с ужасом, ибо я занимаю здесь не свое место. Но кто осмелится роптать на судьбу всегда непостоянную? Она была вам благоприятна не более минуты, назначила — хвалителем одного из славнейших граждан Арзамаса, и вдруг отменила² свое решение, как Гражданская Палата отменяет³ решение уездных судей. Черный конь почтенной Старушки сделался брыклив и непокорен: уподобясь богу Протею, он начал являться к госпоже своей то в виде посла Феталишахова, то в лице сира Гора Узелея, то под личиной И. А. В.⁴, и в других многообразных образах: наконец, в одном из сих видов, не знаю точно, в каком, неверный конь умчал Старушку вдале от Арзамаса, вдале от мирных занятий наших. Она возвратилась, но поздно, и смущение души ее, еще пораженной зрелищем страны неведомой, страны ведьм, разбойников и злых духов, не позволяет ей совершить обряда⁵ вашего⁶. На меня возлагается обязанность,⁷ я должен сопричесть вас к лику Безвестных арзамасцев, я должен вам поведать наши таинства, увы, также неизвестные может быть, и для нас самих. Так, М. Г., и я недельный архонт⁸ Арзамаса, и я был погружен в сие постыдное⁹ невежество; но прошедшая ночь озарила меня новым светом.

Не знаю, как назвать, что было со мною — пророческой сон или откровение зъяве, но я имел откровение¹⁰. Внимайте, почтенный Журавль, внимайте, все почтенные члены, что было со мною. На сем месте, на сих обширных креслах я сидел объятый глубокими, тяжкими думами; наступала торжественная минута глухой полуночи, и хлад неизъяснимый¹¹ проникал до костей моих, я чувствовал, что во мне сердце томилось и мысли переставали бродить от предмета к предмету, но еще

¹ Далее зачеркнуто: глядите.

² Вм. зачеркнутого: уничтожили.

³ Вм. зачеркнутого: уничтожает.

⁴ Далее зачеркнуто: и многих других.

⁵ Вм. зачеркнутого: приступить к таинству принятия.

⁶ Далее зачеркнуто: Я должен заменить Старушку и должен хвалить вас.

⁷ Далее зачеркнуто: более.

⁸ Вместо зачеркнутого: очередной истолкователь Арзамаса, представитель вашего града.

⁹ Вм. зачеркнутого: глубокое.

¹⁰ Далее зачеркнуто: На сем месте, на сих обширных креслах.

¹¹ Вм. зачеркнутого: и неизвестный холод.

живо представлялась в уме моем тщета всего мирского; увы, я находил ее и в славе Российской Академии, и в красоте кулисных прелестниц, и в усладительном чтении¹ Беседы. О Беседа! воскликнул я, где ты?.. Я едва произнес волшебное восклицание,² как глаза мои затуманились, свечи без треску погасли и воцарилась тьма ужасная, подобная тьме хаоса³ и творениям⁴ Лабзина. Я был в волнении ожидания;⁵ вокруг меня все подобило обширной монастырской спальне; в одном углу тихое дыхание спящих, в другом кто-то грозно храпел, а в третьем как будто бредили. И вдруг в саду моем запел пестух Людмилы, и некий глас промчался с сим пением, и глас⁶ как будто над звездами вещал: да будет Арзамас, и вместо мрака⁷ ночи⁸ появилось мерцание слабое, но приятное,⁹ подобно заре, предвозвещающей солнце. Я открыл глаза, обрадованные светом; мне показалось, что все шкапы раскрыты, что на полках оживились¹⁰ и Гомер, и Расин, и Фенелон, и Виргилий, они встречали какое-то существо, которое называлось учеником их. Я взглянул и увидел влетевшего Гения¹¹; на лице его отражалась откровенность юности, во взорах¹² сияла любовь к изящному¹³, венец его был составлен из красивых невысоких башен; в одной руке он нес светильник тихий, но блестящий, в другой¹⁴ был щит¹⁵ с древним гербом Арзамаса. Я покровитель вашего города — сказал Гений, и пришел открыть тебе таинство никому из вас неизвестное. Вы можете быть пророками без вдохновения, ибо вся тайна пророчества, весь характер и часто судьба человека заключается в его имени.

¹ Вм. зачеркнутого: наслаждениях.

² Вм. зачеркнутого: раздалось в воздухе.

³ Далее зачеркнуто: отражалось повсюду.

⁴ Вм. зачеркнутого: сочинениям.

⁵ Далее зачеркнуто: прислушивался к, тщетно прислушивался.

⁶ Далее зачеркнуто: вещал, да будет Арзамас.

⁷ Далее зачеркнуто: уступило место свету, по крайней мере для глаз моих был приятнее.

⁸ Далее зачеркнуто: При сем свете, увы, при сем мерцании.

⁹ Далее зачеркнуто: ибо оно как предвестник солнечного света.

¹⁰ Далее зачеркнуто: и Расин, и Волтер, и Фенелон, и Руссо.

¹¹ Далее зачеркнуто: на лице, его стан был высокой, но не гигантской.

¹² Вм. зачеркнутого: глазах.

¹³ Далее зачеркнуто: он был увенчан красивыми башнями.

¹⁴ Далее зачеркнуто: был, руке держал, багряный.

¹⁵ Далее зачеркнуто: и на нем.

Так Хвостовы своим названием обречены неопрятности, так слог Шишкова всегда будет несносен для читателей, как шишковая дорога несносна для фельдъегерей; и ты, Кассандра¹, часто пророчествуешь и всюду находишь неверующих, так² и новый завтрашний брат ваш найдет историю жизни своей в естественной истории Бюффона, в 18-м томе Ирапелетова издания, на странице 139-й и следующих. Послушай, вот она: «Журавли, говорит Бюффон, принадлежат³ к роду странствующих птиц, и странствия их самые продолжительные, самые смелые. Так и журавль вашего Общества беспрестанно путешествует, и никакой арзамасский гусь подобно ему не бывал⁴ ни в Иркутске, ни в Красноярске, ни в Маймачине. Журавли предшествуют и возвещают лето и зиму, ясную погоду и непогоду, и ваш собрат не редко предсказывал ненастье на Парнасе; в древности Журавли сражались с пигмеями и истребляли их, и новый Журавль Арзамаса введет войну с пигмеями». . . Но Гений умолк, и я должен один закончить сравнение. Так, любезнейший пернатый⁵, во всем вы сходны с своим патроном! И нынешний подвиг ваш тому доказательство⁶. «Журавлей, продолжает Бюффон⁷, ловят с и л к а м и и с е т к а м и»; нам известно, в каких силках, в каких сетях держала вас и милая крестьянка Красноярская, и Теофила, сияющая в Пензе⁸, и другие и другие. . . Журавли питаются хлебом, и вы питаетесь хорошими книгами, но для лакомства они ловят червей,⁹ лягушек и гадин, а есть ли в Беседе гадины превосходнее¹⁰ Хвостовых; одного проглотила Светлана, за то вы другого не упустили: и вот он лежит¹¹ изглоданный вами, и по нем еще ползают сии черви, столь любезные для вашего журавлиного клюва. Как не назвать червями этих мелких порождений его таланта: эту полдюжину стишков и две дюжины слов, которые нашим бабушкам каза-

¹ Далее зачеркнуто: часто предрекаешь бедствия и не всюду находишь неве.

² Далее зачеркнуто: так и друг твой Чуса.

³ Вм. зачеркнутого: из всех.

⁴ Далее зачеркнуто: ни в Урге.

⁵ Далее зачеркнуто: соглядатай.

⁶ Далее зачеркнуто: Вы знаете, что.

⁷ Далее зачеркнуто: хотя питаются хлебом, но вместо лакомства их.

⁸ Вм. зачеркнутого: блистательная пензенская По. . .

⁹ Вм. зачеркнутого: насекомых.

¹⁰ Вм. зачеркнутого: вкуснее.

¹¹ Далее зачеркнуто: перед нами.

лись острыми¹, так как иные черёяки блестят, да только ночью. Хвала вам, член и соглядатай! Вы не изменили ни званию, ни имени, ни характеру² Журавля; вы не испугались пигмея и прежде всех³ по Асмодею дерзнули того укусить, кого все боялись, когда кусали. Хвала вам! Вы достойны⁴ Арзамаса, достойны своей восприемницы баллады,⁵ которой, кажется, вы⁶ и не читывали. Однако ж — я вам советую прачесть ее

16

Месяца Листопада в двадцать-пятый день по обыкновенному летосчислению 1815 г., от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц второй, в доме его превосходительства Старушки был пятый ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали Их Превосходительства:

Чу,
Старушка,
Эолова Арфа,
Кассандра,
Ивиков Журавль,
Громобой,
Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочтен был протокол прошедшего заседания, и члены заметили весьма справедливо, что я час от часу становлюсь совершеннее, с чем я и согласился.

2-е. Его превосходительством мною и другим арзамасцем, которого признательно написать я забыл, введен был очередной отвепатель его превосходительство Старушка и представлен президенту члену Чу. С надлежащей благопристойностью его превосходительство прочитал присягу; во время сего чтения члены с сокрушением заметили, что его превосходительство я несколько проказничал, почему и поручено

¹ Далее зачеркнуто: иные блестят ночью, другие и посреди вселенной.

² Далее зачеркнуто: Вы первые.

³ Вм. зачеркнутого: первые.

⁴ Далее зачеркнуто: Вашей баллады крестной матери.

⁵ Далее зачеркнуто: и можете решаться.

⁶ Далее зачеркнуто: еще.

мне сделать на этот счет некоторые укоризненные замечания, дабы вперед я не мог позволять себе таких непотребных вольностей, вводящих в искушение членов, особенно Эолову Арфу. которая и без того уже часто бывает бунтующею балалайкою и звуками своими производит в заседаниях треск и разрушение.

3-е. Его превосходительство Старушка прочитал весьма колкую панихиду некоторой заморской покойнице, а его превосходительство Чу, бывший президент сего заседания, ответил ему очень замысловато, что и не удивительно, ибо известно, какой он умник и затейник.

4-е. Члены хотели продолжать критической разбор известных Парамифий, начатый в прошедшем заседании, но член Кассандра, временный хранитель сих принятых произведений ума человеческого, благоволил бесстыдно забыть их дома, — и их превосходительства с прискорбием принуждены были повесить носы. По сему случаю определено было сделать хорошенькой выговор его превосходительству Кассандре, что однако оказалось ненужным, ибо совесть отмстила жестоко его превосходительству за оскорбление Арзамаса: замечено, что он был во все заседание мрачен, ездил на стуле и с ужасом посматривал в темный угол, где мечталась ему почтенная Немезида¹ в огромном чепчике с большими лопастями и падающею невидимая рука чертила пламенные слова: помни ободранную гуску!

5-е. Сделан был весьма назидательный выговор его превосходительству Ивикову Журавлю, который давно уже не исполняет своих важных обязанностей соглядатая и содержит свой журавлиный нос в некоем поносном бездействии. Члены напомнили е. п., что он не должен употреблять свой нос всуе, а на пользу и славу Арзамаса. И надобно признаться, что его превосходительство принял этот упрек не с тою покорностью, какая свойственна арзамасцу²; он горделиво надул свой зоб и более похож был на оскорбленную индюшку Беседы, нежели на миловидного Журавля-мстителя за арзамасских Ивиков. Тут увидели, как он отличен был от его превосходительства Кассандры: он был так же хладен, как один из столпов, составляющих ограду Беседы, а за ужином ел более Эоловой Арфы. Члены надеются, что он исправится; что

¹ Далее зачеркнуто: кокошнике

² Далее зачеркнуто: члены видели, что.

он отучит себя от непристойной привычки надувать зоб — в противном случае вместо Ивикова Журавля он будет наречен: **И н д ю ш к а - с о т р у д н и ц а**.

6-е. Члены избрали в арзамасцы двух знаменитых друзей своих:

1-й. Его превосходительство: **О ч а р о в а н н ы й Ч е л н о к**. С флагом Арзамаса прошлыл он по земле и воде все климаты Европы и Америки; на скалах Ниагары, по милости его, эхо научилося повторять имя Арзамаса; он познакомил с таинствами арзамасскими испанскую инквизицию; провозгласил Арзамас под аркадами Пале-Рояля; и в древнем Албионе, видя сражение смелых петухов, с согласия рукоплескающих зрителей, поднес петуху-победителю благородное титуло **А р з а м а с с к о г о Г у с я**.

2-й. Его превосходительство **Р е з в ы й К о т**. Долго скитался он в краях отдаленных и принужден был сообщаться с друзьями своими одним письменным мурлыканьем, которое часто пропадало на почте. Наконец мурлычет он непосредственно в слух милых своих собеседников; с растроганным сердцем говорят они ему: **к и с ь, к и с ь**; смело садится он на уготовленное ему место; и может быть твердо уверен, что верные друзья никогда ему «брысь» не скажут, ибо они знают, что он хоть и кот, но совсем не блудлив как кот и не труслив как заяц.

7-е. Очередным оратором избран его превосходительство член Кассандра, а президентом его превосходительство **Г р о м о б о й**.

8-е. Сели ужинать, но гуся не было в сонме съестных утешений арзамасской трапезы, и горестное бурчание пробежало по оскорбленным кишкам собеседников.

17

По случаю болезни его превосходительства очередного оратора Громобоя ординарный Арзамас был отложен, а был, месяца Студеня в девятый день экстраординарный Арзамас, в коем между прочими приятностями был избран в арзамасцы его превосходительство **Д ы м н а я П е ч у р к а**; а на место болезненного президента **Г р о м о б о я** избран здоровый его превосходительство **Ч у**.

118

*Президент Чу!!!
Кассандра.
Очарованный Челнок.
Светлана.
Резвый Кот.
Золова Арфа.
Ивиков Журавль.
Недугующий Громобой.
Старушка.*

18

РЕЧЬ ЧЛЕНА СТАРУШКИ

Вид столь почтенного Ареопага достаточен к изумлению оратора; если же вы, М. Г., к тому прибавите, что слезы и вздохи перерывают мою речь, то вы увидите, что возложенная на меня ныне обязанность не соразмерна с моими силами. Трагическое приключение, лишившее нас красоты нашего Парнаса, содержит в себе все роды ужаса; самое простое изложение тронет без сомнения ваши сердца и заставит вас посвятить несколько слез памяти незабвенной.

У подошвы Русского Пинда, посреди Беседы, цвела некогда нежная и скромная Певица. С самой колыбели она почувствовала влияние гениев и в з д р а г и в а л а при имени **С е д о г о Д е д а**.¹ В з и м н и й х о л о д согрелась она у пламенника его поэзии. Собравшись к о г о н е ч к у, вся семья внимала с восхищением истинно ребяческим повестям **С е д о г о Д е д а**; а к о г д а м а т к и п р и д у т с в а т к и, то юная Сафо предавалась всем движениям пылкового воображения; но и тогда мысль о возлюбленном была с нею неразлучна; играя в с н е ж к и, или в с а л а з к и, младая Певица твердила его неподражаемые стихи и, слава Богу, вкушала р а д о с т ь м н о г у.

Я не стану описывать пред вами развитие душевных и телесных сил нашей Певицы; не дерзну я поднять ту завесу, под которой крылось ее младенчество. Возможно ли изобразить ту очаровательную минуту, в которую, перешагнув в первый раз за предел девственной скромности, она вдруг почувствовала непреоборимую страсть п л о д и т ь с я? Или то божественное мгновение, когда узрев в первый раз **С е д о г о Д е д а**, она бросилась в его объятия и страстным голосом сказала:

¹ Далее зачеркнуто: Невинное время ее младенчества было уже невольно посвящено тому, кто,

119

Он мой! Я его! Восторг сих согласных душ может только уподобиться восторгу прародителей наших, изображенному в пламенной картине Мильтона. Священная любовь! Я не коснусь твоих тайн!

Таким образом летели дни и годы. Сафо и Фээн жили одной душой,¹ увлекались одним чувством, писали одним пером. Уверяют даже, что красноречивый старец рукою, призывавшею на брань народов и царей, нежно прижимал к сердцу страстную Певицу, и — чинил ей иногда перья. Любезная простота нравов! Тебя не знает, кто не чтит Беседу.

Сколько наша словесность обязана этому славному союзу. Старец на лоне Певицы наигрывает те чудные творения, которыми он преобразил русский язык. Между тем как он углублялся в изыскании корней словес, юная Певица летала по верхам Пинда в священном энтузиазме, не щадила ни чернил, ни бумаги. Что день, то новый плод — едва успевала она разрешиться от бремени, как вдруг опять чувствовала тяжесть — предвещницу новых родов. Никогда искусная рука Седого Деда не престаивала быть в движении. Он один принимал их чад, родительскою красотою и силою одаренных. Он их нарекал, он их орошал слезами радости, и часто сам носил их в воспитательный дом Глазунова.

Но и Славенюфилы подвержены страстям и слабостям нашим. Под седыми волосами Фаона крылась другая не менее сильная, не менее чудная любовь. Не смущайтесь, почтенные слушатели, если я вымолвлю, что Старец втайне предавался греческой любви! Так он умел из сей постыдной страсти сделать страсть простибельную, благородную — отрок упитанный из объятий седого Фаона был предметом сей нежной любви. Батилл Ш-а бряцал на лире старца и разделял с Певидею все движения его сердца. Какая картина! Седой Дед, обнимая одной рукою пламенеющую деву, другою играл власами поющего отрока. Счастливый Фаон вкушал все наслаждения утонченной роскоши. Дева и отрок наперерыв старались угождать всем прихотям его литературного сладострастия. Они между собою не знали ревности; и в сем дивном союзе она не престаивала быть девою — он оставался всегда отроком.

Какое безжалостное божество разорвало сии страстные узы? Какие враги отторгнули Седого Деда из объятий

нежной девы и чувствительного отрока? — Сарматская Прелестница и замысловатый родитель Холодных Шуб. Я не стану описывать пред вами все их ковы, всю их хитрость и, увы! — весь их успех. Сладострастный старец не устоял против их искусства. Он предпочел Сарматскую Прелестницу сиротной¹ Певиде; и тучной Шутовский восторжествовал над иссохшим² Батиллом.

О если бы я имел очаровательную силу отца Лабзина или блистательное красноречие двух Хлыстовых, озаряющих, подобно Диоскурам, бурной ход нашей словесности, — с каким бы жаром изобразил мучение невинной, пламенной Певиды! Какими бы яркими, чудесными красками, заимствованными у Вергилия и у многих других, я представил бы сокрушение сей Беседной Дидоны! Я вам бы показал, М. Г., как иногда в молчании ночи она омывала слезами следы порхающего Старца. Как по седалищам Беседы она искала неверного героя и, увидев его бодрого, прекрасного, пленительного, кляла свою судьбу и тайно прощала неверному. Но я спешу к развязке.

В одну прекрасную ночь прошедшего Изока месяца наша Певица с душою, убитою тоской, села в челнок и предалась тихому течению величественной Невы. Челнок, гонимый легким ветерком, рассекал прозрачные волны. Сафо в глубокой задумчивости бросала томные взгляды на Адмиралтейский шпиг, на Васильевской остров, на все предметы, напоминающие ей о неверном старце. Большой связок бумаг, несколько книг лежали в челноке у ног Певиды. Все мечты протекшего блаженства.

И все, что жизнь сулит, и все, чего в ней нет смущали душу нежной девы. Она долго колебалась, но когда челнок приблизился к взморью, тогда изобразилось на лице Певиды все волнение ее мыслей; наконец мысль о прекращении несносного мучения восторжествовала — и вдруг лицо Певиды успокоилось и озарилось небесной радостью. Она подошла к краю челнока; прочитала вслух две страницы из Разговоров о Словесности и, обняв в последний раз своих многочисленных чад, вместе с ними бросилась в море.

Друзья Седого Деда распустили слух о мнимом отплытии³

¹ Зачеркнуто: страстной.

² Зачеркнуто: истощенным.

³ Зачеркнуто: отправления, отъезде.

¹ Далее зачеркнуто: руководствовались одною риторикою,

нашей Певицы в Англию, будто бы для излечения некой тайной болезни. Сии ложные слухи не успокоили совести неверного Фаона. Почтенная Немезида его преследует, уж он ею настигнут... С самых тех пор начали замечать в его речах и даже в его мнениях ту вялость и тот недостаток логики и здравого рассудка, которые дотоле были только замечаемы в его творениях.

Вы не будете, конечно, М. Г., требовать от растроганного оратора подробного разбора творений, вместе с Певницею утопших. Потомство лишилось их навсегда. Все невинные затей Неопытной Музы, и Падение Фаэтона, и Пекинское Ристалище погрузились с нею в волны. Один лишь Сын Отечества гордится и доныне некоторыми торжественными одами и посланиями, смиренно покоящимися в его патриотическом кладбище между записок американца Свиньина и Писем из Москвы в Нижний Новгород.

19

ОТВЕТ ЧЛЕНА ЧУ СТАРУШКЕ

Если в многолюдном собрании появится вдруг лицо никому из присутствующих незнакомое, с каким любопытством взоры всех на него обращаются! С каким вниманием все стараются узнать ум его и мнения по поклонам, по форме шляпы и по крою платья, а связи в обществе — по резкому или скромному голосу! Если, вместо сего многолюдного собрания, незнакомец попадет в другое, не столь многочисленное, наприм в Беседу Русского Слова, то члены и сотрудники наперерыв угадывают его мысли из глаз его. Со всею свойственною им пронизательностию они усиливаются узнать, будет ли он храпеть во время чтения, или только дремать благопристойно; к Коломне ли принадлежит он духом, или к Арзамасу. — Если незнакомец наш ступит ночью в карточное царство Англ. Клуба, то глубокомысленные литераторы и политики, населяющие оный, выглядывая из табачного своего тумана, стараются не проронить первых слов его и вдруг решат, достоин ли он вмешаться в их вечные споры, и может ли грудь его сравниться с их каменной грудью. — Напротив того, в мирном Экономическом обществе голос пришельца оставляется без внимания. Взоры наблюдателей устремлены на кафган его; и когда оный шит по моде 1765-го года, когда в спинку вставлено из экономии сукно самое старое и когда входящий

искусно прячет сие, идучи задом к стене, то он всеми признается за достойного члена, и Комитет Общества спешит поднести ему золотую медаль, наследство покойного Нартова. В Академии...

Но я вижу, любезные арзамасцы, что мускулы на лице вашем приходят в судорожное движение, голова гяготеет, грудь стесняется, нижняя челюсть опустилась, рот расширился и представляет видом своим ту букву, которую седой Мешков столь остроумно назвал отличительным знаком вещей круглых — вы зеваете, как бы от стихов почтенного друга моего Хлыстова или от прозы Львова, на слог и на руку нечистого. Вижу это, вижу и ваше нетерпение, любезная Старушка. «Ужели я ошибкою забрела вместо Арзамаса в Беседу?», говорите вы, «только там усыпляют такими скучными предисловиями. К чему оно? Разве я вступаю сюда никем не знаема. Разве друзья мои не довольно во мне уверены и поручили болтливому Чу морить меня наблюдениями над моим платьем и поклонами?»... Нет, нет, почтенная Старушка! Каждая черта лица вашего нам давно знакома; нам знаком каждый звук вашего голоса, который с таким умлением слышали мы в благословенный день обновления Арзамаса. Мы узнаем вас и по черному коню, который верно не примчал бы вас ни в Беседу, ни в Академию, ни даже в Англ. Клуб, на шумное верховное судилище вкуса и политики. Но мы с недоумением¹ смотрим на вашу спутницу и стараемся по виду ее узнать, к какому царству природы она принадлежала. Красноречивая Светлана давно известила нас, что черные Старушки любят смущать покой² усопших в гробах их; и мы не удивляемся, видя здесь сие тело, — исторгнутое вами на прокат из обширного кладбища Славенофилов. Но смотрите: на челе сего трупа видна печать Беседы; и между тем он не совершенно лишен жизни. Он одет, по языческому их обычаю, мрачным саваном невежества, но в полукрытых глазах его³ блистает еще какой-то огонь, какая-то живость, которых мы, гробокопатели, не привыкли видеть в мертвецах Беседы. Труп сей покрыт весь беседною проказою; но духовная кожа его гораздо белее и чище телесной. Вы назвали сию⁴ почившую

¹ Вы, зачеркнутого: изумлением.

² Вы, зачеркнутого: сон.

³ Далее зачеркнуто: приметен.

⁴ Далее зачеркнуто: новую жертву смерти.

певицу Сафо, а сего ее любителя Фаоном: признаюсь вам, что я бы лучше столкнулся с Левкадского мыса сего ветхого деньми Фаона и сберег бы сию Сафу, не для него сотворенную. Он был виною ее преждевременной смерти. Он погубил «Неопытную Музу» ее и подобно лукавому диаволу насадил плевелы, кои подавили возрастающую пшеницу! О, почтенная Старушка, столь искусная в колдовстве и заклинаниях!¹ Вы, смутившие в первый раз несмущаемого ничем оратора вольных каменщиков и возвратившие ему самому первобытный его образ камня! Вы, пред кем смирился ретивый «Сын Отечества» и, превратясь в драгунского коня, позволил всем арзамасцам свободно гулять на хребте своем! Почто не можете вы разрушить вечный, очарованный сон лежащей пред нами сестры нашей и потом, сняв с очей ее бельмо заблуждения, возвратить ее рассудку?² С каким бы удовольствием дали мы ей почетное место в мирном Арзамасе. Она отреклась бы от всех прелестей дьявольских, от наводнений сего Мешка и его клеветов; отреклась бы от них³ и загладила бы имя свое и своего Фаетона, начертанные неуклюжими⁴ буквами в сочинениях⁵ Беседы. Так имя сие не осталось бы на огромной пирамиде, воздвигнутой в лавке Глазунова, на сей пирамиде, которая подобна египетским тем единственно, что покрыта непонятными таинственными иероглифами, означущими не счет луковицам, а список членов Беседы и счет неисчислимым их творениям. Но что говорю я! Нет, не одни бестолковые иероглифы составляют сие подобие. В Египте пирамиды были сооружены для погребения царей; у нас для погребения здравого смысла; в Египте люди самые мужественные едва осмеливались вступать в сии жилища смерти и исследовать мрачные их таинства; у нас такие смельчаки еще реже; и один седевец Глазунова без священного ужаса смотрит на беседную грудку, разорившую его хозяина. Время не смеет к ней прикоснуться; и я слышал даже, что мыши в последнем совете своем, боясь опьянеть или быть отравленными, единогласно положили не грызть ее, хотя впрочем они еще голоднее догадливых крыс, кои недавно залезли в портфель одного из почтеннейших наших членов. Наконец пирамиды египетские

¹ Далее зачеркнуто: вы поразили.

² Далее зачеркнуто: здравому вкусу.

³ Вм. зачеркнутого: Беседы.

⁴ Вм. зачеркнутого: бесславными.

⁵ Вм. зачеркнутого: творениях,

возвещают нам славу древних фараонов; так и пирамида «Чтений» возвестит потомству славу Беседчиков, сих людей превыше своего зрени, о коих злые насмешники смеют ныне говорить, пародируя слова Калонна¹: «Если вы желаете услышать возможную глупость, она уже была сказана в Беседе; если вы хотите услышать глупость невозможную, она верно будет там сказана». О! Какая обильная жатва для потомков наших!

Но вы молчите, почтенная Старушка, и взор ваш с сожалением устремлен на труп неподвижный. Мрачный Тартар и мрачнейшая дочь Хаоса, Славена, не возвращают жертв своих; заветы вышних сил неизменимы. Воздадим последний долг усопшей Певнице и, совершив печальный обряд сей, предадимся радости, с какою должны мы встречать новую сестру свою. Вы с нами, любезная Старушка, столь известная всем истинным арзамасцам по балладе вашего имени, сочинения В. А. Ж., автора многих других баллад и посланий, служившего прежде в соляной конторе титулярным советником, а ныне господина штаб-капитана и ордена св. Анны 2-й степени кавалера, имеющего и медаль за 1812 год на голубой ленте. Вы с нами, с друзьями вашими, которые радуются торжественному вашему зступлению в Арзамасскую храмину. Будьте соучастницей трудов и удовольствий наших, плюйте на врагов Арзамаса и рассудка и не страшитесь грозящей нам ненависти Славенофилов.

20

Месяца Студеня в шестнадцатый день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц третий, в доме его превосходительства Кассандры был шестой ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали Их Превосходительства:

Чу.

Старушка (присутствовала на бале).

Элова Арфа.

Кассандра.

Ивиков Журавль.

¹ Вм. зачеркнутого: известного ласкателя.

Резвый Кот.
Очарованный Челнок.
Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочтен превосходный протокол.

2-е. Введен торжественно по обычному уставу его превосходительство Кассандра в храмину заседания и представлен пред знаменитого президента Чу. Прочитав священное клятвенное обещание и не подписав его, ибо оно еще мною не переписано, его превосходительство приступил к очередному отпеванию некоего мертвого проказника Беседы, причем досталось и многим живым. Президент Чу вторил ему с обыкновенным своим красноречием. Потом оба, к сожалению друзей своих, замолчали, но не уснули и нас не усыпили.

3-е. Читан был некой Гимн, как будто бы воспетый господу богу, разрушившему козни злочреватого Галла, который с двадцатью народами, разъяренный, богомерзкий, косящийся на золото и серебро и утварь церковную, отступник веры и злочестивый излбеватель хулений и непристойностей, притек, приспел, нахлынул на Москву и окутал ее пожарами. В сем гимне изображаются торжественные деяния русских, их славные подвиги на поле брани и ниспадение Галльской звезды с фирмамента и живо представляется, как добрые россияне после всех своих торжеств, восскакали в радости и песнопении. Их превосходительства члены делали во время чтения различные придирки. А Эолова Арфа несколько раз принималась шептаться с Резвым Котом, который, волею, а вдвое того неволею, отвечивал на ее секретные запросы таинственным мурлыканьем на око.

4-е. Во второй раз читаны были Парамифии, переведенные из господина Гердера. Почтенная пасторша Немезида утверждена в своем звании.

5-е. Избран в очередные ораторы его превосходительство Резвый Кот, а на его погребальное мяуканье поручено его превосходительству Ивикову Журавлю выдолбить своим носом хорошенькой ответ.

6-е. Обыкновенное заключение Арзамаса ужин и гусь с прежирною гускою, в коей, казалось, заключены были все надежды Эоловой Арфы, так была она пухла и раздута!

Президент Чу!!!

Эолова Арфа.
Ивиков Журавль.
Очарованный Челнок.
Кассандра.
Резвый Кот.
Старушка отсутствующая.
Светлана.

21

РЕЧЬ КАССАНДРЫ

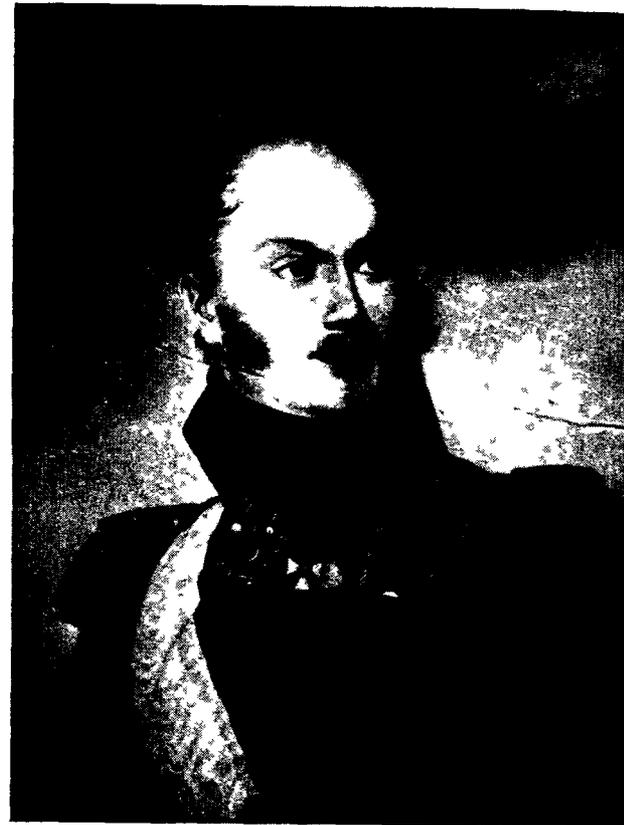
Почтенные Друзья — Товарищи!

Не дрожащим ли голосом я должен говорить с вами? Не должен ли я с трепетом приближаться к славным мужам, которых чудесная скромность именует безвестными. Куда ни обращаю взор мой, везде я вижу ряды трофеев или главы, отягченные лаврами, или раны, достойные благоговения. А чем же предстану я, рядовой арзамасской воин? Увы! Я не имею даже сего блеска беспечной рьяной смелости, в которой юноша являет залог и предвестие побед грядущих. Ах! нет: моя молодость протекла и исчезла среди Беседы и Академии; давно грызет мое сердце змея безвременной заботливости, и часто на пепле враждебной Трои я помышлял об опасностях Греции. Но сия заботливость не будет на пользу Арзамаса: ею возбуждаемый я принесу мое спокойство на жертву любезному городу и буду за врагами его наблюдать повсюду, неутомимо... даже не дремля, если возможно. О друзья-товарищи! давно я исполняю сию священную обязанность: и Арзамаса еще не было, а я служил Арзамасу; дышал усердную ненавистью к его неприятелям и часто проникал в их грозный стан, презирая опасность усыпления; но еще чаще я наблюдал за ними издали или, одетый мраком ночи, рыскал вокруг жилищ их, как серый волк певца Баяна, как грязный Хвостов Певца Батюшкова. В одну такую ночь меня поразило ужасное зрелище: оно будет предметом сего повествования.

*Di, quibus imperium est animarum, umbraeque silentes
Et Chaos, et Phlegethon loca nocte tacentia late
Sit mihi fas audita loqui, sit numine vestro
Pandere res altâ terrâ et caligine mersas!*

В предшествовавший вечер оратор Захаров скончался публично на середине Похвального слова женам; и дьячок Полит-

ковский, читавший отходную, внял последним невнятным словам его. Покойник ему заповедал перенести его кости из разряда четзертого в разряд второй, к драгоценным костям чувствительного Львова, и сей таинственный обряд должна была совершить Беседа в уединении, сокрывшись от взоров чуждых. Но меня о всем известил один предатель Беседы, подкупленный не серебром и не золотом, а похвалою стихам его. Он был моим путеводителем, и мы вместе пришли на берег реки, которой имя вам известно. Приближался час, искони обреченный волхам и убийцам; вокруг нас все постепенно умолкало; лодки едва колыхались у гранитных сходов, гребцы засыпали, и свечи в окрестных домах, мелькая из окошка в окошко, наконец исчезали. Одна грозная комета сияла на Западном Небе и в Беседном капище теплился дымный огонек. Почтенный предатель подвел меня к обширному стеклу: я увидел собрание всех колдунов Беседы. Они готовились лететь на полнощное сходбище и с несслыханными заклинаниями снимали с себя одежды, увы! столь же ветхие, как вкус их Деда Седого. О, вид незабвенный, ужасный! Какая толпа угрюмых¹ старцев, обнажающих морщины свои, и юношей без свежести, и девиц, в которых наготу страдает не стыдливость, а самолюбие. Но вот принесена волшебная мазь в древнем жбане, она как пояс Армиды хитро составлена из мыслей сеида Кикина и глубоких знаний Фулатова, приправлена рифмами певца безглагольного и гигантскими словами пигмея Львова, наконец разведена на стихах Барабанова и заморожена под «Расхищенными шубами». Новые чародеи натирают себя таинственной мазью и покрывают наготу свою² обертками с книжек Беседы: и вдруг подобно черному стаду ворон и галок, вызывающих бурю, они с криком и визгом поднимаются от земли и летят на полнощное сходбище; летят в разнообразных видах; иной сидит верхом на всей громаде творений своих, иной на худшем сочинении, иной на лучшем. Вот Мешков и Львов: первый, раскоряченный над книжицами, а возле младший Хлыстов и бессловесный Кикин; у них колени стиснуты пустотою; вот Капнист на безрассудных рассуждениях; вот Лобанов на превращенном Расине³; вот Крылов на собственной Свинье, а вот виляет вдали и друг наш

Рейн — М. Ф. Орлов.

¹ Вм. зачеркнутого: обнаженных.

² Зачеркнуто: нераскупленными книжками.

³ Зачеркнуто: на превращенной Ифигении.

Гнедич на гексаметре без просодии. И последний (ибо первые здесь последние), последний Державин, отбросив вдохновенные песни своей юности, сажился на Званскую жизнь, но подлетел к нему Лебедь, рожденный им в поздние лета и, почти против воли, умчал его на Восток, в лучезарный храм Екатерины и бессмертия.

Между тем все колдуны стремились к Западу, и я вслед за ними на стихах моего спутника. Там, где река Сестра соединяет воды свои с водами Финского залива, есть тесная дебрь, неизвестная обыкновенным смертным. Во глубине сей дебри, под грязью топкого болота, покоятся духи славных членов Беседы, одни тела их странствуют в Петрополе. В сей дебри совершаются их тайные чары. Дед Седой восседает на месте адского козла, пред ним сожигаются творения, драгоценные вкусу; а все беседные волшебники, держа горящие факелы из сочинений Карамзина и Дмитриева, пред ним творят свои коленопреклонения. После обычных обрядов Дед Седой велел умершего для света оратора предать грязи при вратах второго Разряда. Начался пышный ход погребения: второй Разряд встречал тело с курящимися черепками; четвертый тащил на себе дроги, и раздутый Барабанов был впряжен в корень, а Павел Львов резвился на пристяжке. Покойник лежал окутанный печатными и писанными творениями: Похвала женам служила ему возглавием; на сердце была Высылка французов, пониже Приданое, у ног недорожденная Трагедия, а на ней сидел оживленный гением усопшего повар князя Глеба, к убийствам животных привыкший, с орудием ремесла своего. По сторонам шли жены благородные, родительницы всего человечества; за гробом следовал преемник его превосходительства. Колесница двигалась медленно при жалобном вое жен, не уступающих мужьям своим ни в обратливости, ни в чувствительности. Но из середины их вырывается старец женского пола, которого имя, увы! неизвестно и свету, и мне. Ветхий шугай покрывает огромное тело его, или ее; кокошник валится на затылок, изпод него выглядывают седые волосы. Она приближалась к дрогам, везущим гроб бумажный, схватила за узду ретивых членов и сотрудников и воскликнула мужским голосом: «О досточудный хвалитель наш! Тебя ли мы погребаем без похвал и почестей. О нет! Все жены благородные будут тебя хвалить, чрез меня, но твоими словами. Приими и по-

добающую тебе дань, не по достоинству красноречия, но поне лестному усердию засвидетельствовать нашу к тебе благодарность. Сие произведет не пресмыкательство мое, ниже обыкновенная лесть, ибо всякая хитрость не составляет открытого права. Одно право льстит ума, а движет меня долговременное доброт твоих рассуждений и ощущение красот, изящества, величия душ твоих. Преклоншиися лета к старости, соделав страсти мои погасшими, не позволяют уже мне усыпать строки блестящею пылью с крыла бабочки. Но я спростою воздаю хвалу тебе, лежащему в гробе, усохшему, но аки бы еще плодоносящему дереву; и ты будешь для краткой речи моей обширным винословием. А вы, жены, всегда влекущися к началу своему, внимайте началу моей речи; вспомните, что наш умерший хвалитель георгиев об нашем целомудром взоре, о нашей мягкой длани, повсюду улаждающей нравы, о нашем снисхождении к недостатку угождательности, о теле, проникнутом теплотою круговращающейся крови, мягком в составе благообразном, в устройении, давшем бытие телу нашему. И ты, любитель многоречивой Истории, наследник незабвенного председателя, внемли...» Но недостойный наследник приклонил голову свою к возглавию усопшего предместника, объятый сном подобно заживо неподвижному покойнику. Воззвание пробудило его... Он осмотрелся с ужасом, вспомнил Горация и бежал в Нижний Новгород. Старуха-оратор каменеет и умолкает, — Мешков кивает седою главою, и печальное шествие снова начинается... Увы! Беседа познала, что Захаров не воскрес в своем приемнике.

22

ОТВЕТ ЧЛЕНА ЧУ РАССАНДРЕ

Пусть многоученный Пангос уверяет, что все на свете имеет свою предопределенную цель и всегда к лучшему; пусть доказывает он, что нос сотворен для ношения очков, и потому мы носим очки; что пальцы созданы нарочно для держания пера, и потому многие из приятелей наших беседчиков беспрестанно

водят пером и чертят белую бумагу. Сердце мое готово согласиться с сими сладостными убеждениями, — ибо я сам иногда ношу очки и сам мараю бумагу, — но разум, сей небесный дар, столь мало мне известный и столь много неизвестный вышепомнятым почтенным приятелям нашим, скоро представляет мне множество возражений, не похожих на возражения Каченовского и на возражения против возражений седого Мешкова. Не спорю, что все имеет свою предопределенную цель: Шутовский создан для того, чтобы терпеть палочные удары и быть от всех презираемым, а Дед Седой чтобы возиться с корнями словесными; Беседа сотворена на то, чтобы твердить и писать глупости; Арзамас на то, чтобы над нею смеяться. Но можно ли сказать утвердительно: все на свете к лучшему? Зачем же Хлыстов наводнил все книжные лавки своими творениями, а Нелединский сочинил только немного песен? Зачем Державин еще пишет, а Дмитриев перестал писать? Зачем...? На что нам далеко искать примеры! Зачем слепой жребий назначил меня, недостойнейшего из арзамасцев, для введения вас в дружеское наше общество? Вас, любезнейший собрат, гроза Славенофилов и Варягороссов, соратник и вождь мой во бранях словесных. Мне известны все подвиги ваши и кому они не известны! — Но, ах! Силы мои слишком слабы, чтобы достойно прославить их. Какая разница между моим и вашим приемом? Приветствуя меня, вы из ничего сделали много и безвестность мою заменили вашею дружбою и красноречием. Все арзамасцы, по свидетельству правдивых наших протоколов, умилились от речи вашей, а я, восхищенный незаслуженными похвалами, не завидовал округлоплой золотой медали Львовых и Мешковых и лавровому венку Шутовского. Напротив того, — мне предстоит поле самое обширное. Оно усеяно пораженными врагами рассудка и вкуса, обломками тяжелой артиллерии Беседы и Академии, и посреди трофеев величественный Арзамас, предсказанный и вознесенный вами! И скупая природа лишила меня возможности изобразить сии подвиги. Я чувствую свое бессилие и прошу все почтенное общество не требовать от меня невозможного. Требуется ли публика от издателей Амфиона здравого смысла, а от Михайловских Любителей Словесности, Наук и Художеств — неизданных ими двух номеров безвестного их Вестника?

Итак, с сокрушенным сердцем должен я уступить другим, меня достойнейшим, приятную обязанность, назначенную

*

мне жребием. Другие опишут победы и триумфы ваши и добродетели, вас сопровождающие: мудрость и предприятия, силу и неустрашимость в битве, и после оной кроткое сострадание, с коим воздаете вы последний долг врагам, почившим сном смертным. Вы помните, любезные сочлены, повесть о бедном греческом рыбаке, который, вытащив из воды в сетях своих тело утопшего, и не хотел оставить его без погребения. Он стал рыть могилу — боги, дабы наградить его благочестие, послали ему сокровище, и золото, давно в земле таившееся, заблестало под его заслупом. И новый собрат наш, исполнив священный долг свой, награжден богами. Вместо золотого фисавра нашел он толпу друзей, приветствующих его лобзанием любви и радостными восклицаниями. Печален был жребий древней Кассандры: все спасительные советы, кои подавала она Приаму и народу его, все справедливые ее предсказания оставались тщетными. Но наша Кассандра была и будет всегда внимаема нами. Она предвещала нам возобновление Арзамаса, и мы рукоплескали ей; она нанесла первый удар сопернику слонов персидских Шутовскому, и он лежит повержен к ногам Светланы. Пусть почтенная Кассандра покажет еще нам путь к новым подвигам, и мы устремимся вслед за нею. Но нет! пусть лучше она предвестит нам продолжительный сладкий мир после чернильной брани и гибель врагам любезного Арзамаса.

23

Месяца Студеня в двадесять четвертый день, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц третий, в доме его превосходительства Старушки был шестой, то есть седьмой, ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали Их Превосходительства:

Светлана.
Чу.
Ивиков Журавль.
Очарованный Челнок.
Элова Арфа.
Старушка.
Кассандра.
Резвый Кот.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Прочитан был его превосходительством мною, как водится, протокол прошлого заседания, и члены, как водится, рукоплескали и похваляли.

2-е. Его превосходительство Резвый Кот, как нововступающий член, был представлен господину президенту и произнес перед ним с надлежащею благопристойностию клятвенное обещание; потом промурлыкал он погребальную приветственную панихиду, по несчастию весьма краткую, и члены поблагодарили за нее его превосходительство Кассандру, ибо если бы сей его превосходительство не побывал в ресторации, именуемой город Лондон, и не открыл в ней под № 8 члена Резвого Кота и не предрек ему во время той ужасной участи, которая постигла бы его, когда бы он не смурлыкал в собрании узаконенной речи, то мы бы не имели сей речи (весьма остроумной при всей своей краткости) и вместо благородного Резвого Кота видели бы в друге своем некоего кающегося в пакостях своих котенка, подобного тому злохитрому Ваське-коту, который описан в прекрасной басне господина титулярного советника Ивана Андреевича Крылова; мы видели бы его вступающего на четвереньках в ту храмину, по которой мы ходим так величественно на двух ногах, почтенная Немезида надела бы на него свой капор и за столом издевалась бы над ним неумолимая ободранная гуска.

3-е. Его превосходительство Ивиков Журавль отвечивал разными приятностями на речь Резвого Кота.

4-е. Заседание было заключено ужином, за которым множество анекдотических розказней подсластили материальную приятность сочных произведений кухни.

*Элова Арфа.
Кассандра.
Резвый Кот.
Светлана.
Ивиков Журавль.
Громобой.
Чу.
Старушка.*

1816 г.

24

Месяца Лютото в 24 день, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц четвертый, в доме его превосходительства Кассандры был осьмой ординарный Арзамас.

Присутствовали Их Превосходительства:

Светлана.
Чу.
Ивиков Журавль.
Эдова Арфа.
Старушка.
Кассандра.
Резвый Кот.
Асмодей

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Член Асмодей, столь долго отлученный от Арзамаса, предстал не с хвостом, когтями и рогами соименного ему подземного беседчика, но с кипюю эпиграмматических копей, которыми он искушал и искушает терпение халдеев.

Его подвергнули испытаниям, установленным законами Арзамаса.

1-е. Под грудой шуб расхищенных должен был он отречься от всякого поползновения на соитие с Беседою.

2-е. Плузамерзлый исторгся он [из]-под сего сугроба, вооружился стрелою Арзамаса и поразил в огнедышущего лицедея Беседы.

3-е. Облобызал сову — сотрудницу славы и лиру — пезицу мщения.

4-е. Попрыскал преображенный лик свой освященною водою потопа, и наконец,

5-е. Воссевши на седалище очищения, произнес присягу и, нарекшись торжественно Асмодеем, грозными рогами витий-

ства забедал некоего ядовитого москвича, злокозненного историографа клеветы и клеветника на историографов. Сего исколонного красноречивым рогами Асмодеевыми лукавца принял в лоно свое его превосходительство Старушка и, помявши его порядком, предал тому, что сидел впереди, а сей жует его и поныне и будет жевать до скончания веков.

2-е. Прочтен был его превосходительством мною очень дурной протокол.

3-е. Положено было посвятить следующее заседание на принятие его превосходительства Вот, знаменитого Буяна посреди халдеев, героического баснописца¹ и знаменитого стихотворного посланника.

4-е. Члены кушали, помнится, гуся.

*Президент Старушка.
Ивиков Журавль.
Эдова Арфа.
Кассандра.
Асмодей.
Резвой Кот.
Светлана.
Громобой.
Чу.*

25

РЕЧЬ ЧЛЕНА АСМОДЕЯ

Объятый священным трепетом вхожу я в ограду вашу, почтеннейшие сограждане, и, окидывая торопливым взором именитое собрание героев, проливших потоки благородных чернил на стогнах Петрограда, готов я воскликнуть, искажая немного по примеру переводчиков наших известный стих:

Parmi tant de heroes je n'ose me monter.

Спрашиваю у себя: какие заслуги дали мне право гражданства среди вас;² спрашиваю — и нет ответа. Я не успел еще сорвать с себя кору неизвестности, и подвиги мои так еще ничтожны, что почти мог бы надеяться при благоприятном случае занять место на скамьях сотрудничества. Ни Седой Дед не поразил главы моей витийственным анафемом, ни Шутовской не прикрывал наготы моей лоскутием шубы.

¹ Далее зачеркнуто: который беспрестанно посылает к Беседою.

² Далее зачеркнуто: и едва две или три эпиграммы возвышают за меня голос.

Едва две или три эпиграммы пробивают твердую кору, облекшую меня: я слышу их благотворный голос: здесь одна, провернувши дырочку, выставляет голову из отверстия коры и пищит:

Картузов куратор,
Картузов сенатор,
Картузов поэт
Везде себе равен,
Везде равно славен;
Отенок в нем нет:
Дурной он куратор,
Дурной он сенатор,
Дурной он поэт.

Ободренный сим благотворным гласом, приподнимаю немало чело, причникшее лолу, и восклицаю в свою очередь:

О радость! О восторг! И я, и я пиит!

Но честь, которою удостаиваете вы меня сегодня, любезнейшие сограждане и братья, имеет свои невыгоды. Вы не позволяете мне быть праздным жителем Арзамаса и в сей колыбели нового бытия повелеваете мне изрыть яму на обширном кладбище Беседы. Дело трудное и превышающее мои способности. К тому же будьте искренни: лакомые куски падали Беседы уже по выбору насытили арзамасского гуся, а я позднейший ваш посетитель, я au banquet de la mort infortuné *convive* едва могу поживиться костями, отверженными вами, но воля ваша свята; любопытный и жаждущий мой взгляд рыщет за добычею по скамьям Беседы: здесь является мне не переменный секретарь, не переменный во всем, *Semper idem* его девиз: всегда безмолвный, всегда бездейственный, всегда ничтожный¹. Но как уморить его, когда в нем ничего нет. Даже взгляд мой разбивается о тушу, плавающую в стоячей воде. Вы узнаете, а может быть и нет, в сем кратком изображении автора стоячих, но ничего не стоящих комедий. Но пускай совершается вдали от нас всенародное и ежедневно: его погребение: да не укорит нас театр в непростительной хищности и не потребует назад возрождающегося по временам мертвеца, принадлежащего ему по всем правам и доставляющего ему всегда возобновлять сцены смертию хлеб насущный. Многие, многие кандидаты смерти попадаются взгляду моему на пути гибели: но незнакомые лица их не останавлива-

¹ Далее зачеркнуто: но как дитя Беседы, но как карать его, когда он еще и не родился...

ют моего любопытства. Иду далее.¹ Кто сей председатель рыжий муж, увенчанный лопухом кураторства, пальмою сенаторства и репейником поэзии? Гезиод у него под правую ногу, Пиндар под левою. Грея оногревает рукою смелю, состаревшеюся в смертельных обидах, пена, бьющая слюною, подбывающаяся взбитому мылу, клубится у него во рту и отбрызги ее летят на Тибулла и на именитых современников, на которых останавливается он, образуется пузырями, то есть одами, и исчезает в океане воздуха, то есть в океане забвения.² На голове рыцаря возвышается картуз, приосененный каплуном: продолговатый козырек скрывает от взоров его лучи солнца, которое ему не по глазам. Се он! Се он! Се защитник мой от забвения. Се — Картузов, которому обязан я лучшею моею, по мнению вашему, эпиграммою, которому обязан я за право сидеть здесь между бессмертными мужами Совета смерти. Позвольте мне остановиться на нем: и холодное справедливое беспристрастие могло бы мне повелеть утвердить на нем выбор мой и теплое чувство благодарности и привязанности соотчичей. Он по-своему достоин лежать на кладбище Беседы, перенесенное богоугодным усердием вашим в ограду Арзамаса³. Или вечно покоиться костям его на безвестном сельском кладбище? Нет! Нет! Он твой, почтеннейший Арзамас! Он твой по всем правам смерти и бессмертия.⁴ Он мой по всем правам сердца⁵ и признательности. Я дышу с ним одним воздухом, вскормлен Музами, которых он попечитель: я зрел его в недре⁶ Московской Беседы, младшей, единокровной, но достойной сестры своей Петроградской Беседы: я слышал, как он говорил в услышание трепещущих пред ним клеветов своих, что в Федре нет такой любви⁷, которая была бы главной душою трагедии, а есть только эпизодическая⁸, — основывая свое мнение на примере Арисии, забывая

¹ Далее зачеркнуто: но кто сей рыжак... но кто сей рыжий муж, ползущий эмиею и вокруг меня...

² Далее зачеркнуто: кто не узнает Картузова прикров.

³ Далее зачеркнуто: зачем искать долго? Распростертое своею собственною рукою на сельском кладбище.

⁴ Далее зачеркнуто: Но сколько еще теплое чувство благодарности согревает сердце мое.

⁵ Далее зачеркнуто: Мы дышим с ним одним воздухом.

⁶ Далее зачеркнуто: в стенах.

⁷ Далее зачеркнуто: но есть.

⁸ Далее зачеркнуто: утверждая.

о главном лице ; и я зрел, как безмолвное почтенное невежество увенчало нелепые слова безумия; я знаю, как он ² подкупал обещанием знаков отличия издателей московских журналов, чтобы они в листах своих ругали все, что носит на себе печать дарования, знаю, как он у всех подчиненных своих занимает деньги, но ни у кого еще не мог занять ни ума, ни вкуса, знаю, как он лет пятнадцать перед сим был на Московской заставе остановлен в арлекинском платье часовым, не признающим в нем достоинства куратора, и дизялось зоркому и просвещенному взгляду сего сына Беллоны,³ вдохновенного тогда Аполлоном, я сам видел его, я слышал его, я знаю его и с полным правом и с сокрушенным сердцем готовлюсь отдать последний долг его памяти.

Но как начать, почтеннейшие сограждане? Начнем первым стихом:

Всех элементов вода превосходней!

сказал Пиндар⁴, и добродушно доверчивый Картузов, не смея сомневаться в истине слов великого Пиндара, принял сей стих девизом своим и перевел всего Пиндара водяными стихами. Вот как предки действуют над потомством: и вот как иногда потомки платят за глупость своих предков. Без Пиндара Картузов может быть не был бы добычею нашею, и вот как мы благодарим Пиндара за подарок нам Картузова. Игра судьбы непонятна: с нею никогда не узнаешь, никогда, когда выигрываешь или проигрываешь⁵. Но воображение мое, никогда не занимавшееся так долго, побеждается сном; мое перо валится из рук, и я засыпаю, прибаюкивая себе следующую песенкою:

Равнина истории Арзамаса, а теперь довольствована повторением истории.

Сограждение, песнь эта — была⁶.

Прошу снисхождения вашего и не имею ли некоторым образом право требовать его. Il faut le sol d'Afrique pour faire murir la datte — сказала известная Сочинительница: о Карту-

¹ Далее зачеркнуто: Феды.

² Далее зачеркнуто: старался.

³ Далее зачеркнута: я видел его уподобление, я знаю, я знаю его.

⁴ Далее зачеркнуто: если верить Картузову.

⁵ Далее зачеркнуто: и сейчас...

⁶ Далее зачеркнуто: требую.

зове должно говорить в Москве, там все исполнено его славою: о нем вещает и прах Университета, и пыль, покрывающая томы его стихотворений, валяющихся на полках книжных лавок. Позвольте мне взять с собою труп Картузова, набить из него чучелу и прислать его¹ в кабинет натуры.

26

ОТВЕТ СТАРУШКИ АСМОДЕЮ

Мне ли, простому ратнику в рядах Арзамаса, встречать юного витязя, ознаменованного толикими победами над врагом нашим? Слепой случай мог один назначить меня на сию личную должность. Он один мог выбрать мое имя из роковой шляпы тогда, когда справедливость требовала другого, достойнейшего председателя. Он один мог предпочесть меня нашей красноречивой Кассандре, которая своим пророческим взглядом давно узнала в вас Рыцаря Арзамаса; или сильному вождю Чу, провозгласившему первый брань и псигибель Беседе; или Бесописцу Светлане, исправляющему с отличным успехом должность секретаря Ар. Об. Безвестных Людей; или нашей безмолвной Арфе, которую сам Зол перестал потрясать; или... Но что я говорю? — Слепой случай определил другого, и над героями Арзамаса восторжествовала Старушка.

Итак: Мой сын, чей растерзанный труп лежит у твоих ног? — На бледном челе видны еще страх и смущение; я слышала последний стон издыхающего — я его узнаю. Не редко призывал он меня на помощь, но тщетно; он был зол, но слаб; часто он принимался за Котел и с редким искусством избирал все ядовитые, смертоносные составы; но когда котел над огнем начинал кипеть и брызгать, тогда сей малодушный колдун² скрывал с трепетом свой жалкий лик. Иногда брал он в руки жезло; но при первом появлении Черного Царя, он припадал к его стопам бездыханный, и Он, видя бессильного своего раба, попирает его когтями, ударяет рогаатиною и улетал с негодованием. Я стояла вблизи и видела все усилия усопшего. Я видела, как он во всю свою жизнь вооружался на все высокое и прекрасное; я знаю, как он ползал по передним и изгибался перед лакеями; как он под личиною свя-

¹ Зачеркнуто: в натуральный.

² Да ее зачеркнуто: сей покойник.

тости обманывал ближнего и угнетал слабого, как он ругался над благодетелями, как он мстил безжалостно, как он хитро уязвлял; мне известна наконец его ненависть к великому писателю, обогащающему не Россию, а целый мир своим бесмертным творением. Но его уж нет — он издох под твоими ударами, о мой сын! Первой твой шаг к нашему союзу — погибель жестокого врага вкуса, рассудка, Арзамаса. Твой неистощимый колчан звенит еще за твоими плечами, а ты стремишься уже к новым победам. Мой сын! В¹ лице сего усопшего ты поразил всю Петербургскую, всю Московскую Беседу. Ибо он соединил в себе талант двух Хлыстовых, логику и цветущий слог Мерзлякова, бескорыстие Творца з а т е й, глубокомысленность Седого Деда, и наконец свое собственное праводушие и вдохновение!

Мой сын! Прими мою руку на братство и любовь. Будь твердым оплотом, будь украшением Арзамаса. Поражай всегда и везде его врагов и помни, что вот наш обет:

Обетам вечность—чести честь;
Покорность—правой власти;
Для дружбы все, что в мире есть;
Любви—весь пламень страсти.
Утеха—скорби, просьбе—дань;
Погибели—спасенье;
Могущему пороку—брань;
Бессильному—презренье.

27

Месяца (по свидетельству его превосходительства Кассандры) Вресеня, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц шестой был в доме его превосходительства Старушки девятый ординарный Новый Арзамас, в коем происходило следующее в присутствии Их Превосходительств:

Светланы.
Кассандры.
Чу.
Эоловой Арфы.
Асмодея.
Ивигоза Журавля.
Громобоя.
Резвого Кота.

¹ Далее зачеркнуто: сем покойнике.

1-е. Собравшемся Арзамасу в нижней храмине пришел радостный вестник и повестил друзей о прибытии в верхнюю храмину их нового друга его превосходительства И Воты, бывшего Василия Львовича, по старинным преданиям Пушкина, а по новейшим Плевакина, понеже он довольно слюняв, чтобы одним плевком затопить всех халдеев.

2-е. Друзья его превосходительства обрадовались и обнялись в восторге и воскликнули: Он там! Он скоро будет и тут!

3-е. Друзья его превосходительства пошли с низу наверх, дабы увидеть, что творит его превосходительство, и нашли что он изволил творить беззаконие, что комический клещун господин Гавиньи впился в него своим театральным исчадием; что его превосходительство потел от слушания, но сносил терпеливо испытания и даже улыбался, — это показалось их превосходительствам з а р е ю н а д е ж д ы, и сия заря не обманула их, и они не имели причины сказать с чижом Ивана Ивановича Дмитриева: «Впредь утро похваляю, как вечер уж наступит».

Ибо точно Василий Львович, как увидим после, дотерпел все испытания, как бы некий риноцерос, отражающий стрелы слабого охотника.

4-е. Наставшему часу сурьезных испытаний его превосходительство облекли в страннический хитон, дали ему костюлек постоянства в правую руку, препоясали вервием союза, коего узел сходил на самом пуле в знак сосредоточения любви в едином фокусе, надели на главу его шляпу верности в знак того, что она повергает себя покрову нелицеприятного добротства и заносит ногу в вертеп догматических усыплений, дабы раздавить там всех натопорщенных каракатиц Беседы, — и его превосходительство с гордостью гуся потек в путь испытания. И славно совершилось испытание, но скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, и я молчу, ибо писать более некогда. Не могу только не сказать одного: речь, произнесенная почтенным новым другом, его превосходительством Вот, есть конечно прекрасное извержение умственных способностей! Поистине можно его назвать похоронным профессором и заслуженным гробокопателем беседных буянов. Напрасно некий лирический князь мечтал сиять в веках своих стихотворными отпрысками, — наш грозный Вот обрел своим ужасным косарем сии отпрыски и гаркнул на сего покойника богатырским голосом остроумной насмешки! И князь навек закопался в поношении. Такая панихида при-

влекла все сердца их превосходительств к почтенному Воту, и они готовы наименовать его Богдыханом Арзамаса и перво-статейным Гусаком дружбы.

*Старушка.
Светлана.
Громобой.
Вот.
Эолова Арфа.
Ивиков Журавль.
Кассандра.
Резвый Кот.*

28

РЕЧИ.

РЕЧЬ СВЕТЛАНЫ ЧЛЕНУ ВОТ, ЛЕЖАЩЕМУ ПОД ШУБАМИ

Какое зрелище¹ пред очами моими? Кто сей, обремененный толикими шубами, страдалец? Не узнаю его! Сердце мое говорит мне, что это почтенный² друг мой Василий Львович Пушкин, тот Василий Львович, который снизшел с своею Музою, чистою девою Парнаса, в обитель нечистых барышень поношения и вывел ее из сего вертепа не посрамленную, хотя и близок был сундук, хотя и совершил он на сем сундуке беззаконие; тот Василий Львович, который видел в Париже не одни переулки, но господина Фонтана и господина Делия; тот Василий Львович, который могуществом гения обратил дородного Крылова в легкокрылую малиновку... Все это говорит мне мое сердце! Но что же говорят мне мои очи? Увы, я вижу пред собою одну грудю шуб. Под сею грудю существо друга моего, орошенное холодным потом! И другу моему не жарко. И не будет жарко, хотя бы грудя сия возвысилась до Олимпа и давила его как Этна Энцилада! Так точно! Сей Василий Львович есть Энцилад; он славно вооружился против Зевеса князя Шутовского,³ пустил в него⁴ один утесистый стих, раздавивший ему чрево! Но что же! Сей издыхающий Зевес наслал на него, смиренно пешешествующего к Арзамасу, мятель Расхищенных шуб. И не спасла его священная

Муза, девственная мать Буянова! Се лежит он год страшным сугробом шуб прохладительных! Очи его постигла курячья слепота Беседы! Тело его покрыто проказою сотрудничества, и в членах его пакость Академических Известий, издаваемых¹ господином Шишковым! О, друг наш! Скажу тебе просто, твоим же непорочным стихом: терпение, любезный! Сие испытание конечно есть мзда справедливая за некие тайные грехи твои. Когда бы ты имел совершенную чистоту арзамасского гуся, тогда бы прямо² и беспрепятственно вступил в святилище Арзамаса. Но ты еще скверен, еще короста Беседы, покрывающая тебя, не совсем³ облупилась. Под сими шубами испытания она⁴ совершенно отделится от твоего состава! Потерпи, погерпи, Василий Львович!.. Прикасаюсь рукою дружбы к мученической главе твоей! Повязка проказница, спадь с просвещенных очей его! Да погибнет ветхий Василий Львович! Да воскреснет друг наш возрожденный Вот! Рассыпьте, шубы! Восстань, друг наш! Гряди к Арзамасу. Путь твой труден. Ожидает тебя испытание! Чудище обло, озорно, тризевно и лайя ожидает тебя за сими дверями. Но ты низложи сего Пифона; облобызай Сову правды; прикоснись к лире мщения; умойся водою потопа — и будешь достоин вкусить за трапезой от арзамасского гуся, и он войдет в святилище желудка твоего без перхоты и изыдет из оною без натуги.

29

РЕЧЬ РЕЗВОГО КОТА ЧЛЕНУ ВОТ, СТРЕЛЯВШЕМУ В ЧУДИЩЕ

Не страшись, любезный странник, и смелыми шагами путь свой продолжай. Твоему ли чистому сердцу опасаться испытаний? Тебе ли трепетать при виде пораженного неприятеля? — Мужайся! Уже ты освобожден от прохладительного удущья чудотворных шуб, и переход твой из одного круга подлунных храмин очищения в другой уже ознаменован великим событием. Ты пришел, увидел, победил, — и совесть твою, несмотря на искаженный лик растерзанного врага Арзамаса, покойна. Так, любезный странствователь и будущий согражданин, я нахожу на лице твоём все признаки тишины,

¹ Далее зачеркнуто: Александром Семеновичем.

² Далее зачеркнуто: без всяких.

³ Далее зачеркнуто: с тебя слуплена.

⁴ Далее зачеркнуто: отделитя совершенно, о, друг наш, от твоего состава совершенно.

¹ Далее зачеркнуто: является.

² Далее зачеркнуто: коллежский ассессор.

³ Переделано из: Шаховского.

⁴ Далее зачеркнуто: скалу, один

всегда украшающей величавую оранку живого арзамасского знака. Какое сходство в судьбине любимых сынов Аполлона. Ты напоминаешь нам о путешествии предка твоего Данта: ведомый божественным Виргилием в подземных подвалах царства Плутона и Прозерпины он презирал возрождавшиеся препятствия на пути его, грозным взором убивал пороки и глупость, с умилением смотрел на несчастных жертв страстей необузданных, и наконец, по трудном испытании, достиг земли обетованной, где ждал его венец и Беата.

Гряди подобно Данту: повинуйся спутнику твоему: рази без милосердия тени Мешковых и Шутовских и помни, что

Прямой талант везде защитников найдет.

Уже звезда восточная на высоте играет: стремись к лучезарному светилу; там, при его сиянии, ты вместо Беаты услышишь пение Соловья и Малиновки, и чувства твои наполнятся приятнейшими воспоминаниями.

30

РЕЧЬ ЧЛЕНА ЧУ ПРИ ЦЕЛОВАНИИ СОВЫ

при вступлении в Арзамас члена И Вот.

18¹⁷
II 16

Принимая с сердечным умилением тебя, любезный товарищ, в недра отечественного Арзамаса, можем ли мы скрыть от тебя таинственное значение обрядов и символов наших, можем ли оставить на глазах твоих мрачную завесу невежества беседного? Нам ли следовать примеру Бесед, сих рыкающих Сцилл и Харибд, между которыми ты доныне плавал: и подобно клеветам их тщательно прятал от всех слушателей и сочленов даже от самих себя, здравый, обыкновенный смысл и самые обыкновенные познания? Что нам до Бесед? Арзамас далек от них, как Восток от мрачного Запада, как водяной Шутовский далек от Мольера, а Дед Седой от Лагарпа. Нет! Сердца и таинства наши равно открыты новому нашему собрату, защитнику вкуса, врагу славянского варварства.

Вступая в сие святилище, ты на каждом шагу видишь цель и бытописания нашего Общества: ты переносишься в трудные времена, предшествовавшие обновлению благословенного Арзамаса, когда мы скитались в стране чуждой и дикой, между гиенами и онаграми, между халдеями Беседы и Академии. На каждом шагу видишь следы претерпенных нами

Светлана — В. А. Жуковский.

бурь и преодолённых опасностей, прежде нежели соорудили мы ковчег Арзамаса, дабы спастись в нем от потопа Липецкого. С непроницаемою повязкою на глазах блуждал ты по опустевшим чертогам: так и бедные читатели блуждают в мрачном лабиринте славенских периодов, от страницы до страницы вялые свои члены простирающих. Ты ниспускался в глубокие пропасти: так и досточудные внуки седой Славены добровольно ниспускаются в бездны безвкусыя и бессмыслицы. Ты мучился под символическими шубами: и обильный пот разливался по телу твоему, как бы при виде огромной, мелко исписанной тетради в руках чтеца беседного. Может быть роптал ты на излишнюю теплоту сего покрова — но где же было взять шуб холодных? Оне остались все в поэме Шутовского!.. Потом, у священных врат, представился взорам твоим бледный, иссохший лик Славенофила; глубокие морщины, собранные тщательно с лиц всех усопших прабабушек, украшали чело его: глаза не зря смотрели на нового витязя Арзамаса, а из недвижных уст, казалось, исходил грозящий голос: «Чадо, возвратися вспять в Беседу вторую, из нее же исшел еси». Но тебе ли устрашиться суетного гласа! Ты извлек свой лук, — который, подобно луку Ионафана, от крове язвеных и от тука сильных не возвратился тощ вспять, — наложил вместо стрелы губительный стих: Нам нужны не слова, нам нужно просвещение.., и призрак упал, извергая из уст безвредный свой пламень. Не так ли упал, перед тобой и сам Славенофил, тщетно твердя о Парижских переулках! Наконец совершены все испытания. Уста твои прикоснулись к таинственным символам: к лире — конечно не Хлыстова и не Барабанова — и к Сове, сей верной подруге арзамасского Гуса, в которой истинные арзамасцы чтят изображение сокровенной мудрости. Не Беседе принадлежит сия посланница Афины, хотя седой Славенофил и желал себе присвоить ее в следующей песне, достойной беседных Анакреонов:

Сидит сова на печи
Крыльшками треплючи;
Оченьками лоп, лоп,
Ноженьками топ, топ.

Нет, не благородная Сова, но безобразный нетопырь служит ему изображением, ему и всем его клеветам.

Настала минута откровений. Приблизься, почтенный И Вот, новый любезный собрат наш. Прими из рук моих

истинный символ Арзамаса, сего благолепного гуся, и с ним стремися к совершенному очищению. В потоке Липецком омой остатки беседных скверны, сей грубой коры, которую не могут никогда проникнуть лучи здравого рассудка; и потом с гусем в руках и в сердце займи ты место, давно тебя ожидающее. Таинственный гусь сей да будет отныне всегдашним твоим путеводителем. Не ищи его происхождения в новейших баснях; в них гуси едва ли лучше и опрятнее свиной собственных! Гусь наш¹ достоин предков своих: те спасли Капитолий от внезапного нападения галлов; а сей бодрственно охраняет Арзамас от нападения² беседных халдеев и шиплет их победоносным клювом. Любезный собрат, будешь подобно ему нашим стражем, бойцом Арзамаса; смело³ сразишься unguibus et rostro с гидрой Беседы с сим нелепым чудовищем, столь красноречиво предсказанном в известном стихе патриарха Славенофилов:

Чудяще обло, озорно, огромно, тризевно и лайя.

Пусть лает сие чудовище; пусть присоединятся к нему и все другие церберы, по образу и подобию его сотворенные; но пусть лают они издали, не смея вредить дарованиям, возбуждающим зависть и злобу их.

Чу!!!

31

РЕЧЬ КАССАНДРЫ ПРИ ЛИПЕЦКИХ ВОДАХ

Свет в черепке погас, и близок был сундук.

Так, добрый Вот! Ты рассказывал о древних грехах твоих и слыша в памяти вой, топ и крик полицейских, ты проливал слезы раскаянья. . . О несчастный! Сии слезы были бесплодные; ты готов на грех новый, ужасный, сказать ли? На любодействие души! И вот роковая минута: меркнет в глазах твоих свет Московской Беседы и близок сундук Арзамаса. Ты погибаешь, поэт легковерный! Для тебя запираются врата Беседы старшей и навсегда исчезают жетоны Академии. Но судьба еще жалеет тебя; она вещает:⁴ «Ты добрый человек, мне твой приятен вид: есть средство спасения!» Так, мой друг!

¹ Далее зачеркнуто: арзамасский.

² Далее зачеркнуто: славен.

³ Далее зачеркнуто: вступишь в бой.

⁴ Далее зачеркнуто: говорит твоим стихом и моим голосом.

есть средство: оно в этой лахани. Взгляни: тут Липецкие Воды, в них очистились многие. Творец сей влаги лишь вздумал опрыскать публику, и все переменялось: Баллады сделались грехом и посмешищем; достоинство стихов стали определять по сходству их с прозой, а достоинство комедий по лишним ролям. Что говорю я? Один ли вкус переменялся? Ах, нет, все глупые сделались умными, и в честных людях мы узнали извергов. То же будет с тобою: окунься в эти воды и осмотришь: увидишь себя на крае пропасти. О пилигрим блуждающий, о пилигрим блудливый, знаешь ли, где ты? Но расслепленный сухою водою узнаешь, узнаешь, что Арзамас есть¹ пристань убийц, разбойников, чудовищ. Вот здесь они вокруг стола сидят

И об убийствах говорят, готовясь на злодейства новы.

И там на первом месте привидение, исчадие Тартара с щетинистой бородой, с хвостом, с когтями, лишь только не с рогами, но вместо рогов и хвоста малое перо, смотри: на нем, как на ружье охотника, нанизана дичина; и где ж она настроляна, — а в лесу Университетском, и в Беседных степях, и в театральном болоте, узы, и в Московском Обществе. С ним рядом Старушка, нарушитель сна мертвых; она взрывает могилы, сосет кровь из «Неопытной Музы» и под нею черный конь Сына Отечества. За нею сидит с полуобритой бородой красная девушка, она проводит дни во сне, а ночи без сна, перед волшебным зеркалом, а в зеркале мелькают скоты Хвостова. И вот новое чудное зрелище; ты видишь и не знаешь, что видишь, гора ли это, или куча, или эхо или бездна. Чу! там кто-то есть — лает и мычит по-славянски. Но одни ли славяне гибнут в сей бездне, в ней погрязли и Макаров московской, и Анастасевич польской, и сей Хвостов, не славянской и не русской. Над пропастью треножник, на нем тень Кассандры. Ей хочется трепетать и предсказывать и воздымать свои волосы: но пророчества не сбываются, если в волосах недостаток. Вдали плывет челнок еще пустой; увы, он скоро нагрузится телом: из него выпрыгнул кот и для забавы гложет не русского сына русской отчизны. А там Журавль с другим Хвостовым на носу, а там единственная ветренная Арфа, без злодейств и без струн, а наконец там Громобой самоубийца; он пером проколол сердце, в коем был

¹ Далее зачеркнуто: вертеп.

*

образ Беседы. Какое скопище безумных злодеев! Бедный Вот! Ты увидишь и ужаснешься, но берегись, берегись полотенца, если оно сотрет воду прозрения, ты ослеп навсегда; злодей будут твоими друзьями, безумцы твоими братьями. Избирай: Тьма или свет? Вертеп или Беседа?

59

РЕЧЬ АСМОДЕЯ ПО ЗАКЛЮЧЕНИИ ВСЕХ ИСПЫТАНИЙ

Непостижимы приговоры провидения! Я, юный ратник на поле жизни, младший на поляне Арзамаса, приемлю кого? Героя, поседевшего в бурях житейских, прославившегося давно под знаменами вкуса, ума и Арзамаса. Того, который первый водрузил хоругвь независимости на башнях халдейских, первый прервал безмолвие робости, первый вырвал перо из крыла безвестного еще тогда арзамасского гуся и пламенными чертами написал Манифест о войне ¹ с противниками под именем Послания к Светлане ² и продолжал после вызывать врагов на частые битвы, битвы трудные, но всегда увенчавшие стены арзамасской крепости новою славою, новыми трофеями, новыми залогоми победы. Не смею толковать приговоров судьбы: благоговею перед нею и с признательностью ³ исполняю обязанность, возложенную на меня. Приди о мой отче, о мой сын! Ты, победивший все испытания, ты, переплывший бурные пучины Липецких Вод на плоту, построенном из деревянных стихов угрюмого певца с торжественным флагом, развевающим по воздуху бессмертные слова:

Прямый талант везде защитников найдет. ⁴

Ты, верною рукою поразивший уroda халдейского прямо в чело! Приди, ты, безбедно, но не без славы приставший к Арзамасскому берегу. Посвяти мокрую одежду свою коварному богу вод и займи место свое между нами: оно давно призывало тебя; давно трапеза арзамасская тосковала по собеседнику знаменитом; давно кладбище халдейское требовало священных остатков певца, заснувшего долго в долгих

¹ Далее зачеркнуто: с варварским народом враждующим.

² Зачеркнуто: Василию Ан. Жу.

³ Далее зачеркнуто: принимаю на себя звание.

⁴ Далее зачеркнуто: ты безбедно пристал к арзамасскому берегу, посвяти мокрую одежду свою коварному богу вод и займи свое.

творениях своих, остатков сего певца, угрюмого сего филина-великана, прокричавшего на гробах целую ночь, возмущившего сон ¹ усопших и погрузившего в сон живущих. Настал час удовлетворения. Почтеннейшие собратия! Он здесь, сей муж опыта: он заседает с нами; на открытом челе его читаю зрелые надежды и вечную славу Арзамаса, еще рука его дымит чернилами, еще взор его, упоенный благородным тщеславием, указывает нам на труп распостертый, хладный как Пожарской, Минин и Гермоген, бездушный как Петр Великой или, по словам одного арзамасца, Петр Долгой, безобразен как оды, читанные в Беседе.

Излишне и дерзновенно было бы хотеть мне ² руководствовать тебя моими советами: семена арзамасских правил давно таились в душе твоей, и уже некоторые из противников Арзамаса подавились ранними плодами, взрошенными от них усердием твоим, угадавшим, что некогда перенесутся они на почву благословенную ³, на землю обетованную тебе, ⁴ и с вышепосланными надеждами и мудрою прозорливостию. Судьба отворит тебе двери святилища после всех и, так сказать, замыкающая тобою целое потомство арзамасских гусей, хотела оправдать знаменитое предсказание, что некогда первые будут последними, а последние первыми. Сердце мое и рассудок удостоверяет меня в справедливости моей догадки: так, ты будешь староста Арзамаса. Благодарность и осторожность вручат тебе патриархальный посох: арзамасской гусь приосенит чело твое покровительствующим крылом и охранит его от коварства крыла времени, сего вечного ястреба, скалящего зубы.

Позволь о чародей, запачканный псец!

Славнофилов кум, взять чудо в образец!

сего адчного ястреба, скалящего зубы на все, что носит на себе печать дарования, вкуса и красоты. Но если пророчество мое одна мечта, то по крайней мере современники и потомство скажут об нем вздохнувши: жаль, что не исполнился сон доброго человека!..

¹ Вм. зачеркнутого: спокойствие.

² Вм. зачеркнутого: если бы я хотел.

³ Далее зачеркнуто: обработанную трудолюбием.

⁴ Далее зачеркнуто: мудрыми.

СОБСТВЕННАЯ РЕЧЬ ЧЛЕНА ВОТ

Правила почтеннейшего нашего сословия повелевают мне, любезнейшие арзамасцы, совершить себе самому надгробное отпевание, но я не почитаю себя умершим. Напротив того, я воскрес, ибо нахожусь посреди вас, я воскрес, ибо оставляю навсегда мертвых духом, мертвых умом и чувствами. Не мертв ли духом и умом тот, который почитает Омера и Виргилия скотами, который не позволяет переводить Тасса, и в публичном, так называемом ученом, собрании ругает Горация? Не мертв ли чувствами и тот, который прекрасные баллады почитает творением уродливым, а сам пишет уродливые оды и не понимает того, что ему предстоят не рукоплескания, но свистки и Мидасовы уши?

Ныне, говоря об ушах Мидасовых, долгом почитаю обратиться к пресловутой Петербургской Беседе. О сколько тут длинных ушей находится! Сколько встречаем мы в ней старых, юных, сухих, чреватых, бледных и румяных Мидасов! Беседа Петербургская ни в чем, конечно, Московской не уступает, но, по моему мнению, во всем ее превосходит. К сожалению моему, я исполню сердца любезных арзамасцев чувствительною горестью. Я возведу вам кончину юноши, вечно в детстве ума и девстве телеси пребывшего; юноши, достойнейшего питомца великого патриарха халдеев, утверждающего, что тротуары должны называться пешниками, а жареной гусь печенюю; юноши, которому кортик не препятствовал держать в руке пера, на бесславие литературы, но во славу досточестной Беседы.

Тщетно я силюсь, чувством гнетомый.

Позвольте мне употребить собствзненные слова умершего, тщетно я силюсь изобразить все происходящее в Беседе. Она лишается наилучших ушастых сочленов своих.

Тучей над ними гибель висит,
Туча, обрушась, варваров губит,
Губит их глупость, губит бесстыдство,
Губят их уши, губит язык,
Тысяща поприщ телами полны,
Множеству теней тесен стал ад.

Так точно. Они валяются как мухи от мухоморов, а мы здесь, в почтеннейшем нашем собрании, отпеваем их, превозносим и удивляемся их дарованиям. Например, как не дивиться творцу

лирического песнопения? Сотворить поэму, в которой найдется неисчетное множество строф и нет поэмы, отказаться навсегда от Аполлона и Муз и несмотря на то заниматься поэзией. Не ему ли одному сие предстояло? Не он ли воспел, как от грозного взора патриарха Халдейского галльское слово умирает на устах каждого? Не ему ли надлежало на такой предмет сочинить огромную оду? Изящный талант превозмогал все трудности, и вместе с талантом возрастали и уши лирико-песнопевца. Нет более невинного умом и телом. Он лежит бездыханен.

Обратимся, слушатели, к плачевному сему зрелищу. Следуйте за мною в мрачную храмину, обитую Академическими сочинениями. Горящие свечи, обернутые в «Письма скимника», освещают воздвигнутый усопшему катафалк; «Рассуждение о старом и новом слоге» служит ему изголовьем: «Рассуждение об одах» в деснице его; «Бдения Тассовы», похвальные слова и переводы «Андромахи», «Ифигении», «Гамлета» и «Китайской сироты» лежат у подножия гроба. Патриарх халдеев изрыгает корни слов в ужасной горести своей. Он, уныло преклонив седо-желтую главу, машет над лежащим во гробе «Известиями Академическими» и кадит в него «Прибавлением к прибавлениям». Он не чувствует, что тем лишь умножается печаль, скука и угрюмость друзей, холодный труп окружающих. Плодовитый творец бесчисленных и бессмысленных од, палач Депрео и Расина, стоит смиренно пред гробом и, осыпая умершего грязью и табаком, бормочет стихи в похвалу его. Увы! Он еще сплел их до кончины несчастного, успел напечатать, ибо любит писать стихи и отдавать в печать, раздает их сотоварищам своим, и сотоварищи его не читают их. Секретарь Беседы, ничего никогда не сочинивший и едва знающий грамоте, беснуясь, топает ногами и стучит крючковакою тростью. Толсточреватый сочинитель Липецких Вод кропит ими в умершего и тщится согреть его овчинными шубами своими. Но все тщетно! Он лежит бездыханен. Давно ли и я, дерзновенный, воспевал невинного юношу, именуя его варягороссом и кумом Славянофила? И се успе. Длинные уши его повисли, уста охладели, ноги протянулись. Стихотворения песнопевца, в которых столь мало глаголов и столь много пустоглаголанья, останутся навсегда в подвалах Глазунова и Заикина, останутся на снедение стихожадным крысам и даже сам патриарх Халдейский забудет о них. «O vanitas vanitatum, omnia vanitas!»

Почтеннейшие сограждане Арзамаса, я не буду исчислять подвигов Ваших: они всем известны. Я скажу только, что каждый из вас приводит сочлена Беседы в содрогание точно так, как каждый из них производит в собрании нашем смех и забаву. Да вечно сие продолжится! Что с нами будет, если не будет «Известий Академических»? Что нам останется делать, если патриарх Халдейский перестанет безумствовать в разборе происхождения слов и принимать черное за белое и белое за черное? Куда сокроемся мы, если толсточреватый комик догадается, что комедии его ни что иное суть, как печать глупостей, злобы и невежества? Какая нам будет польза в том, если неутомимый рифмоткач узнает наконец, что у козла нет свиной туши, а у голубей зубов, точно так, как нет здравого рассудка в стихах его. Не совершенная ли беда для нас будет, если Мидасы, оглянувшись друг на друга, приметят, что уши их еще длиннее похвальных слов, читаемых в пресловутой их Беседе? Да сохранят нас от того златовласый Феб и Музы! Пусть сычи вечно останутся сычами! Мы вечно будем удивляться многоплодным их произведениям, вечно отпевать их, вечно забавляться их трагедиями, плакать и звать от их комедий, любоваться нежностью их сатир и колкостью их мадригалов. Вот чего я желаю, и чего вы, любезнейшие товарищи, должны желать непрестанно для утешения и чести Арзамаса.

54

Месяца Березовола в пятнадцатый день, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяце шестой, был в доме его превосходительства Кассандры десятый ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали Их Превосходительства:

Светлана.
Кассандра.
Ивиков Журавль.
Старушка.

Пожаловали при конце присутствия

Их Превосходительства:
Вот.

Потом немного погода

Плешивый Месяц, что прежде именовался
Эолова Арфа,

наконец

Громобой.

По окончании присутствия и ужина прибыл

Его Превосходительство Асмодей.

Совсем не присутствовал
Резвый Кот.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочтен был превосходный протокол, доказывающий, что я неистощим в остроумных излияниях всякой всячины и замысловатых выдумках. В самом деле непостижимы чудеса создателя! Какой гений присутствовал при моем рождении! Вот уже одиннадцатый протокол, а я все более и более совершенствуюсь. Что ж буду я, когда еще более понабью свою руку! Какой протокол жизни своей родил для самого себя, отходя в вечность! И какие протоколы буду читать бессмертным арзамасцам, то-есть, вообще всем праведникам, носясь вкупе с ними между звездами, прекрасными чадами творения! Дивлюсь самому себе! Не могу не похвалить себя, но скромность заставляет меня смиренно потупить очи и краснеть, внимая похвалы заслуженные.

2-е. Четыре наличных члена оглянулись вокруг себя и увидели в священной храмине заседания пустоту и нечто похожее на пакость беседного одиночества. Вотще возглашали они, где ты, Вот, и где ты, Резвый Кот? Ни Вот, ни Кот не откликались. Где Громобой? Где Эолова Арфа? Где Асмодей? Увы! Не было ни единого из их превосходительств! Ни в здохе, ни привета! как говорит Алексей Федорович Мерзляков в заключение одного перевода своего из известной Virgiliевой поэмы, называемой Энеидою. Негодование наполнило сердца наличных их превосходительств. Особенно вознегодовали они на ветренного Вотга, который, не успев прикоснуться¹ орудием сидения к седалищу Арза-

¹ Первоначально: едва прикоснулся.

маса, уже приподнял его с бесчинием и помышляет об отходе; и негодование внушило наличным их превосходительствам следующую поучительную проповедь, которою и определили они угостить его превосходительством отсутствующего бесчинника, при первом удобном случае:

«Усмотря из непристойных поступков новопринятого члена «его превосходительства В о т. что он, едва вступив в Арзамас, уже корячится назад и, не давши нам видеть порядочно «своей головы, уже выказывает нам с некою неблагопристойною небрежностью свою задницу, так что мы не знаем еще «наверное, что у него голова и что задница, заметив, что он, «не согрев еще своего места в Арзамасе, уже не является к «своему месту, рассудили мы, что он будет не член Арзамаса, «а нечто похожее на беседное самодвигалище, ленивый угольник безделия, зевающий шершень, мохнатый и одержимый «подагрою шмель в благословенном улье деятельных пчел,— «П р и к а з а л и: Признать сего возрожденного арзамасского «гуся мертвою совою Беседы, отнять у него титул В о т и «сделать его Плевалкиным под титулом, запретить ему ездить «по улице в колеснице или на коне, или в санях, а смиренно «верхом на палке или в салазках, везомых тою мосьюкою, которая лаяла на слона, и держать сего слона на коленях и «баюкать его с материнскою нежностью, в стихах своих должен он призывать не музу, а Варюшку; спать на сундуке; «водиться с одним сизым котом; есть с ним из двух медных «тазов; безденежно, всякий день, отходя ко сну, ставить кле- «стир или мыльцо своей малиновке; пить пунш из Липецких «Вод, подливать в него вместо французской водки свои французские романсы; вместо лимона выжимать из головы своей «мысли и подсыпать толченых характеров вместо сахару...»

На сем месте утекло грозное негодование наличных членов, ибо его превосходительство В о т сам сделался наличным и вслед за ним, издавая некоторые непонятные звуки, притекла Э о л о в а А р ф а, нареченный оратор заседания. Члены-мстители устыдились своей поспешности, они простерли в знак примирения руки добросовестному В о т у, который, выслушав их несправедливые на него хуления, с свойственным ему снисхождением простил им их несправедливость, которая едва-едва не сделалась справедливостью. Но дабы воздержать будущих арзамасцев от подобной постыдной поспешности, положено внести в протокол сей гнусный проект хулы и брани, а его превосходительство В о т произвести в

старосты Арзамаса, с приобщением к его титулу двух односложных слов я и в а с, так что он впредь будет именоваться Староста В о т я В а с! И горе Беседе! Привилегии старосты Арзамаса суть следующие:

I-е. Голос его в различных прениях Арзамаса имеет силу трубы и приятность флейты: он убеждает, решит, трогает, наказует, осмеивает, пленяет и прочее, и прочее.

II-е. Он первый подписывает протокол и всегда с приличною размахкою.

III-е. Вытребовать у него список известной его проказы с веселою музою, именуемой О п а с н о й С о с е д, переписать ее чистым почерком, переплести в бархат и признать ее арзамасскою кормчею книгою.

IV-е. За ужинами арзамасскими жарить для него особенного гуся, оставляя ему на произвол или скушать его всего, или, скушав несколько ломтей, остаток взять с собой на дом. От всех сих гусей отрезаются гуски и остаются при бумагах собрания.

V-е. Место его в заседаниях должно быть подле президента, а вне заседания в сердцах у друзей его.

По сему случаю приказано приготовить, чтобы секретарь Арзамаса его превосходительство я¹ приготовил приличный диплом.

З-е. По установленному обряду новопринимаемый член его превосходительство Э о л о в а А р ф а вступил в храмину заседания: надлежало ему прочесть присягу, но почтенная Немезида, предвидя, что его превосходительство не преминет напроказничать, отняла на сей случай у его превосходительства секретаря память, и он позабыл принести присяжный лист, так что Э о л о в а А р ф а не произнесла своего клятвенного обещания. Надлежало ей читать очередную речь свою, и проказа ее ознаменовалась во всей своей непристойности. Речи не было. А грозный Кассандра, предузнав, что речи и не будет, соблаговолит отделать его превосходительство своею карающею речью на обе корки. Э о л о в а А р ф а внимала бесстыдно; в дерзком его животе² заметно было какое-то оскорбительное потрясение, обыкновенный предвестник смеха; и самые³ ланиты его казались двумя раздутыми животами или огром-

¹ Вместо зачеркнутого: мне.

² Далее зачеркнуто: происходила.

³ Далее зачеркнуто: щека.

ными перинами, пересланными тучною ленью для¹ грузного бесстыдства. Кассандра умолк, и строгие взоры наличных членов устремились на виновную Арфу. И вследствие 4-й статьи протокола под № 5 произнесен приговор² преступнику.

4-е. Опоздавшему его превосходительству Громобой положено для поощрения напомнить о той беде, которая едва не обрушилась на главу его при случае первого его бесчинства; а на членов Резвом Коте и Асмодее (sic!) положено беду сию без всяких околичностей обрушить. О сем гласит 8-я статья протокола под № 2.

5-е. Сие заседание заключено было вкусным ужином, за которым вместо гуся была его почтенная родственница остроносая стерлядь, заимствованная из обыкновенного садка и чародейством поваренного искусства получившая право гражданства в желудках их превосходительств. Глава ее и хвост и еще несколько других отрывков закопались в обширном пузе Эоловой Арфы.

55

РЕЧЬ КАССАНДРЫ В ОТВЕТ НА НЕЧИТАННЮЮ РЕЧЬ ЭОЛОВОЙ АРФЫ

Друзья Товарищи,

Каким днем назовем мы день нынешний в месяцеслове Арзамаса? Будет ли он белый, то есть щастливый, или черный, то есть скучный? Или причислим его к тем дням, которые подобно многим дням не имеют ни цвета, ни характера? Нет! Товарищи, он достопамятен: Увы! Мы ныне видим мерзость запустения во святилище; в первый раз нарушается незабвенный устав наш, и кем же? Членом, братом, самым виновным! О судьба! Вы ужасаетесь..., успокойтесь. Гений Арзамаса над нами:

Он ведет нас к лучшему концу
Стезей неизъяснимой.

Однако ж, друзья, как вам известно, неизъяснимое часто бывает изъяснимо: чье же это дело кроме Кассандры? Так, сограждане, благодаря услужливому духу, я могу возвестить вам, для чего Эолова Арфа бряцает, или бренчит повсюду, а только в Арзамасе безмолвствует. Вчера измученный любо-

пытством я спрашивал, какой покойник будет удавлен струнами ветренного инструмента; я спрашивал об нем и у людей, и у подвалов Глазунова; наконец мне вздумалось спросить у самой Арфы; но сия Арфа умеет сохранять тайны, которых не знает. На помощь ко мне приспели и Светлана прелестница, и Асмодей прелестник ада, а прелестник Петербургской не прельщался. Мы окружили его искушениями; за ним раздавался голос певца из Пармы, перед ним лежал Пармский сыр, и не было ответа. И вдруг запахло жареным, он почувствовал умиление,

Но гусь появился, и Арфа молчит!

Тогда Светлана воспылала истым гневом арзамасским. О недостойный брат, воскликнул секретарь-девица; о недостойная Арфа, ты — не Арфа! О б о б р а н н а я г у с к а ! . . Тут Арфа улыбнулась и погляделась в гуся как в зеркало. О у б и й ц а ! О Н а т а ш а ! О л е ш и й ! О м е с я ц п л е ш и в ы й ! . . И растроганная упреками Арфа забряцала:

Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me

Все изумились, но одной Кассандре открылся тайный смысл бряцания без мысли. Ей в мистическом видении представился древний, неуклюжий замок Беседы; перед рвом сего замка стонет в могиле Громобой — Тредиаковский; на могиле повержен крестом Попов с Телемахидою, и вокруг них обвился, как плющ, «Русской Вестник»

И черный Львов на них сидит,
Могилы сторож дикий.

В замке царство мрака и сна; там томятся и дремлют не двенадцать дочерей многогрешного, а четыре сына Разряда.

Один шатко бродит по стенам опустелым, скликаая спасителей слушателей; и, увы, нейдет, нейдет спаситель.

Когда ж исполнится луна,
Чреда приходит смены.

Один Разряд умолкает и усыпляется; другой встает и усыпляет. Но кто услышит голос совести или гром праведного мщения. Вотще бродящий призрак Разряда силится прозой и стихами наполнить все пространство туманного воздуха, сквозь зыби тумана под самым треском славянских речей,

¹ Далее зачеркнуто: тучного

² Далее зачеркнуто: Эоловой Арфе.

ему слышатся, как проклятие, некие звуки, приносимые ветром, и докучливый голос, твердящий непрестанно:

Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me!

И дни его счастья, то есть дни чтения, помрачаются тучами страха, и боязливый Разряд вопиет к почившим братьям. О, нам горе! В арсенале Арзамаса есть еще гром, который не грянул; он ужаснее прежних, ибо грозитя на всех. Так, М. М. Г. Г., Эолова Арфа для Беседы ужаснее всех арзамасцев, прочие совершили все свои подвиги, и каждому достался не с большим один покойник: но этот хитрый воин никого не умерщвляет железом речей, но всех морит медленным ядом боязни. Будем же мы благодарны и ему, и бдительному гению нашего города; без них из Беседы погибала одна десятая доля; что ж бы нам делать с остальными? Давать ли им волю усыплять нас, или ополчать Арзамас на новые похороны? Теперь мы избавлены от повторения трудов своих; упрямое молчание присядящего члена сообщалось и членам Беседы; уstraшенная грозящим напоминанием (Ricordati di me) она почти не отверзает своих челюстей; ¹ его рыкание почти не слышно, и отдыхают бедные уши гостей снисходительных. Чахлая беседа халдеев скоро будет суха, как слог сынов ее. Тогда свершится испытание; тогда над ветхим замком пролетит дух мститель Арзамаса, рассыплются стены, ² Громобой-Тредиаковский умолкнет. Разряды престанут и бродить и бредить, все волшебство исчезнет, тогда

и гусь встрепенется, и гуска промолвит.

36

РЕЧЬ, ЧИТАННАЯ ПРИ ВРУЧЕНИИ ДИПЛОМА ГОСПОДИНУ ИСТОРИОГРАФУ

Неизъяснимо счастлив я в сию достопамятную минуту! Что делает рука моя? Держит диплом. Какой диплом? Прекрасно написанный, потому что писал его я. Что содержит в себе этот диплом? Он содержит в себе как бы вексель на дружбу. К кому дружба? К лучшему из людей. А что это за лучший из людей? Его Высочородие Николай Михайлович Карамзин. славный отец наших предков, ибо он вместе с юною красави-

цею, Музою истории, произвел их на свет таковыми точно, каковыми они есть, и сдунул с лица земли тех самозванцев и самохвалов, которые в арлекинских платьях таскались по миру под их священным названием. Кто дает этот диплом? — Арзамасцы, верные его обожатели, арзамасцы, которые, положив руку на сердце, признают его лучшим из людей, признают и здесь, все вместе в священном присутствии Арзамаса, под благодатным веянием крыл отечественного гуся, и каждый порознь в уединении, при сладостном об нем воспоминании, признают и признавать всегда будут, ибо такое признание есть для них счастье. Примите ж, счастливый любовник славы, сей бумажный и бранный символ того, что вечно и не-тленно, что писано не на бумаге, а в сердце, не орешковыми чернилами скоротечности, а неизгладимым, нравственным ультрамарином вечного, сладостного, драгоценного чувства. Примите его, и да послужит он для вас доказательством, что галиматья не всегда рождается от безумия и не всегда глаголет бессмыслицу.

37

НА СЛУЧАЙ НЫНЕШНЕГО АРЗАМАСА

Для арзамасцев день сей вечно	незабвенный
Привел достойнейших сюда Парнасский	бог
Беседы дряхлая трясутся ныне	стены,
Бесстыдству, глупости сломали гуси	рог;
Комедия была сословию	предтечей
И комику теперь бесчестье и	конец.
Здесь дружба, искренность, усердие были	встречей
Живите вы для нас и добрых всех	сердец.
Хор ¹	
Арзамас Беседы	краше!
Дружбы нежной мы	сыны!
Вечно будет счастье	ваше
Счастье наша	страны.

38

ОТ АРЗАМАССКОГО ОБЩЕСТВА БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ ПОЧТЕН- НОМУ И ИЗВЕСТНОМУ ИСТОРИОГРАФУ ВСЕЯ РОССИИ ГОСПО- ДИНУ КАВАЛЕРУ АННЫ И СЛАВЫ КАРАМЗИНУ

Доброжелательный поклон и дружеское рукопожатие.
Известно нам, что Ваше Высочородие занимаетесь описа-

¹ Рифмы и слово «Хор» написаны рукой П. А. Вяземского, а стихи рукой В. А. Пушкина.

¹ Далее зачеркнуто: отдыхают бедные уши гостей снисходительных.

² Далее зачеркнуто: и волшебство.

нием славных походов Русского народа и даете, по милости своей, жизнь русской славе, которая до сих пор беспорочно покоилась сном Беседы в гробах, сооруженных ей различными халдеями, как-то: господином Леклерком, господином Левеком и некоторыми ожесточенными сынами или пасынками России.

Известно нам, что Ваше Высокородие с величием арзамаского гуся прохаживаетесь по шелковым лугам русского слова и не удостоиваете взгляда ни беседных трясин галиматьи, ни академических закоулков бессмыслицы.

Известно нам, что сердце Вашего Высокородия, сие сокровище не беседное, своею чистотою подобится белому, едва оперившемуся гусенку, начинающему расправлять свои крылья и весело полоскаться в чистых водах отчизны, и что Ваш характер так же светел, как небо, сияющее над сим гусенком в красоте весенней.

Известно нам, что мы все нижеподписавшиеся любим Ваше Высокородие любовью нелицемерною, каждый особенно и все совокупно, любим за себя и за свое отечество, которому Вы честь и слава.

Почему и приносим Вашему Высокородию сей крест, сию ленту и сию носильную звезду, которая да сияет у Вас на груди во знамение любви нашей, а Вы, Ваше Высокородие пребывайте для нас всегда незаходимою звездою славы, дружбы и всего, что есть арзамасского, то есть лучшего на свете!

*Светлана.
Золота Арфа.*

[Печать с изображением гуся].

38

От Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяце седьмой, по обыкновенному числению месяца Травеня в 20-й день, было в доме его превосходительства Старушки и чрезвычайное собрание тех членов Арзамасского Общества, которые до ныне обитают в Петербургских чертогах и хижинах, или под открытым небом на мостовых, на набережных и на топталцах; а именно присутствовали:

Их Превосходительства:

Резвый Кот.
Старушка.

Громобой — С. П. Жихарев.

Очарованный челнок.
Эолова Арфа
Громобой.
Ивиков Журавль.
Кассандра.

Оные члены приглашены в собрание чрез повестку от временного секретаря Кассандры, и на оной повестке чернелась огромная печать с подписью: Оп а с н о с т ь О т е ч е с т в а . Все уstraшенные члены поспешили предстать на совещание; но прежде облеклись они в одежды печали; иной осыпал главу пеплом погоревших книжек Беседы и Академии, иной гнилыми останками сочинений Экономического Общества, а иной чувствами графа Хвостова, превращенными в прах.¹ Арзамас представлял позорище скорби и сетозаний, хранина томно освещалась тусклым светом лампы; звонок президента был обвит черным крепом; а стеклянная чернильница полуразбитая, сверженная со стола, лежала в объятиях распростертого комического клещуна Г а в и н ь и . В бледном мерцании лампы все знаменитые арзамасцы, казалось, дрожали как привидения. Там стоял на одной ноге его превосходительство И в и к о в Ж у р а в л ь ; от горести длинный нос его был вдвое длиннее обычного; там его превосходительство К о т , увы, в сию минуту н е р е з в ы й , блистал рубинными яростными глазами, а из белых усов его излетали электрические искры; проказница Э о л о в а А р ф а срывала с себя струну последнюю; О ч а р о в а н н ы й Ч е л н о к не мог колыхнуться, отсюда окованный льдинами; Г р о м о б о й , обвитый саваном, едва поднимался из гроба; а С т а р у ш к а трепетала, как будто пред ними выступал холодный пот на ее мертвом страшном лице. Посреди хранины временный секретарь К а с с а н д р а , сбросив жреческий покров, колебалась на стуле и повторяла:

Ах! Почто мой взор предвидит
То, чего не отвратить!
Неизбежное придет...

И пришло неизбежное! Унылый звонок призвал всех на места, но молчание долго еще царствовало. Наконец президент И в и к о в Ж у р а в л ь встал с черных своих кресел и

¹ Смотри в лирических творениях графа Хвостова достопамятный стих: И чувства превратились в прах.

прерывающимся голосом воскликнул: Что се есть, арзамасцы? До чего мы дожили?.. Тут стесняющая горсть и рыдания присутствовавших остановили оратора. По всей храмине раздавались стенания; во всех взорах сверкали слезы; один его превосходительство Челнок, отличный своею сметливостью, спросил у собрания: нельзя ли узнать, до чего мы дожили и об чем так горько плачем? Сей невинный вопрос напомнил секретарю Кассандре его обязанность: он встал в свою очередь и, сделав три поклона, объявил, что Арзамас дожидается поносных стихов своего Старосты и плачет о том, что из оных стихов может легко произойти для Арзамаса бесславие великое, а для Беседы и Академии торжество нежданное. Едва сказал он, и по собранию пробежал шумный ропот изумления и негодования; все члены бросились к Кассандре, все грозно требовали доказательств: увы, доказательства явились; они переходили из рук в руки; всякий старался извинить и спасти своего Старосту, все искали галанта и вкуса в новых стихах его. . ., искали тщетно, в них даже не было смысла; не было правильной прозодии; о горе, не было и хороших рифм, кроме заданных. Добродушные члены Арзамаса желали усумниться в подлинности предъявленных документов, и его превосходительство Кот полагал мнением, что вышеупомянутые стихи сочинены некоторым Игнашкою, верным рабом неверного Старосты. Но свидетельство члена Асмодее и рукоприкладство самого Старосты лишало возможности сомневаться. Глядя на почерк, столь им знакомый и прежде столь любезный, арзамасцы говорили: «О несчастный! Он не только сочинил эти стихи дорогой, он еще имел бесстыдство переписать их в Москве. О Вот я Ва! Где твоя слава! Какой нечистый дух в тебе вселился! Что это за стих?

Почтенные друзья. Вас молит Староста!

«Неужели Староста на старости своей еще не знает, что с дактилическими рифмами надобно писать и стихи также дактилями, или по крайней мере правильно смешивать их с хорями.

Не оставляйте здесь меня пожалуста.

Не сделайте гредательство.

Хотя б влюбилась здесь в меня Посадница!

Стихи ли это? Простительно ли Старосте Арзамаса писать как едва ли говорят экспромтом артельщики в полковых ко-

медиях и целовальники в кабаках? Простительно ли товарищу Светланы сказать, что ее последняя баллада скучна, но только меньше «Россияды»?

Так рассуждали арзамасцы о стихах на заданные рифмы и спрашивали, где же будет достоинство и трудность сего рода сочинений, если позволять по заданным рифмам бредить хуже беседных безумцев. Но когда во услышание всех членов прочли яжелбицкие эпиграммы, когда они увидели, что им за остроумные эпиграмматические стихи выдают следующие строчки:

За то блядует бесподобно!

или

Вечно быть хромым и жить с Аксиньей вечно.

или

Одна б: в 20 лет, другая в 46.

или

передком слабеньки, и есть кое-что для постельки и с Устиньей будет спать, — то уже крик заступил место рассуждений, и президентский звонок едва мог напоминать о порядке. Наконец стали читать Послание к Устинье: при двух первых стихах все вскочили со стульев и все устремились на несчастный памятник Вот я Васа в путешествия. Тщетно гремел звонок председателя, тщетно Кассандра отмахивалась жреческим покровом, дерзкие окружали ее бурною толпою, сиясь вырвать и истребить навсегда отвратительных братьев Опасного Соседа: «Ах! Успех сего Соседа в самом деле опасного, ослепил бедного Старосту; — так вопияли арзамасцы: — «но разве Староста думает, что кто обедал с удовольствием в красивой парижской ресторации, того можно вести и в вонючую харчевню города Киржача. Да погибнут эти стихи поношения Вот я Васа и всего нашего Общества!» Между тем президент потерял терпение: он прибегнул к отчаянному средству и грозно приказал клещуну Гавиньи сходить за своей комедией. Угроза подействовала, все стихло, члены уселись по местам и решились дослушать спокойно; но часто они скрежетали зубами и хватились за уши, особливо, когда слышали неслыханную, новую прозодию; как например: х д т я, р а д б с т ь ю, к а р а у л и т ь н а б о л ь ш о й д о р о г е, и прочее, и прочее, и прочее. По окончании умолкла Кассандра, и президент возгласил: «Друзья арзамасцы! Я остановил порыв вашего гнева, хотя разделял его: мы можем истребить не-арзамас-

*

«ские стихи нашего Старосты; но истребится ли с ними срам «Арзамаса? Кто помешает Вот я Васу читать их повсюду, «а может быть еще положить на ноты и петь своим фальшивым голосом, как он некогда пел некую французскую песню «своей работы? Нет! Нет! Друзья, не на стихах, а на отце «стихов да совершится мщение Арзамаса оскорбленного». «Да будет!» единогласно воскликнуло собрание и приступило к изобретению наказаний. Все члены подавали проекты; наконец из всех составлен один, и присутствующие арзамасцы приказали следующее:

1-е. Староста Вот я Вас, как истинный, или паче истый сочинитель яжелбицких эпиграмм и прочих приложенных к оным пакостей, лишается звания Старосты.

2-е. Вместе с титулом Старосты отпадают от него все соединенные с оным преимущества, а вместе с ними и прибавленные к его прозвищу слова Я и Вас и даже последняя буква прозвища, то есть «ъ»; на место же сих слов и сей буквы поставляются два бессмысленных слога: ру и шка, почему бывший Староста во все грядущие времена будет называться член Вотрушка.

3-е. Хотя член Вотрушка по бесстыдным и свиноподобным стихам своим заслужил, чтоб его навсегда извергли из недр Арзамаса, но Арзамас еще любит в нем прежнего Вот, творца Опасного Соседа, грозу Славенофилов и пр. и пр.; итак, принимая во уважение и древние подвиги его, и надежду на будущее исправление, да сверх того подозревая, что яжелбицкая Устинья напоила бедного Вотрушку неким бесовским зельем и чрез то породила стихи его недостойные, повелел отсрочить конечное извержение члена Вотрушки, а только почитать его в сильном подозрении и содержать в карантине.

4-е. По истечении карантинного срока и по собрании зсего ныне рассеянного Арзамаса, член Вотрушка повинен в оный явиться для принесения оправдания или покаяния. В передней храмине Арзамаса он должен прочесть свою исповедь и выражение раскаяния, и сия исповедь, и сия покаянная должны быть писаны стихами хорошими, а не дорожными; после того он должен пройти через новые испытания и очищения; после того предстать смиренно в главную храмину пред Судилищем, выбрать себе одного арзамасца в адвокаты и слушать его прения с адвокатом-обвинителем, потупив глаза, приложив руку к сердцу, а если найдется нужным,

и надеть на шею, вместо петли, ожерелье из комедий Шутковского. По окончании прений председатель произнесет решительный приговор, и тогда оправданный член Вотрушка снова воссядет на прежнее место свое и прочтет новую речь в честь себе, или покойнику из Беседы, стихами, или прозой, как ему будет угодно.

5-е. Но до того благодатного часа, чтоб место Вотрушки и не оставалось в запустении, Арзамас повелел отправить нарочного гонца в город Париж, сыскать и купить в так называемом Пале-Рояле гравированный портрет бывшего В. Л. П., бывшего Вот, бывшего Вот я Вас, нынешнего Вотрушки; украсить оный портрет золоченою рамою и подписав на ней Fuit ставить во все заседания на креслы члена Вотрушки.

6-е. Когда оправдается или омоется раскаянием член Вотрушка, тогда портрет его вынуть из рамы, переплести в бархат пред заглавным листом Опасного Соседа и хранить в тайнике Арзамаса.

7-е. Во время карантинного содержания подвергнуть г-на члена Вотрушку всем наказаниям, которые для него избрал секретарь-Светлана, не забывая, что он должен ездить верхом на палочке, или на моське, и ставить клестирь своей малиновке, да сверх того, как уличенному охотнику до слова блядовать, приказать ему творить сне слово и дело с крепостной свиньей г-на Крылова.

8-е. Записать сей приговор в протоколе, а для объявления об оном преступнику и для частного их сведения препроводить копию с протокола к отсутствующим членам: Светлане, Чу, Асмодею и Ахиллу.

*Старушка.
Грозобой.
Ивиков Журавль.
Эолова Афа.
Временный секретарь Кассандра.*

40

Членам Чу, Асмодею и Ахиллу от развалин Арзамаса братское рукопожатие и следующее отношение:

Да будет вам и всему Арзамасу известно, что в заседании, бывшем месяца Травеня в 20 день, затравлен нами бывший член Вот я Вас, обращен в Вотрушку и огдан на

сведение Эоловой Арфе: в удостоверение чего прилагается при сем протокол означенного заседания, которое имеете вы, Московский Арзамас, привести в исполнение, объявив о нем преступнику.

Президент *Ивиков Журавль.*
Громобой.
Кассандра.
Старушка.

Эолова Арфа: Вот я тебя, Вотрушка!!!

41

[Стихи В. Л. Пушкина на рифмы, заданные В. А. Жуковским]

Хомут
руд
плотица
лица
квас
пегас
паршивой
сливой
резец
мец¹

Как нужен мерину *хомут*,
Так нужны заступы, где много медных *руд*.
И как живут водой и щука и *плотица*,
Так воровством живут известные здесь *лица*.
Шампанское — не *квас*,
И вороной мой конь конечно не *пегас*.
Я бу—риму пишу; поэт я не *паршивой*
И различить могу черемуху я с *сливой*.
Не редко для глупцов мой стих бывал *резец*
И Гашпар все убит, хоть он уехал в *Мец*.

бел стрел
сел пострел
ел застрел
мел говел
тел гремел
вертел дел
Маркел усел
омерзел

Хоть я лицом не черен — *бел*,
Но от подобных рифм как рак я на мель *сел*.
Довольно здесь я пил и *ел*.
Как мне стихи писать? Банкеру нужен *мел*,
Хирургу куча мертвых *тел*,
Чтоб по желанию ланцетом он *вертел*.
Покойный повар мой *Маркелл*,

Который пьянством мне, признаться, *омерзел*
От их не мог избегнуть *стрел*,
И некоторый врач, разбойник и *пострел*,
В кишках его — *застрел*.
Увы! Маркела нет. Не редко он *говел*,
Хоть в мире славою конечно не *гремел*;
Никто поваренных его не видел *дел*,
И как русак под куст — так бедный в гроб *усел*.

Пусть почтенный Арзамас не думает, что вышеозначенная история покойного повара его высокоблаг. Василья Львовича Старосты Вотта есть история выдуманная — нет, у Василия Л. был точно повар Маркел, опившийся вина и анатомированный каким-то московским халдеем из Врачебной Управы.

Верно

Вот я Вас опять.

42

[ПИСЬМО В. Л. ПУШКИНА В АРЗАМАС]

С ума вы сошли, любезные арзамасцы. Предаете проклятию арзамасского старосту и сами не знаете, за что. Яжелбичкие стихи ни что иное как шутка и порождение ухабов и затор. Они совсем недостойны критики вашей, а к вам посланы единственно от того, что ничто от арзамасцев сокрыто быть не должно. Впрочем, я отдаю их совершенно в вашу волю. Вы можете даже отдать их Павлу Ивановичу Кутузову и сотоварищам его. Я к вам не писал по многим причинам; меня грусть одолела. Простите. Всех вас обнимаю и всем желаю счастья, здоровья и терпения.

Староста Вот я Вас!

23 апреля.

Вы, милые мои, ни мало не учтивы,
Вы проклинаете несчастные стихи,
Смотрите! Не смотря на тяжкие грехи,
Шихматов, Шаховской, Шишков, Хвостов — все живы.

В нашу Арзамасскую отчину
от Старосты *Вот я Вас*
По чительная грамота

За неумением грамоте член Арзамаса *Ахилл*
5 пальцев приложил.

¹ Зачеркнуто далее: нагуч, мух

От Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц одиннадцатый, по обыкновенному летосчислению месяца Серпена в десятый день, было 14-е ординарное и приятное, хотя беспорядочное, заседание Арзамасского Общества. Причины важные побуждали временного секретаря Кассандру созвать наличных членов на совещание, но те же самые причины вооружали против сего совещания весь пиитический ад Арзамаса, то есть, и Беседу, и Академию, а может быть, и частицу некоторой Библиотеки. Так, как Исмен в последних песнях Тассовой поэмы становится злее и опаснее, так и чародеи — варяги против четырнадцатого Арзамаса истожили весь остаток своих волхваний и злобы. С первой минуты собрания до последних торжественных восклицаний они не переставали творить нам козни, и все сии козни могуществом их превосходительств гениев Арзамаса побеждены и уничтожены. Но не будем спешить; расскажем все по порядку; и, как предки наши начинали свои сказки от сивки, от бурки и от вечной каурки, так и мы начнем свою сказку от седого Мешкова, от вороного Лбова и от вечного графа Дмитрия Ивановича, по прозванию Хлыстова.

Солнце возносилось над блестящими облаками востока; адская сволочь высыпала из болот своих. Дед Седой, встревоженный сновидением, снаряжался к походу: он сел в огромную раковину, запряженную драконами, как будто испещренными плевками и чернилами: перед ним летел филин-Студевич и гнал всех с дороги своим воем однотонным и бесконечным. Если верить преданию, его дорожная раковина была превращенная девица Пучкова, а вихорь-атаман Беседы был пестрым драконом; говорят, что ¹ он извивался ² как речения Лбова, что из ноздрей его вылетали душистые ветры, и что он бразды омывал табачною пеною. В сие торжественное мгновение его превосходительство я, или Кассандра, движимая духом отсутствующих членов Чу, Асмодея, Ахилла и умиленная пением члена уже не В о т р у ш к и, бросила жребий в роковую порфиновую урну. Она долго мешала их пророческим жезлом своим, но позабыла сделать заклинания. Увы! Наказание вскоре постигло неосторожность: едва Р е з-

¹ Далее зачеркнуто: видели как.

² Далее зачеркнуто: подробно.

Вв нашу Арзамасскую
отчину

отъ Староуты Вотъ я
васа

воутир и наг урнотъ

За неучивсериъ урнотъ
глевъ Арзамаса Ахилла 5. палецъ.
палецъ

Автограф В. Л. Пушкина и отпечаток пяти пальцев К. Н. Батюшкова.

в ы й К о т, по приглашению собрания, опустил в урну свою величавую лапку, и вдруг подземный гром потряс треножник, имена арзамасцев под лапой Кота запрыгали как дервиши, голос вражий прохрипел: Да будет хаос в заседании! И бысть президентом Э о л о в а А р ф а. Как быть! Члены смирились пред велением рока, а председатель, не менее рока таинственный, поколебавшись, как за ним всегда водится, назначил местом заседания одно из жилищ своих, то есть большую дорогу. Сказал, и весь Арзамас, покорный закону, поместился в колесницу его превосходительства Старушки. Быстро летела сия колесница по звонкой мостовой и по пыльной дороге, но мысли арзамасцев при чтении секретаря Касандры летели еще быстрее; они много раз достигали древних Кремлевских башен, там любовались сединами своего прежнего Старосты, и потом возвращались в колесничное заседание, чтобы снова внимать стихам его. Ни глотаемая ими пыль, ни стук колес, ни бурчание происходившее в брюхе г-жи Арфы, ничто не развлекало арзамасцев; жадный очарованный слух свой они склоняли единственно к посланию любезного преступника. Часто дивились, что могли быть строги к такому Старосте, но в то же время и радовались своей строгости, ибо она произвела новые стихи его. О будь благословенна излишняя наша строгость, и ты, о Муза Старосты, ты говоришь о седирах главы его и осыпашь их блестящими цветами юности: ты доставила ему торжество завидное, тобою вдохновенный он победил и предубеждения слабых товарищей, и наущения закоснелых беседчиков; он побранил арзамасцев и самую бранью обезоружил их критику. Но можно ли назвать сранью такие нежные укоризны:

Я грешен! Видно, мне гибитка не Парнас:
Но строг, несправедлив ученый Арзамас.

При этом стихе самолюбие заиграло в сердцах всех членов: сам президент, волнуемый аппетитом и запахом жареной телятины, имел, однакож силу легкой улыбкой изъявить свое удовольствие.

Я слух ваш оскорбил, вы оскорбили друга!

Нет, добрый, милый Староста! Нет, ты нами не оскорблен, ибо мы не имели намерения оскорбить тебя; мы отказались бы охотно от всех проказ и шуток, даже от новых стихов твоих, если бы могли думать, что огорчим твое сердце слишком чувствительное.

Что прибыли любить!
Здесь острое словцо приятни всей дороже,
И дружество почти на ненависть похоже.

Прекрасные стихи и к нещастью справедливые, но только не в Арзамасе, а в свете.

Нет бурных дней моих на пасмурном закате.

Вот еще стих, достойных арзамасца: он говорит и воображению и сердцу. Но можно ли заметить все хорошие стихи нашего Старосты или записать все одобрительные восклицания членов Арзамасского Общества. Двадцать две версты неслась колесница, нагруженная ими, двадцать два раза повторилось послание Вот я Васа. Тщетно против примирения арзамасцев ополчалась вся сила нечистая; стихи Старосты как могучий талисман уничтожали чары чернокнижников и чернописцев Беседы, тщетно появлялись они во всех видах; то свистали и шипели нам в уши как сверчки, обитатели щелей; то мечтались президенту в виде блюда с котлетами, или свежей чухонки с кувшинами; и наконец, когда Кассандра сравнивала чистоту и гармонию стихов Вот я Васа с гармонией светлых струй ближнего источника, они в образе Липецкой лягушки сказали: Oui! c'est de l'eau claire: все понапрасну. Никто не замечал и не слушал беседчиков; все слушали читающую Кассандру, и наконец все воскликнули: Очищен наш брат любимый; очищен и достоин снова сиять в Арзамасе: он не Вотрушка; он член: Вот, он Староста: Вот я Вас, пусть он будет и бурмистр: Вот я Вас опять! Слово Бурмистр к нещастью похоже на Буримиста; и может для Вот я Васа быть неприятным воспоминанием в роде угрызений; но от него зависит принять новый титул, или, возвратясь к званию Старосты, только прибавить к имени слово: опять.

Так судили арзамасцы под ясными небесами царскосельскими и, решив сие важное дело, заключили заседание громким кликом: Да здравствует Вот я Вас опять! Беседа трепещи: опять! опять!

*Громобой.
Резвый Кот.
Старушка.
Золова Арфа.
Ивиков Журавль.
Кассандра.*

«Я люблю Платона, но еще более люблю правду», говорил какой-то древний мудрец, которого имени ни я, ни почтенные члены Бесед, не знаем. И я люблю друзей своих, люблю всех арзамасцев, но больше люблю правду, а благо отечественного Арзамаса еще более правды. Могу ли я теперь оставаться в постыдном молчании, когда нарушены законы правды и Арзамаса? Могу ли спокойно смотреть на приближающееся падение любезного отечества нашего, ибо нарушение законов и несоблюдение установленных обрядов скоро влекут за собой падение Общества?..

Нет! Я смело призову на суд нарушителей: и они сами, признав вину свою, может быть, неумышленную, облобызают меня как ревностного сына Арзамаса.

Входя в сей Новый Арзамас, в сей дом для нашего собрания уготованный, где сладкое благоухание Истории Российского Государства должно бы, казалось, заглушить весь смрад беседный, с Тверской улицы на всю древнюю столицу навевающий, чувства мои поражены были запахом какой-то гнилости и тления. В изумлении продолжаю путь свой, и вдруг — о страх! о преступление! — вижу не труп какого-либо беседного покойника, взятого по обычаю арзамасскому на прокат из Разрядов для честного погребения: но двух живых покойников Московской Беседы, достойной дочери Картузова, сидящих за столом арзамасским и не думающих ни мало об очищении себя должным самоотпеванием. Вижу два крыла совы беседной, приставленные к чистому телу нашего гуся.

О друзья мои! О великий Асмодей, гроза невежд беседных! О неустрашимый Ахилл, нанесший им первый удар и первую рану! Зачем огорчили вы сердце друга вашего, зачем возмутили утробу отечественного Арзамаса! Пусть бы омытые потопом Липецким волею или неволею окунулись вы по уши в тину Московской Беседы: Арзамас, как нежная мать, охотно простил бы вам сие преступление и, помня великие подвиги ваши, еще крепче прежнего прижал бы вас к груди своей. Но для чего не поспешили вы исполнить священных обрядов его и очистить себя добровольным самоотпеванием по примеру брата Громобоя и брата Старосты Вот я Вас! Для чего, не омыв греха своего, сели на ряду с чистыми сынами

Арзамаса! О поспешите заглядеть вину свою, поспешите содрать с себя смрадную шелуху беседную и снова украсить себя облатательными, белыми перьями таинственного гуся.

Но кто более всех виновен в сем нарушении правил и законов наших! Увы! Сердце мое сжимается, оно обливается кровью: но правда и почтенная Немезида в силу протоколов красноречивой Светланы, сидящей всегда в большом чепчике с длинными лопастями в углу Арзамасской храмины, велют мне ясно означить виновника. «Я люблю Платона, но еще больше люблю правду», повторяю я и со вздохом назову тебя, о Староста Вот я Вас! Ты подпал уже обвинению отсутствующих братьев наших, я с большим правом, прибавлю к оным и свое обвинение. Ужели думал ты, что почтенное, неслыханное доселе в Арзамасе титло Старосты дано тебе для суетной славы, как Президенту Рос. Академии или Председателям Разрядов Беседных? Ужели не знал ты священных обязанностей, которые оно на тебя налагало? Не тебе ли в отсутствие президента должно было напомнить юным сочленам о долге их, тебе, коему собственный опыт руководствовал? ..

Довольно: признавая с сердечным прискорбием Старосту Вот я Вас виновным, я осмелюсь, почтенные арзамасцы, присутствующие здесь, и вы, отсутствующие друзья наши, невидимо здесь парящие, напомнить вам правило душ благородных *Res est sacra miser*. Будем строги к самим себе, будем строги и к членам беседным, но снисходительны к погрешающим друзьям нашим. Будем даже ходатаями за осужденного у строгих судей его: испросим ему помилование и, уважая прежние дела его, потребуем от него вместо покаяния новых подвигов.

Движимый справедливостью и состраданием и соединяя обе вины члена и Старосты Вот я Вас предлагаю:

1-е. Послать к подписавшим строгое осуждение означенного члена и Старосты арзамасцам письменное ходатайство о его помиловании.

2-е. В ожидании ответа их лишить члена Вот на время звания Старосты и прибаутки я Вас и возратить ему их не прежде, как по произнесении им в торжественном собрании хорошего Послания в стихах к членам Арзамаса и двух хороших басен на обе Беседы. В то же собрание и члены Асмодей и Ахилл должны совершить добровольный обряд своего отпевания.

3-е. По исполнении сего и по получении милостивого разрешения от петербургских арзамасцев очищенный член Вот получает снова титул Старосты и два однословные я и Вас, с прибавлением еще одного слова опять — так что новый титул его в Арзамасе будет: Староста Вот я Вас опять!

Вот мое мнение, и да будет разрушен Карфаген!
Член Чу!!!

45

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в лето второе и в месяц второй, по обыкновенному летосчислению месяца Грудня в 11-й день, в доме его превосходительства Старушки был пятнадцатый ординарный Арзамас. Присутствовали арзамасцы рожденные: 1-й — Николай Михайлович Карамзин, не только историограф, но и историк России, 2-й — Михаил Александрович Салтыков, не только умный друг ума и вкуса, но еще и опасный и терпеливый враг глупцов беседных и глупцов академических, и даже канцелярских, и сверх того прочих; с ними и арзамасцы избранные, то есть Их Превосходительства:

Громобой.
Ивиков Журавль.
Старушка.
Резвый Кот.
Эолова Арфа.
Пустынник.
Барвик.
Кассандра.

Председателем по приказанию жеребья был его превосходительство член Старушка, секретарь за неимением оригинального был его превосходительство член я, Кассандра. Она при начале собрания прочла два протокола не превосходные по слогу, но занимательные по содержанию. В них изображалась и война Арзамаса против своего Старосты, и раскаяние высоких воюющих сторон, и наконец их взаимное примирение. Члены Арзамаса отслушали протоколы с терпением, потом они приступили к принятию нового члена Пустынника. Громобой с Журавлем внесли его на плечах в верхнюю храмину, президент устремился к нему на встречу, положил руку на Дунциаду и начал требовать

клятвы Ах! Что в сию важную минуту оковало уста новорожденного Пустынника. О Муза Истории! Поведай причину сего молчания; обрати лице Кассандры от будущего к прошедшему и представь ее взорам, как формула клятвы всех избранных гусей Арзамаса погублена быть может на веки рукой Светланы клятвопреступницы. О Муза Истории! В твоём волшебном зеркале увидим ли мы зеркало Светланы, и в нём Асмодея и как он над плечом Светланы, чудилось, блестит светлыми огнями и как прельщенный секретарь-девица сказал: Чорт возьми бумаги Арзамаса! Но что же, Муза Истории, ты безмолвствуешь в моем протоколе, как часто безмолвствуешь в древних летописях, и как безмолвствовал Пустынник пред Дунциадою. За то остаток Арзамаса, не умолкая вешал хулы на секретаря-подлинника; наконец президент посредством звонка укротил сердца, пылающие гневом. Пустынник воссел на уготованное место с смирением своего звания и прочел одному смиренному, но не смиренному покойнику-халдею краткую панихиду, от которой арзамасцы не могли просидеть смиренно на стульях. Все поздравляли друг друга с таким новым другом; все изъявляли удовольствие, и каждый по-своему: Громобой презирал угрозы — Черного Врана и своим хохотом передразнивал его карканье; Ивиков Журавль то хлопал крыльями, то чистил нос об табакерку; Эолова Арфа бряцала какую-то неслышанную песню; Варвик цедил вино для Пустынника, а Резвый Кот, вспомнив их общую Балладу, перед ним мурлыкал и кружился; Старушка была рада, как ребенок, и наконец Кассандра в первый раз предсказала добро и в первый раз ей поверили. Но и сия Кассандра и в сей благословенный час не могла ни предсказать, ни предчувствовать той великолепной речи, в которой отвечавший Пустыннику президент член Старушка похоронил всю Беседу под ее собственными развалинами, и в которой обломками сей разрушенной крепости он стрелял в остальную заречную фортецию, последнее убежище халдеев. Увы! Всему бывает конец, и кончилась речь почтенной Старушки и за нею вскоре последовал конец заседания. Но прежде прочтено некоторое произведение отсутствующего члена Светланы, содержание сего так сказать победоносного стихотворения, достоинство его и действие подробно изложены в протоколе седьмого Арзамаса, в коем любопытные могут справиться. После сего чтения пред самым отходом из храмины, произво-

Адельстан — Н. М. Муравьев

дидись тайные переговоры между мелкими ерлыками и лапкою его превосходительства Резвого Кота. Вследствие оных переговоров в будущий Арзамас член Кассандра назначен представителем для принятия нового еще безымянного члена.

*Резвый Кот.
Эолова Арфа
Старушка.
Кассандра.
Пустынник.
Ивичов Журавль.
Варвик.
Светлана.*

46

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

несравненному писателю нашему Ч. Б. Л. Р. С. — Д. С. С. — С. С. Ф., читанное в Арзамасском Обществе 11 ноября 1816, Пустынником.

Восхваляя сего неподражаемого писателя нашего Ч. Б. Л. Р. С. — Д. С. С. — С. С. Ф., коего высокопочтенное Арзамасское Общество торжествует ныне погребение и почитает патриотизм древней Словесности Словено-Русской, — буду хвалить я самый патриотизм, погружающий в крепкий сон слушателей: членов Беседы, сотрудников и посетителей; погружающий в столь крепкий сон, что едва ли повелительный голос начальника, обращенный к подчиненному, приносенному мягким крылом его, пробудить удобен его. — Да не введу почтенное Арзамасское Общество в опасное заблуждение, да не представится ему, что заснувшим слушателям хочу я изобразить здесь любезную Эолову Арфу нашу! Нет, почтенные арзамасцы, Арфа засыпает над одами Державина, над балладами Жуковского, над историей Карамзина, над трагедиями Озерова, в театре, на бале, даже танцуя с любимицею души своей — она засыпает: но сие не послужило бы доказательством усыпляющей силе дарований и искусства усопшего ныне С. С. Ф. — Вы знаете внимательность гражданина Арзамаса Чу; знаете мужество и твердость, с которыми читает и слушает он и хорошее, и посредственное, и дурное; — знаете, как страстен он ходить с ружьем за дичью; если не найдет сокола, то стреляет и по вороне: — не жалеет удалой наш Чу ни пороку, ни дробу; и он, он, говорю вам, крепко заснул при чте-

нии Известия о воинственности в России (если не ошибаюсь в титуле), сочиненного настоящим мертвецом и читанного в Б. А. Р. С., в тот единственный раз, когда неволею привезен я был в ее собрание. — И кто же в сей незабвенный вечер публично успокоения, кто возмог противостоять всеусыпляющему чтению сему? — Разве только сочинитель и звонкоголосый чтец его! Успокоитель утомленной природы целебный сон! Зачем лишил ты меня способа вслушаться хотя в несколько периодов изящного сего исследования прапрадедовских времен нашего отечества? Зачем лишил меня способа в сию минуту предложить возлюбленным арзамасцам красоты мыслей и слога не мерцающие? Зачем или твоя скромность, о вечным сном на лоне Тредьяковского опочивый живой мертвец наш! или банкротство седого Ареопага Слова Русского не предало тиснению сего неудобно-разумо-духодятельного сочинения? Просыпавшиеся, от времени до времени, свидетельствуют, что в нем с математической точностью доказано было следующее: «В самой отдаленной древности и едва ли не прежде великого князя Владимира, может быть, прежде Рюрика, может быть, даже прежде Адама, Российское воинство было образовано столько же хорошо, если не лучше настоящего; что под какими-то славенскими, варяжскими, татарскими и из других наречий заимствованными названиями, имела Россия фельдмаршалов, фельдцехмейстеров, генерал-адъютантов и проч. и проч. Что сотник был капитан, тысяцкой баталионный командир или полковник, и проч. и проч.» Но позволю ли я себе, почтеннейшие арзамасцы, при гробе знаменитого покойника нашего основывать похвалы ему на суетных рассказах спавших слушателей? Да удалится от меня ужасная мысль сия!

Но что я вижу! — О радость, о восторг неизъяснимый! Вежды ваши смежаются, некоторые из вас погрузились в глубокий сон! Итак достиг я в полной мере своей цели; восхваляя усыпавшего усопшего, усыпил бдительных арзамасцев и воздвиг усыпительному сочинителю усыпительный памятник. Пробудитесь, возлюбленные, воспряните на минуту, и я еще крепче усыплю вас — прочтем напечатанное в архивах Б[еседы] сочинение нашего усопшего: О несправедливом суждении иноплеменных писателей касательно состояния России до XVIII века и воздремлем в последний раз над прахом его.

ГРЕЧЬ С. С. УВАРОВА ПРИ ПРИЕМЕ В АРЗАМАС Д. А. КАВЕЛИНА

Итак Арзамас приобретает ныне верного, достойнейшего сына. Мне поручено встретить вас, любезный Пустынник, при входе в Арзамас, на самом том месте, где он возродился на погибель врагов таланта и ума, в тот незабвенный вечер, когда, приосенив голову скромным знаком литературы Свободы, я смелым голосом созывал вас, братья и друзья, и вещал вам: Воскресни, Арзамас и вкус!

Но о чем я напоминаю! Какие перемены воспоследовали с тех пор на поприще Литературы? Против кого брали мы тогда оружие? — Против Беседы — а Беседы уж нет. Она осиротела, рассеялась и даже отдана в наймы за 10 т. р. (я говорю о здании: за членов, увы! ничего не дают). Нельзя самому Арзамасу не пожалеть о такой превратности судьбы! — Где, где дьячки-ораторы? Где поэты-усыпители? Куда девалась шайка неугомонных сотрудников? — Я вижу, как они, с поникшими головами, медленно выступают из обители прежней славы; иные окутаны в Шубах Шутовского; другие оттирают слезы речами Политковского. Седой Дед, драпированный ветхим красным сукном, покрывавшим некогда огромный стол Беседы, едва тащит ноги.² Один Хвостов несет конец³ мантии Седого Деда; другой, указывая на свой графский патент, призывает на помощь короля Сардинского и требует от него ИСКУПЛЕНИЕ Беседы от здешних алжирцев. Один член идет задумавшись в шашке Александра Невского; тучный его сотрудник улыбается сквозь слезы, смотря на единственного своего юса. Все наполнены гневом;⁴ все рыдают, все твердят: Горе нам! Горе Беседе! Мир все м! Мир праху твоему, злополучная Беседа! Но где твой прах? — О том ведает лишь один Глазунув. Странник придет и спросит: «Где Беседа?» — «Здесь она некогда процвела», скажут ему в ответ: «но блеск ее был минутной.⁵ Не долго пользовалась она драгоценным чудным даром усып-

¹ Вместо судьбы.

² Далее зачеркнуто: он держит чернильницу ей искони принадлежавшей.

³ Далее зачеркнуто: хвост.

⁴ Далее зачеркнуто: и печали.

⁵ Далее зачеркнуто: мгновенный.

лять своих врагов, сама от своих усыплена на веки. — Настал час испытаний и бедствия: сперва хотели ее продавать с аукциона за кабашные грехи жида Перца; потом отдали ее в наймы за 10 т. р. без мебели и без членов. Верные сыны Беседы скитаются по лесам и пустыням и не могут забыть пустыню Беседную!»

Вот что скажут в ответ Страннику; он конечно вздохнет и вымолвит: Бог с ней! — Скажем и мы, бросив последний взгляд на ее развалины: Бог с ней!

Но этот бог не есть бог вкуса; сей последний явно осеняет Арзамас; он умножает число верных сынов и сподвижников; он нам дарует силу побеждать наших врагов; он усыпляет Беседу своим собственным сном. Вступи ж в наш дружеской круг, любезной Пустынник; будьте наш брат и товарищ! Сражайтесь с дурным вкусом, с ложными понятиями, с плоскими стихами, с надутою прозою, сражайтесь с Российской Академиею¹.

Этого литературного зародыша, которого вы вносите в Кунст-камеру Арзамаса, я не имел чести знать; не буду его тревожить; пусть он поконится в своей банке вместе с ген: адъютантами Бирона, истинный залог его бессмертия.

Но я спешу прекратить мою длинную речь, знаки нетерпения, на ваших лицах изображенные, пугают меня. Я боюсь невольно обратить Арзамас в покойницу Беседу по примеру Седого Д., так часто и так искусно смешавшего Беседу с Г. Советом, что до сих пор члены Беседы и члены Совета обижаются теми же шутками. Но я слышу голос охриплой С. Деда: бумажный его гроб растворяется, он встает, вперяет в меня свои красивые очи; он протягивает грозящую руку и будто твердит мне:

Ah, doit on hériter de ceux qu'on assassine!

48

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в лето второе и в месяц второй, или может быть и в третий, по обыкновенному летосчислению месяца Студеного в 24 день, в доме его превосходительства Кассандры был шестнадцатый ординарный Арзамас,

¹ Далее зачеркнуто: С тех пор как младшая ее сестрица Беседа торжественно скончалась.

Присутствовали Их Превосходительства:

Ивиков Журавль.
Старушка.
Пустынник.
Эолова Арфа.
Резвый Кот.
Кассандра.
Светлана.

Прибавил бы я и Варвик, но этот Варвик не исполнил обета и еще не усыпил ни одного беседного Эдвина и не вступил еще как повелитель в святилище Арзамаса. В сем заседании находились и два почтенных рожденных арзамасца, известный историограф господин Николай Карамзин и еще некоторый весьма любезный Салтыков, об которых нельзя не сказать с умилением: то-то гуси!

В сем заседании происходило:

1-е. Прочитан временным секретарем Кассандрою очень изрядный протокол,¹ и бессменный секретарь Светлана был им отменно доволен, а их превосходительства члены подписали сей протокол с прилично размахскою, послужившею несомнительным доказательством, что искусство писать им не совсем неизвестно.

2-е. Временный секретарь сдал бумаги собрания бессменному, который с благородною скромностью прямою достоинства отблагодарил его за удачное исполнение той трудной должности, которую он, Светлана, прежде него исполнял с таким блистательным успехом; сие лестное одобрение Светланы так растрогало Кассандру,² что он едва усидел на стуле, а прочие члены, восхищены скромностью и беспристрастием³ несравненного друга своего, стали делать разные дурательства.

3-е. Секретарь Светлана представил⁴ членам донесение о своих поступках; и члены уверились, что он⁵ приобрел новые великие совершенства, документами сих новоприобретенных совершенств служит:

¹ Далее зачеркнуто: который, а скромность и беспристрастие Светланы привели в восхищение.

² Далее зачеркнуто: прочих членов растроганных.

³ З черкнуто: Светланы.

⁴ Зачеркнуто: прочитал отчет.

⁵ Далее зачеркнуто: ус совершенствовал в разлуке с ними. Кисель его показался им слаще райского крема, немецкий его чорт.

1-е. Очаровательный «Овсяный кисель», который члены единодушно провозгласили райским кремом.

2-е. Гекзаметрическая сказочка о том, как чорт, играя в карты, выигрывает душу; их пр.¹, выслушав эту сказочку, сказали в один голос: мы никогда не будем играть в карты! Это непохвально!

Наконец, 3-е. Повесть о том, как некоторый Вадим влюбился во сне и женился на яву с помощью серебряного звонка, легкого челнока и седого старика. Всем не женатым членам, по выслушании этой повести, смертно захотелось жениться.

4-е. Члены, осыпав разными заслуженными похвалами своего друга Светлану, простерлись к ужину, а расставаясь, они говорили друг другу: В следующее заседание услышим мы чтение превосходного протокола, о наш друг Светлана с нами, но увя не сбылось их ожидание. Светлана стала чухна чухною, и протокол ее никуда не годится, и она покорнейше просит своих друзей извинить ее по причине того искреннего высокопочитания, с которым она честь имеет быть их покорною к услугам и прочее.

*Светлана.
Ивиков Журзаль.
Пустынный.
Кассандра.
Старушка.
Золова Арфа.
Резвый Кот.
Барвик.*

49

ГРЕЧЬ В. А. ЖУКОВСКОГО ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ К ОБЯЗАННОСТЯМ СЕКРЕТАРЯ АРЗАМАСА

С горем пополам принимаю обратно² от вашего превосходительства священное звание секретаря Арзамаса. Вы были³ его украшением, и я чувствую в смиреннии духа всю негодность мою в сравнении с вами, превосходительный друг Кассандра. Если почтенные⁴ арзамасцы удостаивали благосклонного одобрения ту посильную бестолковщину⁵, которую уго-

щал я их от полноты моего сердца, то я отношу это не столько к моим достоинствам и природным совершенствам, сколько к их добродетели. Они видели, что я лез вон из кожи, и были тронуты¹ неутомимым, дерзну сказать, геройством моей натуги. Благодарю небо! Оно опять привело меня в Арзамас. Я жил на берегах Эмбаха, в стенах города Юрвева, но душа моя была с вами. Гусынями перелетали мои мысли² к незабвенным друзьям моим! И когда я скакал сюда по почте, то в честь Арзамаса всегда приказывал на станциях закладывать лошадей в кибитку мою гусем! Чухонцы дивились моей причуде, комиссары величали меня скотиною, прохожие указывали на меня пальцем, но я был спокоен³: я говорил себе с гордостью⁴: «еду гусем, еду гусем к друзьям моим», и несправедливость человеческих суждений меня не оскорбляла! Я здесь! Душа моя спокойна; но, признаться, в отдалении и в той совершенной неизвестности о Арзамасе, в какой в. п. по милости своей оставляли меня, приходило мне часто плохо! Доходили до меня разные слухи, одни ужасные, другие утешительные, и боги снабжали меня разными видениями в моей пустыне. К слухам печальным принадлежит известие о неопisanном⁵ канальстве члена В о т я В а с⁶, о той стихотворной дряни, которую угостил он Арзамас, о его превращении в Вотрушку, известное русское печенье с творогом и яйцами, о его стихотворной вылазке на Арзамас и наконец о удачном⁷ переводе Вотрушки на В о т я В а с о п я т ь. Я порадовался сей многозначущей прибавке слова о п я т ь к титулу Вот я Вас. Почтенный друг наш Василий Львович Вот я Вас опять весьма заносчив! Дай его превосходительству волю — он так благоволит напакостить, что⁸ Арзамас в десять заседаний⁹ не поправит одной его проказы.¹⁰ Почему и думаю, что слово о п я т ь, возвратив ему прежнее достоинство, будет в то же время для него и важным, красноречивым т е м е н т о м о г и; утешаясь настоящим своим величием, он будет говорить самому себе, не забы-

¹ Далее зачеркнуто: моими тою натугою, с какою докатыбался я до.

² Вм. зачеркнутого: мое воображение.

³ Вм. зачеркнутого: утешал себя.

⁴ Вм. зачеркнутого: восхищением.

⁵ Вм. зачеркнутого: мое дошедшее.

⁶ Далее зачеркнуто: и его бедственным.

⁷ Вм. зачеркнутого: его благополучном.

⁸ Далее зачеркнуто: в сь.

⁹ Вм. зачеркнутого: год.

¹⁰ Вм. зачеркнутого: пакости.

¹ Зачеркнуто: члены.

² Пред этим зачеркнуто: Поздравляю самого себя с.

³ Далее зачеркнуто: почтенная Кассандра.

⁴ Далее зачеркнуто: друзья мои были благо.

⁵ Вм. зачеркнутого: бессмыслицу.

вайся, Василий Львович Вот я Вас опять! Если ты опять Староста, то можешь быть легко опять и Вотрушкой, и еще чем-нибудь хуже: блином, котелкою, кавардаком или калужским тестом! Сохрани его сила небесная от такой передрыги! ¹ Он же есть один из самых ревностнейших арзамасцев и вечно в драке с халдеями, которым не один горб на выю от него достался.

Другое известие, долетевшее до меня, и горестное и радостное, что земля лишилась своего небесного гостя! Что гений Державина улетел в ту сторону, из которой был он к нам прислан с восхитительными вестями о прекрасном, о великом, о небесном! ² Носясь над землею, он говорил нам: ³ «Прекрасное — не мечта. Оно существует и вечно!» Говорил языком убедительным! И сердца наши ему верили! ⁴ И сей величественный прорицатель исчез, и нам остался один неумолкающий его голос! Наследство священное! Связь неразрывная между теми, ⁵ для коего добро всего святее в жизни, и тем, которого нет уже в их круге.

Но где же Беседа? .. ⁶ И что Беседе попритчилось? Недолго Беседа куролесила! Я зрел Беседу, возносящую в гордости рога озов! Я зрел Беседу, натопорщившуюся ⁷ на подобие левиафану; я зрел Беседу высокую, как известная Сухарева башня; не успел я зевнуть, и Беседы не стало, ⁸ опустела храмина ее как пустые головы действительных ее членов. Стулья, к которым они ⁹ прикасались благороднейшею частью своего состава, ¹⁰ лежали кверху ногами и спрашивают у мышей, мимо их пробегающих, ¹¹ куда девались проказники, столь ¹² легковесно нагружавшие ¹³ их во дни смешения языков! Нет ответа! И красное сукно, облежавшее ¹⁴ стол беседный,

служит одеялом одинокому сторожу, ¹ и сон его никогда не бывал столь сладок, ² и члены рассеялись! ³ Седой Дед хочет укрыться под личиною двенадцатилетнего отрока в библиотеграфии господина Сопикова; некоторые, ⁴ для пользы наук, нанялись бы уродами ⁵ в императорской кунсткамере; один Гашпар неугомоним: он врет из Флоренции, как врал ⁶ в Петрограде.

Наконец третье известие, до меня дошедшее, было радостное: число арзамасцев увеличилось! Вы запаслись порядочным Пустынничком! И я говорю: ⁷ Слава богу!

Теперь остается мне снова представить вашим превосходительствам отчет в собственных своих поступках! Я странствовал по земле чухонской ⁸ и сделал в путешествии своем важное открытие. Чухны одной породы с членами Беседы. Они так же нечисты, как слог их; язык чухонский ⁹ был для меня столь же непонятен, как и язык наших болтливых покойников. Не должно ли заключить из сего, что (может быть еще до времени Рюрика) существовала в той стране ¹⁰ Беседа! Почему знать? — Чудское озеро не находилось ли на том ¹¹ самом месте, на коем некогда ¹² была воздвигнута ее храмина, потом провалившаяся и образовавшая воды пространного Пейпуса. Здешняя Беседа провалилась — остались одни Воды Липецкие. Кого не поразит такое чудесное однообразие в изменениях вещей сего мира. ¹³

Далее имею честь донести вашим превосходительствам, что я не исполнил вашего священного поручения написать законы арзамасские! И причина тому самая простая: почитаю беззаконие более для нас выгодным! Легко случиться может, что, написав законы, мы будем поступать в противность тому,

¹ Далее зачеркнуто: пережившему единственному запустевшей храмина.

² Далее зачеркнуто: как ныне под сим магическим покрывалом.

³ Вм. разбегались.

⁴ Далее зачеркнуто: нанялись быть чучелами в императорской кунсткамере.

⁵ Вм. чучелами.

⁶ Далее зачеркнуто: на театре.

⁷ Далее зачеркнуто: в час доброй! Эгот Пустынничек.

⁸ Вм. финнsv.

⁹ Вм. их.

¹⁰ Вм.: у них.

¹¹ Вм.: образовалось ли.

¹² Вм.: где беседа.

¹³ Вм.: лица.

¹ Вм. зачеркнутого: переворота.

² Далее зачеркнуто: он сказал.

³ Далее зачеркнуто: существует прекрасное оно.

⁴ Далее зачеркнуто: но провозвешник прекрасно скрылся оставя нам.

⁵ Далее зачеркнуто: кто выше всего.

⁶ Далее зачеркнуто: не стало Беседы.

⁷ Далее зачеркнуто: как некий великан.

⁸ Далее зачеркнуто: нет членов.

⁹ Вм. зачеркнутого: члены ее.

¹⁰ Вм. зачеркнутого: тела.

¹¹ Далее зачеркнуто: где тот, который некогда нагружал меня.

¹² Вм. зачеркнутого: они.

¹³ Далее зачеркнуто: стол, нас.

¹⁴ Вм. зачеркнутого: покрывавшее:

что напишем!¹ Это почти неизбежно! Не лучше ли подчинить себя беззаконию и поступать в противность беззаконию. Это вернее! Впрочем, ваша воля. Написать недолго. Стоит вам только приказать, и я удружу вашим превосходительством таким законцами, что вы не опомнитесь!²

Наконец скажу вам слова два о некоторых моих набегах на Парнас с помощью моего гусяного пера, моего неизменного союзника. Во-первых я почти разбудил известную вашим превосходительством дюжину красавиц, проданных родителем их коварному искусителю человечества и Беседы. Но со мною может быть случилось то же, что с следующим журавлем! Жил был журавль! Зашел журавль в болото и увязил он хвост! Неприятно было журавлю сидеть хвостом в болоте! Он понатужился, вытащил свой хвост, но клюнул неосторожно в болото носом и увязил нос! Неприятно было журавлю иметь нос в болоте! Он понатужился, вырвал свой нос да увязил хвост! Журавль и по сию пору в болоте³, работает над хвостом и носом — оставим его! Я хотел только доложить в. п., что я, вытащив хвост, может быть сподобился увязить нос, то есть, разбудив двенадцать дев, может быть, усыпил почтенных любителей чтения и Глазунова⁴. Во вторых, несравненные⁵ друзья моего сердца, несмотря на потоп Липецкий, я имел счастье разрешиться еще раз от бремени чортом, и одно мое в этом случае утешение⁶ есть то, что мой новорожденный чорт немец! Наконец решусь⁷ ли сгрузить с языка моего роксвое слово? Муза моя состряпала из гекзаметров овсяный кисель.⁸ О друзья мои, отважусь ли дать вам⁹ моего киселя? Осмелюсь ли сказать вам вместе с доброю бабушкою, которая потчует им всех внучков:

Кушайте, светы мои, на здоровье! Господь вас помилуй!

¹ Далее зачеркнуто: не лучше ли.

² Зачеркнуто: не изволите.

³ Зачеркнуто: а я разбудил своих дев может быть усыплю.

⁴ Зачеркнуто: второй подвиг мой.

⁵ Вм. почтеннейшие.

⁶ Вм. извинение.

⁷ Вм. осмелюсь.

⁸ Далее зачеркнуто: смею ли поднести.

⁹ Зачеркнуто: поднести вам этого.

1817 г.

50

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в лето второе, в месяц четвертый, по обыкновенному летосчислению месяца Просинца в день шестой, был в доме его превосходительства Кассандры семнадцатый ординарный Арзамас. Присутствовали рожденные или природные арзамасцы Н. М. Карамзин и М. А. Салтыков, вместе с избранными следующими Превосходительствами:

Кассандрою,
Эоловою Арфою,
Светлавою,
Старушкою,
Пустынником
Резвым Котом,
Ивиковым Журавлем

и с полу-превосходительным Варвиком, которого бессменный секретарь очень удачно применил к восьмимесячному младенцу: но скоро, скоро Варвик исторгнется из утробы своей родительницы слободы Арзамаса, и первый крик его будет для халдеев вестником страха и мщения. Между тем так случилось, что в 17-м Арзамасе брат Варвика его прево. Эолова Арфа был президентом; и что же? К приятному удивлению всех братьев он прежде ужина разинул свои всежрущие, до толе немотствующие челюсти. Из них как источник густого млека и душистого меда излилась благодатная речь во образе Рескрипта.¹ Все помнят чудесное действие сей речи блестящей и трогательной; и шумный восторг арзамасцев, и смущение издыхающих халдеев, ибо гром слов президента проникнул сквозь шкапы, сквозь стены Арзамаса: он на

¹ Высоч. рескрипт, писанный Эоловою Арфой, о пожаловании Жуковскому — Светлане, 4 т. р. пенсии, читан ею в Арзамасе, где еще неизвестно было об оном. (Приписка рукой А. И. Тургенева).

крыльях Ивикова Журавля понесся вдоль Фонтанки и вдоль Невы, раздавался в берлогах и гнездах, на рынках и в клубах и в императорской Библиотеке; и там и здесь и усыпители, и усыпленные, и простые сонные, все очнулись, все узнали победу Светланы и света над Беседой и тьмою. Сбылось пророчество Кассандры: Золова Арфа совершила свой подвиг и явилась ужаснейшим членом Арзамаса; мы только кусали халдеев, г-жа Арфа их съела; да какое же брюхо и может сравниться с ее утробой? В ней только и могли поместиться все уроды, составляющие Кунст-Камеру Арзамаса, так же как в сердце его помещаются все красавицы обеих столиц.

После речи председателя его прево, Светланю прочтен протокол, в котором его вышереченное прево величает себя чухною. Члены Арзамаса были готовы почтить секретаря своего только скромным; но, увы! чрез несколько часов они уверились в истине сего злосчастливого превращения: чрез несколько часов узнали, что изменница Светлана скачет верхом на профессоре к опасным берегам Эмбаха, и что никакой Меркурий не спасет нашего Улисса от чародейств новой Цирцеи или Киркеи, то есть, древней Беседы, сокрытой в водах Пейпуса и под песками Ливонскими. С тех пор каждая почта привозит нам дурные вести: Светлана вместо стихов пишет календари, Светлана сердится на всех друзей своих, Светлана стоит на коленях с кадилом перед всяким германским париком; о бедная Светлана! Ты и в самом деле очухонилась. Приезжай скорей омыться в струях реки Тёши.

Однакож во время 17-го Арзамаса Светлана была еще не совсем чухна; она вместе с прочими гражданами любовалась искусным фиглярством отсутствующего члена Ахилла; фиглярством, говорю я, ибо Ахилл, как тосканской фигляр, показал нам в своем волшебном фонаре тени покойных арзамасцев, французского Монтескье и греко-русского Кантемира. Они между собой говорят как живые достойные члены Арзамаса (большей похвалы нет в лексиконе ученых обществ): иногда можно было узнать фигляра по голосу; но тени покойников и за это коленцо не рассердятся.

За ужином не было гуся, и даже это не доставило острого слова нашей чухонке Светлане!

*Старушка.
Золова Арфа.
Ивиков Журавль.*

*Пустынник.
Варвик.
Кассандра.*

15

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в лето второе, в месяц пятый по обыкновенному летосчислению, месяца Сеченя в день двадцать четвертый, был 18-й ординарный Арзамас, но всегда для арзамасцев незабвенный. Сей день, или, если угодно, сей вечер, ознаменован двойным торжеством: к нам вступил по чиноположению Арзамаса новый член Варвик, младый, но духом зрелый (о чем уже и проведали некоторые покойники), а вместе с ним явился и блистательный Чу, наконец возвращенный старым друзьям своим, коих дружба к нему никогда не состарится. Кроме сих именованных членов, присутствовали Их Превосходительства:

*Старушка.
Золова Арфа.
Пустынник.
Ивиков Журавль.*

Недоставало в Арзамасе природных, почетных гусей Карамзина, счастливого любовника Истории, и Салтыкова, беглеца и не любителя Казани. Недоставало еще одного любезного, двуличного арзамасца, который воюет с варварами как гусь Капитолия, а царапает беседников как остроумный Кот Лафонтенов. О нем гласит предание, что он в тот славный 18-й Арзамасский вечер просидел у мышеловки, называемой Институтом. Там ловят юных мышенок женского пола, кормят их сахаром познаний и чудотворно превращают в людей, разумея сие слово в его истинном смысле. Там, ко всеобщему удивлению, оказалось, что одна проворная, миловидная мышка, с блестящими глазками, рождена от почтенных родителей его превосходительства Резвого Кота; и его превосходительство, предавшись сладостному влечению природы, позабыл об Арзамасе. Но Арзамас на него не рассердится, ибо он любит его сестрицу мышку, ибо он любит все природное, кроме природной глупости Беседы. Между тем и без почетных гусей и без Резвого Кота должно было открыться заседанию. Оно открылось в

некоей храмине, или паче в некоем шкапе, принадлежащем секретарю Кассандре. В оном шкапе воссели превосходительные члены: вокруг них блистали на возвышениях истуканы первобытного арзамасца Аполлона и других арзамасцев древнего мира, а под ногами их лежали поверженные болваны Беседы и Академии и прочих скопищ халдейских. Сия противоположность истуканов с болванами подала повод к рассуждению о синонимах нового рода. Член Чу! напомнил об Азарте и Запальчивости, об Омене и Проходи академических словесников, член Старушка об Очах, Глазах и Буркалах Михайловского Общества; но всех любезнее был Ивиков Журавль: он избрал множество новых своих синонимов, которых никто не подозревал, и уверял между прочим что надобно говорить: Живот Старушки, Брюхо Пустынника и Пузо Эоловой Арфы. Все арзамасцы дивились тонкости сего отличия; они удивление выражали по обычаю смехом. Но загремел звонок Пустынника, на тот раз президента: члены снова засели в кресла, секретарь по словам Крылова, трепнул на стул свой и пробормотал протокол. Увы! В сем протоколе, который подобен всем прежним, бедный Кассандра безмерно силится не вылезть из кожи, как говорит пословица, а напротив, залезть в кожу своего предтечи Светланы, и (признается ли его самолюбие) он всем напоминал Светлану, лишь тем, что не был похож на нее, и что своими тщетными гжушениями — он только искушал терпение друзей своих. Так, мы видим иногда, что неофит нашего века силится отыскать Наполеона в Иудейских пророках; он ломает буквы, выдумывает цифры и наконец с важностью Пифии кричит: «Господа и, если вам возможно, мои читатели, скоро-скоро преставление света; и вот вам доказательство. Кто до времен Наполесна видал такого разрушителя и такое разрушение». Что же правдивый читатель шепнет ему в ответ: «Друг неофит! Видали это многие, увидел бы и ты, когда бы прочел историю».

Всем известно, что в Арзамасе часто все делается вопреки русским пословицам; и в этом случае было также. Мы долго рассказываем сказку о протоколе, а на деле он очень скоро прочтен и забыт. Внимание было устремлено на Варвика; он шел к присяге между секретарем и Журавлем, потом он воссел подле президента: лицо его пылало огнем геройства, и голова, казалось нам, дымилась как Везувий. Извержение черепа вос-

последовало, пролилась река лавы; но переменяем тон и скажем слогом древних песен, потекла эта реченька да на правую на сторонushку, да за батюшку за Аничков мост, да и к какой-то Библиотеке. Там пламенная река истощила свою ярость; там несчастные жертвы Помпеи — Г... и Геркуланума — К... будут храниться под ее лавой и пеплом, будут в грядущие веки ужасать библиотекарей и журналистов. Но какой любопытный, какой Сицилийской король пойдет отрывать их; кто посмеет опуститься в их обширную могилу, когда и президент Пустынников в своей замысловатой речи едва дерзнул коснуться их трупам однакож не смердящим; в них нет ни запаха, ни вкуса.

После принятия Варвика прочтены соборные грамоты отсутствующего члена и бессменного секретаря Светланы. Члены вздыхали и, вспомнив протокол перед тем прочтенный, говорили: Кассандра, ты в самом деле пророчица: от Светланы так и воняет Эмбахом.

Президентом на следующий Арзамас удалось быть его превосходительству Ивикову Журавлю.

*Кассандра.
Эолова Арфа.
Чу!!!
Ивиков Журавль.
Старушка.
Варвик.*

52

[РЕЧЬ И. И. ТУРГЕНЕВА ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В АРЗАМАС]

Почтенные Арзамасцы.

На берегах Майна, в известном городе Франкфурте, в первый раз услышал я о существовании сего славного Арзамаса, в котором теперь присутствуем. Я как будто предчувствовал, что буду членом сего Общества; ибо первая о нем весть родила во мне какое-то неизъяснимое удовольствие, и с тех пор я возымел к Арзамасу великое почтение.

Вы спросите,¹ что думают во Франкфурте об Арзамасе? — Мнения были различны. Иные спрашивали: что значит это новое общество? Другие — что значит название «Арзамас»?

¹ Далее зачеркнуто: у меня.

Одни говорили, что такое соединение литераторов произведет в литературе раскол. Другие говорили: «Кто знает! Может быть арзамасские гуси освободят русскую словесность от варварства Беседы¹. Гуси же однажды спасли и «Капитолий»².

Мудрые законы Арзамаса предписывают каждому нововступающему члену прочесть похвальное слово какому-либо из членов Беседы. Обязанность сия для меня неудобна в исполнении, потому что, найдясь долгое время в отсутствии, ³ я мало знаю о сем «Сослови и Славянофилов», и в неведении моем утешаюсь тою мыслию, что Беседа и вообще мало ⁴ известна. И так позвольте мне, почт. арз., пожелав Беседе вечного успокоения в бездне ничтожества и забвения, упомянуть только о том «отпрыске» Беседы, который, появившись как некий нечистый дух в известной по малому числу читателей имп — ской Публ — ной Библиотеке, предавал нас «Второе января» попеременно то сну, до досаде. О незабвенное второе января! Казалось, что имп. Публ. Библ. напрягал весь свой ум и употребила все свои галанты и в прозе, и в стихах, дабы сказать нам, что в течение 1816 года было прочтено или потребовано для прочтения 400 книг, означенных поимянно, и что в Эрмитаже стоит бюст Ахиллеса! Вы не удивитесь, почт. Арз., что имп. Публ. Библиотека может напрягать ум и употреблять таланты, если вспомните, что она может «просить» и «просить покорнейше». Щастливый дар, отличающий сей «храм щедрот монарших» от всех других бесталантных книгохранилищ! По выслушании первой пьесы, которую можно назвать все чем хотите, только не отчетом о порядочной Библиотеке, слушатели Библиотеки (мы продолжаем употреблять сие слово в смысле известной вам огромной пригласительной повестки), слушатели были поражены какими-то дикими и беспрестанно возносящимися звуками. Кто бы подумал, слушая чтение помощника библиотекаря, что дело идет о Гомере. Жалобным голосом своим, казалось, он просил пощады своему произведению⁵. Два порядочные стиха едва ли вознаградили вас,

¹ Далее зачеркнуто: которое там, как вечное зло, и пр. и пр.

² Далее зачеркнуто: Я боюсь однакоже сделать вступлен е длиннее самой речи.

³ Далее зачеркнуто: из России.

⁴ Вм. зачеркнутого: не много.

⁵ Вместо зачеркнутого: стихам своим,

Сверчок — А. С. Пушкин.

почтт. сочлены, за два скучные часа. Я, занимая мысли мои, всегда, даже и в Библиотеке, финансами, вздумал, что приличнее было бы помощнику библиотекаря и переводчику Гомера, вместо Илиады, перевести в стихах, и даже экзаметрами, например: Süssmilchs Göttliche Ordnung или Justi Abhandlung von den Steuern und Abgaben или воспеть рождение сих светильников политики. Тогда бы перевод скорее достиг цели своей — забвения, и достиг бы тем удачнее, чем ближе был бы к подлиннику; а поэма рождения смиренно сошла бы на вечное упокоение в лавку Глазунова, сию терпеливую могилу стыда русской словесности. Так думал я, почтт. сочлены, когда Библиотека, звонким голосом великодушного штабс-капитана, а ч а л а читать так называемое обозрение так называемой литературы российской 1816 года. Сколько новых открытий сообщены слушателям в сем великолепном обозрении! Вы верно не знали, что англичане, французы, немцы, итальянцы не имеют ни хороших поэтов, ни хороших историков, ни литераторов, ни ученых, вы верно также не знаете, отчего они их не имеют. Итак слушайте верного Сына Отечества. Он скажет вам, что причина такой бедности не иначе, как та, что в Лондоне, Париже, Риме нет ни татарских мечетей, ни жидовских синагог. Тот же Сын Отечества говорит вам, что у нас сей бедности или нет, или быть не может, — что, как известно, почти все равно. Что касается до меня, то я не вижу, чтобы терпимость Магометова или Моисеева закона могла принести большую пользу нашей словесности; но уверен, что терпимость вранья, даже и в Библиотеке, не у места и только что производит скуку. От терпимости вероисповеданий Сын Отечества перешел к терпимости книгопечатания, и первое слово, невольно вылившееся из пера его, было — цензура. Тут вздумал я: не в том ли смысле господин С. От. говорит о нашей свободе книгопечатания как Фигаро о гиспанской? — Но нет! Патриотические рассуждения С. От-ва скоро заставили меня отклониться от сего сравнения, конечно для одного из сравниваемых лиц обидного.

Таким образом, говоря о свободе книгопечатания и вместе с сим превознося цензуру, С. От-ва выводит следствием существование благоразумной свободы. Я невольно вспомнил о том, как не только у нас, но и во всей Европе, приятными наименованиями стараются покрывать наготу деспотизма и порока. Давно уже прямодушные люди не верят словам, сопровождаемым эпитетом благоразумия, а под благоразум-

ным¹ человеком разумеют эгоиста, под благоразумным поведением — тонкое, часто подлое, поведение, под благоразумием цензуры — благоразумие полиции. Заметив, что г-н С. От-ва знает то, чего другие не знают, и видит то, чего не видят другие, я пожелал, чтобы он впредь ограничивал свои обозрения сочинениями Орлова, Хвостова, Лобанова, Горюшкина, — они скажут ему спасибо за открытие их талантов и их существования; и чтобы оставляя в покое тех из наших лириков, трагиков, историков, которых все знают, все видят: они возвышаются как колоссы среди пустынь и свидетельствуют силу народного ума, народных способностей. — Так продолжалась панихида Библиотеки, а сия² жертва невежества, дурного вкуса испустила последние вздохи жизни при отходных чтецах ее, как вдруг Крылов баснями своими³ исторг ее из объятий смерти, а слушателей из объятий Морфея. Но я вижу, что⁴ мне пора молчанием произвести то же⁵ действие⁶.

53

[РЕЧЬ Д. А. КАВЕЛИНА]

24 февраля 1817 г.

Любезнейшие Арзамасцы.

Неизбежный рок определил, чтобы были беседчики, а для гонения их повелел родиться Арзамасу. По его же назначению принимается ныне в наше высокопочтенное сословие высокопочтенный член его превосходительство Варвик: и по его же лукавству смиренный Пустынник облачается в звание президента Арзамаса, т. е. звание титулярного гуся. Итак милости просим! Где же покойник наш? Зеенят кости его, три раза в мать сыру землю опускавшиеся: во-первых, вступлением в Беседу; во-вторых, во время общего с нею погребения божественною нашею Кассандрою; в-третьих добровольною вкладью

¹ Далее зачеркнуто: поведением разумеют.

² Зачеркнуто: обреченная.

³ Далее зачеркнуто: возвратил к новой жизни и слушателей к бодрствованию.

⁴ Далее зачеркнуто: время.

⁵ Вм. зачеркнутого: такое же.

⁶ Далее зачеркнуто: NB. Подчеркнутые слова заимствованно взяты из Библиотек.

себя в покойное Михайловское Общество. Разве потому только причислим его ко вновь усопшим, что в нынешнем 1817 году тень его бродила в безвестных странах нашей литературы и, обозревая ее в сквозь (так в рукописи) кусок льдины Липецких Вод, увидела в них и Шутовского и Хлыстова; — отправила литературу в ботанику, в звании которой, по объявлению покойного обозревателя, в течение двух последних лет не только пустила она тысячи отростков, но некоторые из них уматерели. Не признается ли за благо: из молодых отростков наготовить розэг, а из возмужалых — дубинок, кажется, они пригодятся; из негодных веток этих отпрысков можно надевать венков для украшения наших покойников, а впрочем как угодно вашим превосходительствам знаменитейшим согусям моим: эту аллегория занял я из Обозрения покойника в доказательство истинного почтения и преданности: и по той особенной причине, чтобы не удалиться от своего главного предмета, который достался мне по очереди, или так сказать по жеребью. Он, по наущению его превосходительства Кассандры, был отдан на прокат его превосходительству Варвику для торжественного погребения, сиянием своим озарив надгробное слово его, долженствовал неминуемо отсвечиваться и в моем приветствии или отечестве, дабы не быть мне в ответственности за преоупущение без внимания заслуг его при четверократном погребении. Ну что вы скажете, безвестные литераторы, уконтентованы ли вы первую частью высокого моего вздорословия? Первой и второй Сыны Отечества свидетели, что я заслужил право на первогусакство 24 февраля 1817 года в субботу, и да будут они за то читаны по субботам.

Но теперь как быть мне бедному Пустыннику? Что скажу об отчете его превосходительства Чу? Гений Арзамаса, дух Светланы и Кассандры, сойди на титулярного диктатора гусяного стада, положи на темя его правильдо и даже самую гуску жареного гуся прошедшего или будущего собрания нашего; вспомоществуемый ими, я дерзну отвечать на отчет его превосходительства Чу, которого, может быть, вы не увидите, а может быть, уже и видели: в последнем случае ваши превосходительства должны быть в полной мере удовлетворены. Однакож не послать ли нам еще кого-нибудь из арзамасцев прокататься — оно все-таки лучше: исторические сведения о древнем происхождении и местоположении Беседы, в опытах их превосходительств Кассандры, Светланы и Старушки, несколько противоречат друг другу; не благоугодно ли будет

возложить на его прев-во Эолу Арфу препоручение, сообщив сведения сии и сделав ясный свод сомнительных и темных мест, определить с точностью: 1. Что такое Беседа? 2. Действительно ли она существовала? 3. Не проказники ли какие на шутку Арзамасу выдумали ее, или не во сне ли она всем нам грезилась? Подобные задачи с удовольствием займут любезную Эолу Арфу; а от деятельности ее мы можем ожидать большого Арзамасу приосвещения и утешения или лучше сказать уничтожения. Сверх того, доходят возмутительные слухи, что появляются подбеседники или мухоморы Беседы... Что же делают наши соглядатаи? Не мешало бы им войти об этом в Арзамас с доносом; а Арзамасу попригусьмиться.

54

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в месяц осьмнадцатый, по обыкновенному летосчислению месяца Сухаго в шестнадцатый день, было 19-е собрание Общества Безвестных Людей. По призывному гласу пророчицы Кассандры они вслед за Журавлем президентом и вожатым спешили к дивному терему члена Старушки и черного коня ее. Там представилось им чудо, произведенное чародейством ли Старушки или медленным совершением тайных законов природы. Едва с высоты терема они взглянули на окрестность, как вдруг пред глазами их, к белеющим берегам реки Теши, мимо устья Арши, и кладбища халдеев, примчалась река новая в Арзамас, но давно блистающая не только в берегах своих, а в летописях мира и в гимнах Светланы. Славный Рейн, старец вод вечно юный, привыкший к кликам победы, слышал ликованья арзамасцев, победителей тьмы беседной; он всплескал величавыми струями, прорыл пески Катевинские, и сквозь горькие волны морей принес, как Аретуза, свои чистые воды к водам отечественной Теши. Дружно с нею сливаясь, он, не смотря на запрещение Седого Деда, приветствовал арзамасцев тихим журчанием: ему отвечали восклицаниями радости. «Ликуй, вещали, о ты, с минуты мирозданья, не зревший лица Арзамаса, ликуй и отражай в себе все арзамасское, то есть все благородное, все, что пылает любовью к добру и к изящному, к красотам природы и души человеческой. А если другая ладья Словенофилов вздумает плавать на твоём доне, ты поглотить ее для потехи Арзамаса; и верь, что лучше топить халдеев, нежели

воинов, лучше быть петербургским арзамасцем, нежели страсбургским французом, и омывать не бойницы Майнца, а мирные шалаши наших кожевников, которых Академия готова назвать живодерами».

Так говорили и веселились арзамасцы на Рейнских берегах даже без помощи рейнвейна; они изредка вздыхали о болезни, лишившей их Пустынника, или пеняли одному природному члену, на тот раз запоздалому: «Где ты, почетный, где ты, почтенный Гусь-Историк?» взывали арзамасцы; но Гусь заговорился с орлами древней Руси и особенно с одной плотоядной птицей, известной под именем Ивана Васильевича. Он поздно вспомнил об Арзамасе, приехал еще позднее; и этот случай, как увидят, имел для Общества ужасные следствия.

Заседание открылось не задолго до полуночи: сначала было все хорошо, разумеется, кроме протокола; президент приветствовал члена Чу! свистом приятным, хотя журавлиным, а Чу! волшебством красноречия перенес арзамасцев к странам, орошенным Окою, и сделал их свидетелями своих подвигов. Шумная радость разливалась по собранию, когда пробил таинственный час: и вдруг Кассандре стало мерещиться, в ее сердце заиграли смутные предчувствия, а стул под нею превратился в треножник. Как гадатель Феоклимен в доме Улисса, она воскликнула: «Несчастные! Где мы? Что с нами? Смотрите: звезды гибнут посреди неба, мрак Беседы облекает наши светильники, над трапезою летают заречные Гарпии. О арзамасцы! Вы бледны, как журналист перед цензором, ваши взоры утопают в слезах без причины и в уши к вам лезут полные гворения графа Хвостова. Но адский призрак пронзил средину стола и выник из разбитой чернильницы: вот он не клещун Гавиньи, а подобие Деда всех халдеев: коварная усмешка скривила уста его, обвостренный кол вместо пера в его деснице и книжки нечитаемых чтений в виде пальмы покрывают седую шерсть его. Он глядит без страха на страшного Чу! О горе! О Чу! Совершилось! Ты нам дан на мгновение. Уже волны русского моря шумят за тобою, храбрый рыцарь Русской Музы. И скоро ль, долго ль, как узнать, где вестник свидания? Сколько раз месяц Светланы на горизонте и в балладах взойдет и зайдет, родится и умалится, а ты не будешь с нами, а ты на берегах Босфора, Геллеспонта, у развалин Трои, у гроба прежнего Ахилла, будешь вспоминать арзамасцев, которых сердце и обеты с тобою. Не найдешь ли случая вспомнить и беседчиков? Ты знаешь, они просвещенны и чувствительны как черные

стражи гарема, их славянское красноречие утешительно для вкуса, как правление Махмуда для бедных Мурузи. Но воспомяная об них и об нас не забывай, наш Чу! Не забывай курить жертвы отеческим гениям нашего города. Приведут ли они тебя к знакомой родной колокольне, и с высоты ее не скажет ли жалобный голос тебе как древнему Гектору: О герой Арзамаса! Ты возвратился не к друзьям, а к могилам их.

*Варвик.
Старушка.
Эолова Арфа.
Резвой Кот.
Чулл
Кассандра.*

55

[РЕЧЬ Д. В. ДАШКОВА]

Беседа и Академия, сии пагубные источники всех возможных глупостей и невзгодий, сии Пандорины, не коробки, а короба, из коих все дурное и скучное на свет изливается, и где, вместо надежды осталось одно последнее благо — сон: Беседа и Академия конечно были причиною и моей горестной разлуки с вами, любезные сотоварищи. Я был на родине: но воздыхал там об истинной своей родине, о незабвенном Арзамасе. Я дышал свежим воздухом, не зараженным гнилою сыростью от тлеющих в лавке брадатого Глазунова Чтений Беседных и Известий Академических: но там запах жареного гуся не приводил в приятное содрогание моих фибров той части тела, которою ревностный мститель Журавль наш тревожит лягушек и жаб даже на дне болот их. Всякий день бывал на охоте: но увя, вместо угрюмых глухарей и трусливых зайцев все мечтался мне седой Мешков и герой Шутовской! На берегах Невы я сладко засыпал за первую странницу Сына Отечества; а там и в минуты бессонницы я тщетно искал его, тщетно жаждал зазывных билетов на торжественные чтения Беседы и Библиотеки, столь равно усыпительные.

*И в ужина влатое время,
Забыв разлуки тяжко бремя,
Я мыслью в Арзамас летал!*

Но трудно добраться до смысла в творениях Славенофилов, трудно и мечтами всегда заменить существование. Суровая¹

родственница почтенной Немезы, Необходимость, еще удерживала меня в дикой Мещоре: мне должно было, в утешение, хотя духом увидеть торжество ваше. На сей раз чарования врагов были мне полезны. Внимайте, друзья, и дивитесь.

Близ той горы, где возвышается над Окою¹ древний вал Олегов, в богоспасаемом Спасске, живет колдун, слишком известный многим из арзамасцев. Он творил и творит на Руси чудеса неслыханные. Раздаватель билетов при губернском спектакле превращен им в героя, а Хлыстов — в великого поэта и учителя стихотворцев; из урны, для свадебного подарка приготовленной, сделал он Русалкин кубок, из Эпиталамы — ужас новобрачным. Он искал с фонарем человека, и на зло другим нашел его в своем покровителе, он, слабый и художнигий, измутил нашего быстрого Ахилла: он воскресил Медею и сжег ею первопрестольный город русской. Ныне творит он новое чудо — кажет вином² воду. Досужий поэт сей не член Беседы: он клеветет ее. Но зная нежную склонность мою к его Горацию, к великому Хлыстову, он обещал мне³ свое покровительство.

Мы пошли в его обветшалое жилище, обнесенное крепким забором. Месяц не показывался еще из лабазов Светланы; ночь была самая темная, и сердце мое наполнилось ужасом, как бы слыша злоеющий кашель чтеца беседного. Железные затворы, гроза целовальника и поверенных, спали с дверей, украшенных изображением орла — победоносного. Мы перешли несколько комнат, зацепляясь за ведра и отжигальницы, и наконец вступили в святилище. Стены завешены были избранными притчами первого издания; кругом прибиты в несколько рядов дубовые полки, на которых хранились драгоценности колдуна моего. Он позволил мне рассмотреть сии редкости, могущественными заклинаниями его приобретенные. Там увидел я сорочье перо, коим написаны многие письма из Нижнего Новгорода; зуб наборщика той типографии, где печатается Сын Отечества; колпак покойного господина Курганова, внушивший покойное Рассуждение о старом и новом слоге; обломок горшка, из коего Дед Седой часто на коленях своих кормил кашею певца Шихматного; несколько рыжеватых в старину волос Мешкова, завернутых в тафтяный лоскуток от юбки

¹ Вм. зачеркнутого: оставленный.

² Далее зачеркнуто: разведенную.

³ Вм. зачеркнутого: принял меня под.

¹ Вм. зачеркнутого: почтенная.

девицы Б. и связанных ниткою, без которой нельзя выпутаться из лабиринтов его периодов. Там в банке лежали зевания и храпки, собранные по одному от каждого публичного чтения и замороженные в холодных шубах Шутовского; дюжина ветхих кулчков с загнившими корешками словесными разбросана была по беседе из рыбьего зуба! Всего более поразила взоры мои: огромная бутылка с надписью крупными буквами «Здравый смысл четырех Разрядов», из коей, по уверению вождя моего, ничего еще не выдохлось, — и подле нее малейшая скляночка с едва приметным ярлычком: «Заслуги всех ученых обществ в России». В углу покоился пепел сгоревшей с Москвою Медеи, смешанный с пеплом б-й части прежних Образцовых стихотворений; памятки единственного добра, сделанного Наполеоном. Долго бы еще я дивился сим неоцененным сокровищам, если б колдун не подвел меня к тусклому очарованному зеркалу, некогда украшавшему чертог беседный; в нем члены и сотрудники видели содрогаясь возрождение Арзамаса. На древней рамке изображена была таинственная алгебраическая формула, заключающая в себе всю силу или бессилие Беседы. Внимайте — она глубоко врезалась в моей памяти: $B = 4P = 4P + 20C = 0$. Объятый священным ужасом, я едва слышал весельные заклипания. Вдруг разжался туман, покрывавший зеркало: в нем отразились знакомые стены Петрограда и берега Фонтанки от жилого дома безумия до желтой гостиницы полоумных. Все казалось в волнении на сих берегах, столь опасных для здравого смысла. Из ворот гостиницы долго сльвишей столицею Беседы, исходило печальное шествие. Полуобритые сотрудники и обритые наголо члены, в венках из репейника, тащились по четверо в ряд; они, казалось, пели погребальные гимны в честь покойнику и погребенным своим творениям: двойное воспоминание заставляло их проливать слезы! Избраннейшие из них несли груды тяжелых свитков, на которых сквозь покрывавшую их плесень я с трудом прочитал мог заглавия: «Гимн Лироэпический», «Евпраксия», «Василий Темный», «Кутерьма от Кондратьев»... Три председателя, так же обритые, в крапивных венках, в черной одежде, сшитой из обносков онуч и повойников, несли свинцовый гроб усопшего: и гроб сильно давил плеча их, держась прямо только с той

стороны, с коей к нему не прикасались, — явление чудное! Но что не чудно, что естественно в делах Беседы! — По сторонам шли посторонние полоумники, не принадлежащие ни к какому Разряду; и разинутые рты их показывали, что они также пели погребальные гимны, не очень стройные. Но едва все вышли из пределов обвороженой области, едва ступили на место, где чарования колдуньи Славены не действуют, — и вдруг вся картина оживилась новым, лучезарным светом. Свинцовый гроб раскрылся: и вместо мнимого покойника, встал из оного безобразный призрак, который злобно хохотал и дразнил несущих его и окружающих, высовывая длинный язык свой. Истинный певец Фелицы, сияя бессмертием, сидел на облаке с Ломоносовым и Петровым; и тем небесным смехом, коим осклабляются Гомеровы боги, смеялся над беседчиками, столь долго державшими почитать его своим и себе подобным. Белый гусь Арзамаса летал¹ вокруг его и, казалось, криком своим, как некогда под стенами Капитолия, устрашал новых варваров. В отдалении, на высокой горе, виден был храм бессмертия. Крылатые Гении несли туда нетленные свитки — наследство покойника отдаленнейшим потомкам, а несомые членами груди сами попадали из рук их в Фонтанку, куда на тот раз проведена была добрая часть реки Леты. Изумленные плакуны предались бегству, все вместе, председатели, члены, сотрудники, все стремглав вбежали в настоящий дом сумасшествия: и двери накрепко за ними захлопнулись. И слух о б них пропал на вечно! На входе явилась надпись:

Когда Державин пред концом
Свой дом не отказал беседчикам в наследство,
Он знал их твердые права на желтый дом
И прочил им соседство.

Волшебное зеркало опять потускнело и опять прояснилось. О радость! Я увидел себя в недрах Арзамаса, увидел вас, милые сотоварищи: Светлана была с нами, как невеста с богатым приданым; на руке ее блистало каменье честно, не сронившееся с высот в подачу подлости, но дарованное уважением достоинству. Все были веселы, все радовались торжеству Светланы и Арзамаса и общим удачам. Радость сия была мукою для завистливых врагов дарованной и вкуса. Я веселился сердцем с вами...

¹ Вм. зачеркнутого: сидел подле него.

¹ См. Академич. Известия, кн. I, стр. (так написано на поле).

Вдруг роковой петух пропел, и все исчезло. Колдун мой схватил меня за руку и поспешно вывел из святилища. На встречу к нему тянулся ряд целовальников с мешками медных денег. Он бросился к ним, а я возвратился домой, горя желанием скорее лететь к любезным сотоварищам. И желание исполнилось! Я опять с вами, друзья; готов опять сражаться под хоругвию Арзамаса, держать крепко на запоре неугомонных беседчиков и даже заколотить осиновый кол в спину старой колдуньи Славены, чтобы она не куролесила по смерти.

Чу!!!

56

[РЕЧЬ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ В ЗАСЕДАНИИ 16 МАРТА 1817 Г.]

Любезнейшие сочлены.

Быв избран две недели пред сим президентом, и вот уже две недели как я в своем сердце говорил вам следующую речь: Хищник престолов, Наполеон Бонапарт, оставя остров Эльбу или Ильву, овладел Лютецией ровно тому два года. В нынешнем году, кулисной Бонапарт, похититель чужих комедий, творец Расхищенных шуб, почти в то же время года и из тех же пределов возвращается в Петрополь и тяжестию своего брюха и своих новых творений хочет, кажется, подавить всех своих противников: но судьба, пекущаяся об Арзамасе, в то же время призывает из Спасского уезда спасительного Чу, дабы противопоставить его огромной туше, над Арзамасом висящей. И вот, любезные сограждане, восседает он посреди вас, сей славный Чу, сей Веллингтон арзамасской. Подобно британскому герою оставял он на время поприще своей славы, сделался дипломатом и, подобно ему, скоро грянет в врагов стройности и порядка. Быв на сей вечер президентом любезной нашей республики, приветствую вас, почтенный Чу, давно молчавшим моим журавлиным криком, криком столь много раз призывавшим вас к войне и следственно к победам. Давно ли оставили вы нас, и сколько уже перемен?

Беседа еще дышала, еще жила своею злобою, ее уже нет; в Арзамасе все представляло воинственный вид, все члены его, усыпленные успехами, отдыхают теперь на лаврах, воскрес Арзамас, враги его рассеялись, и пустая храмина Беседы на берегах Фонтанки свидетельствует о победах наших. Дуга мира и завета воссияла над могилами Озерова и Державина.¹ Петро-

¹ Озеров убит халдеями, а Державин умер у них в полону. Примечание Вигеля.

поль примирился с нами, и умы беседные уже совсем потупели.

Все наши витязи явились достойными сынами своей отчизны; Арфа наша, к сожалению, между нас безмолвная, издавала нежнейшие и трогательнейшие звуки в пользу страждущего человечества, и превосходный инструмент сей сделан превосходительным, Светлана светит новым блеском в глубокой тьме нашей литературы; Старушка, посреди нас миловидна, не перестает быть страшилищем для Славянофилов; блестящая на груди ее звезда привела к ней на поклонение волхва Гнедича, и он воскурил пред нею вместо мирры новорожденного и убитого им Гомера: может быть, думал он отогнать от нее чертей, но от ладона его, кажется, и люди бегают, одним словом всех арзамасцев, кажется, ласкало щастие, и они были того достойны; один только... к сожалению Вот я Вас впал в преступление, был наказан, восстал с славою и снова признан любезнейшим членом.

После всех должен говорить я о себе и нести повинную голову пред всем Арзамасом, более году не исполнял я принятой мною обязанности, но все для меня переменялось, Журавль ваш, бдительнейшая из птиц, спит ноне четырнадцать часов в сутки, не летает уже она страхом в тыл врагам, хилые ноги едва ее носят, крылья опустились, закрылись от нее и библиотеки, и клубы, и та пещера, в которой некой известной Циклоп кует ужасные свои гекзаметры, не слышит Журавль на полете своем как прежде, ни воя Гнедича, ни чи риканья Лобанова, ни реву Соколова, ни свистания Олина, один только Арзамас извлекает его иногда из гнезда, им свитого. Но если когда-нибудь глупцы перестанут быть бессильны, при первой опасности Арзамасу, с новым усердием буду служить ему, и бесполезнейший из членов постарается на что-нибудь вам быть пригоден.

При начале сего повествования, речи или донесения, как называть вам угодно, сказал я, что ноне ровно два года, что преступник Наполеон вступил в Париж, позвольте окончить, приведя вам на память другое интереснейшее и приятнейшее для нас происшествие, сегодня ровно год, что невинный наш Староста торжественно вступил в Арзамас.

57

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в месяц де-
вятыйнадесять, по обыкновенному леточислению месяца Бе-

резозола в 22-й день было двадцатое собрание Нового Арзамаса и усыновление нового члена Рейна.

Всему свету или, все равно, всему Арзамасу известно, как сия краса рек германских, при помощи одной из гонимых и торжествующих баллад Светланы, оставила прежнее, глубокое ложе и пролилась в долинах своего истинного Отечества. Но день вышеозначенный был определен мудрецами и пророками для принятия клятвенных слов члена Рейна, а вместе и для погребения покойника или покойников, коих он рассудит за благо утопить в германских волнах своих. Как скоро пробил уреченный час, стали мало-по-малу всходить на горизонт Арзамаса сперва все члены природные, за ними все почти все члены наличные, члены избранные. Затмился в сей вечер один Ивиков Журавль; и нам неизвестно донныне, какой недуг оковал его длинные ноги: увяз ли он в халдейском болоте? Укусил ли его лягушонок? Или он запнулся за какой-нибудь гекзаметр? Бедный Журавль стонал и нянчил свою ногу, а между тем созвездие Арзамаса блистало в скромной келье Кассандры. Шум вод, похожий на стук оружия, возвестил вступление Рейна; Резвый Кот президент с важностью звания и легкостью породы вспрыгнул на пурпуровые кресла, все порядочные арзамасцы сели, Эолова Арфа повалилась, и началось 20-е собрание. Кассандра читала протокол предшедшего заседания, а Рейн доказывал, что старец вод не одного разбора с земными стариками, ибо умеет слушать и не торопится рассказывать. Он с примерным терпением дождался конца Кассандрина чтения, и тогда только, вызванный Обществом, дал волю говорить своим струям одушевленным и гармоническим. Все арзамасцы внимали. «Смотрите», журчал новый член, «смотрите на истую влагу мою: «я невиннейший из ваших братьев. Никогда лик Беседы не марал меня своим отражением; я не топил, я не хочу топить халдеев, затем что не хочу с ними знаться». Так говорил и может быть так думал Рейн: но зоркие глаза арзамасцев не обманулись ни словами его, ни прозрачностью лона; они видели, они шептали друг другу, что под пеною каждого вала таился покойник: и, например, вот здесь ныряет трикраты погребенный, еженедельно умирающий Сын Отечества (Сын Отечества, как смеем мы думать, не похожий на родителя); вон там захлебнулся бездушный Дух неизвестных Журналов, за ним плывут и Пустынник с пустой головою, и Шутовский с обнаженным брюхом, и Хлыстов,

избитый волнами; наконец, вот там дале всех на крае горизонта литературы барахтается в тине С. П. О Рейн! О Рейн! Каково же халдеям от этой невинности! Сему шепоту удовольствия последовала громкая речь, в которой превосходительный Кот поздравлял попеременно и Рейна и Тешу: он не только прославлял, но доказывал волшебное могущество Арзамаса, и все ему верили, слыша, как мяуканье кошки превращалось в сладостную песнь лебединую, видя, как простирались объятия бархатных лапок для принятия Рейна и всех его древних мышей, убийц епископа Оттона. Но две черты сей кошачьей речи возбудили особое внимание. При словах: О величественный, гордый, уастый Рейн!.. арзамасцы, взглянув на бога реки, увидели, что он сохранил одни усы свои, а струистую бороду откинул в знак развода с Беседой и ветхими предрассудками. Громкий клик одобрения остановил Кота на несколько мгновений. Когда же президент мяуканул, что в Арзамасе жители Трои обнимают спящую Арфу, то члены с ужасом воскликнули: «О бесстыдная Арфа! Ты в самом деле спишь сном Беседы!» Но пронизательный Чу! укротил гнев арзамасцев: «Нет друзья, сказал он, не ошибайтесь. В этом сне есть великое таинство, продолжай Резвый Кот! Сон Беседы не устоит против слов Арзамаса». Резвый Кот продолжал и кончил. Что же, спит ли наша Арфа? После Кота Громобой поведал собранию, в каких дивных странах, с какими дивными чувствами он скитался отлученный от Арзамаса, и что же, спит ли Арфа? После речи Громобоя читаны стихи отсутствующих членов: блестящего Асмодея, померкшего Вотя Васопять: арзамасцы хвалили и смеялись, но спрашивали: спит ли наша Арфа? Ответ был всегда одинаковый. Тогда член Чу!, известный издавна по теплой вере к чудесам магнетизма, спросил в свою очередь: «Что думаете, друзья! Неужли сон Арфы есть продукт Беседы? Ах, нет, Асмодей умеет будить и беседчиков, не только гостей их. И взгляните: похоже ли веселый сон нашего брата на славянское усыпление, мрачное как взоры Мешкова, тяжелое как слог его... Напротив, вы видели: Эолову Арфу поразил последний журчащий совет члена Рейна; она с радостным восклицанием сомкнула глаза свои, и теперь ее уста расцветают улыбкой надежд, в ее щеках румянец рейнвейна. О арзамасцы! Верьте мне, сей сон не беседный, а магнетической. Арфа долго молчала, но скоро будет говорить, однакож не языком, а тою

частью тела, которая в ней всех более деятельна. Приблизьтесь к ее огромной утробе: оттуда изыдет вещание важных судеб Арзамаса». Как не поверить члену Чу! Все согласились, все вместе с ним подбежали к новой пещере Трофония. Между тем принесен и дымящийся гусь; от почтенного состава его отделена почтеннейшая часть, то есть гуска, и сей жезл магнетизма поставлен в эпигастру Эоловой Арфы. О чудо! Поверхность брюха взволновалась, как близ текущая Теша, дальний гул раздался в глубине ее, и наконец сквозь вершину, именуемую пупком, пробились слова достопамятные.

(Продолжение впрдь)

*Эолова Арфа.
Старушка.
Громобой.
Рейн.
Варвик.
Резвый Кот.
Чу!!!
Пустыкник.
Кассандра.*

58

[ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ М. Ф. ОРЛОВА]

Почтенные друзья!

Определив меня членом Арзамасского Общества, вы думали, может быть, что в самом деле найдете во мне сотрудника, достойного разделить ваши занятия. Но рука, обыкшая носить тяжкий булатный меч брани, возможет ли владеть легким оружием Аполлона, и прилично ли гласу, огрубелому от произношения громкой и протяжной команды, говорить божественным языком вдохновенности или тонким наречием насмешки? Какими заслугами в словесности обратил я на меня внимание ваше? Где книги, мною изданные? Где труды мои? Где плод моих трудов? И как я, неизвестный, осмелюсь засесть в тайном судилище арзамасском, где вижу собрание столь превосходных мужей, ополченных вкусом и правдою против пигмеев Российского Парнаса?

Правда — лучше совсем не писать, нежели писать как Хв. или Зах.; но потому что я не достоин быть вами погребенным, достоин ли погребать других? Нет, любезные друзья! Осме-

люсь при первом шаге моем пройти пределы, вами установленные, и перо мое не ополчится клеветою против сочинений, коих не читал и читать не хочу и не смею. Как мне отвечать на справедливые возражения тех писателей, кои, зная мое отвращение к их книгам, не преминут обвинить меня в невежестве? Я уже в мыслях вижу с трепетом их ужасный сонм, предстоящий предо мною в образе¹ какого-нибудь нозого словесного скопища... «Как ты смел, — говорил один, — судить мои сочинения, ты, который ни одного из них не дочел до половины?» — «Тебе ли, — рдет другой, — разглагольствовать языком змеиным о ангелоподобных моих женах, тебе, которого я видел спящего и слышал храпящего при самом начале учиненного мною чтения в усопшей, но искони бессмертной Беседе?» — «Видел ли ты, — скажет третий, — гденибудь подобного мне мудреца, сидящего безмолвным за трапезою ученых и определяющего достоинство сочинений одним вертикальным или горизонтальным движением головы?»

Увы! Какой мне дать ответ? Рассеянные листы без уважения и порядка в отдаленнейшей из моих комнат ясно доказывают, на какое единственное употребление определил я все сочинения сих авторов, предпочитая слогу и красноречию их книг приятную мягкость бумаги, на коей они напечатаны и с коей придавал я их вторичному тиснению. Итак, не имея права злоречить о произведениях мне неизвестных, я намерен, не погрешая никого, обратить внимание ваше на собственную мою недостойность. Здесь являюсь пред вами как грешник в час страшного суда, являюсь во всей моей нищете, и нет ни одного напечатанного листочка, коим бы мог прикрыть словесную мою наготу. Ах! Как ужасна ваша строгость! Как строга ваша пронизательность! Принужденный неизвестным еще пером описывать неизвестные мои таланты, страшусь предстать пред вами бесценен как Г., без сафьянного переплета, а мерзок как Ших. без рубашки.²

Изнемогая пред славою, мне вами ссужденною, решился дать вам полное познание о новом члене вашего Общества. Сим одним могут согласить³ совесть мою с похвальным честолюбием. Внемлите и судите.

¹ Вместо зачеркнутого: виде.

² Далее зачеркнуто: Но чего бы мне ни стоило. Но как мне изнемогающему пред славою мне ссужденной согласно совету. Увлеченный исполнением: гордящимся незнанием ваших сочинений.

³ Вм. зачеркнутого: примирить.

Я не член Академии и не давал подписки быть присяжным врагом истинной учености. Я признаю пользу Адрес-Календаря и почитаю его за лучшее произведение наших академиков, так как считаю Беседу худшим творением Державина.

Когда нахожусь в Петербурге, являюсь в точности на публичное мучение¹ в Библиотеку и намерен даже подать вскоре напечатанное мнение для пользы публики о превращении сих ежегодных собраний в юбилей.

Читая басни² одного члена Библиотеки,³ смотрю на него как на одного живого в царствии мертвых.

Я не признаю за брата Сына Отечества, одним заглавием почтения достойного, и жалею, что столь славное имя не может внушить лучших произведений.⁴

Я признаюсь, что Северная Почта в состоянии⁵ меня отвратить и от самого свободомыслия, ежели бы что-нибудь могло уклонить честного человека от полезных занятий.⁶

Я торжественно объявляю, что Дух Журналов наводит на меня дух уныния, и что сия Северная Пчела, собирая с дурных растений ядовитые соки, составляет на место меду чистейший опиум.

Я от Пустынника в пустыню рад удалиться и желаю, чтоб впредь он гулял для здоровья без замечаний, за что вся публика будет ему благодарна.

Я осмелюсь заметить сему подражателю господина Жуи,⁷ что частные статьи сего последнего удостоены были составить целую книгу, и что из целой книги русского Пустынника едва ли можно выбрать одну хорошую статью.⁸

Я прощаю великодушно Хв. оба издания его басен, и бо сам не ведает, что делает, но никогда не прощу ни тем, кто раскупили первое издание, ни тому, кто напечатал второе.

Я предпочитаю ведьму Жуковского всем красавицам Зах.

Я опасюсь, чтоб угрюмое воображение Шекспира Шихма.

¹ Вм. зачеркнутого: ежегодное собрание.

² Далее зачеркнуто: Крылова.

³ Далее зачеркнуто: из которых многие знаю наизусть.

⁴ На поле приписано рукой автора: Я не совсем верю. Это слишком сильно. Да примет Гр. изъявление моего раскаяния.

⁵ Вм. зачеркнутого: могло бы.

⁶ Вм. зачеркнутого: мыслей.

⁷ Вм. зачеркнутого: французского Пустынника, кто книгу за книгой.

⁸ На поле приписано рукой автора: Из всех журналов сей последний лучше иных. Я от критики сей отказываюсь.

Ивиков Журавль — Ф. Ф. Вигель.

не имело для публики дурных последствий, то есть сочинения какой-нибудь новой трагедии.

Я полагаю, что меланхолическая нежность¹ пастушки Буниной² одна может усыпить пылкость российского Ротру.

Я советую им вступить в законный брак и определяю старца Мешкова их посаженным отцем.

Я заклинаю их не производить в свет новых сочинений и ограничиться нежными упражнениями супружества с тем только уговором, чтоб публика³, забывши о них, не увидела вдруг появившихся наследников их талантам.

Я уверен, что многие из наших писателей продали, как Громобой, душу свою чорту не за успех, а за одно право не читать.⁴

Я думаю, что нынешняя российская Словесность по большей части есть отпечаток французской испорченной литературы.

Я исповедую, что не будет у нас Словесности до тех пор, пока цензура не примирится с здравым рассудком и не престанет вооружаться против географических лексиконов и обверточных бумаг.⁵

Я бы мог конечно еще далее распространять сие описание моих отрицательных дарований и качеств, но, говоря сам о себе, боюсь, чтоб вы, почтенные друзья, обыкшие веселиться, а не скучать сочинениями ваших сочленов, не заставили меня общим негодованием прекратить сие чтение. Я сам чувствую, что слог шуточный не приличен наклонностям моим, и ежели я решился начертить сие нескладное произведение, это было единственно для того, чтобы не противиться законам, вами учрежденным. Исполняя долг повиновения, я надеюсь, что найду в вас не судей суровых, но снисходительных друзей, которые предпочитают искреннее желание угодить блистательнейшему успеху.

Итак, обращаюсь я с радостью к скромному молчанию, ожидая того счастливого дня, когда общим вашим согласием определите нашему Обществу цель достойнейшую ваших дарований и теплой любви к стране Русской. Тогда-то Рейн прямо обновленный потечет в свободных берегах Арзамаса, гордясь нести из края в край, из рода в род, не легкие увесе-

¹ Далее зачеркнуто: российской.

² Вм. зачеркнутого: девицы Бундуровой.

³ Далее зачеркнуто: не явились вдруг.

⁴ Далее зачеркнуто: выкупиться они могут молчанием.

⁵ Далее зачеркнуто: Я старался что.

лительные лодки, но суда, наполненные обильными плодами мудрости вашей¹ и изделиями нравственной искусственности. Тогда-то просияет между ними луч отечественности и начнется для Арзамаса тот славный век, где истинное свободомыслие² могущественной рукой закинет туманный кризис предрассудков за пределы Европы.

59

[ОТВЕТ Д. П. СЕВЕРИНА М. Ф. ОРЛОВУ]

Никогда урна судьбин арзамасских, или правильнее, верх дном поставленный колпак красного цвета, не произносил столь горестного определения, как в последнее заседание наше. Жалуясь на колпак, я самого себя обвиняю. Острые лапки Резвого Кота рылись без проникательности в пределах, объятых неизвестностью, рылись, не предвидя будущего, и вместо того, чтобы направить удары благосклонного рока на всеведущую дочь Приама, на односложный отголосок Странника, приветствующего отдаленному шуму, или на Ведьму, всегда пленящую нас звуками лиры, обвитой цветами классического воображения,—слепые лапы бросили жребий самоубийства и похоронили Кота.— Но вы, безвестные сочлены-приятели, зачем не сказали тогда б р ы с ь. Сегодня уши ваши не страдали бы от моего мурлыканья. А вы, гордый, величественный, и если смею сказать, усастый Рейн, превосходительный под знаменами Марса и Аполлона, вы приняты бы были с великолепием приличным важности осанки,³ т. е. берегсв ваших, и прозрачности состава вашего, отражающего все чудеса природы в нравственных и физических красотах ее! Мне ли, врожденному неприятелю жидкости,⁴ хвалить царя вод...? О дивное влияние арзамасской атмосферы! Ей все возможно: она соединяет всех и все; сближает времена и народы; в ней жители древней Трои на яву обнимают спящую Эолову Арфу и с восхищением встречают красу германских рек, отныне ставшую любимой дочерью Арзамаса!

Итак, любимейшая сестра или собрат наш! Умерьте про странство вашего плаванья: постарайтесь в месте сидения ва-

¹ Вм. зачеркнутого: истинного учения.

² Далее зачеркнуто: закипит.

³ Далее зачеркнуто: вашей.

⁴ Вм. зачеркнутого: воды.

Тогда то сияет, ^{иначе}
обновляется, ^{иначе} не терпит в ^{себе}
= живые друзья Арзамаса, горды
кесми изв Арма в Трои, изв
= жидка в раб, не лютя учени
= лютя лютя лютя, но Судя
= лютя лютя, обильными ^{иначе}
= дали ^{мудрости вашей} ~~иначе~~ и
= лютя лютя ^{иначе} ~~иначе~~
сказали. Тогда то сияет
мудру ^{иначе} ~~иначе~~ ^{иначе}
и лютя ^{иначе} ~~иначе~~ ^{иначе}
Вас, ^{иначе} ~~иначе~~ ^{иначе}
= лютя ^{иначе} ~~иначе~~ ^{иначе}

шего не разливать и не топить нас; но знайте, что есть неизмеримое число обезьян, в людское платье одетых и в прошлые времена собиравшихся в доме желтом и возле желтого дома. Тех вы должны топить без милосердия. Некоторые из них, корифеи из халдеев, давно уже соединились с Тредьяковским и в жилище теней отличаются тучностью своих умственных фибров. Но есть другие, которых купать вам предоставляется. Будьте для них неумолимою Летою: а между нас Ка-стальские струи¹ ваши никогда не перестанут блистать, озлащенные лучами вечно пылающего солнца арзамасского.

60

[РЕЧЬ С. П. ЖИХАРЕВА]

Приветствую тебя, возлюбленный Арзамас, столица просвещения, отечество талантов! Приветствую вас, почтенные, превосходительные гуси, собравшиеся ныне в 20-й раз под знаменом вкуса на истребление грачей невежества и расколов! Давно уж не видал я милых образин ваших, давно не внимал очаровательным вашим панихидам по усопшим беседчикам, и обоняние мое не услаждалось родимым запахом жареного гуся! Судьба наконец возвращает меня к вам, и Г р о м о б о й, скитавшийся по цветущим берегам пышного Дона, по сыпучим пескам Хоперских пустынь и по грязным непроходимым улицам Воронежа, — опять заседает с вами! Ни грызущие сердца заботы, ни утомительные труды, ни последующее за ними пьянственное окаянство, ни московский Английский клуб, ни полные груди белокурых московских горничных, ничто не истребляло из памяти моей возлюбленного Арзамаса: я тосковал по нем, — не так, как тоскует преподобная Хвостова в неподобных письмах своих о горнем отечестве, — но тосковал с умилением и для славы Арзамаса — в молчании. Скорбная душа моя услаждалась одною надеждою скорого с вами свидания, с каким нетерпением дожидался я понедельников, в которые приходила почта, дожидался писем от друзей моих, но друзья ко мне не писали, ибо я не писал к друзьям моим. В отчаянье хватался я за Сына Отечества, пробегал его от первой страницы до последней, и в сию минуту каплюжник Греч имел читателя. Но подивитесь путям Провидения. Часто мы находим утешение там, где ожидать его невозможно. Это слу-

¹ Вм. зачеркнутого: воды, волны.

чилось со мною — и вот как: в один из вышереченных по-недельникков я приказываю слуге: «Куська! Оседлай лошадь, ступай на почту за письмами». Мигом взлетел Куська на гнедого коня, приложился к луке, чухнул и стрелой полетел по ровной Безовенской дороге в хлебородный Данков; долго стоял я у окошка и провожал его глазами: в душе моей происходило что-то странное, какое-то предчувствие сжимало мои способности; я думал — ни об чем не думая, смотрел — ничего не видя и слушал ничего не слыша. Такое положение кажется вам невероятным, почтенные арзамасцы, но взгляните на Сенат и Академию, и вы удостоверитесь; так, в сем положении стоял я у окошка до тех пор, пока стенные часы мои, ударив восемь, вывели меня из задумчивости, восемь часов в деревне не безделица; в восемь часов помещици начинают зевать, и это служит знаком дремлющим холопам накрывать на стол. Следуя сему обыкновению, я зевнул, хоть и не хотел спать, спросил ужинать, хоть и не имел аппетита, а между тем ходил по комнате, спрашивал о Куське, почесывал в голове, потирал бороду и ломал пальцы. Накрыли на стол — Куськи нет; я поужинал — нет его, разделся и лег спать — но Куськи все еще не было. «Проклятый Куська», бормотал я, «за первую вину отдам в солдаты»; и в сих либеральных идеях уже засыпал, как вдруг — тихо отворилась дверь моей так называемой спальни; я вздрогнул, вскочил с постели и — Куська стоял предо мною с свечою и с кипой давно лежавших на почте газет.¹ Унылый вид его заранее возвестил мне, что писем ожидать я не должен. Нечего было делать; я отпустил Куську, поставил свечу на стол, распечатал газеты без любопытства и хотел читать от бессонницы сочинение Пезаровиуса, но что почувствовал я, п[резосходительные] а[рзамасцы], когда на первой странице «Инвалида» увидел я указ о пенсионе Светланы, а там в другом номере рескрипт на имя Старушки! «Слава Арзамасу» раздалось в моей комнате, я вздрогнул, ибо в первом порыве радости не почувствовал собственного своего восклицания. «Вина!» закричал я после и таким ужасным голосом, что менее нежели в полминуты стояла предо мною вся домашняя челядь полунагая и с бутылками в руках. Сильно кипело горское в больших стаканах, опорожняемых мною один за другим за здоровье каждого арзамасца, но сильнее кипело от радости мое серд-

¹ Вм. зачеркнутого: большими связками.

це! Это была первая веселая минута в продолжение 4-х месяцев разлуки моей с Арзамасом. Я благословлял «Инвалида», находил умным издателя «Северной Почты» — но что я говорю! В сию минуту я согласился бы признать некоего халдея из Библиотеки прекрасным, а переводы его достойными оригиналов!

Теперь, когда я не имею более надобности для получения от вас известия дожидаться с таким нетерпением Куськи, ибо сидя вместе с вами в одной храмине Арзамаса, под благотворным парением невидимого гуся, вижу вас лицом к лицу, теперь счастье мое было бы совершенно, если б добрый наш Чу не оставлял нас. Что побуждает его бежать от Арзамаса? Не смею предложить утвердительно моих заключений, но мне кажется, что мысль о путешествии вдохнули в него колдун Шишков и ведьма¹ Шуговской для разделения сил Арзамаса. Безумцы! Они не знают, что мы имеем еще довольно героев, готовых сразиться с ними и победить их! Вижу, вижу вас, грозные защитники здравого рассудка! Асмодей, разверзающий под ногами их огненные бездны, Кассандра, оглушающая их восторгами своих пророчеств и заживо предающая всеобщему презрению; Ахилл — прямой ужас по силам своим и бездействию, — но лев и спящий ужасен; Старушка, погоняющая их своею клюкою, не силою того, кто сидел впереди, но силою собственного достоинства; величественный Рейн, готовый поглотить их в бурных своих волнах; Варвик, хотя не алой, но опасный для колдунов, ибо воспитан в Германии, не верит колдунам и при свидании довольно неучтиво может сбросить их в море; Резвый Кот острыми коготками в состоянии выщипать им глаза; Журавль — продолбить затылки, ибо лбы у них медные; а наконец — Эолова Арфа прозвучит по всему городу подвиги арзамасцев и предаст позору имена колдунов побежденных! Итак в мире ступай, наш Чу. Бог вкуса поможет нам и без тебя управиться с злыми колдунами, и между тем как Очарованный Челнок летает по волнам Темзы и проповедует учение Арзамаса свободному Албиону, ты водрузи знамя белого гуся на древних стенах Константинограда, да слава Арзамаса прострется от моря и до моря!

П[ревосходительные] а[рзамасцы], не надейтесь найти в донесении моем важных уведомлений. Я скитался в странах,

¹ Над этим словом карандашом написано: известный бес.

проклятых от Аполлона. Знакомства мои ограничивались моими заимодавцами, приказными халдеями и собаками, что все одно и то же. С первыми я заключал условия, с другими пил, а с третьими ездил на охоту. Вот все мои упражнения. В Москве уже отдохнул я от заимодавцев, приказных и собак; там арзамасские наши консулы Асмодей и Староста Вот утешили печального Громобоя. Новых значительных лиц мало видел, кроме одного знатного галломана-литератора. Я познакомился с ним, но вы знаете ненависть мою к знатым, хотя уверен, что пользуюсь их дружбою, ибо имел честь играть неоднократно в босгон с Е: С: Гр: А: А: А., имел продолжительную интригу с комнатной девушкой В: П: П: и сидел в театре рядом с сенатором Хитрово¹. Дар дружбы Асмодея, его сочинения и несколько буриме Старосты И вот а кладу на алтарь Арзамаса. С ними взшла для меня заря прекрасного будущего, и прекрасное будущее превратилось в настоящее, потому что я с вами.

61

ПРОЩАЛЬНАЯ РЕЧЬ Д. В. ДАШКОВА

Давно ли, друзья-товарищи, веселился я духом, соединяясь с вами; давно ли повторял с вами победную песнь Арзамаса на развалинах Беседы! Увы, Беседа из могилы своей опять проказит над нами. Оратор дебрей Нижегородских, как зловеший филин, смеется, предрекая падение Арзамаса, и пугает доброго Старосту Вот я Вас опять своими предназначениями. Герой Шутовской оставил Рим и прелести Капри, спеша на помощь к Деду Седому, и ввел уже в пристань беседную весь груз толстого своего брюха. Повсюду возникают новые пигмеи, как будто бы от посеянных зубов дракона, в виде пустынных ков, провинциалов и мотовок, и все грозят погибелью здравому смыслу. Но колдун Беседа не всю еще возлагает надежду на лиллипутских своих защитников. Она умеет наносить чувствительнейшие удары противникам, умеет готовить им печальную разлуку в самый час соединения. Где братья наши? Где Светлана, Ахилл, Асмодей? Где добрый Староста? Где Очарованный Челнок, возвестивший морям отдаленным имя Арзамаса, и Огромные Руки,

¹ Далее зачеркнуто: в Москве взшла для меня заря прекрасного будущего.

подвизавшиеся на врагов его? Parmi tant de héros je n'ose me placer, но я сам, последний из ратников ваших, не был ли всегда игралищем ведьм беседных? Носимый долго по бездонной хляби Михайловского Общества, по Асфодельскому полю чтений торжественных, едва отдыхал я в обновленном отечестве, как вдруг ужасными волхованиями перенесен был на крутые берега Оки, к досужему бесу Хлыстова. Едва увиделся опять с вами — и опять должен оставлять вас и лить слезы в стенах Стамбула о возлюбленном Арзамасе. И сколько опасностей еще угрожает мне! Там, на берегах Писола, ждет меня Капнист, присяжный враг Гомера, с кипюю безрассудных рассуждений о гексаметре, там в соседстве Поповки, будут носиться надо мною тени мертвого Палицына и живого Станевича, жалобно повторяя имя Деда Седого. Спасут ли меня и волны Русского моря от ярости словесников не русских! Друзья! Я готов на все за честь Арзамаса; но если восторжествует Беседа, если, если я паду под ужасным бременем тяжелых творений славенских, — да будет прах мой покоиться среди отечественного града. Не оставьте его в добычу вампирам Разрядов, не дайте мне истлеть в болотистых берегах Сестры, столь верно изображенных нашей Кассандрою! Посещайте иногда простой камень, коим означите могилу мою, и вместо пышных похвал говорите: «Он был врагом Беседы и Академии: он любил нас».

Чу!

62

РЕЧЬ И. И. ТУРГЕНЕВА ПО СЛУЧАЮ ОТЪЕЗДА Д. В. ДАШКОВА

Арзамас прощается сегодня с одним из твердых подпор его, с одним из старейших врагов для халдеев-беседчиков. Арзамас горюет. Что делают мощи беседные? Пр. арзз., выслушайте меня.

Утомленный чтением, а еще более слушанием в некотором Ареопаге, возвращался я недавно поздно вечером с Дворцовой площади домой. Идя по набережной, встретился я с толпою мертвецов — стариков, юношей и младенцев. Я заметил, что толпа сия желала перебраться на другую сторону¹ реки; моста не было. — Мертвецы совещались о средствах, могущих заменить мост. Старший из мертвецов, как-то принадле-

¹ Далее зачеркнуто: Невы.

жавший на сем свете ко флоту, был приглашен спутниками своими придумать средство к переправе. «Нет, братия, — отвечал он, — морское дело не мое дело. Я носил ливрею Нептуна потому¹ только, чтобы с большим приличием служить ему на берегах Фонтанки и на том берегу Невы, почитая притом Нептуна, а не Аполлона, истинным богом поэзии. Сею мыслию руководствовался я во всех моих сочинениях». Один из юношей прервал речь старика и осмелился предложить известное беседчикам средство перенестись в воздухе на творениях их. «Нет, нет, — закричали старцы, — мы однажды поехали таким образом на сочинения наших; но за то арзамасцы поехали на нас самих». — «Лучше всем потонуть — воскликнул юноши и младенцы, — нежели еще раз попасть под перо или под седло неумолимой Кассандры». После сего предложил свой совет один из мертвецов, одетый в запачканный саван, и языком скотов не Дмитриевых и не Крыловых, а собственных своих, напомнил спутникам переход Суворова чрез Чортов мост. «У Суворова были бревна и шарфы, — сказал он, у нас есть притчи, поэмы, трагедии, рассуждения, переводы, прелогания. Их у нас много; мы их печатали, но все они у нас остались. Бросим их в Неву: они не полностью всплывут; и мы, перейдя по ним чрез реку, вновь удостоверимся в пользе трудов наших». Предложение было одобрено; юноши и младенцы ввергнули кипы непереpletенных печатных листов в воду. Луна сияла; блеск ее позволил мне видеть некоторые листы произведений беседчиков; видеть то, чего никто не видывал, кроме присутствовавших мудрецов и Глазунова, сего великого раздавателя милостыни Сумбура, царя беседчиков. Толпа переправилась. Мертвецы потащились в скопище халдейское, которое, на зло рассудку и справедливости, неверно называют Академией, и притом еще Российской. Мертвецы вошли в погреб их присутствия; старший из них открыл заседание объявлением, что предмет их собрания есть торжество по случаю отъезда из П-бурга грозного врага их Чу. Могильные крики и лапоплескания членов последовали за речью их президента. Но радость их уменьшилось, когда они узнали от президента о вступлении в Арзамас нового члена, страшного для хамов и для халдеев. Мертвецы уныли. Прочтение нескольких стихов из новой трагедии «Владимира Мономаха» вновь их поразил. Громкие

крики провозгласили славу Халова — сочинителя, и беседчики изъявили ему особенную свою благодарность за то, что он одним прекрасным стихом изъяснил качества их, дающие им право на доверенность, снисхождение и удивление соотечественников («Хоть Росс превыспренных понятий не имеет»). Заседание кончилось пиром. Члены пропели несколько стрóf из известного Певца в Беседе.¹ Президент прохрипел несколько псалмов, написанных в старом российском слоге, и наконец объявил собранию, что «оно имеет пренести себя в другую Академию для сотворения тамо праздника по случаю получения Академиею нового себе президента, принадлежащего искони покойнице Беседе». — Общество, разделившись на Разряды, поплелось в другую Академию. Для приема их и для торжества она была иллюминирована. Это не понравилось новому президенту. — «Свет, — сказал он по пришествии в Академию, — свет всегда был и будет противен глазам и умам нашим. Мрак, друзья, вечный мрак есть и должен быть нам уделом. Свет для Арзамаса, мрак для Беседы, и с сего времени для обеих Академий. Да будет тьма!» — С сими словами мертвецы бросили на площадки кучи листов из их сочинений и журналов, — и свет исчез. Новый президент начал заседание речью, в которой поздравил и с своей стороны покойных беседчиков с отъездом арзамасца Чу, приступил к истолкованию цели всех вообще Академий Художеств, — истолкование, которому, скажем мимоходом, весьма подивились бы в Риме и в Париже, — и упомянул между прочим, что и Академия des Inscriptions значит Академия надписей, т. е. заглавных листков с приличными украшениями. В зале собрания между другими изображениями стояли статуи Гальбы и Геркулеса Фарнезского. Гости, не зная значения сих статуй, думали в невинности своей, что первая сооружена в честь президента Беседы, а вторая в честь нового президента Академии Художеств. Вдруг с изумлением увидел я, что сии² статуи, наскучив, вероятно, странными рассуждениями гостей, подвинулись с мест своих, напали на собрание и выгнали вон членов его. Президент, не зная,³ куда деваться, укрылся под

¹ Далее зачеркнуто: Один из мертвецов пропел несколько успокоительных арий из своих.

² Далее зачеркнуто: две.

³ Далее зачеркнуто: в толпе

¹ Далее зачеркнуто: затем.

огромный стул председательский и восхищался своею проворностью всегда и везде находить себе место.

Вы едете в Константинополь, грозный для халдеев Чу. — Кроме пользы, которую вы принесете государству в политическом отношении, постарайтесь быть полезным и русской словесности. Уговорите мусульманов собрать рассеянные по Петербургу остатки Беседы и перенести их в Стамбул. Беседчики не сделали¹ никакой пользы русской словесности; но может быть сделаются полезными турецкой по причине варварства, свойственного как туркам, так и нашим халдеям. К тому ж председатель Беседы, издатель своих сочинений Свистов и другие прелестники муз беседных могут с пользою быть употреблены для стражи красот Сераяля. Султан может от бессонницы излечиться их рассуждениями и притчами. Одним словом, нет пользы, которой бы беседчики не могли принести просвещенному турецкому правительству. Что же касается до вреда, то скажите туркам, что если² они будут продолжать³ держаться счастливой системы мрака и не будут заводить никаких академий, то действия наших халдеев останутся невинными. Узнайте наконец, не существует ли в Стамбуле чего-нибудь подобного⁴ Беседе или так называемой Российской Академии: — совершенная неизвестность турецкой литературы допускает такое предположение.

В продолжение отсутствия вашего, любезный Чу, не забывайте Арзамаса. В членах его вы всегда найдете горячих соучастников вашего горя и вашего благополучия.

Я с моей стороны жалею, что последние впечатления Арзамаса производятся для вас моею слабою речью, а не речью Кассандры, Старушки или кого-либо других из сочленов наших.

63

СОННОЕ МНЕНИЕ ЧЛЕНА ГОЛОВОЙ АРФЫ, ПРОВОЗГЛАШЕННОЕ УСТАМИ ПУПКА ЕГО В ИСХОДЕ 20-го АРЗАМАСА

Друзья, весильная гуска велела; все настоящие и будущие тайны, не во внутренней жертве, а моей собственной, от-

¹ Далее зачеркнуто: принесли.

² Вм. зачеркнутого: Турки.

³ Далее зачеркнуто: придерживаться.

⁴ Вм. зачеркнутого: что нибудь подобное.

крылись моим закрытым глазам, и внутренний язык мой развязан. Внимайте: я объясню вам причину сна неестественного. Судьба всегда верна системе вознаграждений; она разделила мою жизнь на две части и соединяет их нежными оттенками. Первой дано все прекрасное, все доброе, успокоение и сон; другая часть под влиянием Немезы получила в удел движение без роздыха, пустоту и заблуждения. Слепцы одну вторую почитают жизнью; но я знаю цену ее, и часто, часто в первой нищу спасенья от язв последней части: от записной любезности, от скучного веселья, от деловых бездельников. По счастью переход в моей воле; хорошая книга и хорошее дело, умная мысль и высокое чувство, — вот средства для усыпления, вот перелив от зла к добру. Пусть говорят, что я все делаю с просонья: несчастные! в этом моя тайна доброты и ума. Когда Тацит и Карамзин валяются у меня из рук, когда я дремлю под стихами Вергилия и Жуковского, тогда в недремлющей душе моей являются другой Тацит, другие Карамзин и Жуковской; они открывают в ней два источника вечно-живых наслаждений: мысль и чувство, дары драгоценные; вы забыты в так называемом свете, а в вас весь нравственный мир. Вами творец отличил людей от скотов, и Арзамас от Беседы. Но сей Арзамас, друзья, в своей остроумной галиматье нередко представлял пустоту достойную света; от того я сидел в нем не смыкая глаз: ныне едва ли не первый совет благоразумия раздастся в нашей хранине, и смотрите: мое тело спит, душа моя бодрствует; она продолжает сказанное Рейном.

О, Арзамас! Не полно ль быть ребенком? Граждане Арзамаса! Не сердитесь: покойный член наш Франклин называл всякое открытие новорожденным младенцем; нельзя ли по системе его назвать детьми и все новые Общества? Они, как младенцы, своим рождением обязаны или случаю, или прихоти минутной, а редко любви и выбору; и у нас на Руси таких детей появилось много, но которое оправдало надежды родителей? Беседа умерла в пеленках, Московской Афеней зевает над глаголами, Михайловское Общество играет в бабки, а из старого младенца с именем Академии вышел карла, и Седой Дед начал снова кормить его грудью. Неужели и нам грозит судьба подобная? Ах, нет! Не ужасайтесь: если верить приметам, Арзамасу готовится иное. Он и в рождении, и в младенчестве отличен от прочих: как Геркулес он в колыбели задушил всех змей халдейских, одно изящное вызы-

ваает улыбку на детские уста его, первым криком обратил он в бегство и безумство, и зависть, первым словом его была клятва: я дую и плюю на Беседу и аггелов ее. Для начала довольно сей отрицательной добродетели: но довольно ли будет впоследствии? Нет, Арзамас! Отрекись от тьмы, ты обязался служить свету. Время настало, и ты должен не быть или быть не ребенком. Ты ополчался на убийц дарования, не будь же самоубийцею. О товарищи! Сей смертный грех, как и другие, влечет за собою скорбь угрызения. Взгляните на одного из членов и друзей наших. Он схоронил свой талант в могиле добровольной праздности, мертвец не дает ему покоя. В его душе онемевшей, но не совсем бесчувственной, иногда с мукою пробуждается остаток силы; ее тревожат и явления природы, и красоты искусства, и воспоминания прежних надежд: она тоскует о своем погибшем назначении, как нежный любовник, отдавший руку немилой, смотрит в тоске на бесценное свободное благо, от коего он отказался. Так и праздный брат наш смотрит воображением на мечтательные создания, для него уже невозможные, и он говорит им: поздно, я обвенчан с ничтожеством Арзамасцы, арзамасцы! Не будем все такими! Но что говорю я? Мое сердце порука в противном: магнетизм не впервые производит пророков. Я вижу ваше, наше будущее; я вижу Арзамас в величественном собрании. Он определяет образ занятий, общий для всех, но разнovidный как вкусы, труды, таланты каждого. Единство и разнообразие: вот девиз Арзамаса и журнала его. Единство в правилах, ибо все арзамасцы горят любовью к добру и к изящному. Разнообразие в предметах и красках; его обещает самый состав нашего Общества: здесь иногда в одной руке, иногда разделенные, блистают и меч воина и призма поэта и наблюдательное стекло политика и ученого, философа и критика. Все принадлежит нам, пока может принадлежать словесности. И не заблуждайтесь, друзья! Пред литератором открыто не тесное поле; его область мысли и чувства, а в них, мы сказали, весь нравственный мир; и работа его не есть бесплодная победа над трудностью. Нет! Нет! Кто объясняет и умножает понятия, кто действует на сердце умилением и восторгом, тот исправляет природу в человеке, тот полезен не одному народу, не одному поколению; и таковою да будет судьба Арзамаса. Да будет он грозой гордого невежества, благодетелем скромного незнания; да будет

посредником между Европой и Россией, между столиц и провинций, то повествуя о новых успехах гражданственности, о творениях и открытиях искусства и ума, то представляя в верных, ясных картинах состояние нашей славной отчизны в отношениях физическом и нравственном, то очищая, определяя вкус и язык, советом, рассматриванием, примером. Мужайтесь, сыны Арзамаса! Докажите злоречивому свету, что не все журналисты поденщики, что можно трудиться для пользы и чести, не для корысти, и что в руках благоразумия никогда факел света не превратится в факел зажигателя. Мы будем помнить, что наша святая обязанность не волновать умы, а возвышать их: действие Арзамаса да будет медленно, но мирно и благотворно. Друзья! Вот цветок, рожденный от плодотворной силы земли и от влияний неба; в нем блистают все краски радуги, в нем дышат ароматы Аравии; для него уже довольно быть украшением луга и радостью прохожего, но пусть время откроет в нем целебные соки. Сей цветок есть эмблема литературы и Арзамаса. Наше скромное правило: истина и справедливость, в картинах и суждениях; а цель — чистое удовольствие современных и, может быть, польза потомства. Так оживится мертвый капитал арзамасских сокровищ; журнал будет их банком. Тогда и я предложу ему два лепта, чистосердечие друга и ревность разнощика: теперь я говорю вам вместе с Иовом: Трудитесь. *Non nascitur ad laborem et avis ad volatum.*

Согласен с мнением Брюха — Старушка.

Согласен за себя и за всех детей своих — Громобой.

Согласен с мнением Брюха — Почетный гусь Михаил.

— Варвик.

— Пустынник.

— Асмодей.

— Рейн

— Ивиков Жүрөвль.

— Светлана.

С подлинным верно: Эолова Арфа.

Согласен с мнением, но прибавляя к оному сомнение:

Кассандра.

**[СТИХОТВОРНЫЙ ОТЧЕТ В. А. ЖУБОВСКОГО О ДВАДЦАТЬ ПЕР-
ВОМ ЗАСЕДАНИИ АРЗАМАСА]**

Месяц Травный, нахмуясь, престол свой отдал Изоку,
Пыльный Изок появился, но пасмурен, хладен, насуплен;
Был он отцом посаженным у мрачного Грудня; Грудень, из-
вестно,

Очень давно за зимой волочился; теперь уж они обвенчались.
С свадьбы Изок принес два дождя, пять луж, три тумана.
(Рад ли, не рад ли, а надобно было принять их в подарок.)
Он разложил пред собою подарки и фыркал. Меж тем соби-
рался

Тихо на береге Карповки (славной реки, где водятся карпы,
Где по преданию Карп-богатырь кавардак по субботам
Ел, отдыхая от славы), на берегу Карповки славной,
В семь часов ввечеру Арзамас двадцатый. Под сводом
Ново-созданного храма, на коем начертано имя
Вещего Штейна, породой германца, душой арзамасца,
Сел Арзамас за стол с величавостью скромной и мудрой
наседки;

Сел Арзамас, и явилось в тот миг небывалое чудо;
Нечто пузообразное, пупом венчанное, вздулось,
Громко взбурчало, и вдруг гармонией Арфы стало бурчанье.
Члены смутились, Рейн дернул за кофту Старушку,
С страшной перхотой Старушка бросилась в руки к Варвику,
Журка клонул Пустынника; тот за хвост Асмодея,
Начал бодать Асмодей Громобоя, а этот облапил,
Сморщась как дряхлый сморчок, Светлану. Одна лишь Кас-
сандра

Тихо и ясно, как пень благородный, с своим протоколом,
Ушки сжавши и рыльце подняв к милосердому небу,
В креслах сидела. «Уймись, Арзамас! — возгласила Касса-
дра, —

Или гармония пуза Эоловой Арфы тебя изумила?
Тише ль бурчало оно в часы пресыщенья, когда им
Водка, селедка, конфеты,¹ котлеты, клюква и брюква
Быстро, как вечностью годы и жизнь, поглощались?
Знай же, что ныне пузо бурчит и хлебещет не даром!

*Дымная Печурка или Две огромные руки —
А. Ф. Воейков.*

¹ Ем. зачеркнутого запуста

Мне Делфийский треножник оно. Прорицаю! Внимайте!»
Пазлезла Кассандра на пузо; села Кассандра на пузе,
Стала с пуза Кассандра, как древле с вершины Синая
Вождь Моисей ко евреям, громко вещать к арзамасцам:
«Братья-друзья арзамасцы! В пузе Эоловой Арфы
Много добра! Не одни в нем кишки и желудок,
Близко пуза, я чувствую, бьется, копынется сердце!
Это сердце, как Весты лампада, горит не сгорая.
Бродит, я чувствую, в темном Дедале, по близости пуза,
Честный отшельник душа: она в своем заточеньи
Все отразила прельщенья бесов¹ и душиста добротой!
(Так говорит об ней Николай Карамзин, наш историк).
Слушайте ж, вот что душа из пуза инкогнито шепчет:
«Полно тебе, Арзамас, слоняться бездельником! Полно
Нам, как портным сидеть на катке и шить на халдеев
Сгорбась дурацкие шапки из пестрых лоскутьев беседных.
Время проснуться! Я вам пример! Я бурчу, забурчите ж,
Братцы, и вы, и с такой же гармонией сладкой! Время,
Время летит! Нас доселе сбирала беспечная шутка!
Несколько ясных минут украдала она у бесплодной
Жизни! Но что же? Она уж устала иль скоро устанет!
Смех без веселости только кривлянье! Старые шутки —
Старые девки: время прошло, когда по следам их
Вой обожателей мчался. Теперь позабыты! В морщинах
Зубы считают, с собою в разладе, мертвы не живши!
Бойся ж и ты, Арзамас, чтоб не сделаться старою девкой!
Слава — твой обожатель! Скорее браком законным
С ней сочetaйся. Иль будешь бездетен, иль, что еще хуже,
Будешь иметь детей незаконных, не признанных ею,
Светом отверженных, жалких, тебе самому в посрамление.
О, арзамасцы! Все мы судьбу испытали. У всех нас
В сердце хранится добра и прекрасного тайна. Но каждый,
Жизнью своей охлажденный, к сей тайне уж веру теряет,
В каждом душа, как светильник горящий в пустыне,
Свет одинокий окрестные мглы не осветит! Напрасно
Нам он горит: он лишь мрачность для наших очей озаряет,
Что за отрада нам знать, что где-то в такой же пустыне
Так же тускло и тщетно братский пылает светильник.
Нам от того не светлее! Ближе, друзья! Чтоб друг друга
Видеть в лицо — и сливши пламень души, непреступной

¹ Далее зачеркнуто: победила.

Хладу убийственной жизни, *Достоинство* первоз благо
(Если уж счастья нельзя) сохранить посреди измененья!
Вместе! Великое слово! *Вместе!* твердит, унывая,
Сердце, жадное жизни, томяся бесплодным стремленьем,
Вместе! Оно воскресит нам наши младые надежды!
Что мы розно? Один увлекаем шумным потоком
Скучной толпы в мелочных затерялся заботах, напрасно
Ищет себя, он чужд и себе и другим; каменеет,
К мертвому рабству привыкнув, и, цепи свои презирая,
Их разорвать не стремится. Другой, потеряв невозвратно
В миг единый все, что было душою полжизни,
Вдруг меж развалин один очутился, и нового зданья
Строить не смеет; а если б и смел, то где ж ободритель,
Дерзкий создатель, младость, сестра вдохновения? Над

грудой развалин

Молча стоит он и с трепетом смотрит, как Гений унывши
Свой погашает светильник. Иной, самому себе незнакомец
Полный жизни мертвец, себя и свой дар загвоздивший
В гроб, им самим сотворенный, бьется в своем заточеньи,
Силен свой гроб разломить, но силе не верит и — гибнет.
Тот, великим желаньем волнуемый, силою богатый
Рад бы разлить по вселенной, в сияньи ль, в пожаре ль, свой
пламень,

К смелому делу сзывает дружину, но... голос в пустыне!
Отзыва нет!.. О, братья, пред нами во дни упования
Жизнь необъятная, полная блеска, вдали расстилалась.
Близким стало далекое! Что же? Пред темной завесой,
Вдруг упавший меж нами и жизнью, каждый стоит безнаде-
жен.

Часто трепещет завеса, есть что-то живое за нею!
Но рука и поднять уж ее не стремится — нет веры!
Будем ли, братья, стоять пред нею с ничтожным покорством?
Вместе, друзья! И она разорвется! И путь нам свободен!
Вместе — наш Гений-хранитель! При нем благодатная
Бодрость,

Нам оно безопасный приют от судьбы вероломной:
Пусть налетят ее бури — оно для нас уцелеет!
С ним и *Слава*, — не рабский криков толпы повторитель,
Но свободный судья современных, потомства наставник.
С ним *награда* — не шумная почесть, гремушка младенцев,
Но священное чувство достоинства, внятный немногим
Голос души, и с голосом избранных лучших согласной;

С ним жизнедательный труд с бескорыстной целью для
пользы!

С ним и великий Гений: отечество. Так, арзамасцы,
Там, где во имя отечества две руки во едину
Слиты, там и оно соприсутственно. Братя! Дайте¹ же руки!
Все минувшее, все, что в честь ему некогда жило,
С славного царского трона, из тихой обители сельской,
С поля, где жатва на пепле падших полков расцветает,
С гроба певцов, с великанских курганов, свидетелей чести,
Все к нам голос знакомый возносит: *мы некогда жили!*
Вам мы готовили славу, вы приготовьте потомкам!
Вместе, друзья! Чтоб потомству наш голос был слышен!»
Так говорила Кассандра, холя десницею пузо;
Вдруг² наморщилось пузо, Кассандра умолкла, и члены,
Ей поклонясь, подошли приложиться с почтеньем
К пузу в том месте, где пуп цветет лесной сыроешкой.
Тут осанистый Рейн, разгладив чело, от власов обнаженно,
Важно жезлом волшебным махнул, и явилось нечто
Пышным вратам подобное, к светлomu зданью ведущим,
Звездная надпись сияла на них: *Журнал Арзамасский.*
Мощной рукою врата растворил он; за ними кипели
В светлом хаосе призраки веков, как гиганты смотрели
Лики славных из сей оживленных тучи — над нею
С яркой звездой на главе Гением тихим носилось
В свежем гражданском венке божество: *Просвещение*, дав
руку

Грозной и мирной богине С в о б о д е! И все арзамасцы,
Пламень почуя в душе, ко вратам побежали... Все скрылось!
Рейн сказал: «Потерпите, голубчики! Я еще не достроил!
Будет вам дом, а теперь и ворот одних с вас довольно!»
Члены, зная, что Рейн искусный строитель, утихли,
Сели опять по местам, и явился, клюкой подпираясь,
Сам Асмодей; погонял он бичом мериников Беседы.
Важно пред стадом тащился старый баран, волочивший
Тяжкий курдюк на скрипящих колесах, Шишков седорунный,
Рядом с ним Шутовской, овца брюхатая, охал!
Важно вез назади осел Голенищев-Кутузов
Тяжкий с притчами воз; а на козлах мартышка

¹ Вм. зачеркнутого: Вместе слято.

² Вм. зачеркнутого: Вот.

В бурке, граф Дмитрий Хвостов, кобенясь тряслась, и на
дышле

Скромно висел в чемодане домашний тушканчик Вздыхалов.
Стадо загнавши, воткнул Асмодей на вилы Шишкова,
Отдал честь Арзамасу и начал китайские тени
Членам показывать. В первом явлении предстала
С кипой журналов *Политика*, рот зажимая *Цензуре*,
Старой кокетке, которую тощий гофмейстер Яценко
Вежливо под руку вел, нестерпимый Дух издавая.
Вслед за Политикой вышла *Словесность*. Платье богини
Радужным светом сияло — и следом за ней ее дети:
С лирой, в венке из лавров и роз. *Поэзия-дева*
Шла впереди; вокруг нее, как крылатые звезды, летали
Светлые пчелы, мед свой с цветов и чужих, и домашних
В дар ей собравшие: об руку с нею поступью важной
Шла благородная *Проза* в длинной одежде: смиренно
Хвост ей несла *Грамматика*, старая нянька (которой,
Сев в углу на словарь, Академия делала рожи).
Свита ее была многочисленна; в ней отличался
Важный маляр Демид арзамасец. Он кистью, как древле
Тростью Цирцея, махал, и пред ним как из дыма творились
Лица, из видов заемных в свои обоащенные виды.
Все покорялось его всемогуществу: Даже *Беседа*
Вежливой чушкою лезла, пыхтя из-под докторской ризы.
Третья дочь словесности *Критика*, с плетью, с метелкой
Шла, опираясь на вкус и на смелую шутку; за нею
Князь Тюфякин нес на закорках театр и несчадно
Кошками секли его Пиериды, твердя: *Не дурачься!*
С м е с ь последняя вышла, пред нею Муза тащила
Чашу большую с ботвиньей; там все переболтано было:
Письма о бедных к богатым, старое заново с новым!
Пушкина мысли, и вести о курах с лицом человечьим.
Быстро тени мелькали пред взорами членов одна за другою.
Вдруг все исчезло. . . Члены захлопали. Вилы пред ними
Важно склонил Асмодей и, стряхнув с них Шишкова,
В угол толкнул сего мериноса: он комом свернулся,
К стенке прижался и молча глазами ертел. — Совещанье
Начали члены. Приятно было послушать, как вместе
Все голоса слилися в одну бестолковщину. Бегло
Своим язычком Кассандра работала. Рейн
Громко шумел, Асмодей воевал на Светлану; Светлана
Бегала взад и вперед с протоколом; впившись в Старушку,

Криком кричал Громобой, упрямясь родить анекдотец.
Арфа курныкала песню. Пустынник возился с Варвиком. .
Чем же сумятица кончилась? Дело: Журнал состоялся.

Рейн.
Ивиков Журавль.
Асмодей.
Элова Арфа.
Варвик.
Кассандра.
Кот (Резвой).
Светлана.
Почетный гусь Михаил.
Пустынник.

65

Был Арзамас в день Изока и в день, я не знаю, который,
Был Арзамас как не был, ибо все члены от Арфы
Вплоть до Светланы священным сумбуром друг друга душили.¹
Вот почему Прото[ко]ла не вышло, а вышел с натугой
Карлик один, протоколец незнатной, достойный Беседы.
Есть же тому и другая причина: жарко Светлане?
А в жар протоколы писать не безделка. Итак не взыщите.

Почетный гусь Михаил.
Рейн.
Ивиков Журавль.
Светлана.
Резвой Кот.
Кассандра.

За неумением грамоте за Элову Арфу подписался Рейн.

Пустынник.

66

В доме важного Рейна был Арзамас не на шутку,
В том Арзамасе читали законы, читали Вадима;
В том Арзамасе Эловой не было Арфы; слонялась
Арфа беспутная, мучась жестоким, увы! геморроем.
Так как сие заседание не в счет заседаний обычных,
То и об нем протокол дурной необычно и краткий;
Есть же тому и другая причина: Светлана поела

¹ Вм. зачеркнутого: себя угощали.

Плотно весьма земляники в доме Кассандры грекини.
 С Резвым Котом, служащим в коллегии дел иностранных.
 Есть же тому и третья причина: какая? — Не знаю!
 Если ж не знаю, то и писать мне не должно, — и так перестанем.

Кассандра.
 Золова Арфа.
 Почетный гусь Михаил.
 Рейн.
 Варвик.
 Ивиков Журавль.
 Светлана.
 Пустынник.

67

[ПИСЬМО Д. В. ДАШКОВА]

Прошу почтенных сочленов моих о Арзамасе удостоить особенного внимания следующее объявление М. Староверова, имя по шерсти — давнишнего приятеля госпожи Светланы, от скуки выписанное мною в Одессе из Прибавлений к 99 № Военных Ведомостей, сиречь Инвалида. Слушайте, друзья; и учитесь писать:

«По желанию Гг. Иногородных, иметь сии книги, которые «могут выписывать на мое имя чрез почту, и оные будут к ним доставлены от меня во всей исправности».

С подлинным в точности верно: Чу.

68

Пламенный месяц Червен явился, лягнул во Изока,
 Сбил его с неба и сам, нарядился в парик лучезарный,
 Гордо потек по эфиру, сказав арзамасцам: Сбирайтесь!
 Но арзамасцы не вдруг собрались; спустя две седмицы
 С той поры, как Червен воцарился, они у великого Рейна
 В кучку сошлись поболтать о законах; и впрямь поболтали;
 Взяв рукописное оных законов святилище, то есть тетрадку,
 Где регистратор коллежский Нагибин их написал узорочно,
 Рейн прочел их внятно, понятно, приманчивым гласом.
 Смирно слушали члены, дослушав во всем согласились;

Был арзамас а гусь икока и в гусь я некое котуши,
 Был арзамас а как небыл идо все земля ^{оня} / Арфа
 Вплоть до Светланы свещишка свещишка ^{друга друга души!} свещишка!
 Вотт поилу протила нештоко, а вшеел с нештоко
 Карика одичь, протколенць нештоко, достотийи блещи
 Есть ли толю и гусь протина. Итучи Светлана?
 А ~~не~~ жуа протколенць писать нештоко. Итучи нештоко.

почетный гусь Михаил

Рейн

Варвик

Ивиков Журавль.

Светлана

Рейн Кот

Михаил

З мучительный французский язык арфа медленнее

Рейн
 изумительный

Автографы: экзаметр В. А. Жуковского и по писч Салт к ва Орлова,
 Н. Тургнева, Вителз, Северина, Елудова и Кавел на.

Дан был Светлане приказ к подписанию законы представить.
Вот Светлана представила их! Дело с концом: Подпишите!

*Варвик.
Рейн.
Пустынник.
Почетный гусь Михаил.
Эолова Арфа.
Кассандра.
Две Огромные Руки.
Светлана.*

69

Месяца Зарева был в обителище Рейна двадцать второй
Арзамас, присутствовали Их Высокопревосходительства:

Светлана.
Рейн.
Кассандра.
Пустынник.
Эолова Арфа.
Варвик.
Две Огромные Руки.
Почетный гусь Михаил.

Не присутствовали по причине недуга Ивиков Журавль и без всякой причины Резвой Кот. В сем достопамятном заседании происходило, смею сказать, следующее:

1-е. Прочтен был его превосходительством мною весьма краткой и сим единственно превосходный протокол, который все члены и подписали довольно четко и правильно.

2-е. Выбран был незаконным или, лучше сказать, дозаконным образом член Статный Лебедь, служащий в свите вселюбезнейшего нашего монарха, царствующего над полвселенною от Бельта до Каспия, от Петропавловской крепости до Вислы, что в Польше, где находится Варшава, в которой будет находиться и Асмодей с 200 жалованья серебром и с чином коллежского ассессора.

3-е. Подписаны законы Арзамаса так размашисто, как и все протоколы.

4-е. В исполнение одной из многих статей сих подписанных

законов избраны представителями Арзамаса их высокопревосходительства:

Светлана, яко тайник или секретарь.

Ахилл.
Асмодей.
Кассандра.
Чу.
Старушка.
Варвик.

В замену отсутствующих их высокопревосходительств Пустынник, Резвый Кот, Эолова Арфа и Статный Лебедь, почему Эолова Арфа и пожалована Эоловым Арфаксадом.

5-е. Читаны три программы, две — членом Рейном, одна — членом Варвиком, по поводу коей произошел страшный арзамасской язычный бой, и совершилось вторичное по сотворении мира смещение языков.

6-е. Чтоб не забыть сказать, избраи временным тайником Кассандра, после чего забыт председатель, но не забыт ужин, ибо трубный глас Эолозой Арфы громозвучно еозвестил оный, и труба-возвестительница обратилась в смиренную кишку-вместительницу.

Черный Вран.
Ахилл.
Громобой.
Ивиков Журавль.

Светлана.
Резвый Кот.
Почетный цузь Михаил.
Кссандра.
Пустынник.
Эолова Арфа.
Варвик.

70

СПИСОК ИЗБРАННЫМ АРЗАМАСЦАМ

1. Армянин		Асмодей	+ 3
2. Асмодей 1111111 — 7 +	7	Кассандра	+ 7
3. Ахилл 1111 — 4			
4. Варвик 111111 — 6 +		Варвик	+ 7
5. Вот я вас опять	6	Чу	+ 8
6. Громобой		Старушка	+ 7
7. Две огромные руки		Ахилл	+ 7
8. Ивиков Журавль	4	Рейн	+ 7
9. Кассандра 1111111 — 7 +			
10. Лебедь Статной 1 — 1	2	Пустынник	+ 5

Список избранных из Арзамасцев

1 Армянин			
2 Асмодей 111111 — 7 +		4 / Асмодей + 8	
3 Ахилл 1111 — 4		Ка-садат 7	
4 Варвик 111111 — 6 +		6 / Варвик 7.	
5 Вот-я-вас-опять		Старушка 7.	
6 Громобой		Чу — + 8	
7 Две огромные руки.		9 / Ахилл + 7.	
8 Ивиков Журавль		Рейн 7.	
9 Кассандра 2 111111 — 7 +		2 / Чу-Кассандра 5.	
10 Лебедь Статной 1 — 1			
11 Старованный теленок			
12 Пустынник 11 — 2		1 / Рейн 7.	
13 Рейн 1111 — 4		2 / Ивиков + 8	
14 Резвый кот 1 — 1		Старушка 7.	
15 Сверчок			
16 Старушка 111111 — 6 +			
17 Черный Врань			
18 Чу 111111 — 6 +			
19 Эолова Арфа 1 — 1			
20 Светлана			

Выборы е листки. Автограф В. А. Жуковского.

11. Очарованный челнок —			
12. Пустынник 11 — 2	1		Резвый Кот + 5
13. Рейн 1111 — 4			Эолова Арфа + 3
14. Резвый Кот 1 — 1			Статный Лебедь + 5
15. Сверчок			
16. Старушка 111111 — 6			
17. Черный вран			
18. Чу 111111 — 6			
19. Эолова Арфа 1 — 1			
20. Светлана			

До решительного определения новых законов в Арзамасе состоялось 20 избранных членов.

Настоящие	{	Асмодей —	Пустынник	Асмодей	1
		Чу —		Чу	2
		Кассандра 1		Ахилл	3
		Варвик 2		Варвик	4
		Старушка 3	Пустынник 3	Кассандра	5
		Ахилл		Рейн	6
		Рейн		Старушка	
		Пустынник			
		Резвый Кот			
		Лебедь Статный			
		Эолова Арфа			

Настоящие:

Светлана	—	на лицо:
Асмодей	—	Пустынник
Чу	—	Резвой Кот
Кассандра	—	на лицо
Варвик	—	на лицо
Старушка	—	Эолова Арфа ¹
Ахилл	—	
	Рейн	
	Пустынник	
	Резвой Кот	
	Лебедь Статный	
	Эолова Арфа	

71

В ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ НОВОГО АРЗАМАСА ОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОГО ВСЕПОКОРНЕЙШЕЕ ЗАБЫВАНИЕ

С горестным самоотвержением и сердобольным кольханием чувствительного негодования вступаю мысленно в храмину арзамасской Беседы — в первый раз от роду и не с просонья, не

¹ В тексте зачеркнуто.

з исступлении лихорадочном, не в пьянственном окаянстве, не в горестном, геморроидальном отяготении главы, но с холодным, твердым, ясным убежденным разумом соединяю я сии два враждебные слова: Арзамас и Беседа — вступаю и, мысленно притиснув округлость моего седалищного члена к поверхности седалищной мебели, начинаю говорить что следует:

Все ли вы в добром здравьи, друзья мои? Старушка сударыня, не стаскалась ли ты с черным конем или с тем, кто сидел впереди? Резвой Кот, не сделалась ли у тебя вместо бархатной лапки триповая? Чу, не потерял ли ты чутья? Пустынник, не сделался ли ты Пустарнаком? Громобой, не убило ли тебя громом? Кассандра, не засиделась ли ты слишком долго на благовонном вместилище ежедневных извержений твоего духа и твсей материи? Журка, не залез ли ты носом в горло к какому-нибудь беседному волку и не отгрыз ли этот волк у тебя твоего члена, столь нужного для разных твоих прихотей? Варвик, не сделался ли ты Варварою, Варавою или варваром? Арфа, не сделалась ли ты Марфою, не вышла ли замуж за седого отрока и не пометала ли каких-нибудь беседных уродцев? Словом, не провалились ли вы к чорту, почтенные друзья моего сердца?

Что подало повод к такой нежной заботливости о здравьях ваших превосходительств? спросите вы. — А вот что, голубчики!

Научившись издавна читать и писать, прочитал я между грочим и письмецо, полученное мною из известного вашим превосходительствам города Оренбурга, находящегося на границе степей Киргискайсацких, как то и на карте означено; в этом письме нашел я, так сказать, изложение некоторого печального положения, в ксем закопался один из молодых Фебовых пенсионеров. При этом письме доставлена была ко мне и некоторая стихотворная девственница, Наталья по имени, если не родная и не двоюродная, то уж конечно внучатная сестра почтенной и милой боярской дочери Натальи Николаевны Карамзиной, за которую мы все смолоду волочились, которая нам никому не досталась, которая все не стареется и никогда не состарается, и никогда, как известная невеста Ивана Андреевича Крылова, не выйдет за каляку по первому изданию и не поставит лыка в строку по второму изданию.

Я имел честь уведомить Арзамас о вышеозначенном печальном положении, я переслал в Арзамас и Наталью во всей чистоте ее и целости; и были сделаны мною Арзамасу некоторые посильные предложения на счет сих различностей; и дошел до меня слух, что Арзамас на что-то в отношении к оным решился; и не дошло до меня слуха, что из сего будущего чего-то вышло что-то настоящее. А между тем в Оренбурге на Урале под солдатскую сумою не так-то любо, как в Петрограде на Неве на балах, свадьбах, погребениях и прочих радостях. Сия-то медлительность и сие забвение Арзамаса понудили меня спросить у членов: Все ли вы в добром здравьи, голубчики? И не стал ли Арзамас Беседою, мои сахара?

Устойте меня ответа, незаконные друзья моего сердца! Перестаньте беседничать, мои ангелы, скоро светлое воскресение! Это праздник не беседный, нам надобны для него не красные яйца, а бело-красные! Соберитесь, друзья, в арзамасскую камеру! Поставьте лубок милосердия, расстелите ковер сострадания, катайте яйца благости, не забудьте и моего яичка в кон поставить. Потом соберите яички в лукошко утешения и перешлите их (если угодно через меня) в Оренбург по почте отрады, а я вам говорю: Христос воскрес! и лобзаю вас в очи, в уста и затылки.

Светлана

72

[СТАТЬЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО] ВЕРОЯТНО ПИСАНО МНОЮ ПО ПОВОДУ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО АРЗАМАССКОГО ЖУРНАЛА.

Сила в соединении: польза в единодушии. Глупость и бесчестие имеют свои приюты укрепленные: Академия и присутственные места; ум и честь слоняются у нас по белому свету сверх-комплектными тунеядцами. Счастливый случай и дружба соединяют нас: нам должно воспользоваться союзом, предложить себе цель действия и идти к ней твердыми неутомимыми шагами.¹ Какое средство имеем к достижению благородной мечты? Влияние на публику: как похитить это влияние? Изданием журнала. Всякая другая дорога была

¹ Вм. зачеркнутого: стопами.

бы отдаленнее. Временные сочинения¹ скоро захватывают вниманием (sic) читателей и имеют более число читателей. С начала подстрекают они одно любопытство; с начала от праздности слушают журналиста: со временем его слушаются. Все орудия в его руках, он учит, забавляет, проповедует, смеется и смешит, укоряет и приговором своим оправдывает и казнит. Когда печать не была еще в употреблении, в дни аттические, говоруны, политики, философы, критики собирались на Афинских площадях, и народные беседы их были ежедневные словесные журналы. Горчаков сказал в какой-то сатире:

И наконец я зрю в стране моей родной
Журналов тысячу, а книги ни одной.

И взапуски тысяча голосов повторяют за ним кстати или некстати эти два стиха.

Во-первых, польза журналов у нас очевидна, а во-вторых, журналов у нас большой недостаток. Во всех других просвещенных землях их гораздо более. Мы можем считать у себя двух только журналистов: Новикова и Карамзина. Первый был бичом предрассудков, бичом немного жестоким и отзывающимся грубостью тогдашнего времени. Карамзин в Московском журнале разрушил готические башни обветшалой литературы и на ее развалинах положил начало новому европейскому изданию, ожидающему для совершеннейшего окончания искусных трудолюбивых рук. Другие журналисты предприняли издание журналов, не имея никакой твердой цели, разве кроме той, чтобы наложить на читателей крест терпения; исключая одного Лабзина, который при кресте терпения первейшей степени домогался и равноапостольской веры.

Нам остается сочетать в журнале примеры двух наших журналистов и разделить издание на три разряда: Нравы, Словесности и Политика. В первом объявить войну неприимимую предрассудкам, порокам и нелепостям, картину нашего общества. Нападать на это есть уже действительная дань, приносимая добру. Во втором вести ту же войну с теми же врагами, стреляющими в нас, в здравый рассудок и вкус из окон Беседы и Академии: но вместе с тем² отучая публику

Ахилл — К. Н. Батюшков.

¹ Вм. зачеркнутого: книги.

² Дальше зачеркнуто: и давать в пример.

от дурных примеров приучать ее к хорошим и таким образом соединить в руке силу разрушающую и созидательную. В политике довольствоваться простодушным изложением полезнейших мер, принятых чуждыми правительствами для достижения великой цели: силы и благоденствия народов. Изложением распрей политического света о предметах важных в государственном устройстве, и таким образом сделать в Китайской стене, отделяющей нас от Европы, не пролом, открытый наглости всех мятежных стихий, но по крайней мере отверстие, через которое мог бы проникнуть луч солнца, сияющего на горизонте просвещения света и озарить мрак зимней ночи, обложившей нашу вселенную.

Из известных журналов французской Меркурий более всех может служить нам примером.

Журнал под каким именем хотите должен выходить в неделю по одному разу. Дело идет не о перепалке: надобно со всех батарей дуть изо всех снарядов. Наша публика забывчивая и сонная: проспавши целый месяц, едва услышит она нас в просонье. Такова должна быть наша цель: заманчивая разнообразием нашею воинскою хитростью. Детей начали учить азбуке посредством картинок, и дети нашего времени пяти-шести лет бывают уж грамотеями. Митрофанушка удовлетворил бы вероятно скорее требованию Кутейкина, когда бы не держали его на сухом псалтыре. Статью о нравах, которую хорошо назвать Живописцем в честь покойника, должны составлять: картины общих нравственных повестей, переписка с всеми губерниями, вымышленная или истинная все равно, но вероятная; сатирические разговоры и проч. В статье о Словесности держаться единственного святого празила Вольтера: *Tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux*. Выезжать не на одном пегасе, в стихах позволять себе переводы; в прозе никак. Иметь во всякой книжке статью Критики новейших или старых писателей. Сюда принадлежит и статья о художествах отечества: отчет всех новых произведений, изобретений и проч. Эта статья не обидит нас бумагой. Если Провидение умилостивится над нами и услышит моление здравого смысла, то посвятим несколько страниц и театру: не налагать

¹ В рукописи: нашею целью.

на себя обязанность вести дневник спектаклей, но говорить о новых пьесах и о успехах хороших актеров.

Вырученные деньги за журнал, если будет выручка, обратить на благотворение обиженных детей Аполлона; печатать на своем издании хорошие переводы, или хорошие сочинения и таким образом вырвать из когтей жадных книгопродавцев бедные жертвы, продающие и унижающие свои дарования. Со временем завести типографию, безнадежно открытую нищей братии.

Тогда Арзамас скажет с душевною уверенностью:

J'ai fait un peu de bien: c'est mon meilleur ouvrage.

78

[РЕЧЬ Д. Н. БЛУДОВА ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В АРЗАМАС

Б. Н. БАТЮШКОВА]

Любезный Ахилл, любезный товарищ, давнишний и новый!

Мелькнуло два года, как Арзамас, теснимый погаными¹, объявил миру² о своем вечном существовании. Тогда в священных стенах его вместе с кликами возрождения раздалась и радостные клики избирающего народа: тогда же имя Ахилла загремело в устах арзамасцев, и один сей торжественный звук³ попятил ряды⁴ полков враждебных. Беседа углубилась в могилу свою, сотряслись развалины⁵ Академии; чада Шишкова оплаканы им заранее⁶ и слезы мрачного предчувствия засветились в глазах Андромахи-Ежовой!.. Но увя! Арзамас был также не без горя: есть на свете имена славные и несчастные. Ты, древний Ахилл, причина гибели Трои, был долго причиной и побед ее; хвала пенатам Арзамаса: наш Ахилл лучше прежнего, он и бездействию не может помочь покойнице Беседе, но и он, как соименитый, долго скрывался⁷ вдали от стана союзников, от... от переговоров писателей, от объятий своих московских красавиц и стерлядей Шексны.

¹ Далее зачеркнуто: халдеями

² Вм. зачеркнутого: свету.

³ Далее зачеркнуто: Ахилл, звук победоносный.

⁴ Вм. зачеркнутого: строи.

⁵ Вм. зачеркнутого: основания.

⁶ Далее зачеркнуто: детей и заложниц сынов своих.

⁷ Вм. зачеркнутого: скитался.

Вотще их желание, вотще бранный голос знакомой гурьбы отзывали его. Герой не возвращался: одна сладостная гармония¹ была Арзамасу ответом и утешением. Наконец, поверим ли мы глазам своим: он с нами, сей победитель всех Гекторов халдейских, он² с нами и³ в дань отечеству принес одного из безвредных чудовищ Беседы. Но не изменяется ли все временем! И многие члены не говорят ли сердцами: Quantum mutatus ab illo!

Смотрите: сей Ахилл, сей муж войны и истребления, поет мирную панихиду, стоит как диакон на амвоне и молит богатые милости для своего покойника. Что же, друзья, не удивляйтесь. Этот покойник не сходен с другими... он оставлен в покое. Никто из друзей и рабов Беседы не клялся его именем, никто из арзамасцев прежде Ахилла не умел сего имени сделать источником смеха; все труды и вся жизнь усопшего была тиха как сон невинности; он сам был невинен как собственные календари его. Так, среди двух Академий он тихомолком издавал грамматику и не успел ей выучиться, совершил последнее ужаснейшее превращение Овидия, и Овидий простил ему, ибо свет не проведал этой проказы; он учил правописанию арзамасца Рейна, и вам известно, друзья, наш Рейн только и не знает что правописания; наконец этот достойный покойник и сам учился, вечно учился, но ученость бесплодную скрывал в нищете столь же скромной и безвестной, как его сочинения. Такой мертвец не должен тревожить сердце наших чувствами ненависти, его панихиду можно петь сквозь слезы сожаления, и, смотря на сии слезы, наш Ахилл, неизменяемый временем, хранит в душе своей верную дружбу к Арзамасу и верную вражду к Беседе. Но что говорю я о изменности, я, окруженный печальными переменами! Увы! Любезный Ахилл, вступая в сию храмину, вы искали Арзамаса и находите один труп его, неодушевленный, искалеченный ударами рока. Где многие из подпор наших? Где вещий Чу? Где волшебница Старушка? Где Асмодей, блестящий одним остроумием? И где свежая веселость, украшавшая первые дни наши! Ах, Арзамас! Все погибло! Несчастный голос, призывавший к труду, призвал нас к унынию; истощилась в Светлане руда ее бесценной галиматьи, Эолова Арфа расте-

¹ Далее зачеркнуто: Патрокла без бедствий Арзамаса.

² Далее зачеркнуто: восседает.

³ Далее зачеркнуто: променял свой меч на мирный заступ, он извлек для утешения Арзамаса.

ряла свои струны, и по устам всех членов вместо беспечной улыбки Арзамаса бродит зевота Академии. О Ахилл! Во всем подобным древнему вы возвратились к товарищам в бедствии; будьте, как он, и вестником их спасения; будьте возродителем Арзамаса; отошлите скорее к благодетельной Арфе и Соколова и бумажный гроб его: мы ждем от вас не мертвеца, а жизни.

74

РЕЧЬ Д. В. ДАВЫДОВА ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В АРЗАМАС

Друзья мои!

Я избрал предметом речи моей то, что всего более занимает нас в нашем собрании — самое наше собрание. Не ожидайте от меня тех цветов красноречия, которыми украсили предмет сей некоторые из моих сочленов. Я намерен в возможной простоте говорить с вами о некоторых предметах, до него относящихся. Новый сочлен, которого мы с сердечным удовольствием здесь в первый раз видим, познакомится чрез то с нашими законами, и, может быть, не бесполезно будет, если я снова оживлю их и в самой памяти.

Цель наша — образование себя в литературе, особливо в русской, образование нравственного нашего характера. Чем можем мы ее достигнуть, как не дружескими откровенными советами неограниченной, но кроткою, искренностью, которая должна быть одним из главных наших законов! Мы взаимно подкрепляем друг друга; нас здесь восемь, и всякий из нас в восемь раз сильнее здесь, нежели был бы он один без чистосердечных друзей, которые исполнены к нему любви, которые радуются его успехам во всем, которые и от его обхождения ожидают себе взаимной пользы.

Но только тогда можем мы ласкаться достигнуть нашей цели, когда живо почувствуем все, что может произвести в нас единодушие и не хладеющее усердие, когда еще теснее соединимся мы узами дружбы. Теперь с сердечным сожалением вижу я, что мы разделены так сказать на две части; и та, и другая порознь в совершенно коротком знакомстве между собою, между тем как некоторые из нас не довольно еще один с другим сближены. Будем стараться сколько можно истребить это неравенство; приведем, если смею так сказать, в равновесие нашу взаимную дружбу; будем искренны, будем

усердны, будем единодушны. И тогда-то всякое упражнение наше будет приносить нам пользу, будет иметь свою цену: тогда-то собрание наше утвердится на основании непоколебимом, тогда-то всякий из нас будет искать в нем и найдет отдохновение в самых трудах, радость, отраду в неприятностях жизни, спасительные советы во всяком случае, тогда-то оно будет запечатлено печатью братства, или ощутим живо сладостные действия нашего союза.

Искренность, любезные друзья, да будет первым законом нашего собрания; все другое — советы, похвалы и самую критику можем мы найти в свете; искренность царствует только здесь. Но кто же из нас смешает ее с грубостью, колкостью в критике? Нет! Везде кротость должна сопровождать ее, иначе это значило бы только удалиться от нашей цели. Может ли кто-нибудь из нас огорчиться дружескою критикою? Он узнает, что написал дурные стихи, но вместе увидит и то, что он имеет истинных чистосердечных друзей, может быть и от них же самих получит беспристрастное уверение, что может сделать лучше. Но за то и как же неоцененна будет для него похвала их, в которой не будет уже он подозревать никакой скрытности, никакого пристрастия; он предастся тогда свободной своей радости, ибо для каждого из нас, признаемся искренно, друзья мои, для каждого из нас не может быть ничего приятнее такого приговора.

Мы счастливы, мы можем питать в себе этот небесный в сердцах наших энтузиазм, предадимся ему; пусть радость будет для нас матерью добродетелей, пусть благородный, святой энтузиазм юности будет их душою, их пищею. Никто еще не помогал несчастному по определению одного холодного рассудка; сердце должно иногда заглушать его голос, чтобы быть тем нежнее, тем сострадательнее, тем деятельнее в оказании помощи. Есть великие, священные добродетели, которые без энтузиазма существовать не могут, которые кажутся мечтою для жалкого, равнодушного философа, судящего о них с одним своим разумом. Еще опытность не научила нас рассуждать, делать мудрые и глубокие рассуждения, чтобы располагать нашими поступками, но тем сильнее можем мы чувствовать! Последуем же гласу сердец наших, направим стремления его в благое, и мы будем деятельны, будем веселы, будем благополучны.

Проснитесь! Дышите в нас, великие бессмертные, принимайте жертвы сердец наших, пылающих вашим пламенем, но-

ситесь духом своим над нами: *Друзья*, в эту минуту чувствую живо, что смерть за отечество — ничто!

75

ПРОЕКТ УСТАВА ДЛЯ АРЗАМАСКОГО ОБЩЕСТВА БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ

Глава I

О Арзамасе вообще.

§ 1

ЦЕЛЬ АРЗАМАСА Цель Арзамаса двоякая: польза отечества, состоящая в образовании общего мнения, то есть в распространении познаний изящной словесности, и вообще мнений ясных и правильных; польза самих членов, состоящая в труде постоянном.

§ 2

СОСТАВ АРЗАМАСА Арзамас составлен из природных и избранных членов. Число природных не ограничено, избранных должно быть не более двадцати пяти.

§ 3

ОБЯЗАННОСТИ И ЗАНЯТИЯ АРЗАМАСА ВООБЩЕ Обязанности и следственно занятия Арзамаса разделяются на две отрасли. Первая в отношении к Публике, вторая — в отношении к Членам Общества.

§ 4

ОБЯЗАННОСТИ В ОТНОШЕНИИ К ПУБЛИКЕ Обязанности Арзамаса в отношении к Публике суть следующие:
а) Наблюдать политическое и нравственное состояние России и прочих государств.
а) Наблюдать состояние, ход, успехи и изменения наук, искусств и словесности как отечественной, так и чужеземной.
с) Сообщать Публике плоды своих наблюдений и в особенности посредством постоянного Периодического Издания.
д) Поощрять возникающие таланты по усмотрению Общества и по мере средств оною.

§ 5

ОБЯЗАННОСТИ В ОТНОШЕНИИ К ЧЛЕНАМ В отношении к Членам обязанность Арзамаса состоит в рассмотрении сочинений их как представляемых для Арзамасского Журнала, так и сообщаемых в намерении воспользоваться советами Общества. Нет нужды говорить Арзамасцам, что при таком рассмотрении Арзамас изъясняет свое мнение с совершенной свободой, что его единственное правило есть: чистосердечие и любезная строгость дружества.

Глава II

О ЧЛЕНАХ, ВЫБОРЕ ИХ И ОБЯЗАННОСТЯХ

§ 6

Члены могут быть наличные и отсутствующие.

§ 7

Отсутствующие члены разделяются на заграничных и находящихся в России.

§ 8

О ЧЛЕНАХ ПРИРОДНЫХ Члены природные назначаются всеобщим уважением Арзамаса.

§ 9

О ЧЛЕНАХ ИЗБРАННЫХ Члены избранные назначаются единогласием всех находящихся в России избранных Арзамасцев по балотированию. Один черный шар уничтожает выбор и предложение. Новые члены предлагаются по крайней мере тремя Арзамасцами. Отсутствующий по запросу от Арзамаса присылает мнение в запечатанном пакете на имя одного из избранных наличных членов, который, не сообщая его другим, по его желанию кладет шар. В то же время отсутствующий уведомляет Общество, кому он поверил положить шар вместо себя.

§ 10

ОБЩИЕ ОБЯЗАННОСТИ ВСЕХ ЧЛЕНОВ Члены природные приглашаются участвовать в рассуждениях и трудах Арзамаса.

§ 11

ОБЩИЕ ОБЯЗАННОСТИ ВСЕХ ЧЛЕНОВ Члены избранные обязаны:
а) Участвовать по мере возможности и требований в рассуждениях и вообще во всех делах Арзамаса.
б) Принимать и отправлять возлагаемые по назначению Арзамаса должности и поручения.
с) Трудиться вообще для пользы Арзамаса и Публики; а в особенности для Журнала, который Общество намеревается издавать.
д) Представлять Арзамасу в определенное время сочинения в стихах и прозе для Журнала. Число сих оброчных статей полагается с Арзамасцев, находящихся в России, не менее 12 статей в год, с Арзамасцев заграничных не менее 6 ст. Первые должны доставлять по 1 статье в начале каждого месяца, последние присылают свои статьи, когда находят удобный случай. Некоторые Арзамасцы могут быть освобождены от обязанности доставлять ежегодно по 12 статей в Общество из уважения к слабости их здоровья, или по многочисленным занятиям по какой-нибудь другой части. Они заранее объявляют о сих препятствиях Арзамасу по совести, и Арзамас решит без потворства, должно ли принять оные в уважение.

- е) Предлагать в назначенное время программы для сочинений.
- ф) При вступлении в Арзамас говорить по обычаю речь.

Глава III

О ЗВАНИЯХ И ДОЛЖНОСТЯХ В АРЗАМАСЕ

§ 12

ДОЛЖНОСТИ, ОТПРАВЛЯЕМЫЕ В АРЗАМАСЕ

Избранные Арзамасцы могут отправлять в Арзамасе следующие особенные должности:

- а) Председателя
- б) Секретаря и его помощника
- в) Представителей Арзамаса.

§ 13

О ПРЕДСЕДАТЕЛЕ

Председатель назначается по жеребью из всех наличных избранных Арзамасцев, кроме Секретаря или исправляющего его должность. Имена их запечатанные бросаются в урну; из них вынимает без выбора один кто-нибудь из природных наличных членов или Секретарь Арзамаса. Председатель назначается таким образом в конце каждого заседания и сохраняет сие звание до конца заседания следующего.

§ 14

Обязанности Председателя суть нижеследующие:

- а) Объявлять начало и конец заседания.
- б) Наблюдать в оных установленный порядок.
- в) Предлагать и постановлять вопросы.
- г) Объявлять решения Арзамаса.
- е) Раздавать по своему выбору входящие статьи на рассмотрение Представителям Арзамаса.
- ф) Отвечать на речи нововступающих членов.
- г) Назначать место заседания, в случае нужды перемещать день, или, с согласия Представителей, назначать чрезвычайные заседания.

§ 15

О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ АРЗАМАСА

Представители и поверенные Арзамаса составляют особенный отряд и заменяют собою все Общество в промежуток заседаний.

§ 16

Число их полагается не менее и не более семи.

§ 17

Они избираются наличными Арзамасцами по большинству голосов на семь лет. Все члены в запечатанных паке-

тах присылают на имя Секретаря имена предлагаемых ими пяти, шести или семи кандидатов, голоса собираются посредством балотирования, начиная с того кандидата, который предлагается большинством голосов членов, а в случае равенства по азбучному порядку имен.

§ 18

Обязанности Представителей суть следующие:

- а) Рассматривать критически входящие статьи, вручаемые им от Председателя.
- б) Сообщать об оных свое мнение в заседаниях Арзамаса изустно или письменно и не позднее как через три недели после получения статьи.
- в) Избирать между собою главных Редакторов Журнала.
- д) В случае нужды делать до общего заседания некоторые предварительные распоряжения и назначать вместе с председателями чрезвычайные заседания.

§ 19

Получив от Председателя статью для критического рассмотрения, каждый Представитель имеет право передать сию обязанность другому Представителю с его согласия.

§ 20

Если за отлучкою некоторых Представителей в отряде их останется менее 5 членов, то Арзамас для пополнения вышеозначенного числа избирает сколько должно Представителей временных, которые исправляют должность отсутствующих до их возвращения.

§ 21

О СЕКРЕТАРЕ И ЕГО ПОМОЩНИКЕ

Секретарь и его помощник избираются наличными Арзамасцами по большинству голосов навсегда и всегда из Представителей. Порядок при выборе их наблюдается тот же, который означен в § 17 для Представителей.

§ 22

При смене прочих Представителей через семь лет Секретарь и его помощник поступают без выбора в новый отряд Представителей.

§ 23

ОБЯЗАННОСТИ СЕКРЕТАРЯ СУТЬ СЛЕДУЮЩИЕ:

- а) Хранить все дела и бумаги Арзамаса.
- б) Принимать и распечатывать все пакеты на имя Общества.
- в) Представлять их Председателю и всем наличным членам в следующем заседании.

- д) В случае нужды представлять сии бумаги до заседания Председателю и Представителям.
- е) Когда нужно извещать письменно членов о дне и месте, назначенном для заседания по предписанию Председателя и Представителей.
- ф) Управлять канцелярию Общества.
- г) Принимать в сию канцелярию и отсылать из оной писцов и служителей по своему усмотрению, также заключать с ними договоры.
- h) Хранить суммы, принадлежащие Арзамасу, вести счета приходам и расходам Общества.
- и) Вести переписку с отсутствующими членами и другими корреспондентами Общества. Сия последняя обязанность разделяется между им и его помощником по общему их согласию. В отсутствии помощника Секретарь заведывает сию частью один.
- к) Получать от членов входящие статьи и доставлять их Председателю.
- l) Записывать замечания членов Представителей на рассмотренные ими статьи.
- m) Возвращать членам сочинения их для поправок и снова оные от них требовать.
- n) Сочинять протокол заседаний.
- o) Сбирать голоса и вместе с Председателем открывать шары.

§ 24

ОБЯЗАННОСТИ ПОМОЩНИКА СЕКРЕТАРЯ СУТЬ СЛЕДУЮЩИЕ:

- a) Вести переписку Общества вместе с Секретарем.
- b) Разделять труды Секретаря по мере его требований, возможности и приличия.
- c) В отсутствии Секретаря исправлять его должность и тогда называться временным Секретарем.

Глава IV

О ЗАСЕДАНИЯХ

§ 25

**СОСТАВ РА-
СЕДАНИЙ** Заседание составляется из Председателя, Секретаря, наличных Представителей и прочих наличных членов при-
родных и избранных.

§ 26

**РОДЫ ЗАСЕ-
ДАНИЙ** Заседания бывают обыкновенные и чрезвычайные.

§ 27

Обыкновенные заседания бывают каждую неделю по четвергам, если не случится непредвиденных препятствий.

§ 28

Чрезвычайные заседания бывают по особой повестке Секретаря.

§ 29

**ОТКРЫТИЕ
ЗАСЕДАНИЙ** Заседание открывается по приглашению и звонку Председателя.

§ 30

**ВРЕМЯ ЗАСЕ-
ДАНИЙ** Заседание начинается не позднее 8 часов, кончится не ранее 11. Члены съезжаются в половине 8.

§ 31

**ПОРЯДОК ЗА-
СЕДАНИЙ** Все члены садятся вокруг стола в следующем порядке: Председатель у верхнего конца, Секретарь напротив за другим концом. Возле Председателя члены природные по произволу. За ними члены избранные по азбучному порядку имен их; голоса также по азбучному порядку подаются, кроме Председателя и Секретаря, коих голоса всегда последние.

§ 32

Заседание начинается чтением протокола предшедшего заседания.

§ 33

Засим Секретарь объявляет о вступивших на имя Общества письмах и других вступивших бумагах. По приглашению Председателя он читает оные вслух.

§ 34

Потом Секретарь извещает Общество о сочинениях, полученных от членов и посторонних, а тем из наличных членов, кои не доставили положенной статьи в начале месяца, напоминает их обязанность.

§ 35

Председатель раздает полученные статьи на рассмотрение Представителей по своему выбору, как означено в § 14; он отмечает своей рукой на статье, какого числа и какому Представителю она выдана.

§ 36

Председатель спрашивает, которые из членов-Представителей принесли отданные им статьи с своими замечаниями; они отвечают один за другим по азбучному порядку. Секретарь записывает тем же порядком имена членов, кои принесли статьи, и названия рассмотренных ими сочинений.

§ 37

Председатель объявляет начало очередных статей.

§ 38

Представители читают статьи, рассмотренные ими, и сообщают Обществу свои замечания в том порядке, как имена их записаны Секретарем; начинают с тех статей, кои не могли быть прочтены в прошедшем заседании.

§ 39

По окончании своего чтения каждый Представитель объявляет решительно, должна ли по его мнению статья, им рассмотренная, быть помещена в Журнале Арзамаса и в каком виде. Секретарь записывает его мнение.

§ 40

Председатель спрашивает, кто из других членов намерен вступить в рассуждение о читанной статье и о мнении Представителя. Все члены, кроме автора рассматриваемой статьи, отвечают по азбучному порядку. Секретарь записывает имена желающих говорить.

§ 41

Председатель объявляет начало прений. Члены говорят по порядку, в коем записаны Секретарем. После всех говорит Представитель, рассматривавший статью. По окончании всех прений сам автор статьи приглашается Председателем объявить, согласен ли он с замечаниями других членов и желает ли сделать некоторые возражения.

§ 42

Председатель наблюдает за порядком во время прений и, когда почит нужным, объявляет, что прения прекращаются.

§ 43

По окончании прений Председатель постановляет вопрос: напр. согласны ли с мнением такого-то члена-Представителя. Секретарь собирает голоса, как означено в § 31, члены шарами отвечают да или нет.

§ 44

Представитель объявляет решение Арзамаса, и Секретарь записывает его. Таковой же порядок наблюдается в рассуждениях всякого рода.

§ 45

Начинается чтение следующих ~~определенных~~ статей в том же порядке и продолжается до половины 11-го.

§ 46

В половине 11-го Председатель, прекращая чтение, спрашивает членов, не намерены ли они сделать Обществу ка-

кого-нибудь предложения. Члены по азбучному порядку отвечают да или нет. Секретарь записывает имена их.

§ 47

Члены, объявившие, что хотят сделать предложение, по тому же порядку сказывают об оных или их читают. Председатель объявляет, в каком заседании и в какое время будет рассуждать о сих предложениях, наблюдая порядок, установленный в § 40, 41, 42, 43, и 44.

§ 48

К роду предложений принадлежат программы для сочинений. Всякий член обязан предложить одну такую программу в месяц.

§ 49

Третье заседание каждого месяца особенно назначается для предложения сих программ.

§ 50

Когда после довольных рассуждений Арзамас решит принять предложенную программу, то Председатель вызывает членов для сочинения статьи по сей программе. Члены отвечают по азбучному порядку да или нет. Одна программа может быть взята несколькими членами.

§ 51

Если ни один член не объявит желаний принять программу, то она отсылается в отряд Представителей; ими после совещания предлагается именно одному какому-нибудь члену, а буде он также откажется, то отдать Секретарю для хранения при делах Арзамаса. По прошествии некоторого времени Секретарь может напомнить о сей программе Обществу, и тогда она снова предлагается в общем собрании Арзамаса, таким же порядком, как означено выше.

§ 52

За сим Председатель по отношению Секретаря предлагает на рассуждение все дела и обстоятельства, для коих нужно решение Общества, наблюдая вышеустановленный порядок.

§ 53

По окончании их рассуждений Председатель объявляет конец заседания.

§ 54

В случае необходимой надобности Председатель может и прежде вышеозначенного времени объявить, что заседание

окончено, и таким образом потушить жар излишний в рассуждениях и спорах. Обыкновенно напоминает он о порядке посредством звонка, а вставая с места на время прекращает рассуждения. Он также встает с кресел, когда требует слова. Все Арзамасцы должны тогда в молчании уступить ему, но кроме чрезвычайных случаев Председатель всегда говорит последний.

§ 55

Всякий член имеет право закричать: к порядку, но только один раз, если не поддержан большинством наличных Арзамасцев.

§ 56

Когда рассуждают о сделанных членами предложениях, то Председатель прежде всего спрашивает: должно ли рассуждать о таком-то предложении такого-то члена? Если Арзамас решит, что нет, то предложение отвергается без дальнейшего рассмотрения.

§ 57

Все дела решаются наличными Арзамасцами по большинству голосов, кроме следующих случаев:

- а) Избрание новых членов,
 - б) Отменение некоторых пунктов сего Устава,
 - в) Прибавление новых пунктов к сему Уставу без противоречия с настоящими.
- В двух первых случаях необходимо единогласие всех находящихся в России наличных и отсутствующих членов. В 3-м случае нужны две трети голосов всех находящихся в России наличных и отсутствующих Арзамасцев.

§ 58

В случае равенства голос Председатель решит дело.

Глава V

О БИБЛИОТЕКЕ АРЗАМАСА

§ 59

Всякий Арзамасец избранный позволяет пользоваться своими книгами, сколько будет нужно, для успеха занятий Арзамаса.

§ 60

Сверх того, для исполнения обязанностей, принятых Арзамасом по § 4-му, те из достойных отличного уважения вновь выходящих книг и журналов, кои не могут быть доставлены Обществу одним из членов, должны быть покупаемы или выписываемы на счет всего Арзамаса, но не иначе, как по предложению отряда Представителей и с согласия большинства наличных членов.

Глава VI

О ИЗДАНИИ ТРУДОВ АРЗАМАСА

§ 61

Арзамас, как уже сказано в § 4 и 11, будет издавать Журнал. Издание начнется не позднее как в течение следующего 1818 года.

§ 62

Род сего Журнала в главнейших оного отношениях уже означен § 4; число издаваемых книжек, формы и название Журнала будут определены отрядом Представителей, когда сделаются все нужные предварительные распоряжения и когда соберется достаточное число материалов.

§ 63

Исполнив обязанность, возлагаемую на них предыдущим § 62, Представители на основании § 18 избирают между собою 4 редакторов Журнала. В числе сих редакторов должен всегда быть Секретарь Арзамаса.

§ 64

После избрания редакторов Представители уже не вмешиваются ни во что, принадлежащее к составлению и изданию Журнала.

§ 65

Из редакторов Журнала 3-м поручается часть литературная, т. е. составление книжек, а одному часть хозяйственная, т. е. все, что касается до печатания сих книжек, выдача оных, открытие подписки и проч.

§ 66

Редактор по части хозяйственной может по желанию его быть освобожден от других занятий по званию члена и Представителя.

§ 67

Редакторы по части литературной помещают в Журнале статьи, одобренные Арзамасом на основании § 34, 40, 41, 42 и 43 в том порядке, который более найдут сообразным с родом, формою Журнала и с вкусом Публики просвещенной. Всякой недостаток материалов особливо в том, что будет относиться к современной Словесности и Политике, они обязаны заменять собственными произведениями. На них возлагается ответственность за порядок, исправность и изящность издания, следовательно им поручается поддерживать честь Арзамаса.

§ 69

Если Редакторы захотят принять на свой счет все издержки касательно печатания и раздачи книжек, то прибыль Журнала будет принадлежать им.

Глава VII

О РАСХОДАХ АРЗАМАСА

§ 68

На издержки, означенные в § 23 и 60-м, т.-е. на переписку Арзамаса, покупку некоторых книг и журналов, жалованье переписчику и мелкие канцелярские расходы, все избранные Арзамасцы вносят ежегодно по 50 рублей. Эти деньги, как сказано в § 23, хранятся у Секретаря, состоя в его распоряжении и на его отчете.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Предложение» и «Формула торжественного обещания», — писанные рукою Д. В. Дашкова (арзамасское прозвище Чу), занимают листы первой и второй тетради «Арзамасских протоколов». Дата «лета 1-го, месяца 1-го, в день 2-й» — соответствует 2 октября 1815 года. Инициалы: А. Б. Л. обозначают «Арзамасских Безвестных Людей».

Д а ш к о в, Дмитрий Васильевич (1788 — 1839) — один из основателей и деятельнейших членов Арзамаса, литературный критик и теоретик, автор брошюры «О легчайшем способе возражать на критики» (1811), посвященной разоблачению научной беспочвенности филологических и литературно-теоретических построений А. С. Шишкова, сотрудник «Цветника», «Утренней Зари», «Северных Цветов», автор сатирической кантаты «Венчание Шутовского» (1815). После 1817 года от участия в общественно-литературной жизни отошел. В 1826 году назначен был товарищем министра внутренних дел, в 1832 году — министром юстиции. Намек на «Дневники американских путешественников» в «Сыне Отечества» объясняется статьями и корреспонденциями в последнем П. П. Свинына о Северо-Американских Соединенных Штатах.

Д е д С е д о й — Шишков, Александр Семенович (1754 — 1841) — адмирал, президент Российской Академии и председатель Беседы Любителей Русского Слова, один из идеологов националистическо-консервативного поместного дворянства первой четверти XIX ст., ярый крепостник, государственный секретарь с 1812 по 1814 год, министр народного просвещения и глава цензурного ведомства с 1824 по 1828 год, поэт, переводчик, литературный критик и теоретик, автор «Рассуждения о старом и новом слоге Рос. языка» (1803), ожесточенный противник всякого рода языковых и стилистических новшеств, борец за «простоту и ясность слога», литературный враг Карамзина и его школы. Свои теоретические положения подкреплял очень наивными лингвистическими толкованиями, а в полемике нередко прибегал к средствам политической дискредитации своих противников, беря под сомнение их патриотические и религиозные чувства.

К о м и к Ш у т о в с к и й — Шаховской, Александр Александрович (1777 — 1846), князь — член Российской Академии и Беседы, драматург и режиссер, вдохновитель всей театральной политики с 1802 по 1818 и с 1821 по 1825 годы. Выступая против Карамзина и карамзинистов, Шаховской в «Новом Стерне» (1805) осмелел карамзинский сентиментализм; «Расхищенные шубы» (1811 — 1815) и «Липецкие Воды» (1815) были им направлены против карамзинистов же и в частности против В. А. Жуковского. Ответом на «Расхищенные шубы» была эпиграмма П. А. Вяземского:

С какою легкостью свободной
Играешь ты в стихах природой и собой,

Ты в «Шубах» Шутовской холодной,
В «Водах» ты Шутовской сухой.

Общество Любителей Словесности, Наук и Художества, — основанное в 1811 году, занимало позицию, дружественную «Беседе». Органом Общества после «Периодического издания» был «С.-Петербургский Вестник» (1813 год).

Богиня Славена — олицетворение идеи славянофильства, которая проводилась Шишковым и его последователями. Возможно, что арзамасцы взяли это выражение в насмешку из «Песни Россу» С. А. Шириного-Шихматова:

Протек и гнусная измена
Ему уговоряла путь;
Но слава мощного славена
Грызет завистливую грудь.

Глазунов, Иван Петрович (1762 — 1831) — владелец старинной книжной фирмы, основанной в Москве в 1782 году и перенесенной в Петербург в 1788 году; лавка помещалась в Аничковом доме, принадлежавшем Потемкину (ныне Государственная Публичная Библиотека).

Бесы и привидения баллады — разумеются баллады В. А. Жуковского.

Хлыстов — граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757 — 1835) — поэт и переводчик, снискавший широкую известность бездарного графомана; член Российской Академии и Беседы Любителей Русского Слова.

Барабанов — Карабанов, Петр Матвеевич (1765 — 1829) — поэт и переводчик, член Российской Академии и Беседы Любителей Русского Слова.

Слово «Славянофиль» впервые появилось в литературе («я есмь зело славянофил») в сатире Батюшкова: «Видение на берегах Леты» (1809 года).

2. Предложение, писанное рукою С. С. Уварова (арзамасское прозвище «Старушка»), занимает лист сто семнадцатый тетради «Арзамасских Протоколов». Дата — 7 октября 1815 года.

Уваров, Сергей Семенович (1786 — 1855) — член Арзамаса, автор специальных работ по классической филологии и археологии, попечитель С.-Петербургского учебного округа (1810 — 1821) и президент Академии Наук (с 1818 г.), впоследствии один из идеологов николаевской реакции, министр народного просвещения и глава цензурного ведомства (с 1833 по 1849 год), прокламировавший известный лозунг николаевской государственности — «православие, самодержавие и народность»; гонитель Пушкина, заклеившего его в сатире «На выздоровление Лукулла» (1835).

Видение — «Видение в какой-то огаде», соч. Д. Н. Блудова, написанное в 1815 году в ответ на «Липецкие Воды» Шаховского. Напечатано В. И. Саитовым в «Остафьевском Архиве кн. Вяземских». СПб 1899. 1, стр. 409 — 413.

3. Донесение, писанное рукою В. А. Жуковского (арзамасское прозвище «Светлана»), занимает лист сто восемнадцатый тетради «Арзамасских Протоколов». Дата — 9 октября 1815 года.

Липецкий потоп — «Липецкие Воды или Урок кокеткам», комедия

в 5 действиях, в стихах, кн. А. А. Шаховского, где осмеивался Жуковский, была поставлена на сцене 23 сентября 1815 года.

4. Протокол первого совещания арзамасцев, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает листы третий и четвертый тетради «Арзам. Прот.». Дата совещания — 14 октября 1815 года.

Один из членов — С. С. Уваров (речь не сохранилась). Халден — так арзамасцы называли членов Российской Академии и Беседы Любителей Русского Слова. Халден (в древности) на ряду с магами, друндами и др. — жрецы, гадалщики, толкователи снов и знаменый всякого рода, эксплуатировали суеверие и невежество народных масс. У Даля — халдить — нахальничать. Халда — грубый, наглец, горлан.

Псалом Давида: «Аще забуду тебя, Иерусалиме, забвенна будет десница моя» (Пс. 136, 5.)

Красная шапка (или колпак) — головной убор революционных яacobинцев. Под красным колпаком произносили клятву при вступлении в Арзамасское Общество. На провинившихся арзамасцев надевали белый колпак, красный же являлся необходимою принадлежностью (по ритуалу Общества) председателя.

Вкусный потрох — Гор. Арзамас Нижегород. губ. славился гусями.

«Перегордка с дирию» — См. «Видение» Д. Н. Блудова.

Преобразование из ветхих арзамасцев в новых — Арзамасское Общество объединило в 1815 году как прежних бойцов за «новый слог», так и более молодых писателей, воспитывавшихся под влиянием нового литературного направления. См., например, далее речь Блудова (Кассандры), где он говорит: «О, друзья-товарищи, давно я исполняю сию священную обязанность: и Арзамаса еще не было, а я служил Арзамасу». То же — в переписке П. А. Вяземского и А. И. Тургенева и в «Записной Книжке» П. А. Вяземского.

«Превосходительствами» арзамасцы называли себя, пародируя важность заседаний Российской Академии и Беседы Люб. Рус. Слова.

Чу — Дм. Васил. Дашков, Старушка — Сергей Сем. Уваров, Кассандра — Дм. Ник. Блудов, Громобой — Степ. Петр. Жихарев, Эолова Арфа — Алекс. Ив. Тургенев, Светлана — Вас. Андр. Жуковский.

Четыре отсутствующих арзамасца В. Л. Пушкин, П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков и Д. В. Давыдов.

Отечественный Арзамас — Гор. Арзамас Нижегородской губ. Les sots sont ici bas — стих из комедии Грессе «Le méchant». Определение Грессе как покойного арзамасца очень характерно для всего кружка.

5. Протокол первого заседания Арзамаса, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает листы пятый и шестой тетради. Дата заседания — 22 октября 1815 года. На листе двенадцатом тетради «Арз. Прот.» сохранилась сокращенная редакция предложения о приеме в Арзамас Ф. Ф. Вигеля (п. 7 Протокола).

Кассандра — Блудов, Дмитрий Николаевич (1785 — 1864) — чиновник министерства иностранных дел, двоюродный брат драматурга В. А. Озерова, блестящий оратор и остроумец, редактор посмертного тома «Истории госуд. российского» Карамзина; принял на себя в 1826 году

составление «Донесения Следственной Комиссии» по делу декабристов, разошелся с большою частью своих товарищей по Арзамасу, но сделал блестящую административную карьеру, занимая должности товарища министра народного просвещения, министра внутренних дел (с 1832 по 1839 год), председателя Государственного Совета и Комитета Министров, а под конец жизни (с 1855 года) — президента Академии Наук.

Г р о м о б о й — Жихарев, Степан Петрович (1787—1860), товарищ Жуковского, Тургеневых и Дашкова по Московскому Университетскому Пансиону, чиновник Коллегии Иностранных Дел и Министерства Юстиции, известный театрал и переводчик пьес французского классического репертуара; до вступления в Арзамас был членом «Беседы» (в виду чего и был присужден к чтению собственной «отходной»); впоследствии сенатор, автор «Воспоминаний старого театрала» и «Дневника студента».

Н о в ы й ч л е н — кандидатуру которого в Арзамасе поддерживали Дашков и Жуковский, был Вигель, Филипп Филиппович (1786—1856), петербургский чиновник, впоследствии бессарабский вице-губернатор, директор Департамента иностранных исповеданий, знакомец Пушкина и адресат его послания «Проклятый город Кашинев», автор известных «Записок».

Проект печати — предложенный С. С. Уваровым — см. репродукцию диплома, поднесенного арзамасцами Карамзину («Старина и Новизна 1907»).

«Халдей с грузным толстопузирем» — А. А. Шаховской, отличавшийся тучностью.

Строка «убирается ли халдей тремя хохлами» имеет в виду, вероятно, Ф. Львова — члена Беседы, поместившего в «Чтен. Бес. Люб. Рус. Слова», СПб. 1813 г. «Письма к графине Н. Н. из Архангельска», где упоминал и о себе:

Прикажите меня нарисовать...
В черном вытертом кафтане,
А парик на мне хохлом...

«Старик везде и нигде» — заглавие повести Шписа. (М. 1809 и 1817).

И в и к о в Журавль или Две огромные руки — за Вигелем осталось только первое прозвище; второе же было впоследствии дано А. Ф. Воейкову наряду с другим «Дымная Печурка».

«Conservateur Impartial» — официальный журнал, издававшийся в Петербурге (1813—1826), впоследствии переименованный в «Journal de St.-Petersbourg».

6. Донесение, писанное рукою В. А. Жуковского, занимает лист сто девятнадцатый тетради «Арз. Прот.» Дата 29 октября 1815 года.

7. Протокол второго заседания Арзамаса, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает лист седьмой тетради «Арзам. Прот.» Дата 29 октября 1815 года.

М и л ы й п е в е ц Беседы — кн. А. А. Шаховской.

8. Речь члена Чу, писанная рукою Д. В. Дашкова, занимает листы восьмой — десятый тетради «Арз. Прот.»

А с м о д е й — кн. П. А. Вяземский. См. его эпиграмму «Венок Шутовскому» (Полн. Собр. соч., т. III).

Великие подвижники — члены Беседы Любителей Русского Слова.

«Храм священного забвения» — Беседа Любителей Русского Слова.

«Венок от руки любезного клеветы» — намек на венчанье венком А. А. Шаховского после первого представления пьесы «Липецкие Воды». «Лицо подающего» — венок надевала на Шаховского жена Петербургского гражданского губернатора Варв. Ив. Бакунина, сестра П. И. Голенищева-Кутузова.

«Храм, коего святыня редко присутствием иноплемennых оскверняется» — намек на малочисленность посещений заседаний Беседы не членами ее.

«И землю, усеянную свежими маками». Семена мака употребляются для выделки снотворного питья. Мед и пшено — кутья при поминании покойников.

«Певец шуб холодных» — А. А. Шаховской.

«Сопричла меня таинственному лику своих сотрудников». — С А. А. Шаховским в III Разряде Беседы были: председатель А. С. Хвостов, члены кн. Б. В. Голицын, С. С. Филатов, С. Н. Марин, П. И. Соколов.

Мститель — А. А. Шаховской. «Потоки воды» — комедия «Липецкие Воды».

«Оратор Беседы, житель лугов пустынных» — И. С. Захаров, член Беседы. См. Батюшкова «Певец в Беседе Славянороссов».

Хвала, псаломщик наш, старик,
Захаров — преложитель,
Ревешь ты как на волка бык,
Лугов пустынных житель.

«Осьмое чудо света безглагольный» — кн. С. А. Ширинский-Шихматов, У Батюшкова:

Ошую пусть сидит с тобой
Осьмое чудо света
Твой сын, наперсник и клевет,
Шихматов безглагольный...

«И ты тучный» — вероятно, Карабанов, которого Батюшков называет «тельцом упитанным».

«Родитель шуб холодных» — А. А. Шаховской. У Батюшкова:

Хвала тебе, о Шаховской,
Холодных шуб кроитель,
Отец талантов, муж прямой,
Ежовой покровитель.

«Бессловесный сеид Беседы» — ее секретарь П. И. Соколов. «Славянофил Еродий, председательствующий ими» — А. С. Шишков — председатель Беседы. «Спите, сыны тления». — См. В. А. Жуковский «Мысли на кладбище».

9. Ответ Кассандры на речь члена Чу, писанный рукою Д. Н. Бладова (лишь заголовок надписан В. А. Жуковским), занимает листы десятый и одиннадцатый тетради «Арз. Прот.»

Украшение якобинцев. — Председательствующий, как и очередной оратор, избирался по жребию, при чем жребий вытаскивался из красного колпака (головной убор якобинцев).

Три Петриады — 1) «Петр Великий», соч. Сладковского (1803); 2) «Петр Великий», соч. С. А. Ширинского-Шихматова (1810); 3) «Петриада», поэма А. Н. Грузинцова.

К. Н. Батюшковым были написаны две эпиграммы:

Совет эпическому стихотворцу

Какое хочешь имя дай
Твоей поэме полудикой:

«Петр Длинный», «Петр Большой», но только «Петр Великий» ее
не называй.

На поэмы Петру Великому.

Как странен здесь судеб устав.
Певцы Петровых дел — несчастья жертвы:
Наш Пиндар кончил жизнь, поэмы не скончав,
Другие живы все, но их поэмы мертвы.

Сентенция Вольтера — «Одна добродетель — благотворение» взята из «Dictionnaire philosophique» под словом Vertu: «La bienfaisance est donc la seule vraie vertu».

«Сердце мудрых в дому плача» — Соломон, «Екклесиаст», 7, 5.
«Старец, проведший дни свои в служении Музам» — Д. И. Хвостов.

Гроб Мольера. — Мольер был отлучен от церкви за нападки на духовенство («Гартюф», «Школа жизни»), в виду чего парижский архиепископ воспретил хоронить его на кладбище и совершать над ним богослужение, и только по приказанию Людовика XIV он был погребен поздно вечером на кладбище.

«Суворов мне родня и я стихи плету» — стих Д. И. Хвостова.
«Полная биография в нескольких словах», заметил Блудов: «тут в одном стихе все, чем он гордиться может и стыдиться должен». (П. А. Вяземский. Полн. Собр. соч., т. VIII, стр. 125).

«Предрекая свой новый титул Чу» — арзамасское прозвище Дашкова.

«Пророческая речь среди словесников» — речь Дашкова, читанная им 14 марта 1812 года в Обществе Любителей Словесности, Наук и Художеств по поводу избрания гр. Д. И. Хвостова в почетные члены. Д. В. Дашков, бывший членом Общества, противился избранию Хвостова, но должен был подчиниться большинству голосов. Тогда он вызвался приветствовать новоизбранного члена и в его присутствии сказал ему речь, внешне похвальную, но заключающую в себе сплошную и ядовитую насмешку над литературною деятельностью Хвостова. За эту речь Дашков был исключен из числа членов Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств.

Сардинский граф — Д. И. Хвостов.

Славный комик — А. А. Шаховской.

Отважное письмо. — Д. В. Дашков напечатал («Сын Отечества» 1815 № 42, стр. 140—148) резкое «Письмо к новейшему Аристофану», заключающее в себе упреки по адресу Шаховского в зависти и недобро-

желательстве к вновь появляющимся талантам, а также в злоупотреблении своим положением заведующего репертуаром в том смысле, что часто ставил на сцене свои пьесы наперекор вкусам публики.

«Как часто редкий перл волнами сокровенный» — стих В. А. Жуковского из «Сельского кладбища».

10. Ответ Светланы на речь Громобоя, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает листы двенадцатый и тринадцатый тетради «Арз. Прот.».

«Брат усопший, брат воскресший» — и т. д. Строки эти относятся к С. П. Жихареву, который был прежде сотрудником Беседы (см. выше, стр. 262).

«Атрей» — трагедия Кребийона, которую перевел Жихарев. «Розовый Чорт» — комедия Жихарева, переделанная из французской оперы; «Барды» — его же поэма.

Кашкин, Василий Тимофеевич — столоначальник 2-го отделения Медицинского Департамента, заведующий типографией последнего.

«Я в шубе» — намек на «Расхищенные шубы» А. А. Шаховского.

«Это храм Славы» и т. д. — намек на «Храм славы российских царей от времен Гостомысла до царствования Романовых», изданный П. Ю. Львовым, автором «Русской Памелы», поэтом, беллетристом и журналистом, членом «Рос. Академии» и «Беседы». Другой — Д. И. Хвостов.

Германская Луиза — «Луиза» Иоганна-Генриха Фосса, сельское стихотворение, написанное гекзаметрами, русский перевод Павла Теряева. Липецкий потопитель — А. А. Шаховской.

11. Надгробное слово, писанное рукою С. П. Жихарева, сохранилось на листе четырнадцатом тетради «Арз. Прот.».

С. П. Ж. — у Степану Петровичу Жихареву; Жихарев произносит надгробное слово самому себе, как бывшему беседчику.

«Ныне отложивше» и пр. — Послание к Ефессянам 4 гл., ст. 22 и 24; Послание к Колоссянам 3 гл., ст. 9.

Политковский, Гавриил Герасимович (род. ок. 1770 г., ум. 1824 г.) — член Беседы, писал оды, драматические произведения, песни. Галинковский, Яков Андреевич (1777 — 1815), сотрудник Беседы, переводчик Виргилия, употребивший для перевода гекзаметры раньше Гнедича.

Непонятные Барды — намек на поэму Жихарева «Барды».

Лукицкий, Аристарх Владимирович (1778 — 1811) — переводчик многочисленных пьес с французского; издавал журнал «Северный Меркурий».

Шеллер, Александр Иванович, Кобяков, Петр Николаевич, и Лифанов, Евграф — трехстепенные переводчики драматических произведений.

Краснопольский, Николай Степанович (1775 — 1830) — драматург и переводчик.

Потемкин, Сергей Павлович (1787 — 1858), граф, сотрудник Беседы; в сотрудничестве с П. П. Шапошниковым перевел трагедию «Гофолия». Маленький Капнист — Семен Васильевич Капнист (1791 — 1843), сын знаменитого автора «Ябеды», поэт, сотрудник Беседы.

«Гроб твой безмолвный» и пр. — Стих из «Вадима» В. А. Жуковского.

«Приди заблудшая овца». — Вероятно, текст комбинирован: «Бесте бо, яко овцы заблудшие, не имуща пастыря» (Послан. Петра, I, гл. 2, стр. 25) и: «Рече же к нему господь: иди, яко сосуд избран ми еси сей» (Деяния, гл. 9, ст. 15).

«Аще ополчится». — «Аще ополчится на мя полк, не убьется сердце мое». Пс. 26, ст. 3.

Висковатов, Степан Иванович (1786 — 1831), сотрудник Беседы, автор и переводчик псевдоклассических трагедий, впоследствии секретный агент III Отделения.

Корсаков, Петр Александрович (1790 — 1844), сотрудник Беседы, стихотворец и журналист, автор патриотических романсов; впоследствии цензор.

«Злато в горниле искушено». — «Да явится, яко злато искушено в горниле» — Повесть временных лет под 6604 г. (Радзивилловский список).

12. Протокол третьего заседания Арзамаса, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает лист пятнадцатый тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 11 ноября 1815.

Граф Скотолоуб Дмитрий Кубрский — граф Д. И. Хвостов, «певец Кубры» (реки, у которой расположена была его усадьба). «Скотолоубом» назван потому, что к «Притчам» Хвостов избрал эпиграф: «Все звери говорят, а сам молчит поэт».

Краткая речь — Д. В. Дашкова, о которой отмечено в § 2 протокола, не сохранилась.

Воинствующий лягушенок — Михаил Николаевич Загоскин — драматург, близкий в это время к кругам «Беседы», впоследствии известный романист.

Халдейская синагога — «Беседа Любителей Русского Слова».

13. Речь Светланы, писанная рукою В. А. Жуковского, сохранилась на листах шестнадцатом и семнадцатом тетради «Арз. Прот.».

Желтый дом сумасшествия. — Недалеко от дома Державина, где собирались заседания Беседы, был дом умалишенных.

«Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» — книга А. С. Шишкова.

«Две статьи, переведенные из Лагарпа с примечаниями» А. С. Шишкова. — Д. В. Дашковым была написана критическая статья на эти примечания.

Первый — А. А. Шаховской; Другой — П. Ю. Львов; Третий — И. С. Захаров; Четвертый — А. С. Шишков; Пятый — кн. С. А. Ширинский-Шихматов.

«Сей, сохранивший природный свой образ» — Д. И. Хвостов. Готическая эпитафия. — Слово «Готическая» употреблено в смысле устарелой формы. Д. И. Хвостов имел обыкновение писать старым стилем и своими стихотворениями предупреждал события; так, ода на бракосочетание в. кн. Николая Павловича была им написана еще до совершения брака.

Кощей бессмертный — и пр. Относится также, конечно, к Д. И. Хвостову. На немецкий язык были переведены стихи Хвостова, посвященные Екатерине Павловне, королеве Виртембергской, и Александру I. «Что делаем скоты...» — перефразировка из речи Феофана Прокоповича на смерть Петра I.

Все подчеркнутые в тексте слова взяты Жуковским из следующих басен Хвостова: «зацепивший за ветку» и далее — «Осел и Рябина». Избранные Притчи гр. Д. Хвостова. 1802 г. стр. 205, «Прянул с рябины» и далее — «Осел и Рябина»; «Как сумасшедшая летучая мышь» и далее — «Летучая Мышь»; «Стонала... горестная... недавно одолевшая свинья» — «Орлица, Веприца и Кошка»; «Сука — добрый человек» — «Сука и Щенята»; «Заяц — комолая птица» — «Заячи Уши»; «Лупит им в набат» — «Совет Мышей»; «Туфля» — Эмпедокл и Туфли; «Уединенное лукошко» — «Мыши и Орехи»; «Кому противно что» — Мыши и Орехи; «Лягушка и Бык»; «Разборчивая Невеста»; «Туча, Горы и Куча»; «Кривая Лисица»; «Табашник и Борей»; «Лещ и Лещата»; «Хвастливая Лягушка»; «Две Сумы»; «Падагра и Паук»; «Болван и Богомольцы»; «Собака без ушей»; «Два Голубя»; «Два Пешивые»; «Солнце и Молния». «Мыши лишились своего благотворителя». — Мышам Д. И. Хвостов посвятил особенно много басен.

14. Протокол четвертого заседания Арзамаса, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает листы восемнадцатый и девятнадцатый тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 18 ноября 1815 года.

Гвардии прапорщик Павел Петрович Писемский — племянник Д. Н. Блудова.

Граф Бюффон (1707 — 1788), знаменитый французский ученый натуралист.

«Похвала женам» — слово произнесенное в Беседе Любителей Русской Словесности, сочинение сенатора Захарова. СПб. 1811.

«Рассуждения о старом и новом слоге» — трактат А. С. Шишкова.

Германский арзамасец — Гердер, автор «Парамифий». П. А. Вяземский в статье «Об альманахах 1827 года» упоминает, что Дашкову принадлежит рукописный перевод Парамифий Гердера. Вероятно, этот перевод предназначался для литературного сборника, который собирался издавать Жуковский в 1817 — 1818 годах.

15. «Речь Кассандры» — на заседании Арзамаса 18 ноября 1815 года, писанная рукою Д. Н. Блудова, печатается с автографа, хранящегося в Пушкинском Доме.

Дерзкий воин — Наполеон Бонапарт.

Невинный драматург — кн. А. А. Шаховской.

«Черный конь почтенной старушки» — см. В. А. Жуковского «Баллада о том, как одна старушка ехала на черном коне, и кто сидел впереди».

Сир Гор Узелей — английский посол в Персии при Фетх-Али-Шахе (1762 — 1832).

«Геофила, сияющая в Пензе» — см. Записки Ф. Ф. Вигеля. Другой Хвостов — Александр Семенович Хвостов (1753 — 1820), поэт и переводчик, член Рос. Академии и Беседы.

16. Протокол пятого заседания Арзамаса, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает листы двадцатый и двадцать первый тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 25 ноября 1815.

Заморская покойница — Буннина, Анна Петровна (1774 — 1828), поэтесса и переводчица, член Беседы Любит. Рус. Слова. Увековечена в эпиграмме К. Н. Батюшкова:

Мадригал новой Сафе

Ты — Сафо, я — Фаон; об этом я не спорю.
Но к моему ты горю,
Пути не знаешь к морю.

Очарованный Челнок — арзамасское прозвище Полетики, Петра Ивановича (1778 — 1849), талантливого дипломата, автора нескольких политико-экономических трактатов, впоследствии (с 1817 по 1822) русского посланника в Соед. Штатах, либерального сенатора.

Резвый Кот. — Прозвище это получил при вступлении в Арзамас Дмитрий Петрович Северин (1791 — 1865), чиновник Коллегии Иностранных Дел и сотрудник «Вестника Европы» 1808 — 1811 годов, впоследствии русский посол в Швейцарии и Баварии. Против Северина направлена эпиграмма Пушкина «Ваш дед портной, ваш дядя повар» и пр. (1825 г.)

17. Протокол экстраординарного заседания Арзамаса, писанный рукою В. А. Жуковского, сохранился на листе двадцать первым тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 9 декабря 1815. Дымная Печурка — Воейков, Александр Федорович (1779 — 1839) — поэт, переводчик и журналист, автор известных сатир «Парнасский Адрес-Календарь» и «Дом сумасшедших».

18. Речь члена Старушки, писанная рукою С. С. Уварова (за исключением заголовка, вписанного В. А. Жуковским), занимает листы с двадцать второго по двадцать пятый включительно тетради «Арз. Прот.» Эпиграф взят из «Le time» Петрарки, sonetto 294, строфа IV. Нежная скромная певица — А. П. Бунина (см. выше, стр. 267). Зимний холод и др. — строки, печатаемые разрядкой, С. С. Уваров взял из сочинения А. С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» (Собран. детских повестей, ч. I, СПб. 1806).

«Плодиться» — неоднократно повторяемое выражение Буниной в предисловии к ее сочинению «Фаэтон», где она говорит об участии в ее работе А. С. Шишкова («Неопытная Муза» А. Буниной, ч. II. СПб. 1812).

Батилл Ша — кн. Серг. Алекс. Ширинский-Шихматов; Батилл — римский поэт времени Августа, который приписывал себе стихи Вергилия, а сам был плохим поэтом.

Сарматская прелестница — вероятно, вторая жена Шишкова — полька Лобаржевская, о которой биограф Шишкова Стоюнин говорит, что неизвестно, когда и как познакомился с ней Шишков. Н. И. Греч в своих «Записках» указывает, что «Булгарин был знаком с Лобаржевскою и чрез нее втерся к старику».

Родитель холодных шуб — А. А. Шаховской.

Лабзин, Александр Федорович (1766 — 1825) — писатель, видный масон, издатель «Сионского Вестника».

Два Хлыстова — гр. Д. И. Хвостов и А. С. Хвостов.

Беседная Дидона — А. П. Бунина.

И все, что жизнь сулит... — стих из «Славянки» Жуковского.

«Неопытная Муза», «Падение Фаэтона» и «Пекинское Ристалище» — произведения А. П. Буниной.

«Письма из Москвы в Нижний Новгород» — в С. Оте-

чества» печатал в 1814 году И. М. Муравьев-Апостол (1765 — 1851), член Российской Академии и Беседы, отец будущих декабристов.

19. Ответ члена Чу Старушке, писанный рукою Д. В. Дашкова (заголовок речи вписан В. А. Жуковским), сохранился на листах двадцать шестом и двадцать седьмом тетради «Арз. Прот.»

К Коломне ли принадлежит он? — К Коломенской части принадлежала часть Фонтанки, где помещался дом Державина, в котором происходили заседания Беседы.

«По моде 1765 года». — Вольно-Экономическое Общество основано в 1765 году.

Нартов, Андрей Андреевич (1757 — 1817) — президент Российской Академии, поэт и переводчик; был близок с А. С. Шишковым. К. Н. Батюшков в письме к Н. И. Гнедичу насмешливо пишет про него: «А Кузьма, что сидит в креслах на Васильевском острове возле Биржи, мастер писать. Хоть с виду и не хитер, а ума палата».

«Ту буква, которую седой Мешков столь остроумно назвал отличительным знаком вещей круглых». — А. С. Шишков в книге «О старом и новом слоге» сравнивает развитие значений слова с кругами, расходящимися на поверхности воды, когда в нее брошен камень.

Благословенный день обновления Арзамаса — С. С. Уваров произносил речь 14 октября 1815 года на предварительном заседании арзамасцев.

Черный конь — См. балладу Жуковского: «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди».

Спутница — А. П. Бунина.

Оратор вольных каменщиков — Д. И. Хвостов.

Слова Каллона (1734 — 1802) — известный ответ генерального контролера финансов Марии Антуанетте: «Madame, si c'est possible, c'est fait, si c'est impossible cela se fera».

В. А. Ж. — Василий Андреевич Жуковский.

20. Протокол шестого заседания Арзамаса, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает лист двадцать восьмой тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 16 декабря 1815.

Гимн — «Певец в Кремле» В. А. Жуковского, написанный в конце 1814 года.

21. Речь Кассандры, писанная рукою Д. Н. Блудова, сохранилась на листах двадцать девятом и тридцатом тетради «Арз. Прот.» «Как грязный Хвостов» в «Певце» Батюшкова». — К. Н. Батюшков в своем «Певце в Беседе Славянороссов» писал о Хвостове:

Хвала, читателей тиран,
Хвостов неистощимый,
Стихи твои, как барабан,
Для слуха нестерпимы.
Везде с стихами, тут и там,
Везде ты волком рыщешь,
Пускаешь притчу в тыл врагам,
Стихами в уши свищешь.
Лишь за поэму — прочь идут,
За оду — засыпают,

Ты за посланье — все бегут
И уши затыкают.

Di, quibus impetium и пр. — Перевод:

Боги, властители вы и душ и теней молчаливых,
И с Флегетоном Хаос, место ночного безмолвья,
Будь дано мне сказать, что слышал: при вашем наитьи
Вскрыть дела, что в земной глубине и во мраке таиться.

(Энеида — *Виргилия*, книга 6, ст. 264 — 267; перевод А. Фета).
Захаров, Иван Семенович (ум. 30 января 1816) — председатель IV Разряда Беседы, член Рос. Академии, известный своим многочисленными переводами из Геснера, Томаса, Фенелона, Смолетта, Арно, Ж.-Ж. Руссо, Дезульера, Оссиана, Жанлис и др. Оригинальных произведений у Захарова немного; среди них «Похвала женам». Захаров скончался вскоре после шуточной надгробной речи, произнесенной Д. Н. Блаудовым на заседании Арзамаса, что тогда же было отмечено А. С. Пушкиным

... Где славил наш Тиртей кисель и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра.

Львов, Федор Петрович. — О нем см. выше, стр. 262.
Река, имя которой вам известно — Фонтанка.
Армида — волшебница, героиня «Освобожденного Иерусалима» Тассо.

Кикин, Петр Андреевич (1775 — 1834), член Беседы Любителей Рус. Слова, один из ревностнейших пропагандистов идей Шишкова, основатель Общества поощрения художеств.

«Певец беззлого льный» — князь С. А. Ширинский-Шихматов.
Лобанов, Михаил Евстафьевич (1787 — 1846) — драматург и переводчик «Ифигении в Авлиде» и «Федры» Расина, член Рос. Академии, биограф Гнедича и Крылова.

Званка — имение Г. Р. Державина в Новгородской губ.
«Лебедь» — стихотв. Державина, подражание Горацию.
«Высмылка французов». — Автор этого произведения не установлен.

«Родительницы всего человечества». — «Обратливость», «Чувствлища», «Старец женского пола», «О достоудный хвалитель наш» и все подчеркнутые далее слова и обороты — из сочинения Захарова «Похвала женам». Наследник незабвенного — И. М. Муравьев-Апостол, заместитель И. С. Захарова, как председателя Разряда в Беседе Любителей Русского Слова.

22. Ответ члена Чу Кассандре, писанный рукою Д. В. Дашкова (заголовок речи сделан В. А. Жуковским), сохранился на листе тридцать первом тетради «Арз. Прот.».

Каченовский, Михаил Трофимович (1775 — 1847) — профессор Московского университета, историк и литературный критик, редактор «Вестника Европы».

«Возражения против возражения» — намек на привычку А. С. Шишкова издавать многочисленные полемические прибавления к своим сочинениям.

Нелединский-Мелецкий, Юрий Александрович (1751 —

1828) — поэт, автор популярных романсов и подражаний народным песням, высоко ценимый арзамасцами.

Дмитриев, Иван Иванович (1760 — 1837) — поэт и баснописец, близкий вождям Арзамаса и высоко ценимый ими: «И. И. Дмитриев, действительный поэт I-го класса. По прошению уволен от поэзии в царство дружбы и славы, с ношением лаврового венка». («Парнасский Адрес-Календарь» А. Ф. Воейкова.)

Округлоплатная золотая медаль — выдавалась Академией за лучшие сочинения.

«Амфион» — журнал, издававшийся в 1815 году А. Ф. Мерзляковым и Ф. Ф. Ивановым.

Общество Любителей Словесности, Наук и Художеств — называлось Михайловским, потому что заседания происходили в одной из зал Михайловского замка.

Фисавр — сокровище.

23. Протокол седьмого заседания Арзамаса, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает лист тридцать второй тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 24 декабря 1815.

Ресторан «Город Лондон» — помещался на Невском против Адмиралтейства, основан в конце XVIII в.

Прекрасная басня Крылова — «Кот и Повар».

24. Протокол восьмого заседания Арзамаса, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает лист тридцать третий тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 24 февраля 1816.

Асмодей — князь Вяземский, Петр Андреевич (1792 — 1878), поэт и критик, один из деятельнейших членов Арзамаса и блюстителей его традиций, воспитаник Карамзина, друг Жуковского, А. И. Тургенева, Пушкина, инициатор и вдохновитель «Московского Телеграфа» в первые годы его издания, ближайший сотрудник «Литерат. Газеты» и «Современника». О роли его в Арзамасе см. Вводную статью.

Ф. Ф. Вигель сообщает, что Вяземский не был подвергнут тем «испытаниям», которые отмечены в протоколе от 24 февраля, и что Жуковским «прописан был весь этот обряд, якобы совершенный» и над Вяземским лишь для введения в заблуждение В. Л. Пушкина. Был ли и Вяземский подвергнут особому обряду принятия или только для Пушкина занесли об этом в протокол, сказать трудно; последнее мнение опровергается сообщением, что «на приеме» Вяземского Пушкин мог и сам присутствовать, раз он приехал уже в Петербург. Правда, подписи его под протоколом, относящимся к принятию Вяземского, нет, но обыкновенно подписывали протокол не все присутствовавшие, а лишь уже принятые члены, имевшие наименование; кроме того, подписывали протоколы вообще очень небрежно; так, из протоколов нередко видно, что на заседании были лица, подписей которых вовсе не имеется; отсутствуют иногда даже подписи хозяина квартиры, в которой происходило заседание.

«Историограф клеветы» — П. И. Голенищев-Кутузов. О нем см. далее, стр. 272.

Вот — В. Л. Пушкин. О нем см. далее, стр. 272 и слл.

«Кто сидел впереди» — См. балладу Жуковского: «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди».

25. Речь члена Асмодеев, писанная рукою кн. П. А. Вяземского (заголовок сделан В. А. Жуковским), занимает листы тридцать четвертый и тридцать пятый тетради «Арз. Прот.».

Каргузов — куратор — Голенищев-Кутузов, Павел Иванович (1767 — 1829), куратор Московского университета, один из идеологов реакционной дворянской общественности нач. XIX века. Писал оды, переводил стихотворения Сафо, сочинения Пиндара, Гезиода, элегии Катулла и Тибулла, Метаморфозы Овидия. Участвовал в издании журнала «Дух просвещения». Почетный член Академии Наук и действительный член Российской Академии, член Беседы. О нем см. Вводную статью.

«О радость, о восторг. И я, и я прии» — цитата из послания «К любителям Муз» В. Л. Пушкина (подражание Горацию).

«Au banquet de la vie infortuné convive» — стих Жильбера из «Ode imitée de plusieurs psaumes.»

«Непременный секретарь» — П. И. Соколов.

«Туша, плавающая в воде» — А. А. Шаховской.

«Рыжий муж» — П. И. Голенищев-Кутузов.

«Покоится костям его на безвестном сельском кладбище» — Голенищев-Кутузов сделал перевод из Грея «Сельское Кладбище».

Московская Беседа — Общество любителей Российской Словесности, основанное в 1811 году при Московском университете.

Арисия — второстепенный персонаж трагедии «Федра» Расина.

«Лет пятнадцать пред сим, на московской заставе». — Об инциденте с П. И. Голенищевым-Кутузовым, задержанным на московской заставе в арлекинском платье (после домашнего спектакля) и посаженным на гауптвахту, — рассказывает П. А. Вяземский в «Старой Записной Книжке».

26. Ответ Старушки Асмодеев, писанный рукою С. С. Уварова (заголовок сделан В. А. Жуковским), занимает листы тридцать шестой и тридцать седьмой тетради «Арз. Прот.».

«Провозгласив ему первый брань и погибель Беседе» — намек на письмо Дашкова: «Письмо к новейшему Аристофану», «Черный царь» и «он» — выражения, взятые из баллады Жуковского «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди».

Великий писатель — Н. М. Карамзин. См. Вводную статью о доносе на него.

«Творец затей» А. А. Шаховской. См. кантату Д. В. Дашкова «Вчера на торжественном венчаньи творца затей...».

«Обетам вечность» и пр. — стихи В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов».

27. Протокол девятого заседания Арзамаса, писанный рукой В. А. Жуковского, занимает лист тридцать восьмой тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — март 1816.

«Вот», «Вотрушка», «Вот я Вас опять» — Василий Львович Пушкин (1770 — 1830), поэт и переводчик, автор «Опасного Соседа», один из старейших борцов с «Беседой»; по выражению своего знаменитого племянника — «Нестор Арзамаса».

Василий Львович включен был в Арзамас на организационном заседании, 14 октября, в протоколе которого говорится, что были выбраны четыре отсутствующих «ветхих арзамасца». Один — П. А. Вяземский, что узнаем из приведенного выше письма к нему Дашкова; другой — К. Н. Батюшков, что вытекает из речи Блудова, обращенной к Батюшкову при приеме его в Арзамас; третьего — Дениса Давыдова — указывает Вигель. И по своим давнишним дружеским и литературным связям с петербургскими арзамасцами и как автор Послания к Жуковскому, которое позже арзамасцы называли «манифестом о войне», надо думать, что четвертым выбранным, как писал Дашков, *par acclamation*, был В. Л. Пушкин.

Отметка в протоколе от 24 февраля 1816 года разрешает вопрос о времени вступления В. Л. Пушкина в Арзамас: «Положено было посвятить следующее заседание на принятие его превосходительства Вот, знаменитого Буяна посреди халдеев, героического баснописца и знаменитого стихотворного посланника». Судя по протоколу девятого заседания, обряд принятия В. Л. Пушкина в Арзамас совершен был в марте месяце («от Видения в месяц шестой»). 16 марта 1817 года председательствующий на заседании Арзамаса Вигель вспоминает, что год тому назад в Арзамас вступил «Староста», подтверждая этим прием В. Л. Пушкина именно в марте 1816 года.

Речи Пушкину по очереди (см. текст) произнесли: Жуковский, Северин, Дашков, Блудов и Вяземский. Все речи, которые слушал Пушкин, лежа под шубами, стреляя в чучело, изображавшее дурной вкус, держа замороженного гуся, поданного ему Дашковым, облобызав Сову, умываясь, что прообразовало «Липецкие Воды» Шаховского, — заключали в себе выдержки из сочинений В. Л., направленных против старой школы, и указание на то, что он был членом Московской Беседы (Общество Любителей Российской Словесности); от наростов которой и должен был очиститься. Заключительную речь говорил Вяземский (Асмодеев), и эта же речь, судя по тексту, служила как бы ответной; таким образом Вяземский фактически и «принимал» Пушкина.

Речь самого Пушкина, посвященная С. А. Ширинскому-Шихматову, построена была так же, как и предыдущие речи арзамасцев. В ее состав входит и критика литературных произведений отпеваемого «халдея» и резкие характеристики членов Академии и Беседы. Жуковский в протоколе отметил, что речь Василия Львовича «привлекла все сердца их превосходительства», и что они готовы именовать его «Богдыханом Арзамаса и первостатейным гусакон дружны».

В следующем заседании В. Л. Пушкин был произведен в «Старосты» Арзамаса с наименованием: «Вот я Вас» и получил ряд привилегий, особо перечисленных в протоколе. В этом же заседании Жуковскому — секретарю приказано было приготовить Вас. Пушкину «приличный диплом». К сожалению, диплома не нашлось среди бумаг, и неизвестно, был ли он написан. Это заседание ошибочно помечено вместо марта апрелем (Березовол), так как А. И. Тургенев из Петербурга уже в начале апреля писал Вяземскому, уехавшему вместе с В. Л. Пушкиным и Карамзиным в Москву.

Заседание — чрезвычайное, собранное у Уварова, на котором секретарствовал Блудов (Жуковский уехал в Дерпт), — по указанию Блудова происходило 20 Травеня — мая. Дата, вероятно, ошибочна, так как ответ на постановление этого заседания Василием Львовичем помечен 23 апреля; кто-то описался: или Блудов употребил название Травеня вместо

Березозола (что вернее), или Василий Львович Пушкин в волнении пометил свое письмо апрелем вместо мая.

То же письмо А. И. Тургенева из Петербурга Вяземскому говорит о пустоте, которую оставил отъезд Карамзина, В. Пушкина, Вяземского и Жуковского. Отвечая ему, Вяземский писал о благополучном прибытии в Москву и о том, что «Староста забавлял нас во всю дорогу»; «немедленно пришлое журнал нашего путешествия в Арзамас». Вот эти-то присланные в Арзамас рифмы, написанные Пушкиным на ст. Яжелбицы, и заставили арзамасцев собрать чрезвычайное собрание с надписью на повестках: «Опасность отечества». Надо предполагать, что несмотря на то, что секретарем Блудовым указан май месяц, заседание это имело место в апреле. Доехавшие в Москву — судя по письмам, в начале апреля — вероятно, не откладывая послали в Арзамас «плод шутки и дороги».

Из «поносных» стихов Василия Львовича, от которых могло произойти «для Арзамаса бесславие великое, а для Беседы и Академии — торжество неожиданное», взято было в протокол только несколько строк, особенно оскорбивших слух арзамасцев. Секретарем было отмечено и волнение арзамасцев при чтении этих стихов старосты «Вот», и вложение на Вас. Львовича наказания — превращение его из старост «Вот» в «Вотрушку», и решение о замене его места в Арзамасе его же старым сочинением «Опасный Сосед». Последнее постановление протокола говорит об объявлении «приговора» преступнику и о препровождении копий с протокола отсутствующим членам.

Заседание, состоявшееся 10 августа 1816 года на большой дороге, по которой карета Уварова везла арзамасцев в Царское Село, было вызвано оправдательными стихами В. А. Пушкина по поводу инцидента с яжелбицкими рифмами.¹

Блудов пишет в протоколе, что как только Северин опустил руку в избирательную урну, чтобы избранием выяснить председателя, — «... голос вражий прохрипел: да будет хаос в заседании, и бысть президентом Эолова Арфа». Во время этого заседания на пути в Царское Село в карете — «одно из жилищ Эоловой Арфы», и под его председательством и читается послание к арзамасцам В. А. Пушкина.

Я грешен. Видно, мне кибитка не Парнас;
Но строг, несправедлив карающий ваш глас,
И бедные стихи, плод шутки и дороги,
По мнению моему, не стоили тревоги,
Просодии в них нет, нет вкуса — виноват.
Но вы передо мной виновнее стократ.
Разбор, поверьте мне, столь едкий — не услуга:
Я слух ваш оскорбил, вы оскорбили друга.
Вы вспомните о том, что первый, может быть,
Осмелился глупцам я правду говорить;
Осмелился сказать хорошими стихами,
Что автор без идей, трудясь над словами,
Останется всегда невеждой и глупцом... и т. д.

Посланием этим В. А. Пушкин был совершенно реабилитирован. По постановлению собрания, ему возвратили титул «Вот я Вас» с прибавлением

¹ Этот и предыдущий протоколы напечатаны в «Отч. Публ. Библ.» с другого списка, писанного рукою Блудова же и находящегося среди бумаг В. А. Жуковского.

слова: «опять», а протокол об этом скрепили сентенцией: «Беседа, трепещи опять, опять».

«Комический клеещун» — господин Гавиньи, француз, проживавший в доме С. С. Уварова. Данные о нем в мартовском протоколе 1816 года разъясняют свидетельство воспоминаний М. А. Дмитриева о том, что В. А. Пушкин при приеме в Арзамас, лежа под шубами, должен был прослушать не «Расхищенные шубы» А. А. Шаховского, а «чтение целой французской трагедии какого-то французю, петербургского автора, которую и читал сам автор». Теперь становится ясно, что Пушкин действительно слушал какую-то театральную пьесу в чтении Гавиньи, но никакого отношения это чтение не имело ни к ритуалу, которым сопровождалось его вступление в Арзамас, ни к самому Арзамасу.

Имя этого же Гавиньи встречается еще раз в протоколах: когда читаются присланные в Арзамас стихи Василия Львовича и происходит смятение, — чтобы успокоить собравшихся, президент Вигель, по выражению протокола, «прибегнул к отчаянному средству и грозно приказал клеещуну Гавиньи сходить за своей трагедией. Угроза подействовала, все стихло...»

«Заря надежды» — выражение из письма к М. Т. Каченовскому, редактору Вестника Европы. См. «Выдержки из старых бумаг Остафьевского Архива (Рус. Архив, 1866, № 3), содержащие в себе произведение арзамасцев, направленные против Беседы и Академии.

Слова Ч и жа взяты из басни «Чижик и Зяблица» И. И. Дмитриева.

Лирический князь — С. А. Ширинский-Шихматов.

28. Речь Светланы члену Вот, лежащему под шубами, писанная рукою В. А. Жуковского, занимает лист тридцать девятый тетради «Арз.. Прот.». Текст ее известен по публикации «Русского Архива» 1876, кн. I.

«Обитель нечистых барышень», «Буянов», «сундук» и пр. — см. «Опасный Сосед» В. А. Пушкина. А. С. Шишков в своем «Присовокуплении» к «Рассуждению о красноречии Свящ. писания» запальчиво нападал на В. А. Пушкина, говоря, что «благонравию и знаниям он учился в Парижских переулках».

Фонтан (1761 — 1821) — поэт и оратор, государственный деятель Наполеоновского времени; Делиль (1738 — 1813 — знаменитый поэт и переводчик, член Французской Академии.

«Обращение дородного Крылова в малиновку» — намек на басню «Завистники Соловья» В. А. Пушкина, который под малиновой разумел И. А. Крылова.

Энцелад — титан, восставший с Зевесом, поразившим его молнией и бросившим на него гору Этну.

Утесистый стих — «Прямой талант везде поклонников найдет» См. «Опасный Сосед» В. А. Пушкина.

«Тело его покрыто проказою сотрудничества», В. А. Пушкин был членом Московского Общества Любителей Российской Словесности.

Терпение, любезный — заключительные строки из Послания В. А. Пушкина к Д. В. Дашкову.

Чудище обло, озорно и пр. — стих Тредьяковского.

29. Речь Резвого Кота члену Вот, стрелявшему в чудище, писанная рукою Д. П. Северина (заголовок сделан В. А.

Жуковским, занимает лист сороковой тетради «Арз. Прот.», опубликована впервые в «Рус. Арх.» 1876, кн. 1.
Беата — Беатриче, героиня «Божественной Комедии» Данте.
Пение соловья и малиновки — см. басню В. Л. Пушкина «Завистники Соловья».

30. Речь члена Чу при целовании совы, писанная рукою Д. В. Дашкова (лишь заголовок вписан В. А. Жуковским), занимает лист сорок второй тетради «Арз. Прот.». Дату этой речи, впервые опубликованной в «Рус. Арх.» 1876, кн. I, можно объяснить как отметку о времени ее написания, а не произнесения (так и Н. И. Тургенев, судя по его Дневнику, свою вступительную речь, сказанную в «Арзамасе» 24 февраля, писал еще 11 января).

Лагарп, Жан Франсуа (1739 — 1803) — критик, историк и теоретик литературы.

«Иссохший лик славянофила» — А. С. Шишков, олицетворявший дурной вкус.

«Не зря смотрели» — из баллады В. А. Жуковского «Громобой». Беседа вторая — Общество Любителей Российской Слоvesности. «От крове язвенных и от тука сильных» — Книга Царств 2-я, гл. 1-я, ст. 22-й

«Нам нужно не слова...» — Послание В. Л. Пушкина к В. А. Жуковскому.

«Сидит сова на печи» — См. «Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова», ч. III. СПб. 1824, стр. 100.

Патриарх Славянофилов — В. К. Тредьяковский.

31. Речь Кассандры при Липецких Водах, писанная рукою Д. Н. Влудова (заголовок сделан В. А. Жуковским), занимает листы сорок третий и сорок четвертый тетради «Арз. Прот.»; опубликована в «Рус. Арх.» 1876, кн. I.

«Свет в черепке погас и близок был сундук» — цитата из «Опасного Соседа» В. Л. Пушкина.

«Ты добрый человек...» См. «Опасный Сосед».

«И об убийствах говорят» — цитата из послания «К Воейкову» В. А. Жуковского:

И об убийствах говорят,
Иль хвалят меткие пищали,
Из коих деды их стреляли:
Иль сабли на кремнях острял,
Готовясь на убийства новы...

«Исчадие Тартара» — Асмодей (кн. П. А. Вяземский).

«Неопытная Муза» — сборник А. П. Буниной. См. выше выступление С. С. Уварова против Буниной.

«Красная девушка» — В. А. Жуковский.

«Гора ли это или куча» — сентенция Д. И. Хвостова.

Макаров Московский — Макаров, Мих. Николаевич (1789 — 1847), издатель «Журнала для милых», и «Драматич. Журнала», сотрудник «Московского Курьера».

Анастасевич, Василий Григорьевич (1775 — 1845) — известный библиограф и переводчик (преимущественно с польского языка), редактор журнала «Улей» (1811 — 1812 г.).

«Хвостов не славянский и не русский» — Д. И. Хвостов, граф «Сардинский».

«Другой Хвостов» — Александр Семенович Хвостов, речь о котором должен был говорить Ивиков Журавль (Вигель).

32. Речь Асмодея по заключении всех испытаний, писанная рукою П. А. Вяземского (заголовок сделан В. А. Жуковским), занимает листы сорок пятый и сорок шестой тетради «Арз. Прот.»; опубликована в «Рус. Арх.» 1876, кн. 1.

«Манифест о войне». — Так арзамасцы называли «Послание к Жуковскому» В. Л. Пушкина.

«Угрюмый певец» — С. А. Ширинский-Шихматов. См. «Опасный Сосед» В. Л. Пушкина. «Певца угрюмова, сего Филина — великана, прокричавшего на гробах» («Ночь на гробах», соч. С. А. Ширинского-Шихматова.)

«Позволь, о чародей...» и «Жаль, что не исполнился сон доброго человека» — перефразировки из «Опасного Соседа» В. Л. Пушкина.

33. Собственная речь члена Вот, писанная рукою В. Л. Пушкина (заголовок сделан В. А. Жуковским), сохранилась на листах сорок седьмом по пятидесятью включ. тетради «Арз. Прот.»; опубликована в «Рус. Арх.» 1876, кн. I.

«Великий патриарх халдеев» — А. С. Шишков.

«Юноша, вечно в детстве ума и девстве телесно пребывающий» — князь Ширинский-Шихматов, Сергей Александрович (1783 — 1837), поэт, любитель и ревностный последователь Шишкова, член Российской Академии и Беседы Любителей Русского Слова, впоследствии удалившийся в Новгородский монастырь, где постригся в монахи под именем Аникиты. Из произведений его наиболее известны реакционно-клерикальные поэмы «Петр Великий» и «Пожарский, Минин, Гермоген или Спасенная Россия» и мистические подражания Юнгу — «Ночь на гробах», «Ночь размышлений» и др. Для стиха его характерно отсутствие рифмы на глаголы. «Безглагольный С. А. Ш.-Ш.» упоминается в «Певце в Беседе Славянороссов» Батюшкова и в «Домике в Коломне» Пушкина. П. А. Вяземский упоминал об этом же в эпиграмме:

В двух дюжинах поэм воспевший предков сечи,
Глаголом ни стиха наш лирик не убил.
Как жалко мне; что он частей и прочих речи,
Как и глаголов, не щадил.

Тексты «Тщетно я силюсь чувством гнетомый» и «Тучей над ними гибель висит» являются перефразировкой стихов Ширинского-Шихматова «На кончину генерал-фельдмаршала князя Смоленского».

«Письма схимника» — соч. Ф. П. Львова; «Рассуждение о старом и новом слоге» — соч. А. С. Шишкова; «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» — Г. Р. Державина; «Бдения Тассовы» — перевод с итальянского А. С. Шишкова; Трагедии Расина: «Андромаха» и «Ифигения» — переведены Д. И. Хвостовым; «Гамлет» — переделан С. И. Висковатовым; «Китайская сирота» — траг. Вольтера — переведена А. А. Шаховским.

Палач Депрео — Д. И. Хвостов перевел «Науку о стихотворстве» Буало-Депрео.

Секретарь Беседы — П. И. Соколов.
«Сочинитель Липецких Вод» — А. А. Шаховской.
«Варягоросс и кум славянофила» — С. А. Ширинский-Шихматов, см. «Опасный Сосед» В. Л. Пушкина.
Подвалы Глазунова и Занкина — петербургские книжные магазины.
«Толстоочреватый комик» — кн. А. А. Шаховской.
«Рифмоткач» — гр. Д. И. Хвостов.
Сычи — см. басню В. Л. Пушкина «Сычи».

34. Протокол десятого заседания Арзамаса, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает листы пятьдесят первый и пятьдесят второй тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 15 марта 1816 года (В тексте протокола ошибка: 15 Березозола, т. е. апрель вм. марта).
«Слон и Моська» — басня И. А. Крылова.
«Варюшка», «Сундук», «Сизый кот», «Медные тазы» — см. «Опасный Сосед» В. Л. Пушкина.
«Под малиновкой». — Здесь, вероятно, подразумевается И. А. Крылов. См. басню В. Л. Пушкина «Завистники соловья».

35. Речь Кассандры в ответ на нечитанную речь Эоловой Арфы, писанная рукою Д. Н. Блудова (заголовок сделан В. А. Жуковским), занимает лист пятьдесят третий тетради «Арз. Прот.».

Ведет нас к лучшему концу
Стезей непостижимой —

стихи В. А. Жуковского — «Певец во стане русских воинов». Со строками:

Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me!

связаны стихи Жуковского, в печатных изданиях датируемые неправильно 1814 годом:

В день счастья вспомнить о тебе.
На что такое, друг, желанье?
На что нам поручать судьбе
Священное воспоминанье?
Дождусь иль нет счастливых дней,
О том, мой милый брат, ни слова...

Тургенев, Александр Иванович (1784 — 1845) — секретарь Библейского Общества, директор Департамента Духовных Дел. Собрал богатый архив и издал Исторические Акты о России. Ближайший друг Пушкина, Вяземского и Жуковского. К нему обращено стихотворение Пушкина («Ленивец милый на Парнасе»), который пользовался его особенною заботливостью. Имел обширную переписку, что дало повод называть его маленьким Гриммом. Образованнейший человек своего времени. По отзыву реакционеров «мартинист».
Попов, Василий Степанович (1745 — 1822) — действ. тайный советник, один из попечителей «Беседы».
«Русский Вестник» — журнал консервативно-патриотического направления, издававшийся С. Н. Глинкой,

«И черный Львов на них сидит» — перефразировка стихов Жуковского:

На них угрюмый вран сидит,
Могилы сторож дикий.

(«Громобой»)

«Двенадцать дочерей многогрешного» — см. балладу В. А. Жуковского «Громобой».
«Когда ж исполнится луна...», см. «Громобой» В. А. Жуковского.

36. Речь, читанная при вручении диплома господину историографу, писанная рукою В. А. Жуковского, занимает лист пятьдесят четвертый тетради «Арз. Прот.».

Н. М. Карамзин в письме к жене от 28 февраля 1816 года отмечал: «Здесь из мужчин всех любезнее для меня арзамасцы; вот истинная русская академия, составленная из молодых людей, умных и с талантом». У П. А. Вяземского в его письме к А. И. Тургеневу от начала апреля 1816 года читаем: «Николай Михайлович вас (арзамасцев) точно полюбил» и позже: «Вам, арзамасцам, должно лелеять его, и, согрешая арзамасским солнцем, не допускать до него холодного ветра Невы». Переписка Вяземского и Тургенева непрерывно говорит о свиданиях их с Карамзиным и о том большом уважении, которое питали к нему арзамасцы. Преследования, которым подвергался Карамзин со стороны литературных кругов старой школы — и доносы Голеннищева-Кутузова и речи Шишкова, и выпады Каченовского — заставляли арзамасцев теснее сплотиться около Карамзина.

Вяземский, возмущаясь в Варшаве «плюгавым произведением» «плюгавого Каченовского», напечатанным в «Вестнике Европы» и направленным против Карамзина, призывал Арзамас к защите историка: «Жаль, что нет ни Блудова, ни Дашкова». «Стыдное дело, что Арзамас молчит».

«Скажи поэту Пушкину», пишет Вяземский в другом письме к Тургеневу, «что ему непременно должно высечь мстительным стихом мерзавца Каченовского. Моя плеть здесь совсем развилась и стала мочалка». «Напрасно Жуковский стиснул зубы: пусть кусает. Карамзину молчать, а нам лаять», не перестает из Варшавы негодовать Вяземский. «Арзамас отместил за Карамзина одной эпиграммой», сообщает в ответ Вяземскому Тургенев и в другом письме поясняет: «Маленький Пушкин давно уже плюнул на него эпиграммой, que voici («Бессмертной рукою раздавленный зюла» и т. д.). Жихарев в своем «Дневнике» отметил, что в списке членов Российской Академии в числе пятидесяти восьми человек «красуются» имена графа Хвостова, Голеннищева-Кутузова, секретаря Академии П. И. Соколова... и нет Карамзина, Крылова, Озерова...

В 1818 г. когда, наконец, Карамзин был выбран на «упалое место» (выражение Шишкова) членом Российской Академии, он свою речь, которую должен был читать при вступлении, читал раньше у себя в Царском, в присутствии арзамасцев: Н. И. Тургенева, А. И. Тургенева, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина. А. И. Тургенев, сообщая в Варшаву Вяземскому о заседании Академии и о речи Карамзина, писал: «Это было торжество не Академии, но Арзамаса». Таким образом среди «арзамасцев рожденных», к которым «арзамасцы избранные» причисляли и Аполона, и Монтескье, и Кантемира, находился и Н. М. Карамзин. Под протоколами почему-то нет ни одной подписи Карамзина, но из протоколов

видно, что он присутствовал на заседаниях Арзамаса 11 ноября и 24 декабря 1816 года, 6 января 1817 года, а 16 марта того же года «заговорился», по выражению Блудова, «с одной плотоядною птицею, известною под именем Ивана Васильевича» и приехал на заседание поздно. Таким образом Карамзин присутствовал на заседаниях, на которых читались новые произведения Жуковского и К. Н. Батюшкова. Из речи Дашкова, произнесенной им в Москве 6 мая 1816 года, видно, что Карамзин принимал участие и в заседаниях Московского Арзамаса.

37. «На случай нынешнего Арзамаса» — стихи, писанные рукою В. Л. Пушкина на рифмы, предварительно заготовленные П. А. Вяземским, занимают лист пятьдесят пятый тетради «Арз. Прот.» и связаны с обстоятельствами вручения Н. М. Карамзину приветственной грамоты от «Арзамаса».

Стихи:

Комедия была сословию предтечей
И комику теперь бесчестье и конец —

имеют в виду «Липецкие Воды» и А. А. Шаховского.

38. Приветственная грамота Н. М. Карамзину, писанная рукою В. А. Жуковского, занимает лист пятьдесят шестой тетради «Арз. Прот.». Судя по другому списку этой же грамоты, опубликованному П. Н. Шеффером в «Старине и Новизне» (М. 1907), печатаемый нами текст является не совсем точной копией оригинала, подписанного большинством арзамасцев собственноручно и врученного Н. М. Карамзину.

Леклерк (1726 — 1798) и Левек (1737 — 1812) — французские ученые, авторы трудов по истории России.

39. Протокол чрезвычайного собрания членов Арзамасского Общества, — созванных для обсуждения «яжелбицких эпиграмм и прочих приложенных к оным пакостей» В. Л. Пушкина, писан рукою Д. Н. Блудова и занимает листы с пятьдесят седьмого по пятьдесят девятый включ. тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 20 апреля 1816. (В тексте протокола месяц апрель ошибочно назван «Травнем», т. е. маем). Выдержки из этого протокола опубликованы Е. А. Сидоровым в статье «Литературное Общество «Арзамас»» («Журн. Мин. Народ. Просв.» 1901 г., кн. VI и VII).

Стекланная чернильница — аллегорически обозначала гроб, в котором хоронили арзамасцы членов «Беседы».

Сентенции «Ах, почто мой взор предвидит», «Выступал холодный пот» и пр. — взяты из баллад В. А. Жуковского.

«Россиада» — поэма М. М. Хераскова (1733 — 1807).

Ст. Яжелбицы — Валдайского уезда, Новгородской губ. — там были сочинены неудачные стихи В. Л. Пушкина, наделавшие столько шума в Арзамасе.

Киржач — заштатный город Владимирской губ.

Пале-Рояль — café chantant в Париже (1814); там же был комический театр, закрыт в 1818 г.

40. Отношение «от развалин Арзамаса членам Чу. Асмодею и Ахиллу», подписанное Ф. Ф. Вигелем, С. П. Жихаревым, Д. Н. Блудовым, С. С. Уваровым и А. И. Тургеневым, занимает лист сто двадцатый тетради «Арз. Прот.».

41. Стихи В. Л. Пушкина на рифмы, заданные В. А. Жуковским, — печатаются с автографов, занимающих листы шестидесятый и шестьдесят первый тетради «Арз. Прот.».

Гашпаром арзамасцы называли А. А. Шаховского по имени героя его комедии «Расхищенные шубы».

42. Письмо В. Л. Пушкина в Арзамас 23 апреля 1816 года, с припиской К. Н. Батюшкова, — печатаются с автографа, занимающего лист шестьдесят второй тетради «Арз. Прот.».

43. Протокол четырнадцатого заседания Арзамаса, — писанный рукою Д. Н. Блудова, занимает листы шестьдесят третий и шестьдесят четвертый тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 10 августа 1816 года. Выдержки из этого протокола опубликованы в статье Е. А. Сидорова («Журн. Мин. Народ. Просв.» 1901, кн. V — VII).

Седой Мешков и вороной Лбов — А. С. Шишков и П. Ю. Львов. Филин — Студевич — Станевич, Евстафий Иванович, поэт, публицист и переводчик, член-сотрудник Беседы, пропагандист литературно-теоретических и религиозно-политических взглядов Шишкова.

Девуца Пучкова — Пучкова, Екатерина Наумовна (1792 — 1867), поэтесса, близкая кругам «Беседы Люб. Рус. Слова», впоследствии секретная сотрудница III Отделения. На нее эпиграмма Пушкина: «Зачем кричишь ты, что ты дева, на каждом девственном стихе» и пр.

Виhrь — атаман Беседы — А. А. Шаховской, который, по свидетельству современников, несмотря на толщину, передвигался необычайно быстро.

«Я грешен, видно мне кибитка не Парнас» — и далее — послание «К Арзамасцам» В. Л. Пушкина.

44. Речь Д. В. Дашкова, обращенная к В. Л. Пушкину и произнесенная на собрании московских членов Арзамаса, печатается с автографа и занимает листы шестьдесят третий — шестьдесят шестой тетради «Арз. Прот.». Дата речи — 6 мая 1816.

45. Протокол пятнадцатого заседания Арзамаса, писанный рукою Д. Н. Блудова, занимает листы шестьдесят седьмой и шестьдесят восьмой тетради «Арз. Прот.». Дата заседания 11 ноября 1816.

Михаил Александрович Салтыков (1767 — 1851) — почетный или «рожденный» член Арзамаса, попечитель Казанского учебного округа с 1812 по 1818 г., «едва ли не прослышавший якобинцем» (по свидетельству Ф. Ф. Вигеля); впоследствии сенатор.

Под именем Пустынника в члены Арзамаса принят был Кавелин, Дмитрий Александрович (1778 — 1851), товарищ Жуковского, Дашкова и А. И. Тургенева по Московскому Университетскому Пансиону, поэт, сотрудник «Аонид», «Приятн. и полезн. препровожд. времени», автор патристических солдатских песен; с 1812 года директор Медицинского Департамента, с 1816 года директор Главного Педагогического Института, а с 1819 года — ректор С.-Петербургского университета. С начала двадцатых годов зарекомендовал себя, как ярый мракобес и ближайший сподвижник Рунича и Магницкого в деле разгрома Петербургского университета. «Один из наших арзамасцев, Кавелин», с негодованием отмечал А. И. Тургенев в письме к Вяземскому от 30 марта 1821 года, «сделался совершенным пальясом пальяса Магницкого, кидает своею грязью в Куни-

цына и утверждает, что политическую экономию должно основать на Евангелии. Я предложу выключить его формально из Арзамаса». См. резкие упоминания о «Кавелине-дурачке» во «Втором послании к цензору» Пушкина и в «Доме сумасшедших» Воейкова.

«Дунциада» — сатирическая поэма Палиссо (1730 — 1814) на плохих стихотворцев. В Арзамасе называли Дунциадой «Опасного Соседа» В. Л. Пушкина.

Варвик — Николай Иванович Тургенев. О нем см. далее стр. 284. Черный Бран — Александр Алексеевич Плещеев (1778 — 1845), талантливый дирижер, музыкант, поэт, декламатор, знаток драматического искусства, автор нескольких комедий и оперетт, исполнявшихся с большим успехом на петербургской сцене и великосветских вечерах, но оставшихся не напечатанными.

«Смирный, но не смирный покойник» — С. С. Филатов. См. ниже.

«Общая баллада» — «Пустынник» В. А. Жуковского, в которой упоминается и «Резвый Кот».

«Заречная фортеция» — Российская Академия.

«Мелкие ярлыки» — билетки-жребии в красном колпаке. См. прим. стр. 264.

46. Похвальное слово С. С. Филатову, писанное рукою Д. А. Кавелина, занимает листы шестьдесят девятый и семидесятый тетради «Арз. Прот.». Инициалы Ч. Б. Л. Р. С. — Д. С. С. — С. С. Ф. обозначают: члену Беседы Любителей Русского Слова, действительному статскому советнику Семену Семеновичу Филатову.

Филатов, Семен Семенович (1766 — 1836), переводил с французского античных и английских авторов, издал поэмы Оссиана, исторические статьи и заметки, печатал в «Чтен. Бес. Люб. Р. Слова».

Известия о воинственности в России — статья Филатова «О начале в России воинства и о знаменитых подвигах до XVIII в.» (Чтение пятнадцатое в «Бес. Люб. Рус. Слова». СПб. 1816).

47. Речь С. С. Уварова при приеме в Арзамас Д. А. Кавелина, печатаемая с автографа С. С. Уварова, занимает листы семьдесят первый и семьдесят второй тетради «Арз. Прот.».

«Искупление Беседы от здешних алжирцев». — Арабы, населявшие Алжир и Тунис, начиная с VIII в., делали набеги на остров Сардинию; в первой половине XI в. они овладели островом, но в 1052 г. были изгнаны сардинцами в союзе с пизанцами и генуэзцами. Здесь под алжирцами подразумеваются арзамасцы. — Д. И. Хвостов получил свое графство от сардинского короля (по просьбе Суворова). Слово же искупление употреблено в смысле освобождения: в это время В. А. Жуковский написал поэму, посвященную Д. Н. Блудову, под названием «Искупление», которая позже была им названа «Вадим».

«Мир праху твоему, злополучная Беседа», — Беседа Любителей Русского Слова закрылась в 1816 году.

«В шишаке Александра Невского» — вероятно, Пав. Юр. Львов.

«Тучный сотрудник» — Петр Матвеевич Карабанов, состоявший вместе с П. Ю. Львовым членом IV Разряда Беседы.

Юс — А. С. Шишков.

Перец, Абрам Израилевич (1771 — 1833) — известный петербургский откупщик.

Бирон, Эрнст-Иоганн, фаворит императрицы Анны Иоанновны, герцог Курляндский, труп которого долго сохранялся, очевидно, набальзамированный.

Бумажный гроб — выражение, взятое у К. Н. Батюшкова из «Левда в Беседе Славянороссов» — «Бумажный гроб твой — наш алтарь». «A'doit on h'ériter de ceux, qu'on assassine» — цитата из «Rhadameste et Zénobie» Кребильона (Acte II, sc. 2).

48. Протокол шестнадцатого заседания Арзамаса, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает лист семьдесят третий тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 24 декабря 1816.

«Эльвина и Эдвин» — баллада В. А. Жуковского.

«Овсяный Кисель» и «Вадим» — В. А. Жуковского.

Гекзаметрическая сказочка — «Красный карбункул» — его же.

Выражение «чухна чухной» взято у К. Н. Батюшкова, который в письме к Вяземскому сообщал в феврале 1816 года о своем переводе «Гаральда Смелого»:

и предо мной
Явился вдруг... чухна простой:
До плеч висящий волос
И грубый голос.
И весь герой — чухна чухной.

49. Речь В. А. Жуковского при возвращении к обязанностям секретаря Арзамаса — печатается с автографа В. А. Жуковского, занимающего листы семьдесят четвертый и семьдесят пятый тетради «Арз. Прот.».

Сопиков, Василий Степанович (1765 — 1818), автор «Опыта Российской библиографии».

С некоторой долей вероятности в намеке Жуковского на двенадцатилетнего отрока — можно видеть указание на Шишкова, как автора сочинения: «Подарок моему родителю в день его ангела, или труды двенадцатилетнего отрока, купеческого сына Никиты Голтикова» (См. Сопиков. Опыт Российской Библиографии, ч. IV. СПб. 1816).

Пейсус — Чудское озеро.

«Разбудил дюжину красавиц» — см. «Вадим» В. А. Жуковского.

«Новорожденный чорт» — см. «Красный Карбункул» его же.

«Кушайте, светлы мои» — см. «Овсяный Кисель» его же.

50. Протокол семнадцатого заседания Арзамаса, писанный рукою Д. Н. Блудова, с примечанием рукою А. И. Тургенева, занимает лист семьдесят шестой тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 6 января 1817.

Теша — река в Нижегородской губ., на которой стоит г. Арзамас.

Тени покойных арзамасцев, Монтестье и Кантемир, показанные Ахиллом, см. «Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова.

51. Протокол восемнадцатого заседания Арзамаса, писанный рукою Д. Н. Блудова, занимает листы семьдесят седьмой и семьдесят восьмой тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 24 февраля 1817.

Помпея — Г. и Геркуланум — К. Гнедич и Красовский — библиотекари Публичной Библиотеки. Гнедич, Николай Иванович (1784 — 1833);

переводчик Гомера, поэт, член Российской Академии, член-корреспондент Академии Наук. По выходе Иллады Пушкин написал одновременно: «Слышу божественный звук умолкнувшей эллинской речи, Старца великого тень чую смущенной душой» и «Крив был Гнедич поэт, прелгатель слепого Гомера, Боком одним с образцом схож и его перевод». — Красовский, Александр Иванович (1780—1857), впоследствии председатель Цензурного Комитета, жестоко преследовавший свободную и живую мысль, о чем с негодованием упоминают Пушкин, Вяземский и Тургенев. Воейков увековечил его в своем «Доме сумасшедших»:

Это что? Устав Алжирский
О печатании книг!
Круг него кнуты, батоги
И Красовский — ноздри рвать!

52. Речь Н. И. Тургенева при вступлении в Арзамас, писанная им собственноручно, печатается с автографа, занимающего листы семидесят и девятой и восьмидесятой тетради «Арз. Прот.». Ср. также его «Дневники», стр. 17—20. В «Дневнике» под 11 января Н. И. Тургенев записал: «... видел Греча и поспорил с ним за Арзамас. Этот спор заставил меня вспомнить, что я должен Арзамасу речь». Тургенев, Николай Иванович (1789—1871), воспитанник Московского Университетского Благородного Пансиона и Геттингенского университета, автор «Опыта теории налогов» (1818), помощник статс-секретаря Госуд. Совета (с 1816) и управляющий третьим отделением Канцелярии Министерства Финансов (с 1819), один из основателей и вождей Союза Благоденствия и Северного тайного общества, идеолог умеренно-либерального крыла декабристов. Находясь (с 1824) в заграничном отпуску и отказавшись возвратиться в Россию по вызову Следственной Комиссии (1826), заочно был приговорен к каторжным работам без срока. В 1847 году выпустил в Париже книгу своих воспоминаний, исторических и социально-экономических рассуждений «La Russie et les Russes». Амнистированный в 1856 году выступал в русской и зарубежной печати как политический публицист по самым актуальным вопросам «эпохи реформ». «О, незабвенное второе января». — Императорская Публичная Библиотека была открыта для общественного пользования 2 января 1814 года.

«В Сыне Отечества» (1817, кн. 35, стр. 39, V, Смесь) читаем: «В императорской Публичной Библиотеке происходило 2 января сего года годовое торжественное собрание, в котором присутствовали знатнейшие обоего пола особы, ученые, литераторы и пр. Г. директор Библиотеки т. советник Оленин открыл оно объявлением о статьях, которые будут в сей день читаны. Потом читали: 1) Секретарь Библиотеки библиотекарь г. Красовский — выписку из составленного им отчета об управлении Библиотекой за 1816 год. (Сия выписка напечатана будет в «С. О.»); 2) г. помощник Библиотекаря г. Гнедич — сочиненную им поэму: «Рождение Омера», о которой упомянуто в библиографии нынешней книжки «С. О.»; 3) г. гвардии штабс-капитан Пл. Ст. Яковлев — написанное издателем «Сына Отечества» (Гречем) по поручению Начальства Библиотеки Обозрение Русской Литературы 1815 и 1816 годов, помещенное в нынешней книжке «С. О.». Г. Яковлев принял на себя сей труд по просьбе сочинителя сей статьи за слабость его здоровья; 4) г. библиотекарь Крылов в заключение прочел три новые басни своего сочинения: 1) Кукушка и горлица. 2) Разбойник и сочинитель и 3) Похороны.

Süssmilch (1707—1767) и Justi, Joh.-Henr. Gottlob (1702—1771) — немецкие статистики и экономисты середины XVIII в. Автором статьи в «Сыне Отечества», о которой упоминает Н. И. Тургенев, был Николай Иванович Греч (1787—1867) — журналист, педагог, романист и критик, будущий издатель официально-консервативной «Сев. Пчелы».

«Сын Отечества» говорит о нашей свободе книгопечатания, как Фигаро — о гишпанской».

«В Мадриде я понял, что область литературы есть в сущности владение волков, вечно друг против друга вооруженных; я там ясно увидел, что, заслужив своим смешным остервенением всеобщее презрение, все эти букашки, мошки, комары, москиты, все эти критики, завистники, газетчики, книгопродавцы, цензора — словом все, кто вливается в шкуру несчастного литератора, все рвут его на клочья и высасывают из него последние соки. Мне надоело писать («Севильский Цирюльник» Бомарше, акт I, явл. 2).

Сочинения Орлова, Хвостова, Лобанова, Горюшкина. — «Памятник событий в церкви и отечестве» — соч. Я. Орлова, в 5 частях, СПб. 1816; «Руководство к познанию Российского законодательства» — соч. Захария Горюшкина, в 4 частях, М. 1811—1816. О Хвостове и Лобанове см. выше.

53. Речь Д. А. Кавелина на восемнадцатом заседании Арзамаса, печатается с автографа и занимает листы восемьдесят первый и восемьдесят второй тетради «Арз. Прот.».

«Эту аллегорию занял я из Обозрения покойника». — См. Н. И. Греч «Обозрение Русской литературы 1815 и 1816 годов».

54. Протокол девятнадцатого заседания Арзамаса, писанный рукою Д. Н. Будова, занимает листы восемьдесят четвертый и восемьдесят пятый тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 16 марта 1817.

Арша — вероятно описка, вм. Акша, река в Арзамаском уезде. Рейн — Орлов, Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, один из выдающихся участников войны 1812—1814 годов, инициатор записки о необходимости уничтожения крепостного права, поданной Александру I в 1815 году, устроитель первых массовых школ взаимного обучения среди солдат в I и II армии в 1817—1820 годах; один из вождей Союза Благоденствия, формально выступивший из последнего в 1821 году, но до самого конца 1825 года бывший в курсе всей подпольной работы декабристов на севере и на юге. После шестимесячного заключения в крепости был в 1826 году уволен от службы и отдан под надзор полиции. В тридцатых годах, получил разрешение жить в Москве. Орлов был близок к редакции «Московского Наблюдателя», выпустил книгу «О государственном кредите» (1833 г.) и считался лидером московской оппозиционной дворянской общественности.

55. Речь Д. В. Дашкова на девятнадцатом заседании Арзамаса, печатается с автографа и занимает листы восемьдесят шестой и восемьдесят седьмой тетради «Арз. Прот.».

Мещора — область, населенная мещеряками (финско-тюркское племя) в Спасском уезде Рязанской губ. Спасск — гор. Рязанской губ.

К о л д у н — можно предполагать — Н. И. Гнедич по следующим основаниям:

1) Он пользовался покровительством гр. Д. И. Хвостова. (Вигель в своих воспоминаниях пишет о нем: «Обстоятельства его, видно, были до того плохи, что он решился на неслыханное средство — на искание покровительства и помощи графа Хвостова»); 2) Н. И. Гнедичем были переведены с французского три действия из трагедии Лонжепера «Медея»; 3) Н. И. Гнедич — не член Беседы; 4) выражение «слабый и худоногий» — соответствует внешности Гнедича; 5) Гнедич вел дела Батюшкова — Ахилла (выражение — «измучил нашего быстроногого Ахилла»), и К. Н. Батюшков в одном из писем к своей сестре жалуется на Гнедича, что он не довольно внимательно относится к его интересам; 6) В Арзамасе Гнедич не пользовался расположением, судя по целому ряду речей, что подтверждается и в переписке его с Батюшковым; так, последний пишет ему в феврале 1817 года, говоря об арзамасцах: «за твою критику надо благодарить, а не гневаться»; 7) «Досужий поэт» — К. Н. Батюшков — к В. А. Жуковскому пишет:

Свои стихотворения
Читает мне Свистов
И с ним певец досужий,
Его покорный бес.

К у р г а н о в, Николай Гаврилович (1725 — 1796), сын унтер-офицера, математик и астроном, профессор Морского корпуса. Большое распространение имел его «Письмовник».

Письма из Нижнего Новгорода — сочинение И. М. Муравьева-Апостола.

Шахматный — С. А. Ширинский-Шихматов.

Девушка Б. — Анна Петровна Бунина.

Беседа из рыбьего зуба — В «Известиях Российской Академии» (кн. I, СПб. 1815, стр. 57) читаем: «Беседа» — также означает оно диван или канапе. «В чердаке была беседа, дорог рыбий зуб» (т. е. диван, сделанный из дорогой кости — рыбьих зубов).

Шестая часть прежних образцовых стихотворений — см. «Собрание русских стихотворений, взятых из лучших российских стихотворцев», часть шестая (Москва, 1815 г.). Здесь среди стихотворений Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова и других были помещены и стихотворения П. И. Голенищева-Кутузова, Д. И. Хвостова и М. Л. Магницкого.

$B = 4P = 4П + 20Ч + 20С = 0$. Предлагаем следующее толк вание:

Беседа = $4 P$ [азрядам] = $4 П$ [редседателям] + $20 Ч$ [ленам] + $20 С$ [отрудникам]¹⁾ = 0. (Об отношении Гнедича к Беседе см. в Вводной статье).

«Гимн лироэпический на прогнание французов из Отечества» — соч. Державина.

«Евпраксия» — трагедия в 5 действиях, «Темный», трагедия в 5 действиях, «Кутерьма от Кондратьев» — детская комедия — произведения Державина.

Певец Фелицы — Г. Р. Державин.

Петров, Василий Петрович (1736 — 1799), поэт и переводчик.

«И слух о ней пропал навечно» — В. А. Жуковский, «Баллада, в которой описывается, как одна старушка сехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди».

«Когда Державин пред концом» — эпиграмма П. А. Вяземского.

«На руке ее блистало каменью честно». В письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 2 января 1817 г. читаем, что Жуковский получил в награду брильянтовый перстень.

56. Речь Ф. Ф. Вигеля в заседании от 16 марта 1817 г., печатаемая с автографа, занимает листы с восьмидесять восьмого по девяностый тетради «Арз. Прот.».

Кулисной Бонапарт, похититель чужих комедий, творец Расхищенных шуб — А. А. Шаховской.

Превосходный инструмент сей сделан превосходительным — Александр Иванович Тургенев получил чин действительного статского советника.

Блестящая на груди ее звезда привела к ней на поклонение волхва Гнедича — намек на орден Владимира 2 степени, полученный С. С. Уваровым.

Циклоп — Н. И. Гнедич, лишенный одного глаза.

Рев Соколова — Соколов, Петр Иванович (1764 — 1835), лексикограф и составитель учебных руководств по русской грамматике, член и непрременный секретарь Российской Академии, секретарь Беседы Любителей Рус. Слова, член Главного Правления Училищ.

Восейков в своем «Доме сумасшедших» о нем пишет:

Вот он с харей фарисейской,
Петр Иваныч, «осударь»,
Академии «расейской»
Непрременный секретарь.
Ничего не сочиняет,
Ничего не издает, —
Тря оклада получает
И столовые берет.

Олин, Валериан Николаевич — плодовитый, но бездарный писатель и литературный предприниматель.

57. Протокол двадцатого заседания Арзамаса, писанный рукою Д. Н. Блудова, занимает листы девяносто первый и девяносто второй тетради «Арз. Прот.». Дата заседания — 22 апреля 1817.

«Укуси ли его лягушенок, или он запнулся за какой-нибудь гекзаметр». — Под «лягушенком» надо понимать Загошкина, с которым Вигель вступил в пререкания; под гекзаметром — переводы Гнедича гекзаметром Гомера. С Гнедичем Вигель не ладил.

«Дух Журналов, или собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, государ-

¹ В каждом Разряде было по 5 членов и по 5 сотрудников.

ственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и пр.» — еженесячный журнал, издаваемый с 1815 по 1820 — Г. М. Яценко.

«Русский Пустынный или наблюдатель отечественных нравов» — еженедельный журнал, издаваемый П. А. Корсаковым. «Северная Почта» — издавалась с 1809 до 1819 год два раза в неделю от Почтового департамента под руководством товарища министра внутренних дел О. П. Козодавлева.

Трофоний — одно из прозвищ Зевса; в честь его был храм в Лебдии (Беотия) с пещерой в которой производились предсказания.

Эпигастр — желудок.

58. Вступительная речь М. Ф. Орлова, произнесенная 22 апреля 1817, печатается с автографа, занимающего листы с девяносто третьего по девяносто шестой тетради «Арз. Прот.».

Ангелоподобные жены — «Похвала женам» И. С. Захарова. «Мудрец, определяющий достоинства сочинений одним вертикальным или горизонтальным наклоном головы» — секретарь Российской Академии и Беседы — П. И. Соколов.

Жуи, Виктор Жозеф-Этьен (1764 — 1846) — французский публицист, романист и драматург.

Российский Ротру — А. А. Шаховской.

59. Ответная речь Д. П. Северина М. Ф. Орлову на заседании 22 апреля 1817, печатается с автографа, занимает листы девяносто седьмой и девяносто восьмой тетради «Арз. Прот.».

Дочь Приама — Кассандра — Д. Н. Блутов.

Односложный отголосок Странника — Чу — Д. В. Дашков. Ведьма — Старушка — С. С. Уваров.

«Возле желтого дома» — Беседа Любителей Русского Слова помещалась в доме Державина недалеко от дома умалишенных (желтый). «Другие, которых купать вам предоставляется» — См. «Видение на берегах Леты» К. Н. Батюшкова.

60. Речь С. П. Жихарева на двадцатом заседании Арзамаса, печатается с автографа, занимает листы девяносто девятый и сотый тетради «Арз. Прот.».

«Преподобная Хвостова» — жена Д. С. Хвостова, Александра Петровна (1768 — 1853), реакционная писательница, из произведений которой известны «Камин и Ручеек» (1796) и «Письмо христианки, тоскующей по горнем своем отечестве, к двум друзьям ее, мужу и жене». Данков — гор. Рязанской губ. на правом берегу Дона.

Пезаровиус, Павел Петрович (1776 — 1847) — доктор философии Иенского университета, основатель и редактор газеты «Русский Инвалид», деятель масонских организаций и Библейского Общества, впоследствии президент Евангелическо-лютеранской консистории.

«Халдей из Библиотеки» — Н. И. Гнедич.

«Знатный галломан» — вероятно, гр. Николай Петрович Румянов (1754 — 1826), основатель Румяновского Музея, министр иностранных дел.

Е. С. гр. А. А. А. — вероятно: «его сиятельство граф Алексей Андреевич Аракчеев».

В. П. П. — вероятно: «фрейлина графиня Варвара Петровна Протасова».

288

Хитрово, Александр Захарович (1776 — 1854), сенатор, член Государственного Совета.

61. Прощальная речь Д. В. Дашкова, печатаемая с автографа, занимает листы сто первый и сто второй тетради «Арз. Прот.».

Оратор дебрей нижегородских — И. С. Муравьев-Апостол. Пустынники, провинциалы и мотовки. — В 1816 — 1817 годах возникают провинциальные журналы: «Азиатский музыкальный журнал» в Астрахани; «Украинский Вестник» в Харькове; в 1817 году — стал выходить «Русский Пустынный»; в Москве — «Модный Вестник».

Асфодельское поле — поле, усеянное цветами из семейства лилий, которыми древние украшали могилы в веровании, что души умерших питаются этими цветами. Здесь под Асфодельским полем подразумевается, конечно, Беседа Любителей Русского Слова.

«Капнист — враг Гомера». Не соглашаясь с соображениями С. С. Уварова о необходимости перевода «Илиады» размером подлинника, В. В. Капнист, автор «Ябеды», предлагал для перевода Гомера размер русских народных песен.

Палицын, Александр Александрович, — поэт и переводчик, близкий «Российской Академии» и «Беседе», занимался архитектурой.

62. Речь Н. И. Тургенева по случаю отъезда Д. В. Дашкова в Константинополь, печатается с автографа, занимает листы от сто третьего по сто пятый включ. тетради «Арз. Прот.». Ср. также «Дневники» его, стр. 31 — 35.

«Старший из мертвецов» — А. С. Шишков.

«На берегах Фонтанки» — Беседа Любителей Русского Слова.

«На берегах Невы» — Российская Академия.

«Мертвец в запачканном саване» — Д. И. Хвостов.

«Новый член» — М. Ф. Орлов.

«Владимир Мономах» — трагедия в 5 д., в стихах, написанная С. И. Висковатовым, была представлена на сцене в апреле 1817 года.

«Певец в беседе Славянороссов» — К. Н. Батюшков.

Новый президент Академии Художеств — Оленин, Алексей Николаевич (1763 — 1843), археолог и искусствовед, директор императорской Публичной Библиотеки, президент Академии Художеств, член Российской Академии и Беседы Любителей Русского Слова.

Гальба — римский император, отличавшийся воинскими и административными дарованиями; Геркулес Фарнезский — олицетворение мощи и красоты. Острота насмешки Н. И. Тургенева в самом сопоставлении первого с бездарным адмиралом Шишковым и второго — с уродливым карликом Олениным.

Свистов — Д. И. Хвостов.

63. «Сонное мнение члена Эоловой Арфы», писанное рукою Д. Н. Блудова, скрепленное подписями других членов «Арзамаса», печатается с автографа, занимающего листы сто шестой и сто седьмой тетради «Арз. Прот.». Выдержки из этого документа, от слов «Я вижу ваше, наше будущее» до заключительных слов Иова неполностью напечатаны М. Н. Лонгиновым в «Энциклопедич. Словаре», т. V, 1862, стр. 314.

Франклин, Вениамин (1706 — 1790) — северо-американский государ-

19 Арзамас.

289

ственный деятель, ученый и публицист, изобретатель громоотвода. Московский Афедей—Московское Общество Любителей Российской Слоvesности. Праздник брат—может быть А. И. Тургенев, отличавшийся исключительной ленью.

64. Стихотворный отчет В. А. Жуковского о двадцать первом заседании Арзамаса (по ошибочному обозначению в тексте—двадцатом), печатаемый по копии, с поправками рукою Жуковского, занимает листы со сто восьмого по сто десятый тетради «Арз. Прот.». Автограф находится в Гос. Публичной Библиотеке в бумагах Жуковского. Дата заседания—июнь 1817.

Яценко, Григорий Максимович, ум. в 1852 г.—редактор «Духа Журналов», педагог, переводчик и публицист.

Вдыхалов—князь Петр Иванович Шаликов (1768—1852), поэт и беллетрист, один из самых неудачных представителей сентиментального направления. Печатал свои произведения в «Приятном и полезном препровождении времени», «Иппокрене», «Аонидах», «Патриоте», «Московском Меркурии», «Вестнике Европы», «Сыне Отечества» и др. Издавал журналы: «Московский Зритель», «Аглая», «Дамский Журнал» и в течение двадцати пяти лет был редактором казенных «Московских Ведомостей». Маляр Демид арзамасец—остается нераскрытым, м. б. Карамзин, если ссылаться на слова «Важный маляр—арзамасец», т. е. важный художник. Что касается имени Демид, оно, может быть нарицательно, так как, возможно, перенесено с управляющего, Демида Муромцева, ведавшего всеми делами П. А. Вяземского: таким образом получается—важный художник в свите Словесности, управляющий ее делами.

Князь Тюфякин, Петр Иванович (1769—1845), директор императорских театров.

«Вести о курах с лицом человечьим»—Описание курицы, имеющей в профиль фигуру человека. Книга Г. Фишера.

65. Стихотворный отчет В. А. Жуковского о несостоявшемся заседании Арзамаса, печатаемый с автографа, занимает лист сто одиннадцатый тетради «Арз. Прот.».

66. Стихотворный отчет В. А. Жуковского о совещании членов Арзамаса—(«не в счет заседаний обычных») по поводу нового устава, печатаемый с автографа, занимает лист сто двадцатый тетради «Арз. Прот.».

67. Письмо Д. В. Дашкова к членам Арзамаса, печатаемое с автографа, занимает лист сто тринадцатый тетради «Арз. Прот.».

68. Стихотворный отчет В. А. Жуковского о совещании членов «Арзамаса»—по поводу нового устава, печатаемый с автографа, занимает лист сто четырнадцатый тетради «Арз. Прот.». Дата совещания—около 14 июля 1817.

Нагибин, Николай Иванович,—чиновник канцелярии Синода, затем Департамента Народного Просвещения, умер в 1819 г. Из переписки А. И. Тургенева и П. А. Вяземского видно, что он исполнял различные поручения обоих.

69. Протокол двадцать второго заседания Арзамаса, писанный рукою В. А. Жуковского, занимает лист сто пятнадцатый тетради «Арз. Прот.». Дата заседания—август 1817.

Статный Лебедь—возможно, Никита Михайлович Муравьев (1796—1843), в это время подпоручик гвардейского генерального штаба, член Союза Спасения, впоследствии один из вождей Северного тайного Общества, осужденный в 1826 г. по I разряду. Более определенно документами засвидетельствовано, однако, другое прозвище Н. М. Муравьева в «Арзамасе»—Адельстан.

«Арфакад»—халдейская повесть. Издание козловского однодворца Петра Захарьина (Москва, 1793). Арфакад—герой повести.

70. «Список избранным арзамасцам», сделанный рукою В. А. Жуковского, печатается с оригинала, занимающего листы сто пятнадцатый и сто шестнадцатый тетради «Арз. Прот.».

71. «Всепокорнейшее завывание» В. А. Жуковского—по поводу необходимости оказания помощи поэту А. Мещевскому, печатается с оригинала, занимающего лист сто двадцать первый тетради «Арз. Прот.».

А. Мещевский (дата рождения неизвестна, умер в нач. 20-х гг.)—начал писать стихи еще воспитанником Московского Университетского Пансиона. Печатался в «Утренней Заре» и в «Вестнике Европы», в 1817 году издал поэму «Наталья боярская дочь». Некоторые его произведения вошли в «Собрание русских стихотворений», в «Пантеон русской поэзии» и в «Собрание образцовых русских сочинений и переводов», по смерти были напечатаны в «Новостях русской литературы». Мещевский ценился современниками, как даровитый поэт. Неизвестно, за что был отдан в солдаты и жил в Оренбурге.

О Мещевском упоминается в «Записках» А. С. Шишкова, который в письме к Александру I писал, что цензор принес ему стихи, присланные под заглавием: «Послание к артельным друзьям»; год—1817, имя сочинителя—Мещевский. Слова «артельные друзья», по мнению Шишкова, показывают, что стихи писаны не ко всем читателям, а к неизвестному тайному обществу; год же 1817—тот самый, в который стали печатать книги, направленные «против веры и правительства». Далее Шишков пишет, что он имел объяснение с журналистом Воейковым, которого спрашивал о Мещевском и о том, как смели принять эти стихи. Воейков отвечал, что Мещевский умер, оставив у него свои сочинения. Шишков заключает свое письмо: «Всемиловитнейший государь, везде, в Сенате, в Совете, в Комитете гг. министров, в публике и при самом дворе, дух сей находит защиту и покровительство».

Переписка Жуковского с А. И. Тургеневым и последнего с Вяземским дополняет письмо Жуковского в Арзамас. Еще в начале 1817 года из Дерпта Жуковский писал Тургеневу: «Милые друзья, надобно помнить и о том, что ближе к Арзамасу: Мещевский в Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете в Петербурге. Если вы не собрались еще о нем вспомнить от рассеянности, то это срам и ребячество. Если же от холодности к его судьбе, то это... что это? Я не знаю, как назвать это...»

В ряде следующих писем Жуковский говорит о необходимости помощи Мещевскому и о том, чтобы были приняты меры к напечатанию поэмы Мещевского: «Наталья, боярская дочь». Он пишет к Карамзину, к Кавелину и в Арзамас: «Мещевский должен быть приемш Арзамаса... Сде-

лано-ли или принято какое-нибудь намерение сделать что-нибудь для Мещевского по тому плану, который я доставил Кавелину. . . Вы собираетесь сделать сбор для напечатанья Мещевского поэмы: хорошо. Но скоро ли вы соберетесь? Послать ли эти деньги Мещевскому, а поэму продать — это скорее. . . В Сибири терпение тяжелее, чем в Москве, и в Дерпте, и в Петербурге».

«Всепокорнейшее завывание», направленное в Арзамас, несмотря на шуточный тон, говорит о крайнем раздражении Жуковского. Он называет Арзамас — храминой арзамасской Беседы и как в письмах к Тургеневу пишет о судьбе Мещевского и о напечатаньи его поэмы.

Сообщение Тургеневу, что письмо это читали в Арзамасе, вызывает еще большее раздражение Жуковского: «Вы читали в Арзамасе мое письмо? Поздравляю вас. Да что же вы сделали? Как не взбеситься, подумав, что десять человек добрых, имеющих чувство и дружных между собою, не могут найти свободной минуты, чтобы подумать о судьбе несчастного человека, ожидающего от них помощи и, может быть, спасения. Не стыдно ли вам, что я принужден писать к вам десять писем об одном и том же деле, которое вам бы и без просьбы надобно было делать, и писать по пустому?».

Очевидно, организация помощи пошла от Вяземского, так как в письме к А. И. Тургеневу он писал о Мещевском: «Приложим единодушные старанья. Что соберешь денег для него, доставь ко мне, а я перешлю ему. Надобно вытаскать его из бездны».

Позже, в 1819 году, Вяземский не терял из вида Мещевского и тому же Тургеневу писал: «Жуковский слышал ли что-нибудь о Мещевском? Нельзя ли между донесениями о луне (см. Стихотворное донесение о луне импер. Марии Федоровне) втереть донесение и о несчастьи? Поговорим с ним».

Дальнейшая судьба Мещевского и обстоятельства его смерти неизвестны. Ср. справку Ф. Шипулинского в «Искусстве» 1927, кн. II — III, стр. 171 — 198.

72. Записка П. А. Вяземского по поводу Журнала Арзамаса, печатаемая с оригинала, занимает листы сто двадцать второй и сто двадцать третий тетради «Арз. Прот.».

Горчаков, Дмитрий Петрович (1758 — 1824), сатирик, член Беседы Русского Слова.

Новиков, Николай Иванович (1744 — 1818), журналист и общественный деятель, либеральный масон, организатор «Дружеского Ученого Общества» (1779) и «Типографической компании» (1784), для издания и распространения массовой общеобразовательной литературы. Заподозренный в политической неблагонадежности был в 1792 г. арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость.

«Московский Журнал» издавался Н. М. Карамзиным в 1791 — 1792 годах.

«Mercure de France» — один из старейших французских журналов, основан Visé в 1672 г., прекратил существование в 1825 г. В 1799 г. был приостановлен, вновь возник в 1814 г.

«Живописец» издавался Н. И. Новиковым в Петербурге в 1772 — 1773 годах.

«J'ai fait un peu de bien: c'est mon meilleur ouvrage» — сентенция Вольтера («А Нога», 1772).

73 Речь Д. Н. Блудова при вступлении в «Арзамас» К. Н. Батюшкова печатается с оригинала, хранящегося в Пушкинском Доме.

Заседание это происходило, очевидно, 27 августа 1817 г. у А. И. Тургенева, который в письме к П. А. Вяземскому от 28 августа 1817 года писал: «Вчера был у меня многолюдный Арзамас, в коем присутствовали два новые превосходительства: Ахилл (Батюшков) и Плещеев». Протокол этого заседания до нас не дошел.

Ахилл — Батюшков, Константин Николаевич (1787 — 1855), выбран в члены Арзамаса еще на первом заседании (14 октября 1815 г.) вместе с П. А. Вяземским «par acclamation».

Ежова, Екатерина Ивановна (1788 — 1836), артистка, гражданская жена кн. А. А. Шаловского.

«Стерляди Шексны». — У К. Н. Батюшкова было имение, село Хантоново в Череповецком уезде Новгородской губ., недалеко от Шексны.

«Сладостная гармония». — Батюшков присылал Арзамасу свои литературные труды.

«Безвредное чудовище Беседы» — ее секретарь и непременимый секретарь Российской Академии — П. И. Соколов.

«Две Академии» — Российская Академия и Академия Наук (до 1841 г. не соединенные).

«Где вещей Чу, где Асмодей» — Д. В. Дашков находился в Константинополе, а П. А. Вяземский в Варшаве.

74. Речь Д. В. Давыдова при вступлении в «Арзамас», отсутствующая в тетради «Арз. Прот.», печатается нами по тексту «Сочинений Д. В. Давыдова» (т. III, СПб. 1893, стр. 236 — 238).

75. Проект Устава Арзамаса, отсутствующий в тетради «Арз. Прот.», печатается по копии, писанной писарским почерком нач XIX в. и хранящейся ныне в Гос. Публичной Библиотеке.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Август, римский император 268.
Авия, царь иудейский 91, 94.
Аглая, журнал 290.
Адрес-Календарь 208.
Азиатский музыкальный журнал 288.
Академические Известия 151, 152, 200.
Академия Наук 22, 243, 260, 262, 272, 283, 293.
Академия Наук Французская 28, 92, 275.
Академия Российская 7, 22, 27, 28, 36, 46, 48, 50, 56, 57, 66, 69, 72, 78, 82—84, 86, 114, 123, 127, 131, 144, 146, 161, 162, 168, 174, 176, 180, 190, 197, 198, 208, 214, 217, 218, 220, 221, 228, 239, 240, 242—244, 259—261, 265, 267, 269—275, 277, 279, 282, 283, 287—289, 293.
Академия Художеств 7, 26, 219, 289.
Александр I, император 13, 54, 59, 61, 66, 266, 270, 285, 291.
Амфнон, журнал 131, 271.
Анастасевич, Василий Григорьевич 41, 147, 276.
Английский Клуб в Москве 213.
Английский Клуб в Петербурге 87, 122, 123.
Анна Ивановна, императрица 282.
Анненков, Павел Васильевич 5, 61.
Аониды, журнал 281, 290.
Арапов, Пимен Николаевич 25.
Аракчеев, Алексей Андреевич 216, 288.
Арзамас, г. 26, 28, 69.
Арзамас, общество *passim*.
Арзамас, общество в Москве 56—58, 166, 280.
Арзамасская Академия 26.
Арно, французский писатель 270.
Афеней Московский. См. Общество Любителей Русской Словесности в Москве.

Бакунин, Михаил Михайлович 25.
Бакунина, Варвара Ивановна 25, 92, 263.
Бакунины 51.
Бартенев, Петр Иванович 36, 47, 61, 121.
Батилл, римский поэт 120, 268.
Батюшков, Константин Николаевич (Ахилл) 8, 21, 24, 30, 32—35, 37, 39, 43, 44, 56, 57, 62, 64, 65, 69—72, 127, 165, 167, 170, 173, 174, 188, 199, 215, 216, 234, 237, 242—244, 260, 261, 263, 264, 267, 269, 273, 277, 279—283, 286, 288, 289, 292, 293.
Беседа Любителей Русского Слова—*passim*.
Беседа Московская. См. Общество Любителей Рус-

ской Словесности в Москве.
Библиейское Общество 278, 288.
Беликович, Теофила Осиповна 115, 267.
Библиотека Публичная 7, 15—16, 21, 23, 31, 36, 43, 47, 49, 55, 87, 168, 188, 191—194, 198, 208, 260, 283, 284, 289, 293.
Бирон, Эрнест Иоганн, герцог Курляндский 180, 282.
Благой, Дмитрий Дмитриевич 17, 20.
Блудов, Дмитрий Николаевич (Кассандра) 8—10, 15, 17—21, 25, 26, 28—37, 39—41, 43, 45, 48, 54, 55, 57, 58, 61, 64—72, 82, 84—86, 88—90, 102, 103, 109—112, 115—119, 125—127, 130, 132—135, 139, 140, 142, 146, 147, 152, 155—157, 161—163, 165, 166, 168, 171, 172, 175—177, 180—182, 187—191, 194—198, 204, 206, 210, 215, 217, 218, 220, 223—225, 227—229, 230, 233, 234, 237, 238, 242, 260, 261, 263, 264, 267, 269, 270, 273, 274, 276, 278—283, 285, 287—289, 293.
Бомарше, французский писатель 285.
Бортнянский, Дмитрий Степанович, композитор 22.
Буало-Депрео, французский сатирик 151, 277.
Булгарин, Фаддей Венедиктович 268.
Бунина (Бундурова, Дидона, Сафо), Анна Петровна 41, 48, 50, 54, 119—122, 124, 125, 200, 209, 267—269, 276, 286.
Бюффон, граф, естествоиспытатель 110, 115, 267.

Вестник Европы, журнал 268, 270, 275, 279, 290, 291.
Вестник Общества Любителей Словесности (Михайловское общество), журнал 131.
Вестник С.-Петербургский, журнал 260.
Вигель, Филипп Филиппович (Ивиков Журавль) 5, 15, 17, 18, 25, 29, 33, 35, 36, 38, 39, 41, 43, 50, 55—57, 63, 65—68, 71, 72, 87, 89, 90, 102, 103, 110, 112, 113, 116—119, 125—127, 132—135, 140, 142, 147, 152, 161, 165, 166, 172, 175—177, 181, 182, 187—191, 196—198, 202—204, 215, 223, 224, 229, 231, 233—234, 238, 261, 262, 267, 271, 273, 275, 276, 280, 281, 285, 287.
Vise, французский писатель 292.
Виргилий, римский поэт 114, 121, 144, 150, 153, 221, 265, 268, 270.
Висковатов, Степан Иванович (Халов) 101, 219, 266, 277, 289.
Воейков, Александр Федорович (Дымная Печурка или Две огромные руки) 29, 32, 41, 46, 60, 64, 70, 72, 118, 188, 216, 233, 234, 262, 268, 271, 276, 281, 284, 287, 291.
Военные Ведомости См. Русский Инвалид.
Вольно-Экономическое Общество 122, 269.
Вольтер, философ 10, 95, 114, 241, 264, 277, 292.
Вяземский, Петр Андреевич (Асмодей) 12, 19, 21, 24—26, 28—37, 39—41, 43, 45, 49—52, 56—65, 67—72, 90, 116, 124, 134, 135, 139, 140, 147, 148, 153, 156, 157, 159, 162, 165, 168, 173, 174, 205, 215, 216, 223, 224, 227—229, 233, 234, 237, 239, 243, 259—262, 264, 267, 271—274, 276—281, 283, 284, 286, 287, 290—293.

Гавиньи 36, 141, 161, 163, 197, 275.
Галахов, Алексей Дмитриевич 5.
Галинковский, Яков Андреевич 100, 265.
Гебель, немецкий поэт 70.

Гезнод, греческий поэт 137, 272.
Гердер, немецкий писатель 31, 39, 41, 70, 112, 126, 267.
Геснер, немецкий поэт 270.
Гете 70.
Геттингенский университет 284.
Глазунов, Иван Петрович, книгопродавец 78, 120, 124; 151, 157, 179, 186, 193, 198, 218, 260, 278.
Глинка, Сергей Николаевич 278.
Гнедич, Николай Иванович 10, 23, 24, 48, 129, 191, 199, 200, 202, 203, 207, 215—217, 265, 269, 270, 283—288.
Голенищев-Кутузов, Павел Иванович (Картузов) 7, 12, 25, 41, 49, 50, 59—61, 135—140, 167, 173, 227, 263, 271, 272, 279, 283, 286.
Гомер, греческий поэт 114, 150, 192, 193, 201, 203, 217, 283, 284, 287, 289.
Гораций, римский поэт 130, 150, 199, 270, 272.
Горчаков, Дмитрий Петрович 240, 292.
Горюшкин, Захарий 194, 285.
Грей, английский поэт 137, 272.
Грессе, французский поэт 23, 83, 261.
Греч, Николай Иванович 16, 55, 194, 195, 208, 213, 268, 284, 285.
Гримм, барон Фридрих-Мельхиор 278.
Грузинцев, Александр Николаевич 264.
Давид, царь иудейский 82, 91, 261.
Давыдов, Денис Васильевич (Армянин) 21, 39, 46, 47, 56, 71, 234, 244, 261, 273, 293.
Даль, Владимир Иванович 261.
Дамский журнал 290.
Данте 144, 275.
Дашков, Дмитрий Васильевич (Чу) 24, 25, 27, 31, 34, 38, 39, 41—43, 48—52, 54—60, 64, 67—72, 77, 78, 81, 82, 84—86, 88—90, 94—96, 101—104, 110—112, 116—119, 122, 123, 125—127, 130, 132—135, 139, 140, 144, 165, 168, 173, 175, 177, 189—191, 195, 197, 198, 202, 205, 206, 212, 215—220, 230, 234, 237, 238, 259, 261—264, 266, 267, 269, 270, 272, 273, 275, 276, 279—281, 285, 288—290, 293.
Дезюльер, французская поэтесса 270.
Делиль, французский поэт 96, 142, 275.
Депрео. См. Буало-Депрео.
Державин, Гавриил Романович 8, 12, 13, 22, 23, 49, 55, 129, 131, 177, 184, 201—203, 208, 266, 269, 270, 277, 286, 288.
Дерптский университет 112.
Дмитриев, Иван Иванович 35, 36, 69, 129, 131, 141, 218, 271, 275.
Дмитриев, Михаил Александрович 26.
Драматический журнал 276.
Дружеское Ученое Общество 292.
Дух жуналов, журнал 204, 208, 287, 290.
Дух просвещения, журнал 272.
Ежова, Екатерина Ивановна 242, 263, 293.
Екатерина II (Фелица), императрица 129, 201.
Екатерина Павловна, королева вюртембергская 266.

Жанлис, французская писательница 270.
Живописец, журнал 292.
Жильбер, французский сатирик 272.
Жихарев, Степан Петрович (Громобой) 25, 32, 37—39, 43, 48, 49, 51, 55—57, 64, 67, 71, 72, 83—90, 97, 98, 100, 102, 103, 110, 112, 116, 118, 119, 133, 135, 140, 142, 147, 153, 156, 161, 165, 166, 172, 173, 175, 176, 205, 206, 213, 216, 223, 224, 229, 234, 238, 261, 262, 265, 279, 280, 288.
Жуи, французский писатель 208, 288.
Жуковский, Василий Андреевич (Светлана) 10, 15, 18, 19, 21, 24—39, 41, 43, 45—50, 52—63, 64, 68—72, 78, 81, 83—86, 88—90, 97, 102, 103, 110, 112, 115, 116, 119, 123, 125—127, 132—135, 139, 140, 142, 147, 148, 152, 157, 160, 163, 165, 166, 174, 176, 177, 181, 182, 187, 188, 190, 191, 195—197, 199, 201, 203, 204, 208, 214, 216, 221, 223, 224, 228, 229, 230, 233, 234, 237, 239, 243, 259—263, 265—282, 286—292.
Журнал Арзамасский 17—19, 37, 62, 64, 65, 68—72, 227, 246, 247, 252, 255, 256.
Журнал для милых 276.
Журнал министерства народного просвещения 280, 281.
Journal de St.-Petersbourg, ранее Conservateur Impartial, газета 262.
Загоскин, Михаил Николаевич (лягушенок) 102, 103, 266, 287.
Заикин, книгопродавец 151, 278.
Захаров, Иван Семенович 22, 41, 48, 50, 52, 54, 55, 61, 94, 104, 127—130, 206—208, 263, 266, 267, 270, 288.
Захарьин, Петр 291.
Зегельхен, переплетчик 34, 63.,
Иван Васильевич IV, царь 197, 279.
Иванов, Федор Федорович 271.
Известия Академические 143, 151, 152, 198, 286.
Инвалид. См. Русский Инвалид.
Иов, праотец 93, 223, 289.
Ионафан, сын царя Саула 145.
Ипокрена, журнал 290.
Искусство, журнал 292.
Исторический Музей в Москве 63.
Кавелин, Дмитрий Александрович (Пустынник) 27, 42, 43, 49, 56, 64, 71, 72, 175—177, 178—182, 185, 187, 189—191, 194, 195, 197, 206, 223—224, 229, 232, 233, 234, 237, 238, 281, 282, 285, 292.
Калонн, французский министр финансов 48, 125, 269.
Кантемир, Антиох Дмитриевич 32, 188, 279, 283.
Капнист, Василий Васильевич 217, 289.
Капнист, Семен Васильевич 101, 265.
Каподистриа, Иван Антонович 36.
Карабанов, Петр Матвеевич 78, 94, 128, 129, 145, 179, 260, 263, 282.
Карамзин, Николай Михайлович 7, 8, 12, 20, 23, 25, 29—33, 35, 36, 41, 50, 59—62, 69, 71, 129, 135, 158—160, 175, 177, 181, 187,

189, 197, 221, 225, 240, 259, 261, 262, 271 — 274, 279, 280, 286, 290 — 292.
Катулл, римский поэт 272.
Каченовский, Михаил Трофимович 23, 61, 66, 151, 270, 275, 279.
Кашкин, Василий Тимофеевич 99, 265.
Какин, Петр Андреевич 128, 270.
Кирпичников, Александр Иванович 69.
Кобяков, Петр Николаевич 101, 265.
Козодавлев, Осип Петрович 287.
Кокошкин, Федор Федорович 51.
Conservateur Impartial. См. Journal de St.-Petersbourg.
Корсаков, Петр Александрович 101, 266, 287.
Краснопольский, Николай Степанович 101, 265.
Красовский, Александр Иванович 191, 283, 284.
Кребильон, французский писатель 265, 282.
Крылов, Иван Андреевич 12, 70, 128, 133, 142, 165, 190, 194, 208, 218, 238, 270, 271, 275, 278, 279, 284.
Кузницын, Александр Петрович 281.
Курганов, Николай Гаврилович 199, 286.
Кутузов Смоленский, Михаил Иларионович 277.
Лабзин, Александр Федорович 114, 121, 240, 268.
Лагарп, Жан-Франсуа, французский поэт 24, 50, 104, 144, 266, 276.
Лафонтен 189.
Левек, французский историк 160, 280.
Леклерк, французский историк 160, 280.
Литературная Газета, журнал 271.
Лифанов, Евграф 101, 265.
Лобанов, Михаил Евстафьевич 128, 194, 203, 270, 285.
Лобаржевская. См. Шишкова.
Ломоносов, Михаил Васильевич 201.
Лонгинов, Михаил Николаевич 289.
Лонжьер, французский писатель 285.
Лукницкий, Аристарх Владимирович 100, 101, 265.
Львов, Павел Юрьевич 52, 99, 104, 123, 128, 129, 131, 157, 170, 179, 265, 266, 278, 281, 282.
Львов, Федор Петрович 87, 262, 270.
Людовик XIV, король французский 264.
Магницкий, Михаил Леонтьевич 281, 286.
Магомет, пророк 193.
Майков, Леонид Николаевич 5, 22.
Макаров, Михаил Николаевич 147, 276.
Марин, Сергей Никофорович 263.
Мария-Антуанета, королева французская 269.
Мария Федоровна, императрица 292.
Маркелл, повар 166 — 167.
Махмуд, султан 198.
Мерзляков, Алексей Федорович 140, 153, 271.
Мещевский, А. 70, 238 — 239, 291, 292.
Мильтон, английский поэт 120.
Михайловское Общество. См. Общество Любителей

Словесности, Наук и Художеств.
Модный Вестник, журнал 288.
Моисей, праотец 68, 93, 193, 225.
Мольер 95, 144, 264.
Монтескье 32, 188, 279, 283.
Mogellet, аббат, французский писатель 26.
Морозов, Петр Осипович 52.
Московские Ведомости, газета 290.
Московский Журнал 138, 240, 292.
Московский Зритель, журнал 290.
Московский Курьер, журнал 276.
Московский Меркурий, журнал 290.
Московский Наблюдатель, журнал 285.
Московский Телеграф, журнал 271.
Московский Университет 50, 139, 147, 270, 272.
Московский Университетский Пансион 262, 281, 284, 291.
Муравьев, Никита Михайлович (Адельстан) 14, 15, 20, 21, 46, 65, 70, 71, 73, 291.
Муравьев-Апостол, Иван Матвеевич 130, 216, 269, 270, 286, 288.
Муромцев, Демид Федорович 290.
Мурузи, княжеский дом в Молдавии 198.

Нагибин, Николай Иванович 230, 290.
Наполеон I Бонапарт, император 107, 190, 200, 202, 203, 267.
Нартов, Андрей Андреевич 123, 269.
Незеленов, Александр Ильич 61.
Некрасов, Николай Алексеевич 54.
Нелединский-Мелецкий, Юрий Александрович 36, 71, 131, 270.
Николай I, император 266.
Новиков, Николай Иванович 69, 240, 292.

Общество Любителей Российской Словесности в Москве (Московская Беседа, Афедей) 56, 137, 140, 145 — 147, 150, 173, 221, 272, 273, 275, 289.
Общество Любителей Словесности, Наук и Художеств (Михайловское Общество) 78, 131, 190, 195, 217, 221, 260, 264, 271, 276.
Общество поощрения художеств 270.
Овидий, римский поэт 243, 272.
Озеров, Владислав Александрович 24, 25, 117, 202, 261, 279.
Оленин, Алексей Николаевич 219, 284, 289.
Олин, Валериан Николаевич 203, 287.
Орден русских рыцарей 14.
Орлов, Михаил Федорович (Рейн) 14 — 21, 34, 35, 37, 42, 45, 49, 52, 61, 63 — 68, 70 — 73, 196, 204 — 206, 209, 210, 215, 218, 221, 223, 224, 227 — 230, 233, 234, 237, 243, 285, 287 — 289.
Орлов, Я 194, 285.
Оссиан, легендарный английский поэт 270, 282.
Остафьевский Архив 44, 275, 280.
Отчеты Публичной Библиотеки 71, 274.

Палиссо, французский писатель 281.
Палицын, Александр Александрович 217, 289.
Патриот, журнал 290.
Педагогический Главный Институт 281.
Пезаровиус, Павел Петрович 214, 288.
Перец, Абрам Израилевич 180, 282.
Периодическое Издание, журнал 260.
Петербургский Вестник, журнал 260.
Петербургский Университет 281.
Петр I, император 149, 264, 266.
Петров, Василий Петрович 201, 286.
Пиксанов, Николай Кириакович 22.
Пиндар, греческий поэт 137, 138, 264, 272.
Писарев, Дмитрий Иванович 5.
Писемский, Павел Петрович 36, 110, 267.
Платон, греческий философ 174.
Плащев, Александр Александрович (Черный Вран) 32, 33, 45, 46, 57, 64, 72, 176, 234, 237, 282, 293.
Покровский, Михаил Николаевич 14.
Полетика, Петр Иванович (Очарованный Челнок) 34, 35, 41, 46, 71, 72, 118, 119, 126, 127, 132, 161, 162, 215, 216, 237, 268.
Политковский, Гавриил Герасимович 100, 127—128, 179, 265.
Попов, Василий Степанович 157, 278.
Потемкин, Сергей Павлович 101, 265.
Потемкин-Таврический, Григорий Александрович 260.
Приятное и полезное препровождение времени, журнал 290.
Протасова, Варвара Петровна 216, 288.
Пустынный, журнал. См. Русский Пустынный.
Пустынный французский, журнал 208.
Пучкова, Екатерина Наумовна 168, 281.
Пушкин, Александр Сергеевич (Сверчок) 5, 9, 11, 21, 30, 34, 35, 46, 47, 54, 61, 62, 70—72, 237, 260, 268, 270, 271, 277—279, 281, 283, 284.
Пушкин, Василий Львович (Вот, Вотрушка, Вот я Вас опять, Староста) 8, 11, 13, 24, 26, 28, 29, 32—34, 39—41, 43, 51, 55, 56, 59, 62, 67, 70, 71, 135, 141—146, 148, 150, 152—152, 159, 162—168, 171—175, 183, 184, 203, 205, 216, 234, 261, 262, 271—278, 280—282.
Пушкинский Дом 21, 39, 45, 57, 267, 293.
Пыпин, Александр Николаевич 5.
Радищев, Александр Николаевич 11, 71.
Разумовский, Алексей Кириллович 7, 59.
Расин 114, 128, 151, 270, 272, 277.
Риттер, домовладелец 33.
Ротру, французский драматический писатель 209, 288.
Румянцов, Николай Петрович 51, 216, 288.
Румянцовский Музей 288.
Рунич, Дмитрий Павлович 281.
Русская Старина, журнал 52, 63, 69.
Русский Архив, журнал 52, 275—277.
Русский Вестник, журнал 157, 278.
Русский Инвалид (Военные Ведомости) 214, 215, 230, 288.

Русский Пустынный, журнал 204, 208, 287, 288.
Руссо, Жан-Жак 114, 270.

Саитов, Владимир Иванович 260.
Салтыков, А. Н. 36.
Салтыков, Михаил Александрович 33, 35—36, 63, 175, 181, 187, 189, 223, 229, 230, 233, 234, 281.
Сафо, греческая поэтесса 272.
Свиньин, Павел Петрович 122, 259.
Священный Союз 13, 14.
Северин, Дмитрий Петрович (Резвый Кот) 15, 34, 40, 41, 43, 64, 67, 71, 72, 118, 119, 126, 127, 132—135, 140, 142, 143, 153, 156, 160—162, 168, 171, 172, 175—177, 181, 182, 187, 189, 198, 204—206, 210, 215, 229, 230, 233, 234, 237, 238, 268, 273—275, 282, 288.
Северная Почта, газета 66, 205, 208, 215, 287.
Северная Пчела, газета 208, 284.
Северное Общество Декабристов, 14, 73, 291.
Северные Цветы, альманах 259.
Северный Меркурий, журнал 265.
Сидоров, Евгений Александрович 22, 25, 61, 62, 280, 281.
Сиейс, французский государственный деятель 60.
Сионский Вестник, журнал 268.
Сладковский, Роман 264.
Смоллетт, английский романист 270.
Современник, журнал 30, 271.
Соколов, Петр Иванович 45, 57, 94, 101, 151, 203, 207, 243, 244, 263, 272, 277, 279, 287, 288, 293.
Соломон, царь иудейский 91, 95, 264.
Соляков, Василий Степанович, книгопродавец 185, 283.
Союз Благоденствия (ранее Союз Спасения) 14, 73, 284, 285, 291.
Сперанский, Михаил Михайлович 13.
Станевич, Евстафий Иванович (Студевич) 168, 217, 281.
Староверов, М., книгопродавец 230.
Статный Лебедь 45, 46, 233, 234, 237.
Стоюнин, Владимир Яковлевич 268.
Ступин, Александр Васильевич, живописец 26.
Суворов, Александр Васильевич 95, 218, 264, 282.
Сын Отечества, газета 16, 25, 52, 55, 77, 122, 124, 147, 193, 194, 196, 199, 204, 208, 213, 259, 264, 268, 284, 285, 290.
Süssmilch, экономист 193, 284.

Тассо, Торквато, 150, 151, 168, 270, 277.

Тацит 221.

Теофила. См. Беликович.

Теряев, Павел 265.

Тибулл, римский поэт 137, 272.

Типографическая Компания 292.

Тиханов, Павел Никитич 23.

Томас, французский писатель 270.

Тредьяковский, Василий Кириллович 11, 23, 157, 158, 213, 275, 276.

Треска, барон 59.

Тургенев, Александр Иванович (Эолова Арфа) 18, 19, 25, 26, 31—37, 40, 41, 43, 45, 49—52, 55—59, 61—72, 83, 84, 88—90, 101, 103, 110—112, 116, 117, 119, 125—127, 132—135, 139, 140, 142, 147, 157—158, 160, 161, 165, 166, 171, 172, 175—177, 181, 182, 187—191, 196, 198, 203—206, 210, 215, 220, 222—225, 229, 230, 233, 234, 237, 238, 243, 244, 261, 271, 274, 276, 278—281, 283, 284, 287, 289—292.

Тургенев Иван Сергеевич 54.

Тургенев, Николай Иванович (Варвик) 14—21, 33, 35—37, 42—46, 50, 55, 62, 64, 66, 68, 70, 71, 73, 175—177, 181, 182, 187, 189—191, 194, 195, 198, 206, 215, 217, 223, 224, 229, 230, 233, 234, 237, 238, 276, 279, 282, 284, 289.

Тургеневы 262.

Тюфякин, Петр Иванович 228, 290.

Уваров, Сергей Семенович (Старушка) 15, 20, 27—30, 33, 35—37, 39—41, 43, 45, 48—50, 54, 56, 57, 60—65, 68—72, 78, 81—86, 88—90, 101, 103, 110—113, 116, 117, 119, 122—125, 127, 132—135, 139, 140, 142, 147, 152, 160, 161, 165, 166, 171, 172, 175—177, 179, 181, 182, 187—191, 195, 196, 198, 203, 206, 210, 214, 215, 220, 223, 224, 228, 234, 237, 238, 243, 260—262, 268, 269, 272—276, 280, 282, 287, 288.

Узелей, сир Гор, посланник английский в Персии 113, 267.

Украинский Вестник, журнал 288.

Улей, журнал 276.

Утренняя Заря, журнал 259, 291.

Фенелон, французский писатель 114, 270.

Феофан Прокопович 266.

Фет, Афанасий Афанасьевич 270.

Фетх-Али-шах, шах персидский 113, 267.

Филатов, Семэн Семенович 43, 56, 101, 128, 177, 263, 282.

Филимонов, Владимир Сергеевич 11.

Фишер, Григорий Иванович, естествоиспытатель 290.

Фонтан, поэт 142, 275.

Фосс, немецкий писатель 265.

Франклин, Вениамин 221, 289.

Французский Меркурий (Mercure de France), журнал 241, 292.

Халанский, Михаил Григорьевич 62.

Халов. См. Висковатов.

Хвостов, Александр Семенович (Хлыстов) 22, 39, 57, 104, 109, 114, 115, 121, 128, 140, 143, 147, 179, 263, 267, 268, 276.

Хвостов, Дмитрий Иванович (Свистов, Хлыстов) 22, 25, 39, 48, 50—53, 55, 78, 93—96, 99, 101, 102, 107, 109, 114, 115, 121, 123, 127, 131, 140, 145, 147, 152, 161, 167, 168, 179, 194, 194, 197, 199, 204, 206, 208, 217, 220, 228, 260, 264—269, 276—279, 282, 285, 286, 289.

Хвостов, Дмитрий Семенович 288.

Хвостова, Александра Петровна 213, 288.

Херасков, Михаил Матвеевич 280.

Хитрово, Александр Захарович 216, 288.

Цветник, журнал 24, 259.

Цицерон 92.

Чтения в Беседе Любителей Русского Слова 23, 34, 125, 198, 262, 282.

Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских 59.

Шаликов, Петр Иванович 228, 290.

Шапошников, П. П. 265.

Шаховской, Александр Александрович (Шутовской) 10, 13, 24—26, 39, 48, 51, 52, 78, 86, 90, 92—96, 99, 101, 104, 121, 131, 132, 135, 140, 142, 144, 145, 151—152, 159, 165—168, 179, 185, 195, 198, 200, 202, 204, 209, 215, 216, 227, 259—268, 272, 273, 275, 277, 278, 280, 281, 287, 288, 293.

Шекспир 208.

Шеллер, Александр Иванович 101, 265.

Шиллер 70.

Шипулинский, Ф. 292.

Ширинский-Шихматов, Сергей Александрович 22—24, 41, 52, 94, 104, 120, 121, 141, 150—151, 167, 199, 207, 208, 260, 263, 264, 266, 268, 270, 273, 275, 277, 286.

Шишков, Александр Семенович (Седой Дед, Фаон, Мешков, Еродий и пр.) 6—11, 13, 20, 22—24, 29, 34, 50—52, 54, 56—57, 78, 92—94, 99, 101, 104, 115, 119—124, 128—131, 135, 140, 143—145, 151, 152, 167, 168, 179, 180, 185, 196—199, 205, 209, 215—217, 219, 221, 227, 228, 242, 259, 260, 263, 266, 268—270, 275—277, 279, 281—283, 289, 291.

Шишкова (Лобаржевская) 121, 268.

Шлегель, немецкий философ и поэт 70.

Шпис, немецкий писатель 262.

Штейн, барон Генрих Карл, прусский государственный деятель 68, 224.

Экономическое общество. См. Вольно-Экономическое.

Энциклопедический Словарь 289.

Эрмитаж 192.

Jusfi, экономист 193, 284.

Яковлев, Платон Степанович 193, 284.

Якушкин, Вячеслав Евгеньевич 5.

Яценко, Григорий Максимович 228, 287, 290.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Д. Благой. Социально-политическое лицо Арзамаса</i>	5
<i>М. С. Боровкова-Майкова. Вводная статья к протоколам Арзамаса</i>	21
Протоколы Арзамаса	75
Примечания	257
Указатель имен	294